

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин

Рассказы

Как зайка летал на воздушных шариках

Маленькая девочка, ее звали Верочка, тяжело заболела. Папа ее, Федор Кузьмич, мужчина в годах, лишился, сна и покоя. Это был его поздний ребенок, последний теперь, он без памяти любил девочку. Такая была игрунья, все играла с папой, с рук не слезала, когда он бывал дома, теребила его волосы, хотела надеть на свой носик-кнопку папины очки... И вот – заболела. Друзья Федора Кузьмича – у него были влиятельные друзья, – видя его горе, нагнали к нему домой докторов... Но там и один участковый все понимал: воспаление легких, лечение одно – уколы. И такую махонькую – кололи и кололи. Когда приходила медсестра, Федор Кузьмич уходил куда-нибудь из квартиры, на лестничную площадку, да еще спускался этажа на два вниз по лестнице, и там пережидал. Курил. Потом приходил, когда девочка уже не плакала, лежала – слабенькая, горячая... Смотрела на него. У Федора все каменело в груди. Он бы и плакал, если б умел, если бы вышли слезы. Но они стояли где-то в горле, не выходили. От беспомощности и горя он тяжко обидел жену, мать девочки: упрекнул, что та – недосмотрела за дитем. «Тряпками больше занята, а не ребенком, – сказал он ей на кухне, как камни-валуны на стол бросил. – Все шкафы свои набивают, торопятся». Жена – в слезы... И теперь, если и не ругались, – нелегко было бы теперь ругаться, – то и помощи и утешения не искали друг у друга, страдали каждый в одиночку.

Врач приходил каждый день. И вот он сказал, что наступил тот самый момент, когда... Ну, словом, все маленькие силы девочки восстали на болезнь, и если бы как-нибудь ей еще и помочь, поднять бы как-нибудь ее дух, устремить ее волю к какой-нибудь радостной цели впереди, она бы скорей поправилась. Нет, она и так поправится, но еще лучше, если она, пусть бессознательно, но очень-очень захочет сама скорей выздороветь.

Федор Кузьмич присел перед кроваткой дочери.

– Доченька, чего бы ты вот так хотела бы?.. Ну-ка, подумай. Я все-все сделаю. Сам не смогу, попрошу волшебника, у меня есть знакомый волшебник, он все может. Хочешь, я наряжу тебе елочку? Помнишь, какая у нас была славная елочка? С огоньками!..

Девочкина ручка шевельнулась на одеяле, она повернула ее ладошкой кверху, горсткой, – так она делала, когда справедливо возражала.

– Еечке зе зимой бывает-то.

– Да, да, – поспешно закивал сидящей головой папа. – Я забыл. А хошь, сходим с тобой, когда ты поправишься, мульти-пульти посмотрим? Много-много!..

– Мне незя много, – сказала умная Верочка. – Папа, – вдруг даже приподнялась она на подушке, – а дядя Игой казочку ясказывай – п'о зайку... Ох, хоесенькая!..

– Так, так, – радостно всполошился Федор Кузьмич. – Дядя Егор тебе сказочку рассказывал? Про зайку?

Верочка закивала головой, у нее даже глазки живо заблестели.

– П'о зайку...

– Тебе охота бы послушать?

– Как он етай на саиках...

– Как он летал на шариках? На каких шариках?

– Ну, на саиках!.. Дядя Игой пиедет?

– Дядя Егор? Да нет, дядя Егор далеко живет, в другом городе... Ну-ка, давай, может, мы сами вспомним: на каких шариках зайка летал? На воздушных? Катался?

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Да не-ет! – У Верочки в глазах показались слезы. – Вот какой-то... Ветей подуй, он высоко-высоко поетей! Пусть дядя Игой пиедет.

– Дядя Егор-то? Он далеко живет, доченька. Ему надо на поезде ехать... На поезде: ту-ту-у! Или на самолете лететь...

– А ты яскажи?

– Про зайку-то? А ты мне маленько подсажи, я, может, вспомню, как он летал на шариках. Он что, надул их и полетел?

Девочка в досаде большой сдвинула бровки, зажмурилась и отвернулась к стене. Отец видел, как большая слеза выкатилась из уголка ее глаза, росинкой ясной перекадилась через переносье и упала на подушку.

– Доча, – взмолился отец. – Я счас узнаю, не плачь. Счас... мама, наверно, помнит, как он летал на шариках. Счас, доченька... Ладно? Счас я тебе расскажу.

Федор Кузьмич чуть не бегом побежал к жене на кухню. Когда вбежал туда, такой, жена даже испугалась.

– Что?

– Да нет, ничего... Ты не помнишь, как зайка летал на воздушных шариках?

– На шариках? – не поняла жена. – Какой зайка?

Федор Кузьмич опять рассердился.

– Француз-зайка, с рогами!.. Зайка! Сказку такую Егор ей рассказывал. Не слышала?

Жена обиделась, заплакала. Федор Кузьмич опомнился, обнял жену, вытер ладошкой ее слезы.

– Ладно, ладно...

– Прямо как преступница сию здесь... – выговаривала жена. – Что ни слово, то попрек. Один ты, что ли, переживаешь?

– Ладно, ладно, – говорил Федор. – Ну, прости, не со зла... Голову потерял – ничего не могу придумать.

– Какую сказку-то?

– Про зайку какого-то... Как он летал на воздушных шариках. Егор рассказывал... Э-э! – вдруг спохватился Федор. – А я счас позвоню Егору! Пойду и позвоню с почты.

– Да зачем с почты? Из дома можно.

– Да из дома-то... пока их допросишься из дома-то... Счас я сбегаю.

И Федор Кузьмич пошел на почту. И пока шел, ему пришла в голову совсем другая мысль – вызвать Егора сюда. Приедет, расскажет ей кучу сказок, он мастак на такие дела. Ясно, что он выдумал про этого зайку. И еще навывдумывает всяких... Сегодня четверг, завтра крайний день, отпросится на денек, а в воскресенье вечером улетит. Два с небольшим часа на самолете... Еще так думал Федор: это будет для нее, для девочки, неожиданно и радостно, когда приедет сам «дядя Игой» – она его полюбила, полюбила его сказки, замирала вся, когда слушала.

Не так сразу Федор Кузьмич дозвонился до брата, но все же дозвонился. К счастью, Егор был дома – пришел пообедать. Значит, не надо долго рассказывать и объяснять его жене, что вот – заболела дочка... и так далее.

– Егор! – кричал в трубку Федор. – Я тебя в воскресенье посажу в самолет, и ты улетишь. Все будет в порядке! Ну, хошь, я потом напишу твоему начальнику!..

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Да нет! – тоже кричал оттуда Егор. – Не в этом дело! Мы тут на дачу собрались...

– Ну Егор, ну отложи дачу, елки зеленые! Я прошу тебя... У нее как раз переломный момент, понимаешь? Она аж заплакала давеча...

– Да я-то рад душой... Слышишь меня?

– Ну, ну.

– Я-то рад бы душой, но... – Егор что-то замялся там, замолчал.

– Егор! Егор! – кричал Федор.

– Погоди, – откликнулся Егор, – решаем тут с женой...

«Э-э! – догадался Федор. – Жена там поперек стала».

– Егор! А Егор! – дозвался он. – Дай-ка трубку жене, я поговорю с ней.

– Здравствуйте, Федор Кузьмич! – донесся далекий вежливый голосок. – Что, у вас доченька заболела?

– Заболела. Валентина... – Федор забыл вдруг, как ее отчество. Знал, и забыл. И переладился на ходу: – Валя, отпусти, пожалуйста, мужа, пусть приедет – на два дня! Всего на два дня! Валенька, я в долгу не останусь, я... – Федор сгоряча не мог сразу придумать, что бы такое посулить. – Я тоже когда-нибудь выручу!

– Да нет, я ничего... Мы, правда, на дачу собрались. Знаете, зиму стояла без присмотра – хотели там...

– Валя, прошу тебя, милая! Долго сейчас объяснять, но очень нужно. Очень! Валя! Валь!..

– Да, Федор. Я это, – отозвался Егор. – Ладно. Слышь? Ладно, мол, вылечу. Сегодня.

– Ох, Егор... – Федор помолчал. – Ну, спасибо. Жду.

А у Егора, когда он положил трубку, произошел такой разговор с женой.

– Господи! – сказала жена Валя. – Все бросай и вылетай девочке сказку рассказывай.

– Ну болеет ребенок...

– А то дети не болеют! Как это – чтобы ребенок вырос и не болел.

Егору и самому в диковинку было – лететь чуть не за полторы тысячи километров... рассказывать сказки. Но он вспомнил, какой жалкий был у брата голос, у него слезы слышались в голосе – нет, видно, надо. Может, больше надо самому Федору, чем девочке.

– Первый раз собрались съездить... – капала жена Валя. – Большаковы вон ездили, говорят, у них крыша протекла. А у нас крыша-то хуже ихней...

– Ну так бы и сказала ему! – вскипел Егор. – Чего ты ему так не сказала?! Чего ты... Уже ж посулился, нет, давай душу теперь травить!

– Ладно, не ори – душу ему растравили. Что я, голоса лишенная, – свое мнение высказать?

– Да чего ты ему-то не высказала? Высказала бы ему. А то... туда же, посочувствовала: «У вас доченька заболела?» – Не злой был человек Егор, но передразнивать умел так до обидного похоже, так у него это талантливо выходило, что люди нервничали и обижались. Тем и оборонялся Егор в жизни. Потому, наверно, и сказки-то мастер был рассказывать: передразнивал всех зверей, злых и добрых, а особенно смешно передразнивал вредную бабу-ягу.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Ехай, ехай! – махнула рукой жена Валя. – Ехай, ублажай там, если больше делать нечего. Какие ведь господа живут!..

– А случилось, что эти господа и тебе помогли! – Егор с укоризной посмотрел на жену. – Забыла?

Жена Валя ушла в другую комнату, сердито хлопнув дверью. Нет, не забыла! Федор Кузьмич устроил ее дочь в институт. Как тут забудешь! Но и расстроилась она очень, и не показать этого она тоже не могла.

Егор также расстроился. Так сложились их отношения с женой, давно уж и незаметно как-то сложились, что главными в доме были – дела жены. Егор покорился этому, ибо сам не умел ни достать ничего, ни устроить путевки в дом отдыха, ни объяснить с учителями в школе... Умел только работать. Но ведь... что же? Кони тоже умеют работать. От работы одной толку мало, это Егор также давно понял и потому смирился. Иногда, правда, бунтовал, но слабо и нерешительно: вскипит, посверкает глазом да досыта наматерится в душе, и все. Так-то лучше не бунтовать вовсе, не протестовать, а то эти протесты больше только разжигают хозяйскую похоть людей крепких.

Егор еще немного сердито поторчал в комнате, взял из комода сорок рублей и ушел. «Хорошо, что не надо чемодан брать... Гостинцев бы захватить? Но... ладно: раз уж так все – с тормозами, какие уж тут гостинцы. Ладно, хоть сам поехал», – думал Егор. Маленькую Верочку стало вдруг очень жалко. Сперва – впопыхах – не совсем понял, сколь нужна, важна эта поездка, а теперь, когда поехал, понял до конца: глупо было и раздумывать. А вдруг да... Но эту мысль Егор прогнал из головы, не стал даже додумывать. Позвонил из автомата начальнику цеха (Егор был мастер-краснодеревщик, на работе его ценили), и тот беспрекословно отпустил его: знал, что Егор наверстает эти полтора рабочих дня, и даже больше.

В аэропорту, в кассе, Егору сказали, что билетов в Н-ск нету.

– Ну, может, один как-нибудь... – робко попросил он.

– Что значит «один как-нибудь»? Нет билетов, – повторили в окошечке строго.

Егор постоял, посмотрел на женщину за стеклом... И еще раз сунулся к ней:

– Мне очень нужно, девушка... А? Там это... ребенок...

– Гражданин, я же вам сказала: нет билетов. Неужели непонятно? Один ему как-нибудь...

– Да понятно-то понятно... – Егору захотелось передразнить женщину в окошечке, он бы сумел это сделать... «Э-э! – вдруг вспомнил он. – А этот-то, кому стеллажи-то делал... он же говорил: что будет нужно, обращайтесь ко мне». К счастью, Егор записал телефон того могучего товарища. Поискал в книжечке... Нашел!

Долго, подробно мусолил в трубку про маленькую племянницу, про брата, про сказки...

– Куда билет-то нужен? – вышел из терпения могучий товарищ.

– В Н-ск.

– Сразу и надо было сказать. На сегодня? Один?

– Один. На сегодня. Я уже здесь... понимаете? Я здесь, в аэропорту, а билетов, говорят, нету. Я думаю: да неужели так ни одного билета и нету? Не может же быть, думаю, такого...

– перезвоните минут через десять, – опять прервал уверенный басок.

Егор понял, что улетит сегодня.

Походил по вокзалу, подождал минут пятнадцать и позвонил.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Подойдите к кассе номер три и возьмите билет, – сказал басок.

– Вот спасибо-то! – кинулся Егор с благодарностями. – А то я уже стал сомневаться... А брат чуть не со слезами просит. У него, понимаете, это второй брак, ребеночек последний, он поэтому так переживает. Я ее тоже люблю, девочку-то, такая смышленная, все сказками интересуется...

– Ну, до свиданья, – сказали на том конце. – Счастливо долететь.

– До свиданья, – сказал Егор.

Касса номер три – это не та, куда он подходил. Если бы была та, Егор сказал бы той женщине, в окошечке... Сказал бы: «Значит, все же нашелся один билет? Эх, вы... Как же так получается, уважаемая? А сидишь – строгую из себя изображаешь, справедливую. «Вам же сказали: нет билетов!» А один звонок – и билет, оказывается, есть. Значит, так надо и говорить: «Для вас – нету». А вид-то, вид-то – не подступись! А такой же – нуль, только в пилотке». Ну, может, не так бы едко сказал... А может, и не сказал бы вовсе: правда что – нуль, чего и говорить.

...В Н-ск Егор прибыл под утро, часов в пять. А в шесть был уже у брата.

Позвонил... Открыла хозяйка, Надежда Семеновна.

– О-о! – удивилась она. – Так рано?

– С билетом удачно вышло, – радостно сказал Егор. – Прямо сразу улетел... Как Верочка-то?

– Лучше. Она еще спит. Вы потише, пожалуйста...

– Конечно! – тихо воскликнул Егор. – А Федор-то дома?

– Дома.

– Ну, мы на кухне пока посидим... Пусть он на кухню придет.

Федор пришел на кухню в халате и в шлепанцах. Сонный, большой и нелепый в этом халате, Егору даже смешно стало.

– Ты прямо как поп в ем, – сказал он, здороваясь.

Брат Федор покривил в ухмылке губы.

– Как долетел?

– Хорошо!

– А чего там жена-то? Возражала, что ли?

– Да на дачу собрались... Да ну ее!

– Что это она у тебя, командовать-то любит?

– Та-а... Чего об этом? Как Верочка-то?

– Перелом наступил. Поправится. Трухнул я тут...

– Да я уж понял.

– Давай чего-нибудь? Чаю? Или кофе? А может, что... с дороги-то?... – Смешной Федор начал соваться по шкафам. – Счас мы изобретем... Во, коньяк! Будешь?

– Давай. – Егор с интересом наблюдал за старшим братом. Раза три Федор был у Егора – не то что в гостях – проездом: всех поразил своей деловитостью, таким волевым напором, избытком сил. «Да, – подумали в провинции, – эта птица может больно клюнуть». – Давай, братка, давай. Смешной ты какой-то, – не удержался и сказал Егор. – Нормальный человек... никакой не деятель.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Ну! – недовольно молвил Федор. – Чего тут смешного-то? Халат, что ли, никогда не видал? Удобная штука, кстати.

– Да не халат... Ну, давай – со встречей. И чтоб Верочка скорей поправилась.

Братья выпили из маленьких, но каких-то очень тяжеленьких рюмочек... Помолчали.

– Как живешь-то? – спросил Федор.

– Да как... – Егор потянулся к пепельнице и рукавом пиджака свалил хрустальную рюмочку-патрон. Рюмочка пискнулась звонким краешком в гладкий стол и раскололась. – Ах ты, господи! – испугался Егор. И глянул на брата. Тот усмехнулся, прихватил осторожно пальцами рюмочку и отскочивший ее краешек и бросил в мусорную корзинку.

– Видно, с детства живет этот страх в человеке, – сказал Федор. – Вот, знаешь, Верочку же никто никогда не ругал за посуду, а один раз выронила блюдце, да так испугалась!.. Я же ее и успокаивать кинулся: ерунда, мол, чего ты так испугалась-то! Куклу уронит – ничего, а посуду... Есть, наверно, какой-то закон здесь. А?

– Наверно. Рюмка-то дорогая, черт ты возьми, – с сожалением сказал Егор. – Хрустальная.

– Да брось! – недовольно уже сказал Федор. – Хрустальная... Все равно это – вещь, и должна служить человеку. Ну, и отслужила свой век, туда ей и дорога.

Братья, пожалуй, смутно догадывались, что говорить им как-то не о чем. В прошлый приезд другое дело: дочь Егора, Нина, сдавала вступительные экзамены, начала сдавать сразу неважно, должен был вмешаться Федор... Все разговоры крутились вокруг экзаменов, института. Егор жил у Федора, очень переживал за дочь, но особенно не высывался с советами, все надежды свалил на брата и только со страхом ждал, когда наконец закончатся эти проклятые вступительные экзамены. Тогда-то он и подружился с маленькой Верочкой и вечерами выдумывал ей всякие сказки. Тогда все как-то проще было.

– Как Нина-то? – вспомнил и Федор про Нину; может, тоже подумал, что когда Нина устраивалась в институт, было хлопотно, но разговоры случались сами собой, не надо было выдумывать, о чем говорить.

– Работает в библиотеке. Я говорю: отдохни ты лучше, – покупайся вон – успеешь еще, наработаешься! Нет, лучше глянется работать. Практика, говорит, мне будет.

– Ну и пусть работает – полезней. Накупаться тоже еще успеет. Сейчас надо этот главный рубеж взять – окончить институт.

– Да ведь устают поди от учебы-то! Неуж не устают?

– Да ничего страшного нет в учебе! – напористо и поучительно сказал Федор. – Что за дикость – учебы страшиться. Уж нашему ли народу не учиться – давно и давно пора. Нет, помню, бабка фекла: «Федька, не дочитывай до конца книгу – спятишь!» Вот же понимание-то! Да почему? Черт его в душу знает, откуда этот панический страх перед книгой? Нам-то как раз и не хватает этой книги... И вот извольте: не дочитывай до конца, а то с ума сойдешь.

– А что, были же случаи...

– Да от книг, что ли?

– От книг! Парень вон у Гилевых... Игнаху-то Гилева помнишь? Вот сын его, Витька, – зачитался: тихое помешательство.

– С чего вы решили, что от книг-то?

– Читал день и ночь...

– Ну и что?

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Как же?.. Зачитался.

Федор хмыкнул с досадой, но пока не стал говорить, достал другой хрустальный патрончик, плеснул в него коньяку. И себе тоже плеснул.

– Давай. С ума они, видите ли, сходят от чтения... Ты много за свою жизнь книг прочитал?

– Я не пример.

– А кто пример? Ну, я вот: прочитал уйму книг – жив-здоров, чувствую, что мало еще прочитал, надо бы раза в три больше.

– Куда тебе больше-то? – удивился Егор. – Чего не хватает-то? Всего же вдосталь...

– Знаний не хватает! – сердито сказал Федор. – Вот чего. Вот они приходят сейчас, молодые, на смену – и поджимают. Да как поджимают! Сколько-то еще подержимся, а дальше – извини-подвинься: надо уступать. С жизнью, брат, не поспоришь.

– Не знаю... – сказал Егор. – Меня, например, никто не поджимает.

– Да тебя-то! Твое дело... не обижайся, конечно, но дело твое каждый сумеет делать. Ну, не каждый – через одного. Есть вещи сложнее...

– Ну, и надо уступать, – тоже чего-то рассердился Егор, наверно, за профессию свою обиделся. – А то и правда-то: смотришь, сидит – пень пнем, только орать умеет.

– Не торопи-ись, – с дрожью в голосе протянул Федор. – Больно прыткие! Есть еще такие понятия, как – опыт. Старшинство ума. Дачи увидели! Машины увидели!.. А не видите, как ночами приходится ворочаться от... Ты в субботу-то купаться пошел, а я сижу в кабинете, звонка жду: то ли он позвонит, то ли не позвонит. А и позвонит, да что скажет? Это ведь легче всего: в чужом кармане деньги считать. Их заработать труднее...

– Я не считаю твои деньги. Что ты?

– Я не про тебя. Есть... любители. Сам еще ночного горшка не выдумал, сопляк, а уже с претензиями. Не-ет, подожди, пусть сперва материно молоко на губах обсохнет, потом я выслушаю твои претензии. Свистуны. Мне что, на блюдечке все это поднесли? – Федор неопределенно покачал головой: то ли он имел в виду эту большую богатую квартиру, то ли адресовался дальше – дачу с машиной и с гаражом подразумевал, то ли, наконец, показал на шифоньер, где висел его черный костюм с орденами. – Тут уж я самому господу богу могу прямо в глаза смотреть: все добыто трудом. Вот так. Сам от работы никогда не бегал, но и другим... – Федор чуть сжал хрустальную рюмочку, и она вся спряталась в его огромном кулаке. Нет, крепок был еще Федор Максимов, не скоро подвинется и даст место другому. – Подняли страну на дыбы – выходи вперед, не бегай по кустам. – Федор, наверно, чуть-чуть захмелел, а может, высказывал наболевшее, благо подвернулся брат родной – должен понять. – Вот так надергаешься за день-то, наорешься, как ты говоришь, – без этого, к сожалению, тоже не обойдешься, – а ночью лежишь и думаешь: «Да пошли вы все к чертям собачьим! Есть у меня Родина, вот перед ней я и ответчик: так я живу или не так».

– Кто тебе говорит, что ты не так живешь? – сказал сочувственно Егор. – Что ты? Наоборот, я всегда рад за тебя, всегда думаю: «Молодец, Федор, хоть один из родни в большие люди выбился».

– Дело не «в больших людях». Не такой уж я большой... Просто, делаю свое дело, стараюсь хорошо делать. Но нет!.. – пристукнул Федор ребром ладони по столу, и даже не спохватился, что шумит, – найдутся... некоторые, будут совать в нос свое... Будут намекать, что крестьянский выходец не в состоянии охватить разумом перспективу развития страны, что крестьянин всегда будет мыслить своим наделом, пашней... Вот еще как рассуждают, Егор! – Федор посмотрел на брата, стараясь взглядом еще донести всю глупость и горечь такого рода рассуждений. – Вот еще с какой стороны придется отбиваться. А кто ее строил во веки веков? Не крестьянин?

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– У тебя неприятности, что ли? – спросил Егор.

– Неприятности... – Федор вроде как вслушался в само это слово. Еще раз сказал в раздумье: – Неприятности. – И вдруг спросил сам себя: – А были они, неприятности-то? – И сам же поспешно ответил: – Были, конечно. Да нет, ничего. Так я... Устал за эти дни, изнервничался. Есть, конечно, и неприятности, без этого не проживешь. Ничего! Все хорошо.

А Егору чего-то вдруг так сделалось жалко брата, так жалко! И лицом и повадками Федор походил на отца. Тот тоже был труженик вечный и тоже так же бодрился, когда приходилось худо. Вспомнил Егор, как в 33-м году, в голодуху, отец принес откуда-то пригоршни три пшеницы немолотой, шумно так заявился: «Живем, ребяташки!» Мать сварила жито, а он есть отказался, да тоже весело, бодро: «Вы ешьте, а я уж налупился дорогой – сырой! Аж брюхо пучит». А сам хотел, чтоб ребяташкам больше досталось. Так и Федор теперь... Хорохорится, а самому худо чего-то, это видно. Но как его утешить – сам все понимает, сам вон какой...

– Да, – сказал Егор. – Ну и ладно. Ничего, братка, ничего. Дыши носом.

– Что за сказку ты ей рассказывал? – спросил Федор. – Про зайку-то... Как он летал на воздушных шариках.

Егор задумался. Долго вспоминал... Даже на лице его, крупном, добром, отразилось, как он хочет вспомнить. И вспомнил, аж просиял.

– Про зайку-то?! А вот: пошел раз зайка на базар с отцом. И увидел там воздушные шарики – мно-ого! Да все разноцветные: красные, синие, зеленые... – Егор весело смотрел на брата, а рассказывал так, как если бы он рассказывал самой Верочке – не убавлял озорной сказочной тайны, а всячески разукрашивал ее и отодвигал дальше. – Вот. И привязался он к отцу, зайка-то: купи да купи. Отец и купил. Ну, купил и сам же и держит их в руке. А тут увидел: морковку продают! «На-ка, говорит, поддержи шарики, я очередь пока займу». Зайка-то, маленький-то, взял их... И надо же – дунул как раз ветер, и зайчишку нашего подняло. И понесло, и понесло! Выше облаков залетел...

Федор с интересом слушал сказку, раза два даже носом шмыгнул в забывчивости.

– Как тут быть? – спросил Егор брата. Тот не понял.

– Чего как быть?

– Как выручать зайку-то?

– Ну... спасай уж как-нибудь, – усмехнулся Федор. – На вертолете, что ли?

– На вертолете нельзя: от винтов струя сильная, все шары раскидает...

– Ну а как?

– Вот все смотрят вверх и думают: как? А зайка кричит там, бедный, ножками болтает. Отец тут с ума сходит... И вдруг одна маленькая девочка, Верочка, допустим, кричит: «Я удумала!» Это у меня Нина, когда маленькая была, говорила: «Я удумала». Надо – я придумала, а она: «Я удумала». Вот Верочка и кричит: «Я удумала!» Побежала в лес, созвала всех пташек – она знала такое одно словечко: скажет, и все зверушки, все пташки ее слушаются – вот, значит, созвала она птичек и говорит: «Летите, говорит, к зайке и проклевывайте клювиками его шарики, по одному. Все сразу не надо, он упадет. По одному шарик прокалывайте, и зайка станет опускаться». Вот. Так и выручили зайку из беды.

Федор качнул головой, усмехнулся, потянулся к сигаретам. А чтоб не кокнуть еще одну дорогую рюмочку, прихватил другой рукой широкий рукав халата.

– Довольно это... современная сказочка. Я думал, ты про каких-нибудь волшебников там, про серого волка...

– Нет, я им нарочно такие – чтоб заранее к жизни привыкали. Пускай знают побольше. А то эти волшебники да царевны... Счас какая-то и жизнь-то не такая. Тут

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
такие есть волшебники, что...

– Да, тут есть волшебники... Целые змеи-горынычи! – засмеялся Федор.

– Не говоря уж про бабу-ягу: что ни бабочка, то баба-яга. Мы твою-то не разбудим? Громко-то...

– Бабу-ягу-то? – хохотнул опять Федор. – Ничего. У меня, Егор, даже не баба-яга, – сбавил он в голосе, – у меня нормальная тряпошница, мещанка. Но так мне, седому дураку, и надо! Знаешь... – Федор заикнулся было про какую-то свою тайну тоже, но безнадежно махнул рукой и не стал говорить. – Ладно, чего там.

Егора опять поразило, как не похож этот Федор на того, напористого, властного, каким он бывал на людях, на своих стройках...

– Что-то все же томит тебя, братец, – сказал Егор. – Давай уж... может, и помогу каким словом.

– Да ничего, – смутился Федор. И чтоб скрыть смущение, потянулся опять к сигаретам. – Я и так что-то сегодня... Размяк что-то с тобой. Все нормально, Егорша. Все хорошо. – Помолчал, глядя в стол, потом тряхнул сивой головой, с усталой улыбкой посмотрел на брата, еще раз сказал: – Все хорошо. Хорошо, что приехал... Правда. Я, знаешь, что-то часто стал отца-покойника во сне видеть. То мы с ним косим, то будто на мельнице... Старею, что ли. Старею, конечно, что же делаю. Коней еще часто вижу... Я любил коней.

– Стареем, – согласился Егор.

– Давай-ка... за память светлую наших родителей. – Федор наполнил два хрустальных патрончика коньяком. – Мы ведь тоже уже... завершаем свой круг... А? – Федор, словно пораженный этой мыслью, такой простой, такой понятной, так и остался сидеть некоторое время с рюмкой в руке – смотрел сперва на брата, потом опять в стол, в стол смотрел пристально, даже как будто сердито. Очнулся, качнул рюмочку, приглашая брата, выпил. – Да, – сказал, – разворотил ты мне душу... А чем, не пойму. Наверно, правда, устал за эти дни. Думал, никакая меня беда не согнет, а вот... Ну, ничего. Ничего, вообще-то, не жаль! – встряхнулся он и сверкнул из-под нависших бровей своим неломким прямым взглядом. – Жалко дочь малую. Но... подпояшемся потуже и будем жить. Так? – спросил брата, спросил, как спрашивал многих других днем, на работе, на стройках своих – спросил, чтоб не слушать ответа, ибо все ясно. – Так, Егорша, так. Ложись-ка сосни часок-другой, а там и Верунька проснется. А я посижу пока тут с бумажками... покумекаю. Да, – вспомнил он, – подскажи мне, чего бы такое жене твоей купить? Подарок какой-нибудь...

– Брось! – сердито воскликнул Егор.

– Чего брось? Мне сейчас будет звонить один... волшебник один... – Федор искренне, от души засмеялся. – Вот волшебник так волшебник! Всем волшебникам волшебник, у него там всего есть... Чего бы? Говори.

– Да брось ты! – еще раз с сердцем сказал Егор. – Что за глупость такая – подарки какие-то! К чему?

Федор с улыбкой посмотрел на брата, кивнул согласно головой.

– Ладно. Иди поспи. Там постель тебе приготовлена... Иди.

Егор тихонько прокрался в одну из комнат, разделся, присел на край дивана, который был застелен свежими простынями... Посидел. Огляделся... Посмотрел на окно – форточка открыта. Достал из кармана папиросы, закурил. Курил и стряхивал пепелок в ладошку. Спать не хотелось.

Вошел в комнату Федор.

– Слушай, – сказал он, – у меня чего-то серьезно душа затревожилась – наговорил тут тебе всякой всячины... Подумаешь бог знает что. А? – Федор улыбнулся. Присел рядом на диван. И даже по спине братца хлопнул весело. – У меня все хорошо. Все хорошо, я тебе говорю! Чего смотришь-то так?

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Как? Ничего... Я ничего не думаю. Что ты?

– Да смотришь как-то... вроде жалеешь.

– Ну, парень! – воскликнул Егор. – Ты что?

– Ну, тогда ладно. Поспи, поспи маленько, а то ведь не спал небось в самолете-то? Поспи.

– Ладно, – сказал Егор. – Посплю. Покурю вот и лягу.

– Мгм. – Федор ушел.

Егор осторожненько стряхнул пепел в ладонку, склонился опять локтями на колени и опять задумался. Спать не хотелось.

Ноль-ноль целых

Колька Скалкин пришел в совхозную контору брать расчет. Директор вчера ругал Кольку за то, что он «в такое горячее время...» – «У вас вечно горячее время! Все у вас горячее, только зарплата холодная». Директор написал на его заявлении: «Уволить по собств. желанию». Осталось взять трудовую книжку.

За трудовой книжкой Колька и пришел.

Книжку должен был выдать некто Синельников Вячеслав Михайлович, средней жирности человек, с кротким лоснящимся лицом, белобровый, в белом костюме. Синельников был приезжий, Колька слышал про него, что он зануда.

– Почему увольняешься? – Синельников устало смотрел на Кольку.

– Мало платят.

– Сколько?

– Чего «сколько»?

– Сколько, ты считаешь, мало?

– Шестьдесят-семьдесят... А то и меньше.

– Ну. А тебе сколько надо?

Кольку слегка заело.

– Мне-то? Три раза по столько.

Синельников не улыбнулся, не удивился такому нахальству.

– Не хватало, значит?

– Не то что не хватало, а даже совестно: руки-ноги здоровые, работать сроду не ленился, а... Тьфу! – Колька много матерился по поводу своей зарплаты, возмущался, нехорошо поминал совхозное начальство, поэтому больше толочь воду в ступе не хотел. – Все.

– И куда?

– Счас-то? Ямы под опоры пойду рыть. На тридцать седьмой километр.

– Специальность в кармане, а ты – ямы рыть. Ты же водитель второго класса...

– А что делать?

– Водку поменьше пить. – Синельников все так же безразлично, вяло, без всякого интереса смотрел на Кольку. Непонятно было, зачем он вообще разговаривает, спрашивает.

Колька уставился в кроткие, неопределенного цвета глаза Синельникова. Пошевелил

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
ноздрями и сказал (как он потом уверял всех) вежливо:

– Прошу на стол мою трудовую книжку. Без бюрократства. Без этих, знаете, штучек.

– Каких это штучек?

– Я же не на лекцию пришел, верно? Я за трудовой книжкой пришел.

– И лекцию не вредно послушать. Не на лекцию он пришел... Водку жрать у них денег хватает, а тут, видите ли, мало платят. – Странно, Синельников и теперь никак не возбудился, не заговорил как-нибудь... быстрее, что ли, злее, не нахмурился даже. – Глоты. И сосут, и сосут, и сосу-ут эту водку!.. Как не надоест-то? Очуметь же можно. Глоты несчастные.

Такого Колька не заслужил. Он выпивал, конечно, но так, чтобы «глот», да еще «несчастный»... Нет, это зря. Но странно тоже, что не слова взбесили Кольку, а этот ровный, унылый, коровий тон, каким они говорились: как будто такой уж Колька безнадежно плохой, отпетый человек, что с ним устали и не хотят даже нервничать, и уж так – выговаривают что положено, но без всякой надежды.

– Да что за мать-перемать-то! – возмутился Колька. – Ты что... чернил, что ли, выпил? Чего ты пилить-то принялся? Гляди-ка, сел верхом, и давай плешь грызть. Да ты что? Тебе что, делать, что ли, нечего, бюрократ?

Синельников выслушал все это спокойно, как на собрании; он даже голову рукой подпер, как делают, сидя в президиуме и слушая привычную, необидную критику.

– Продолжай.

– Я пришел за трудовой книжкой, мне нечего продолжать. Заявление подписано? Подписано. Давай трудовую книжку.

– А хочешь, я тебе туда статью вляпаю?

– За что? – растерялся Колька.

– За буйство. За недисциплинированность... Ма-аленькую такую пометочку сделаю, и ты у меня здесь станцуеть... краковяк. – Синельников наслаждался Колькиной растерянностью, но он даже и наслаждался-то как-то уныло, невыразительно. Колька, однако, взял себя в руки.

– За что же ты мне пометочку сделаешь?

– Сделаю пометочку, ты придешь ямы копать под опоры, а тебе скажут: «Э-э, голубчик, а у тебя тут... Нет, скажут, нам таких не надо». И все. И отполучал ты по двести рублей на своих ямах. Так что нос-то особо не задирай. Он, видите ли, лаяться будет тут... Дерьмо. – Синельников все не повышал голоса, он даже и руку не отнял от головы – все сидел как в президиуме.

– Кто? – спросил Колька. – Как ты сказал?

– Чего «кто»?

– Я-то? Как ты сказал?

– Дерьмо, сказал.

Колька взял пузырек с чернилами и вылил чернила на белый костюм Синельникова. Как-то так получилось... Колька даже не успел подумать, что он хочет сделать, когда взял пузырек... Плеснул – так вышло. Синельников отнял руку от головы. Чуть подумал, быстро снял пиджак, встал и подержал пиджак на вытянутых руках, пока чернила стекали на пол. Чернила стекли... Синельников осторожно встряхнул пиджак, еще подождал и повесил пиджак на спинку стула. После этого оглядел рубашку и брюки: пиджак не успел промокнуть, на брюки не попало.

– Так... – сказал Синельников. – Выбирай: двадцать рублей за химчистку и окраску всего костюма или подаю в суд за оскорбление действием.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Ты же первый начал оскорблять...

– Я – словами, никто не слышал, чернила – вот они, налицо. Причем, химические. – И опять Синельников говорил ровно, бесцветно. Поразительный человек! – Твое счастье, что я его все равно хотел красить. Еще не знаю, берут ли в чистку с химическими чернилами... Двадцать пять рублей. – Синельников взялся за телефон. – Решай. А то звоню в милицию.

Колька уже понял, что лучше заплатить. Но его возмутило опять, что этот законник на глазах стал нагло завышать цену.

– Почему двадцать пять-то? То – двадцать, а то сразу – двадцать пять. Еще посидим, ты до полста догонишь?..

– Пять рублей – это дорога в район: туда и обратно. Я сразу не сообразил.

– Что, по два с полтиной в один конец, что ли? Тебя за полтинник на попутной любой довезет.

– На попутной я не хочу. Туда – на попутной, а оттуда – такси возьму.

– Фон-барон нашелся!.. «На такси-и»!

– Да, на такси. Что – дико?

– Не дико, а... на дармовщинку-то выдрючиваться – неужели не совестно?

– Ты меня чернилами окатил – тебе не совестно? Что же я – за свой собственный костюм на попутных буду маяться? Двадцать пять. Пиши.

– Чего?

– Расписку.

Синельников пододвинул Кольке лист бумаги.

Колька брезгливо взял лист...

– Как писать-то?

– Я, такой-то, – полностью имя, отчество, – обязуюсь выплатить товарищу Синельникову, Вячеславу Михайловичу, двадцать пять – прописью – рублей, ноль-ноль копеек...

Колька зло усмехнулся, покачал головой.

– «Ноль-ноль копеек»!.. Командующий, мля!..

– Ноль-ноль копеек за умышленную порчу белого костюма товарища Синельникова В. М.

Колька остановился писать.

– Для чего же писать «умышленную»? Раз я добровольно соглашаюсь платить, зачем же так писать? Там где-нибудь прочитают и начнут... начнут придирааться.

Синельников подумал.

– Ладно, пиши: за порчу костюма товарища... белого костюма товарища Синельникова В. М.

Колька пропустил слово «товарища», написал «белого костюма Синельникова».

– Химическими чернилами...

Колька взял пузырек, посмотрел:

– Разве для авторучек бывают химические?

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– А какие же? Отчетные ведомости мы только химическими пишем.

– Писатели, мля... – проворчал Колька.

– Подпись. Число.

Колька расписался. Поставил число. Синельников взял расписку.

– Сколько тебе под расчет причитается?

– А я откуда знаю? Ты лучше тут знаешь.

– После обеда зайдешь за расчетом. И за книжкой.

Колька встал.

– Ты это... не говори никому, что... слупил с меня четвертной. А то дойдет до моей... хаю не оберешься. Напиши чего-нибудь.

– Ладно.

Колька пошел к двери. На пороге остановился, посмотрел на плотного человека с белыми бровями. Синельников тоже посмотрел на него.

– Что?

– Хо-о, – сказал Колька. Качнул головой и вышел из кабинета.

В коридоре разок про себя матюкнулся.

«Четвертной – как псу под хвост сунул. Свернул трубочкой и сунул». Но вспомнил, что он на ямах теперь будет зарабатывать по двести – двести пятьдесят рублей... И успокоился. «Да гори они синим огнем! – подумал. – Жалеть еще...»

Письмо

Старухе кандауровой приснился сон. Молится будто бы она богу, усердно молится, а – пустому углу: иконы-то в углу нет. И вот молится она, а сама думает: «Да где же у меня бог-то?» Проснулась в страхе, до утра больше не заснула, обдумывала сон. Страшный сон. К чему?.. Не с дочерью ли чего? Дочь старухина, младшая, жила в городе, работала в хорошем месте, продавцом. Она славная, дочь, всей родне слала посылки, кофточки импортные, шали, даже машины стиральные. Не за так, конечно, деньги ей, конечно, высылали, но... Иди нынче допросись и за деньги-то купить: все некогда им, вечно они там заняты. А эта находила время... Нет, она хорошая, Катерина, только с мужем неважно живут. Черт его знает, что за мужик попался: приедет – молчит целыми днями... Костлявый какой-то. Все думает чего-то, газетами без конца шуршит, зевает. Ни поговорить, ни пошутить. Как лесина сухая. Дочь жаловалась на него матери.

Утром старуха собралась и пошла к Ильичихе. Ильичиха разгадывала сны.

– И-и, матушка, – запела богомольная Ильичиха, – дак, а у тя иконка-то есть ли?

– Есть. Она, правда, в шифонере...

– Вы-ынь, вынь, матушка, грех. Чего же ее впотьмах держать? Вынь да повесь, куда положено. Как же ты так?..

– Да жду своих. Катьку-то, – сулились. А зять-то партийный, ну-ко да коситься начнет.

– Плюнь! Кому како дело? Нонче нет такого закону...

– Да закону-то нет, а... И так-то живут неважно, а тут я ишо...

– Не гневи бога, Кузьмовна, не гневи. Кому како дело? У меня их вон сколь висит, кому како дело?! А ты ее в шифонер запятила! Бесстыдница.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Да не ездит никто, оно и дела никому нет, – с сердцем сказала Кузьмовна. – Не все так-то живут. Ко мне люди ездют, я не одинокая.

– Знамо, татаркой-то не живу, – обиделась Ильичиха. – К ей люди ездют!..
Гляди-ко, наездили: раз в год приедут, так она из-за этого икону в шкаф запытила! Ни стыда, ни совести у людей.

– Ты не кричи, чего ты рот-то разинула? Чего ты всех созываешь-то? Припадошная. Кто тебе виноватый, что не рожала? А теперь зло берет. Надо было рожать.

– Да вы вон нарожали их, а толку-то?

– Как это «толку»? Вот те раз! Да у меня же смысл был, я их растила да учила старалась... А ты-то зачем жила? Прокуковала весь свой век, а теперь злится. Нечего и злиться теперь.

– Это вы – наплодили их да поете ходите: «Ванька не пишет, Колька денег не шлет, окаянный...» Зачем тада и рожать? Лучше не рожать – не гневить бога после. Не было у меня условиев, я и не рожала. Не все подкулачники-то были... Куркули.

– Знамо, лодыри, они куркулями никогда не живут. Где эт ты куркулей-то увидела?

– Да вас же на волосок только не раскулачили в двадцать девятом годе! Ты забыла? Какая у тебя память-то дырявая. Мой же брат, Аркашка, заступился за вас. Забыла? А кому потом ваш отец три овечки ночью пригнал? Забыла? Короткая же у тебя память!

– А ты чё гордишься, что в бедности жила? Ведь нам в двадцать втором годе землю-то всем одинаково дали. А к двадцать девятому – они уж опять бедняки! Лодыри! Ведь вы уж бедняки-то советские сделались, к коллективизации-то нам землю-то поровну всем давали, на едока.

– А вы!..

– А вы!..

Поругались старушки. И ведь вот дурная деревенская привычка: двое поругаются, а всю родню с обеих сторон сюда же пришьют. Никак не могут без этого! Всех помянут и всех враз сделают плохими – и живых, и покойных, всех.

Домой старуха Кандаурова шла расстроенная. Болела душа за Катьку. Неладно у нее, неладно – сердце чует.

Вечером старуха села писать письмо дочери. Решила написать большое письмо, поучительное.

«Добрый день, дочь Катя, а также зять Николай Васильевич и ваши детки, Коля и Светычка, внучатычки мои ненаглядные. Ну, када жа вы приедете, я уж все глазыньки проглядела – все гляжу на дорогу: вот, может, покажутся, вот покажутся. Но нет, не видать. Катя, доченька, видела я этой ночий худой сон. Я не стану его описывать, там и описывать-то нечего, но сон шибко плохой. Вот задумалась: может, у вас чего-нибудь? Ты, Катерина, маленько не умеешь жить. А станешь учить вас, вы обижаетесь. А чего же обижатца? Надо наоборот, мол, спасибо, мама, что дала добрый совет. Мы тоже када-то росли у отца с матерей, тоже, бывало, не слушались ихного совета, а потом жалели, но было поздно.

Ты подскажи своему мужу, чтоб он был маленько поразговорчивей, поласковой. А то они... Ты скажи так: Коля, что ж ты, идрена мать, букой-то живешь? Ты сядь, мол, поговори со мной, расскажи чего-нибудь. А то, скажи, спать поврозь буду!»

Старушка задумалась, глядя в окно. Вечерело. Где-то играли на гармошке. Старуха вспомнила себя, молодую, своего нелюдимого мужа... Муж ее, Кандауров Иван, был мужик работающий, честный, но бука несусветная. За всю женатую жизнь он всего два или три раза приласкал жену. Не обижал, нет, но и не замечал. Старухе жалко стало себя, свою жизнь...

«Если б я послушалась тада свою мать, я б сроду не пошла за твоего отца. Я тоже за свою жизнь ласки не знала. Но тада такая жизнь была: вроде не до ласки, одна

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru работа на уме. А если так-то разобраться-то – пошто? Ну, работа работой, а человек же не каменный. Да еслив его приласкать, он в три раза больше сделает. Любая животная любит ласку, а человек – тем боле. Ты, скажи, сам угрюмый, и, на тебя глядя, сын тоже станет задумыватца. Они, маленькие-то, все на отца глядят: как отец, так и они – походить стараются. Да я и буду, скажи, с вами, с такими-то... Мне, мол, что, самой с собой тада остаецца разговаривать? Да что уж это за мысли такие! – день-деньской думать и думать... Ты, скажи, ослобони маленько голову-то для семьи. Чего думать-то, об чем? Ладно бы, думал, думал – додумался: большим начальником сделался, а то так, сбоку припека. Чего уж тада и утруждать ее, головушку-то, еслив она не приспособлена для этого дела. Нечего ее и утруждать. Ты, скажи, будешь думать, а я буду возле тебя сидеть – в глаза тебе заглядывать? Да пошел ты от меня подальше, сыч! Я, скажи, не кривая, не горбатая – сидеть-то возле тебя. Я, мол, вон счас приоденусь да на танцы и завьюсь, будешь знать. Да сударчика себе найду. Скажи, скажи ему так, скажи. А ползет с кулаками, ты – в милицию: ему сразу прижмут хвост. Это ничего, что он сам в милиции, ему тоже прижмут. С имя нынче не чикаютца, это не старое время. Это раньше, бывало... Тьфу! И писать-то про то неохота! Нет, скажи, ты у меня живо повеселеешь, столб грустный. Ты меня за две улицы встречать будешь с работы. А то моду взяли! Нет, ты у нас будешь разговорчивый! А не изменишь свой гиранитный характер – вон тебе дверь, выметайся! Иди на все четыре стороны, читай газеты. И молчи, сколько влезет. Попинывали мы таких журавлей задумчивых. Дай ему месяц сроку: еслив не исправитца, гони в три шеи! Пусть летит без оглядки, ступеньки щитаец!»

Старуха вдруг представила, что письмо это читает ее задумчивый зять... Усмехнулась и стала смотреть в окно. Гармонь все играла, хорошо играла. И ей подпевал негромко незнакомый женский голос. Господи, думала старуха, хорошо, хорошо на земле, хорошо. А ты все газетами своими шуршишь, все думаешь... Чего ты выдумашь? Ничего ты не выдумашь, лучше бы на гармошке научился играть.

«Читай, зятек, почитай – я и тебе скажу: проугрюмисся всю жизнь, глядь – помирать надо. Послушай меня, я век прожила с таким, как ты: нехорошо так, чижало. Я тут про тебя всякие слова написала, прости, еслив нечаянно задела, но все-таки образумься. Чижало так жить! Она мне дочь родная, у меня душа болит, мне тоже охота, чтоб она порадовалась на этом свете. И чего ты, журавь, все думаешь-то? Получаешь неплохо, квартирка у вас хорошая, деточки здоровенькие... Чего ты думаешь-то? Ты живи да радуйся, да других радуй. Я не про службу твою говорю, там не обрадоваешь, а про самых тебе дорогих людей. Я вот жду вас, жду не дожусь, а еслив ты опять приедешь такой задумчивый, огрею шумовкой по голове, у тебя мысли-то перестроютца. Это я пошутила, конечно, но, правда, возьми себя в руки. Приезжайте скорей, у нас тут хорошо, лучше всяких курортов. Не серчай на меня, я же все думаю, не стой тебя. Но мне-то хоть есть об чем думать, а ты-то чего? Господи, жить да радоваться, а они... Ну, приезжайте. Катя, поедете, купи мне ситцу на занавески, у нас его нету. Купи голубенького. Я повешу, утром проснетесь, а в горнице такой свет хороший. Петя пишет, что не сможет этим летом приехать. А Егор, может, приедет. Здоровье у него неважное. Коля, внучек мой милый, скажи папке и мамке, чтоб ехали. Тут велики хорошие продают. Будешь на велике ездить. И рыбачить будешь ходить. Давеча шла, видела, ребятишки по целой сниске чебаков несли. Приезжайте, дорогие мои. Жду вас, как Христова дня. Жить мне осталось мало, я хоть порадываюсь на вас. Одной-то шибко плохо, время долго идет. Приезжайте.

Целую вас всех. Баба Оля».

Старуха отодвинула письмо в сторонку и опять стала смотреть в окно. А за окном уже ничего почти не видать. Только огоньки в окнах... Теплый, сытый дух исходил от огородов, и пылью пахло теплой, остывающей.

Вот тут, на этих улицах, прошла жизнь. А давно ли?... О господи! Ничего не понять. Давно ли еще была молодой. Вон там, недалеко, и теперь закоулочек сохранился: там Ванька Кандауров сказал ей, чтоб выходила за него... Еще бы раз все бы повторилось! Черт с ним, что угрюмый, он не виноват, такая жизнь была: работал мужик, не пил зряшно, не дрался – хороший. Квасов, тот побойчей был, зато попивал. Да нет, чего там!.. Ничего бы другого не надо бы. Еще бы разок все с самого начала...

Старуха и не заметила, что плачет. Поняла это, когда слезинка защекотала щеку. Вытерла глаза концом косынки, встала и пошла разбирать постель – поспать, а там

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– еще день будет. Может, правда приедут – все скорей.

– Старая! – сказала она себе. – Гляди-ко, ишо раз жить собралась!.. Видали ее!

Выбираю деревню на жительство

Некто Кузовников Николай Григорьевич вполне нормально и хорошо прожил. Когда-то, в начале тридцатых годов, великая сила, которая тогда передвигала народы, взяла и увела его из деревни. Он сперва тосковал в городе, потом присмотрелся и понял: если немного смекалки, хитрости и если особенно не залупаться, то и не обязательно эти котлованы рыть, можно прожить легче. И он пошел по складскому делу – стал кладовщиком и всю жизнь был кладовщиком, даже в войну. И теперь он жил в большом городе в хорошей квартире (отдельно от детей, которые тоже вышли в люди), старел, собирался на пенсию. Воровал ли он со складов? Как вам сказать... С точки зрения какого-нибудь сопляка с высшим юридическим образованием – да, воровал, с точки зрения человека рассудительного, трезвого – это не воровство: брал ровно столько, сколько требовалось, чтобы не испытывать ни в чем недостатка, причем, если учесть – окинуть взором – сколько добра прошло через его руки, то сама мысль о воровстве станет смешной. Разве так воруют! Он брал, но никогда не забывался, никогда не показывал, что живет лучше других. Потому-то ни один из этих, с университетскими значками, ни разу не поймал его за руку. С совестью Николай Григорьевич был в ладах: она его не тревожила. И не потому, что он был бессовестный человек, нет, просто это так изначально повелось: при чем тут совесть! Сумей только аккуратно сделать, не психуй и не жадничай и не будь идиотом, а совесть – это... знаете... Когда есть в загашнике, можно и про совесть поговорить, но все же спится тогда спокойней, когда ты все досконально продумал, все взвесил, проверил, свел концы с концами – тогда пусть у кого-нибудь другого совесть болит. А это – сверкать голым задом да про совесть трещать – это, знаете, неумно.

Словом, все было хорошо и нормально. Николай Григорьевич прошел свою тропку жизни почти всю. В минуту добрую, задумчивую говорил себе: «Молодец: и в тюрьме не сидел, и в войну не укокошили».

Но была одна странность у Николая Григорьевича, которую он сам себе не сумел бы объяснить, наверно, если б даже захотел. Но он и не хотел объяснять и особенно не вдумывался, а подчинялся этой прихоти (надо еще понять, прихоть это или что другое), как многому в жизни подчинялся.

Вот что он делал последние лет пять-шесть.

В субботу, когда работа кончалась, когда дома, в тепле, ждала жена, когда все в порядке и на душе хорошо и мирно, он выпивал стаканчик водки и ехал в трамвае на вокзал. Вокзал в городе огромный, вечно набит людьми. И есть там место, где курят, возле туалета. Там всегда – днем и ночью – полно, дым коромыслом и галдеж стоит непрерывный. Туда-то и шел напрямик Николай Григорьевич. И там вступал в разговоры.

– Мужики, – прямо обращался он, – кто из деревни?

Таких всегда было много. Они-то в основном и толклись там – деревенские.

– Ну?.. – спрашивали его. – А что тебе?

– Хочу деревню подобрать на жительство. Нигде, может, кто в курсе, не требуются опытные складские работники? Я тридцать четыре года проработал в этой системе... – И Николай Григорьевич доверчиво, просто, с удовольствием и подробно рассказывал, что он сам – деревенский, давно оттуда уехал, работал всю жизнь на складах, а теперь, под старость, потянуло опять в деревню... И тут-то начиналось. Его как-то сразу прекрасно понимали с его тоской, соглашались, что да, сколько по городам ни околачивайся, а если ты деревенский, то рано или поздно в деревню снова потянет. Начинали предлагать деревню на выбор. Николай Григорьевич только успевал записывать адреса. Начинали шуметь. Спорили.

– Да уж ты со своей Вязовкой!..

– А ты знаешь ее? Чего ты сразу руками-то замахал?! Ты хоть раз бывал там?

– Вязовку-то? Да я ее, как облупленную, знаю, вашу Вязовку! Господи, Вязовка!..

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
У человека – к старости, желательно, чтоб природа...

– А при чем тут природа-то? – вступали другие. – Надо не от природы отталкиваться, а от работы. Я не знаю вашей Вязовки, но склад-то там есть? Человек же прежде всего насчет работы спрашивает.

– Нет, – говорил Николай Григорьевич, – желательно, чтоб и природа, конечно...

– Да в том-то и дело! Что он тебе, склад?! Склад, он и есть склад, теперь они везде есть. И если, например...

– Ну, вы тоже рассудили, – говорил какой-нибудь степенный, – только поорать. Ну – склад, они действительно везде теперь, а как, например, с жильем? У нас вон – и склад, и река, и озеро, а постройки страшно дорогие.

– Ну, сколь так? – вникал в подробности Николай Григорьевич.

– Это смотря что требуется.

– Ну, например, пятистенок... Добрый еще.

– С постройками?

– Ну да, баня, сарай для дров... Ну, навес какой-нибудь, завозня там – я построгать люблю в свободное время.

– Если, допустим, хороший пятистенок, – начинал соображать мужик, – банешка...

– Не развалюха, конечно, хорошая баня.

– Хорошая баня, сарай из горбыля, у нас в основном все сараи из горбыля идут, из отлета...

– Пилорама в деревне?

– Не в самой деревне, а на отделении.

– Ну, ну?

– Если все честь по чести, огород нормальный...

– Огород нам со старухой большой не надо.

– Ну, нормальный, их теперь больших-то и нету – нормальный, если все честь по чести, то будет так – три, три с половиной.

– Тыщи?! – изумлялся кто-нибудь.

– Нет, рубля, – огрызался степенный.

– Ну, это уж ты загнул. Таких и цен-то нету, – сомневались.

Степенный вмиг утрачивал свою степенность.

– А чего ради мне загигать-то перед вами?! Что я, свой дом, что ли, навяливаю? Я говорю как есть. Человек же спрашивает...

– А чего так? Несусветные какие-то цены. Что у вас там такое?

– Ничего, совхоз.

– Да, а чего дорого-то? С ума, что ли, сошли там?

– Мы не сошли, сошли там, где постройки, я слышал, на дрова пускают. Вот там-то сошли. Это уж я тоже не понимаю...

– Это я слышал тоже. Рублей за триста, говорят, можно хороший дом взять.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Ну, за триста не за триста...

– А как твоя деревня называется? – записывал Николай Григорьевич.

– Завалиха. Не деревня, село.

– Это где?

– А вот, если сейчас ехать... – И мужик подробно объяснял, где его село, как ехать туда.

– Райцентр, что ли?

– Был раньше райцентр, а потом, когда укрупняли районы, мы отошли к Красногорскому району, а у нас стала центральная усадьба.

– Ну, есть, наверно, перевалочная база? – допрашивал Николай Григорьевич.

Мужик послушно, очень подробно рассказывал. И был как будто рад, что его село заинтересовало человека больше, чем другие села и деревни. Со стороны наблюдали и испытывали нечто вроде ревности. И находили возможность подпортить важную минуту.

– Это ж что ж это за цены такие! Леса, наверно, нет близко?

– А у вас какие? – нервничал мужик из дорогого села. – Ну скажи, сколько у вас добрый пятистенок станет? Только не ври.

– Чего мне врать-то? Добрый пятистенок у нас... с постройками, со всем, с огородом – тыщи полторы-две.

– Где это? – поворачивался в ту сторону Николай Григорьевич.

И тогда тот, кто перехватил интерес, начинал тоже подробно, долго объяснять, где его село, как называется река, почему у них мясо осенью...

– У меня вот свояк приезжал... как раз осенью тоже... Посмотрел. «Ну-у, – говорит, – у вас-то жить можно! Это, – говорит, – ты у нас иди сунься».

– А откуда он?

– За Уралом... Город Златоуст.

– Что ж ты город-то суешь? Мы про сельскую жизнь говорим.

– Он не из самого города, а близко к этому городу.

– Да зачем же там где-то брать, человек про наши места интересуется! Это я тебе могу наказать: у меня свояк в Магадане вон...

– Ну, едрена мать! Ты еще скажи – в Америке.

– А при чем тут Америка-то?

– А при чем Магадан?

– Да при том, что – речь идет про сельскую местность, а ты куда-то в Златоуст полез! Чего ты в Златоуст-то полез?!

– Тихо, тихо, – успокаивал Николай Григорьевич горячих селян. Странно, он становился здесь неким хозяином – на манер какого-нибудь вербовщика-работодателя в толпе ищущих. – Спокойно, мужики, – говорил Николай Григорьевич, – мы же не на базаре. Меня теперь интересует: сколько над уровнем моря твое село? – Это вопрос к тому, в чьем селе дом-пятистенок стоит дешевле.

Тот не знал. И никто не знал, сколько над уровнем моря их деревни и села.

– А зачем это?

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Это очень важно, – пояснил Николай Григорьевич. – Для сердечно-сосудистой системы необходимо. Если место немного возвышенное – тоже нельзя: сразу скажется нехватка кислорода.

– Не замечали, – признавались мужики.

Но это – так, это Николай Григорьевич подпускал для пущей важности. Больше говорили про цены на постройки, на продукты, есть ли река в деревне или, может, озеро, далеко или близко лес... Потом переходили на людей – какие люди хорошие в деревне: приветливые, спокойные, не воруют, не кляузничают. И тут – незаметно для себя – начинали слегка врать друг другу. Это как-то само собой случилось, никто не преследовал никакой посторонней цели: один кто-нибудь начинал про своих людей, и уж тут другие не могли тоже умолчать, тоже рассказывали, но так, чтобы получалось, что у них – лучше.

– А у нас... обрати внимание: у нас, если баба пошла по воду, она никогда дом не запирает – зачем? Приткнет дверь палочкой, и все: сроду никто не зайдет. Уж на что цыганы – у нас их полно – и то не зайдут: мы их так приучили.

– Да кого!.. Вы вот возьмите: у нас один вор есть...

– Вор?!

– Вор! Мы все про него знаем, что он вор, он уже раз пять сидел за это дело. А у нас одна заслуженная учительница живет, орден имеет... И этот вор натурально пришел к ней и говорит: «Пусти пожить недели две». А он у нее учился когда-то... в первом классе, что ли. Он, вообще-то, детдомовский, а она, видно, работала там. Да. «Пусти, – говорит, – пару недель пожить, пока не определюсь куда-нибудь».

– Пустила?

– Пустила! Ну, думаем, и обчистит же он ее!.. Жалели даже старушку.

– Дело в том, что у них такой закон есть: где живешь, там не воруй.

– Да, да.

– Не обчистил?

– Не! Ни-ни, ни волоска не взял. Сдержался.

– Нет, это уж такой закон. Вот если бы взял... если бы он ее все же обокрал, ему бы там свои за это дело...

– Ничего не взял!

– Это странно все же... Плевали они на эти законы! Закон. У меня прошлый год стожок сена увезли, змеи ползучие...

– Ну-у, это такие, что ли! Это уж... наш брат кто-нибудь, свои. На кой ему черт сено, урке?

Смеялись. Вспоминали еще случаи... Курили и курили без конца – накурено бывало так, что глаза слезились. А время, слава богу, шло: глядишь, и подойдет час ехать. Ждать на вокзале – это не самое милое из того, что нам приходится делать.

– А я как-то еду из района, – встревал в минуту затишья какой-нибудь расторопный, – гляжу, стоит бабка... ну, лет так восемьдесят – восемьдесят пять. Подняла руку, я остановился. «До Красного, сынок». До Красного шестьдесят пять километров. «Платить-то, – говорю, – есть чем?» – «Есть, милый, есть». Ну, везу... – И рассказчик заранее поблескивает глазом. – Доехали до Красного. «Все, – говорю, – бабка, приехали. Плати». Она мне достает откуда-то из сумки... пять штук яиц!

Смех. Рассказчик доволен.

– «А раньше, – говорит, – брали. Мы, – говорит, – всегда яйцами расплачивались».

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– «Ладно, – говорю, – иди, бабка».

Рассказчик непременно еще повторял не один раз, как он ей сказал, старухе: «Иди, – говорю, – бабка, иди. Иди, чего с тебя взять». Это надо понимать, что – вот и он тоже добрый человек. Вообще добрых, простодушных, бесхитростных, бескорыстных, как выяснялось на этих беседах, по деревням и селам – навалом, прохода нет от бесхитростных и бескорыстных. Да все такие, чего там! А если встречаются иногда склочные, злые, жадные, то это так – придурки.

Николай Григорьевич уже не записывал адреса, а слушал, поворачивался в разные стороны, смеялся тоже... И оттого, что он так охотно и радостно слушал, рассказывали – с радостью тоже – новые истории, где раскрывалось удивительное человеческое бескорыстие. Правда, нечаянно проскакивали случаи, где высывалась вдруг морда какого-нибудь завистника или обманщика, но это – пропускали, это не суть дела, это чепуха. Все молча соглашались, что это – чепуха, а миром движет разум и добро.

– Я седня гляжу: пиво продают. Отстоял в очереди – она мне наливает... А наливает – вот так вот не долила. Сунула под кран – и дальше. Я отошел и думаю: «У нас бы ей за такие дела спасибо не сказали».

Тут же соглашались, что – да, конечно... Люди торопятся, людей много, она этим пользуется, бесстыдница. Но, если так-то подумать – ну сколько уж она там не долила! Конечно, ей копейка так и набегает, но ведь, правда, не умер же ты, что не допил там глоток-другой. А у ней тоже небось – семья...

Но вот уж чего не понимали деревенские в городе – это хамства. Это уж черт знает что, этому и объяснения-то как-то нету. Кричат друг на друга, злятся... Продавщицу не спроси ни о чем, в конторах тоже, если чего не понял, лучше не переспрашивай: так глянут, так тебе ответят, что дай бог ноги. Тут, как наезжали на эту тему, мужики дружно галдели – не понимали, изумлялись... И Николай Григорьевич тоже со всеми вместе не понимал и изумлялся. Прижимал кого-нибудь к стене туалета и громко втолковывал и объяснял:

– Ведь почему и уехать-то хочу!.. Вот потому и хочу-то – терпенья больше нет никакого. Ты думаешь, я плохо живу?! Я живу, дай бог каждому! У меня двухкомнатная секция, мы только двое со старухой... Но – немоготу больше! Душу всю выворачивает такая жизнь!.. – Николай Григорьевич в эту минуту, когда кричал в лицо мужику, страдал вполне искренне, бил себя кулаком в грудь, только что не плакал... Но – и это поразительно – он вполне искренне забывал, что сам много кричит на складе, сам тоже ругается вовсю на шоферов, на грузчиков, к самому тоже не подступишься с вопросом каким. Это все как-то вдруг забывалось, а жила в душе обида, что хамят много, ругаются, кричат и оскорбляют. И отчетливо ясно было, что это не жизнь, пропади она пропадом такая жизнь и двухкомнатная секция, лучше купить избу в деревне и дожить спокойно свои дни, дожить их достойно, по-человечески. Не хочется же оскотинеть здесь со всеми вместе, нельзя просто, мы ж люди! И дорого это было Николаю Григорьевичу, вот эти слова про достоинство человеческое и про покой, и нужно, и больно, и сладко было кричать их... Иногда даже замолкали вокруг, а он один – в дыму этом, в запахах – говорил и кричал. Ему искренне сочувствовали, хотели помочь.

Так, выговорившись, с адресами в кармане Николай Григорьевич шел домой. Шел с вокзала всегда пешком – это четыре остановки. Отходил после большого волнения. Тихонько еще ныла душа, чувствовалась усталость. К концу пути Николай Григорьевич всегда сильно хотел есть.

Никуда он не собирался ехать, ни в какую деревню, ничего подобного в голове не держал, но не ходить на вокзал он уже не мог теперь – это стало потребностью. Пристыди его кто-нибудь, ну, старший сын, например, запрети ходить туда, запрети записывать эти адреса, говорить с мужиками... Да нет, как запретишь? Он бы крадучись стал ходить. Он теперь не мог без этого.

Осенью

Паромщик Филипп Тюрин дослушал последние известия по радио, поторчал еще за столом, помолчал строго...

– Никак не могут уняться! – сказал он сердито.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru – Кого ты опять? – спросила жена Филиппа, высокая старуха с мужскими руками и с мужским басовитым голосом.

– Бомбят! – Филипп кивнул на репродуктор.

– Кого бомбят?

– Вьетнамцев-то.

Старуха не одобряла в муже его увлечение политикой, больше того, это дурацкое увлечение раздражало ее. Бывало, что они всерьез ругались из-за политики, но сейчас старухе не хотелось ругаться – некогда, она собиралась на базар.

Филипп, строгий, сосредоточенный, оделся потеплее и пошел к парому.

Паромщиком он давно, с войны. Его ранило в голову, в наклон работать – плотничать – он больше не мог, он пошел паромщиком.

Был конец сентября, дуло после дождей, наносило мразь и холод. Под ногами чавкало. Из репродуктора у сельмага звучала физзарядка, ветер трепал обрывки музыки и бодрого московского голоса. Свинячий визг по селу и крик петухов был устойчивый, пронзительный.

Встречные односельчане здоровались с Филиппом кивком головы и поспешали дальше – к сельмагу за хлебом или к автобусу, тоже на базар торопились.

Филипп привык утрами проделывать этот путь – от дома до парома, совершал его бездумно. То есть он думал о чем-нибудь, но никак не о пароме или о том, например, кого он будет переправлять целый день. Тут все понятно. Он сейчас думал, как унять этих американцев с войной. Он удивлялся, но никого не спрашивал: почему их не двинут нашими ракетами? Можно же за пару дней все решить. Филипп смолodu был очень активен. Активно включился в новую жизнь, активничал с колхозами... Не раскулачивал, правда, но спорил и кричал много – убеждал недоверчивых, волновался. Партийцем он тоже не был, как-то об этом ни разу не зашел разговор с ответственными товарищами, но зато ответственные никогда без Филиппа не обходились: он им от души помогал. Он втайне гордился, что без него никак не могут обойтись. Нравилось накануне выборов, например, обсуждать в сельсовете с приезжими товарищами, как лучше провести выборы: кому доставить урну домой, а кто сам придет, только надо сбегать утром напомнить... А были и такие, что начинали артачиться: «Они мне коня много давали – я просил за дровами?..» Филипп прямо в изумление приходил от таких слов. «Да ты что, Егор, – говорил он мужику, – да рази можно сравнивать?! Вот так раз! Тут – политическое дело, а ты с каким-то конем: спутал телятину с...» И носился по селу, доказывал. И ему тоже доказывали, с ним охотно спорили, не обижались на него, а говорили: «Ты им скажи там...» Филипп чувствовал важность момента, волновался, переживал. «Ну народ! – думал он, весь объятый заботами большого дела. – Обормоты дремучие». С годами активность Филиппа слабела, а тут его в голову-то шваркнуло – не по силам стало активничать и волноваться. Но он по-прежнему все общественные вопросы принимал близко к сердцу, беспокоился.

На реке ветер похаживал добрый. Стегал и толкался... Канаты гудели. Но хоть выглянуло солнышко, и то хорошо.

Филипп сплавал туда-сюда, перевез самых нетерпеливых, дальше пошло легче, без нервов. И Филипп наладился было опять думать про американцев, но тут подъехала свадьба... Такая – нынешняя: на легковых, с лентами, с шарами. В деревне теперь тоже завели такую моду. Подъехали три машины... Свадьба выгрузилась на берегу, шумная, чуть хмельная... весьма и весьма показушная, хвастливая. Хотя и мода – на машинах-то, с лентами-то, – но еще редко, еще не все могли достать машины.

Филипп с интересом смотрел на свадьбу. Людей этих он не знал – нездешние, в гости куда-то едут. Очень выламывался один дядя в шляпе... Похоже, что это он добыл машины. Ему все хотелось, чтоб получился размах, удасть. Заставил баяниста играть на пароме, первый пустился в пляс – покрикивал, дробил ногами, смотрел орлом. Только на него-то и смотреть было неловко, стыдно. Стыдно было жениху с невестой – они трезвее других, совестливее. Уж он кобенился-кобенился, этот дядя в шляпе, никого не заразил своим деланным весельем, устал... Паром переплыл, машины съехали, и свадьба укатила дальше.

А Филипп стал думать про свою жизнь. Вот как у него случилось в молодости с женитьбой. Была в их селе девка Марья Ермилова, красавица. Круглоликая, румяная, приветливая... Загляденье. О такой невесте можно только мечтать на полатах. Филипп очень любил ее, и Марья тоже его любила – дело шло к свадьбе. Но связался Филипп с комсомольцами... И опять же: сам комсомольцем не был, но кричал и ниспровергал все наравне с ними. Нравилось Филиппу, что комсомольцы восстали против стариков сельских, против их засилья. Было такое дело: поднялся весь молодой сознательный народ против церковных браков. Неслыханное творилось... Старики ничего сделать не могут, злятся, хватаются за бичи – хоть бичами, да исправить молокососов, но только хуже толкают их к упорству. Веселое было время. Филипп, конечно – тут как тут: тоже против венчанья. А Марья – нет, не против: у Марьи мать с отцом крепкие, да и сама она окончательно выпряглась из передовых рядов: хочет венчаться. Филипп очутился в тяжелом положении. Он уговаривал Марью всячески (он говорить был мастер, за это, наверно, и любила его Марья – искусство редкое на селе), убеждал, сокрушал темноту деревенскую, читал ей статьи разные, фельетоны, зубоскалил с болью в сердце... Марья ни в какую: венчаться, и все. Теперь, оглядываясь на свою жизнь, Филипп знал, что тогда он непоправимо сглупил. Расстались они с Марьей. Филипп не изменился потом, никогда не жалел и теперь не жалеет, что посылно, как мог участвовал в переустройстве жизни, а Марью жалел. Всю жизнь сердце кровью плакало и болело. Не было дня, чтобы он не вспомнил Марью. По первости было так тяжело, что хотел руки на себя наложить. И с годами боль не ушла. Уже была семья – по правилам гражданского брака, – детишки были... А болело и болело по Марье сердце. Жена его, фекла Кузовникова, когда обнаружила у Филиппа эту его постоянную печаль, возненавидела Филиппа. И эта глубокая тихая ненависть тоже стала жить в ней постоянно. Филипп не ненавидел феклу, нет... Но вот на войне, например, когда говорили: «Вы защищаете ваших матерей, жен...» – Филипп вместо феклы видел мысленно Марью. И если бы случилось погибнуть, то и погиб бы он с мыслью о Марье. Боль не ушла с годами, но, конечно, не жгла так, как жгла первые женатые годы. Между прочим, он тогда и говорить стал меньше. Активничал по-прежнему, говорил, потому что надо было убеждать людей, но все как будто вылезал из своей большой горькой думы. Задумается-задумается, потом спохватится – и опять вразумлять людей, опять раскрывать им глаза на новое, небывалое. А Марья тогда... Марью тогда увезли из села. Зазнал ее какой-то (не какой-то, Филипп потом с ним много раз встречался) богатый парень из Краюшкина, приехали, сосватали и увезли. Конечно, венчались. Филипп, спустя год, спросил у Павла, мужа Марьи: «Не совестно было? В церкву-то поперся...» На что Павел сделал вид, что удивился, потом сказал: «А чего мне совестно-то должно быть?» – «Старикам-то поддался». – «Я не поддался, – сказал Павел, – я сам хотел венчаться». – «Вот я и спрашиваю, – растерялся Филипп, – не совестно? Старикам уж простительно, а вы-то?.. Мы же так никогда из темноты не вылезем». На это Павел заматерился. Сказал: «Пошли вы!..» И не стал больше разговаривать. Но что заметил Филипп: при встречах с ним Павел смотрел на него с какой-то затаенной злостью, с болью даже, как если бы хотел что-то понять и никак понять не мог. Дошел слух, что живут они с Марьей неважно, что Марья тоскует. Филиппу этого только не хватало: запил даже от нахлынувшей новой боли, но потом пить бросил и жил так – носил постоянно в себе эту боль-змею, и кусала она его и кусала, но притерпелся.

Такие-то невеселые мысли вызвала к жизни эта свадьба на машинах. С этими мыслями Филипп еще поплавал туда-сюда, подумал, что надо, пожалуй, выпить в обед стакан водки – ветер пронизывал до костей, и душа чего-то заскулила. Заныла прямо, затревожилась.

«Раза два еще сплаваю и пойду на обед», – решил Филипп.

Подплывая к чужому берегу (у Филиппа был свой берег, где его родное село, и чужой), он увидел крытую машину и кучку людей около машины. Опытный глаз Филиппа сразу угадал, что это за машина и кого она везет в кузове: покойника. Люди возят покойников одинаково: у паромы всегда вылезут из кузова, от гроба, и так как-то стоят и смотрят на реку, и молчат, что сразу все ясно.

«Кого же это? – думал Филипп, вглядываясь в людей. – Из какой-нибудь деревни, что вверх по реке, потому что не слышно было, чтобы кто-то поблизости помер. Только почему же – откуда-то везут? Не дома, что ли, помер, а домой хоронить везут?»

Когда паром подплыл ближе к берегу, Филипп узнал в одном из стоявших у машины

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru Павла, Марьиного мужа. И вдруг Филипп понял, кого везут... Марью везут. Вспомнил, что в начале лета Марья ехала к дочери в город. Они поговорили с Филиппом, пока плыли. Марья сказала, что у дочери в городе родился ребенок, надо помочь пока. Поговорили тогда хорошо. Марья рассказала, что живут они ничего, хорошо, дети (трое) все пристроились, сама она получает пенсию, Павел тоже получает пенсию, но еще работает, столярничает помаленьку на дому. Скота много не держат, но так-то все есть... Индюшек наладилась держать. Дом вот перебрали в прошлом году: сыновья приезжали, помогли. Филипп тоже рассказал, что тоже все хорошо пока, пенсию тоже получает, здоровышком пока не жалуется, хотя к погоде голова побаливает. А Марья сказала, что у нее сердце чего-то... Мается сердцем. То ничего-ничего, а то как сожмет, сдавит... Ночью бывает: как заломит-заломит, хоть плачь. И вот, видно, конец Марье... Филипп, как узнал Павла, так ахнул про себя. В жар кинуло.

Паром стукнулся о шаткий припоромок (причал). Вдели цепи с парома в кольца припоромка, закличили ломиками... Крытая машина пробовала уже передними колесами бревна припоромка, бревна хлябали, трещали, скрипели...

Филипп, как замороженный, стоял у своего весла, смотрел на машину. Господи, господи, Марью везут, Марью... Филиппу полагалось показать шоферу, как ставить на пароме машину, потому что сзади еще заруливали две, но он как прирос к месту, все смотрел на машину, на кузов.

– Где ставить-то?! – крикнул шофер.

– А?

– Где, мол, ставить-то?

– Да ставь... – Филипп неопределенно махнул рукой. Все же никак он не мог целиком осознать, что везут мертвую Марью... Мысли вихлялись в голове, не собирались воедино, в скорбный круг. То он вспомнил Марью, как она рассказывала ему вот тут, на пароме, что живут они хорошо... То молодой ее видел, как она... Господи, господи... Марья... Да ты ли это?

Филипп отодрал наконец ноги с места, подошел к Павлу.

Павла жизнь скособочила. Лицо еще свежее, глаза умные, ясные, а осанки никакой. И в глазах умных большая, спокойная грусть.

– Что, Павел?.. – спросил Филипп.

Павел мельком глянул на него, не понял вроде, о чем его спросили, опять стал смотреть вниз, в доски парома. Филиппу неловко было еще спрашивать... Он вернулся опять к веслу. А когда шел, то обошел крытую машину с задка кузова, заглянул туда – гроб. И открыто заболело сердце, и мысли собрались воедино: да, Марья.

Поплыли. Филипп машинально водил рулевым веслом и все думал: «Марьюшка, Марья...» Самый дорогой человек плывет с ним последний раз... Все эти тридцать лет, как он паромщиком, он наперечет знал, сколько раз Марья переплывала на пароме. В основном все к детям ездила в город: то они учились там, то устраивались, то когда у них детишки пошли... И вот – нету Марьи.

Паром подвалил к этому берегу. Опять зазвякали цепи, взвыли моторы... Филипп опять стоял у весла и смотрел на крытую машину. Непостижимо... Никогда в своей жизни он не подумал: что, если Марья умрет? Ни разу так не подумал. Вот уж к чему не готов был, к ее смерти. Когда крытая машина стала съезжать с парома, Филипп ощутил нестерпимую боль в груди. Охватило беспокойство: что-то он должен сделать? Ведь увезут сейчас. Совсем. Ведь нельзя же так: проводил глазами, и все. Как же так? И беспокойство все больше овладевало им, а он не трогался с места, и от этого становилось вовсе не по себе.

«Да проститься же надо было!.. – понял он, когда крытая машина взбиралась уже на взвоз. – Хоть проститься-то!.. Хоть посмотреть-то последний раз. Гроб-то еще не заколочен, посмотреть-то можно же!» И почудилось Филиппу, что эти люди, которые провезли мимо него Марью, что они не должны так сделать – провезти, и все. Ведь, если чье это горе, так больше всего – его горе. В гробу-то Марья. Куда ж они ее?.. И опрокинулось на Филиппа все не изжитое жизнью, не истребленное временем,

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru не забытое, дорогое до боли... Вся жизнь долгая стояла пред лицом – самое главное, самое нужное, чем он жив был... Он не замечал, что плачет. Смотрел вслед чудовищной машине, где гроб... Машина поднялась на взвоз и уехала в улицу, скрылась. Вот теперь жизнь пойдет как-то иначе: он привык, что на земле есть Марья. Трудно бывало, тяжело – он вспоминал Марью и не знал сиротства. Как же теперь-то будет? Господи, пустота какая, боль какая!

Филипп быстро сошел с парома: последняя машина, только что съехавшая, замешкалась чего-то... Филипп подошел к шоферу.

– Догони-ка крытую... с гробом, – попросил он, залезая в кабину.

– А чего?.. Зачем?

– Надо.

Шофер посмотрел на Филиппа, ничего больше не спросил, поехали.

Пока ехали по селу, шофер несколько раз присматривался сбоку к Филиппу.

– Это краюшкинские, что ли? – спросил он, кивнув на крытую машину впереди.

Филипп молча кивнул.

– Родня, что ли? – еще спросил шофер.

Филипп ничего на это не сказал. Он опять смотрел во все глаза на крытый кузов. Отсюда виден был гроб посередине кузова... Люди, которые сидели по бокам кузова, вдруг опять показались Филиппу чуждыми – и ему, и этому гробу. С какой стати они-то там? Ведь в гробу Марья.

– Обогнать, что ли? – спросил шофер.

– Обгони... И ссади меня.

Обогнали фургон... Филипп вылез из кабины и поднял руку. И сердце запрыгало, как будто тут сейчас должно что-то случиться такое, что всем, и Филиппу тоже, станет ясно: кто такая ему была Марья. Не знал он, что случится, не знал, какие слова скажет, когда машина с гробом остановится... Так хотелось посмотреть Марью, так это нужно было, важно. Нельзя же, чтобы она так и уехала, ведь и у него тоже жизнь прошла, и тоже никого не будет теперь...

Машина остановилась.

Филипп зашел сзади... Взглянул за борт руками и полез по железной этой короткой лесенке, которая внизу кузова.

– Павел... – сказал он просительно и сам не узнал своего голоса: так просительно он не собирался говорить. – Дай я попрощаюсь с ней... Открой, хоть гляну.

Павел вдруг резко встал и шагнул к нему... Филипп успел близко увидеть его лицо... Изменившееся лицо, глаза, в которых давеча стояла грусть, теперь они вдруг сделались злые...

– Иди отсюда! – негромко, жестоко сказал Павел. И толкнул Филиппа в грудь. Филипп не ждал этого, чуть не упал, удержался, вцепившись в кузов. – Иди!.. – закричал Павел. И еще толкнул, и еще – да сильно толкал. Филипп изо всех сил держался за кузов, смотрел на Павла, не узнавал его. И ничего не понимал.

– Э, э, чего вы? – всполошились в кузове. Молодой мужчина, сын, наверно, взял Павла за плечи и повлек в кузов. – Что ты? Что с тобой?

– Пусть уходит! – совсем зло говорил Павел. – Пусть он уходит отсюда!.. Я те посмотрю. Приполз... гадина какая. Уходи! Уходи!.. – Павел затопал ногой. Он как будто взбесился с горя.

Филипп слез с кузова. Теперь-то он понимал, что с Павлом. Он тоже зло смотрел снизу на него. И говорил, сам не сознавая, что говорит, но, оказывается, слова

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
эти жили в нем готовые:

– Что, горько?.. Захапал чужое-то, а – горько. Радовался тогда?..

– Ты зато много порадовался! – сказал из кузова Павел. – А то я не знаю, как ты радовался!..

– Вот как на чужом-то несчастье свою жизнь строить, – продолжал Филипп, не слушая, что ему говорят из кузова. Важно было успеть сказать свое, очень важно. – Думал, будешь жить припеваючи? Не-ет, так не бывает. Вот я теперь вижу, как тебе все это досталось..

– Много ли ты-то припевал? Ты-то.. Сам-то.. Самого-то чего в такую дугу согнуло? Если хорошо-то жил – чего же согнулся? От хорошей жизни?

– Радовался тогда? Вот – нарадовался.. Побирושка. Ты же побирושка!

– Да что вы?! – рассердился молодой мужчина. – С ума, что ли, сошли!.. Нашли время.

Машина поехала. Павел еще успел крикнуть из кузова:

– Я побирושка?.. А ты скулил всю жизнь, как пес, за воротами! Не я побирושка-то, а ты!

Филипп медленно пошел назад.

«Марья, – думал он, – эх, Марья, Марья.. Вот как ты жизнь-то всем перекосила. Полаялись вот – два дурака.. Обои мы с тобой побирושки, Павел, не трепыхайся. Если ты не побирושка, то чего же злишься? Чего бы злиться-то? Отломил смолоду кусок счастья – живи да радуйся. А ты радости-то тоже не знал. Не любила она тебя, вот у тебя горе-то и полезло горлом теперь. Нечего было и хватать тогда. А то приехал – раз, два – увезли!.. Обрадовались».

Горько было Филиппу.. Но теперь к горькой горечи этой примешалась еще досада на Марью.

«Тоже хороша: нет, подождать – заусилась в Краюшкино! Прямо уж нетерпех какой-то. Тоже толку-то было.. И чего вот теперь?..»

– Теперь уж чего.. – сказал себе Филипп окончательно. – Теперь ничего. Надо как-нибудь дожить.. Да тоже собираться – следом. Ничего теперь не воротить.

Ветер заметно поослаб, небо очистилось, солнце осветило, а холодно было. Голо как-то кругом и холодно. Да и то – осень, с чего теплу-то быть?

Случай в ресторане

В большом ресторане города Н. сидел маленький старичок с голой опрятной головкой, чистенький, тихий, выглаженный. Сидел и задумчиво смотрел в окно – ждал, когда принесут ужин.

– Свободно, батя? – спросил его сзади могучий голос.

Старичок вздрогнул, поднял голову.

– Пожалуйста, садитесь.

Сел огромный молодой человек в огромном коверкотовом костюме, на пиджаке которого отчаянно блестели новенькие черные пуговицы. Старичок уставился в глаза парню – почему-то в них приятно смотреть: они какие-то ужасно доверчивые.

– Что, батя? – спросил детина. – Врежем?

Старичок вежливо улыбнулся.

– Я, знаете, не пью.

– Чего так?

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Годы... Мое дело к вечеру, сынок.

Подошла официантка, тоже засмотрелась на парня.

– Бутылочку столичной и чего-нибудь закусить, – распорядился молодой человек. – Шашлыки есть?

– Водки только сто грамм.

Детина не понял.

– Как это?

– Положено только сто грамм.

– Вы что?

– Что?

– Мне больше надо.

Старичок, глядя на парня, не вытерпел, засмеялся тихонько.

– Знаете, – сказал он официантке, – мне ведь тоже положено сто граммов? Так принесите ему двести.

– Не положено. Шашлык... Что еще?

Детина беспомощно посмотрел на старичка.

– Что это?.. Она шутит, что ли?

Старичок посерьезнел, обратился к официантке:

– Вы ведь знаете: правил без исключения не бывает. Видите, какой он... Что ему сто граммов?

– Нельзя, – спокойно сказала официантка и опять с удовольствием, весело посмотрела на парня. – Что еще?

Тот понял ее веселый взгляд по-своему.

– Ну, хоть триста, красавица, – попросил он. – М-м? – И кокетливо шевельнул могучим плечом.

– Нельзя. Что еще?

Детина обиделся.

– Сто бутылок лимонада.

Официантка захлопнула блокнотик.

– Подумайте, потом позовете. – И отошла от стола.

– Выпил называется, – горько сказал детина, глядя вслед ей. – Тц...

– Бюрократизм, он, знаете, разъедает не только учреждения, – сочувственно заговорил старичок. – Вот здесь, – он постучал маленьким белым пальчиком по белой скатерти, – здесь он проявляется в наиболее уродливой форме. Если вас не принял какой-то начальник, вы еще можете подумать, что он занят...

– Что же все-таки делать-то? – спросил детина.

– Возьмите коньяк. Коньяк без нормы.

– Да?

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Да.

Парень поманил официантку. Та подошла.

– Я передумал, – сказал он. – Дайте бутылку коньяка и два... Батя, шашлык будешь?

Старичок качнул головой.

– Я уже заказал себе.

– Два шашлыка, пару салатов каких-нибудь и курицу в табаке.

– Табака, – поправила официантка, записывая.

– Я знаю, – сказал детина. – Я же шучу.

– Все?

– Да.

Официантка ушла.

Детина укоризненно покачал головой.

– На самом деле бюрократы. Ведь коньяк-то крепче. Они что, не знают, что ли?

– Коньяк дороже, в этом все дело, – пояснил старичок. – Вы, очевидно, приезжий?

– Но. За запчастями приехал. Сёдня получил – надо же выпить.

– Сибиряк?

– С Урала.

– Похожи... – Старичок улыбнулся. – Когда-то бывал в Сибири, видел...

– Где?

– Во Владивостоке.

– А-а. Не доводилось там бывать.

Тут заиграла музыка. Детина посмотрел на оркестрантов. К микрофону подошла девушка, обтянутая сверкающим платьем, улыбнулась в зал... Детина спокойно отвернулся – ему такие не нравились. Девушка запела, да таким неожиданно низким, густым голосом, что детина снова посмотрел на нее. Девушка пела про «хорошего, не встреченного» еще. Удивительно пела: как будто рассказывала, а получалось – пела. И в такт музыке качала бедрами. Детина засмотрелся на нее...

Наплывали тягучие запахи кухни; гомон ресторанный покрывала музыка и песня девушки. Уютно и хорошо стало в большом зале с фикусами.

Парню все больше и больше нравилась девушка. Он посмотрел на старичка. Тот сидел спиной к оркестру... Вобрал голову в плечи и смотрел угасшими глазами в стол. Рот приоткрыт, нижняя губа отвисла.

– Пришла, – тихо сказал он, когда почувствовал на себе взгляд парня. И усмехнулся, точно оправдываясь, что на него так сильно действует песня.

А девушка все пела, улыбалась... В улыбке ее сквозило что-то не совсем хорошее. И все-таки она была красивая и очень смелая.

Детина обхватил голову громадными лапами и смотрел на нее.

– От зараза! – сказал он, когда девушка кончила петь. – А?

– У меня не такая уж большая пенсия, – доверчиво заговорил старичок, – и я ее,

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
знаете, всю просаживаю в этом ресторане – слушаю, как она поет. Вам тоже
нравится?

– Да.

– И обратите внимание: она же совсем еще ребенок. Хоть покрашена, хоть, знаете,
этакая синевца под глазами и улыбаться научилась, а все равно ребенок. Меня иной
раз слеза прошибает.

– Она еще петь будет?

– До без четверти одиннадцать.

Принесли коньяк, шашлык, салаты. Старичку принесли рисовую кашу.

– Выпьешь, батя? – предложил парень.

Старичок посмотрел на бутылку, подумал, махнул рукой и сказал:

– Наливайте! Граммов двадцать пять.

Детина улыбнулся, налил в синюю рюмку – половину, себе набухал в фужер и сразу,
не раздумывая, выпил.

– Боже мой! – воскликнул старичок.

– Что?

– Здорово вы...

– Между прочим, я его не уважаю – вонючий.

– Завидую я вам... Вы кто по профессии?

– Бригадир. Лесоруб.

– Завидую вам, черт возьми! Прилетаете сюда, как орлы... Из какой-то большой
жизни, и вам тесно здесь... Тесно, я чувствую.

Детина ел шашлык, слушал.

– Пей, батя.

Старичок выпил, крякнул и заторопился закусывать.

– Давно не пил, года три.

– Вы что, одинокий, что ли?

– Одинокий, – старичок кивнул головой.

– Плохо.

– Ничего... Я как-то не думаю об этом. Мне вот она, – кивнул он в сторону
оркестра, где только что пела девушка, – дочерью, знаете, кажется. Люблю ее, как
дочь. И ужасно боюсь за ее судьбу.

– Она знает тебя?

– Нет, откуда?

– Хорошо поет. Я не люблю, когда визжат.

– Да, да...

Детина отклонился от стола, гулко стукнул ладонью себя в грудь. Шумно вздохнул.

– Добрый шашлычишко.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Вы – какие-то хозяева жизни. Я не умел так, – грустно сказал старичок.

Оркестранты опять взялись за инструменты.

Опять вышла девушка, поправила микрофон.

Детина закурил.

– Пришла, – показал он глазами на нее.

Старичок обернулся, мельком глянул на девушку.

– Я не вижу. А в очках смотреть... как-то не могу, не люблю. Редко смотрю.

Девушка запела. Песенка была о том, как она влюбилась в молчаливого парня, мучилась с ним, но любила.

Детина слушал, задумчиво улыбался. Старичок опять ушел в себя, опять потух его взор и отвисла губа.

Девушка шутила, рассказывала, как она любила такого вот идиота, который умел произносить только «ага» и «ого». Хорошая песенка, озорная. Казалось, девушка про себя рассказывает – так просто у нее получалось. И оттого, что она рассказывала это всем, не боялась, казалась она такой родной, милой...

Детина ощутил в груди странную, горячую радость. Жизнь со всеми своими заботами и делами отодвинулась далеко-далеко. Остались только звуки ее, песня. Можно было шагать в пустоте, делая огромные шаги, так легко сделалось.

– Давай еще, батя! – Парень налил старичку и себе.

Старичок покорно выпил, закрутил головой и сказал:

– Это что же такое будет со мной?

– Ничего не будет. Мне тоже что-то жалко ее, – признался парень. – Поет тут пьяным харям.

– О!.. – Старичок нацелился на него белым пальчиком. – Женись на ней! И увези куда-нибудь. В Сибирь. Ты же можешь... Ты вон какой!..

– Во-первых, я женатый, – возразил детина. – А потом: разве ж она поедет в Сибирь? Ты подумай...

– С тобой поехала бы.

– Едва ли.

Старичка заметно развезло. Он вытер рот, бросил скомканный платок на стол, заговорил горячо и поучительно:

– Никогда не надо так рассуждать: поехала, не поехала. Увидел, человек нуждается в помощи, – бери и помогай. Не спрашивай. Тем более бог ничем, кажется, не обидел – ты же сильный!

– Я женатый! – опять возразил детина. – Ты что?

– Я не о том. Я о тенденции... Налей-ка мне еще. Что-то мне сегодня ужасно хорошо.

Детина налил в синюю рюмку. И себе тоже налил в фужер.

– Ты мне напомнил одного хорошего человека, – стал рассказывать старичок. – Ты кричишь здорово?

– Как кричишь?

– Ну-ка рявкни, – попросил старичок.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Зачем?

– Я послушаю. Рывкни.

– Нас же выведут отсюда.

– Та-а... Плевать! Рывкни по-медвежьи, я прошу.

Детина поставил фужер, набрал воздуха и рывкнул.

Танцующие остановились, со всех столиков обернулись к ним.

Старичок влюбленно смотрел на парня...

– Хорошо. Был у меня товарищ, тоже учитель рисования... Ростом выше тебя... Ах, как он ревел! Потом он стал тигроловом. Ты знаешь, как тигров ловят? На них рывкают, они от неожиданности садятся на задние лапы...

Вышла певица и запела какую-то незнакомую песню. Детина не разбирал слов, да и не хотел разбирать. Опять облапил голову и сидел, слушал.

– Давай увезем ее? – предложил он старичку. – Она у нас в клубе петь будет.

– Давай, – согласился старичок. – У меня душа спокойнее будет. Давай, Ваня!

– Меня Семеном зовут.

– Все равно. Давай, сынок, спасем человека?

Детина слушал старичка, и у него увлажнились глаза. Пудовые кулаки его сами собой сжимались на столе.

– Ты тоже поедешь со мной, – заявил он.

– Я? Поеду! – Старичок пристукнул сухим кулачком по столу. – Мы из нее певицу сделаем! Я понимаю в этом толк.

К ним подошла официантка.

– Товарищи, что тут у вас? Кричите... Вы же не в лесу, верно?

– Спокойно, – сказал детина. – Мы все понимаем.

– С вас получить можно? – обратилась официантка к старичку.

– Спокойно, – сказал старичок. – Продолжайте заниматься своим делом.

Официантка удивленно посмотрела на него и ушла.

– Я всю жизнь хотел быть сильным и помогать людям, но у меня не получилось – я слаб.

– Ничего, – сказал детина. – Ты видишь? – Показал кулак. – Со мной не пропадешь: с ходу любого уюкошу.

– Ах, как я бездарно прожил, Ваня! Как жалко... Я даже не любил – боялся любить, ей-богу.

– Почему?

Старичок не слушал детину, говорил сам.

– А была вот такая же и тоже пела.. Ужасно пела! И я так же сидел и слушал. Ее тоже надо было спасти. Там были офицеры... Это давно было. Красавцы!.. Тьфу! – Старичок затряс головой. – Лучше бы я ошибался, лучше бы пил, – может, смелее был бы. Я же ни разу в жизни не ошибся, Ваня! – Он стукнул себя в грудь, помигал подслеповатыми глазами. – Ни одной штуки за всю жизнь не выкинул. Ты можешь

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru поверить?

– А что тут плохого?

– Ни одного проступка – это отвратительно. Это ужасно! Когда меня жалели, мне казалось – любят, когда сам любил – я рассуждал и боялся.

– Лишка выпил, батя, – сказал парень. – Закусывай.

– Ты не понимаешь – это хорошо. Не надо понимать такие вещи.

– В Сибирь-то поедем?

– Поедем. Я допью это?

– Пей, – разрешил детина.

Старичок допил коньяк, трахнул рюмку об пол. Она со звоном разлетелась. А сам лег грудью на стол и заплакал.

К их столику шли официантки и швейцар. Детина, прищурившись, спокойно смотрел на них. Он был готов защищать старичка. Ему даже хотелось, чтоб его нужно было защищать.

– В чем дело?

– В шляпе. Мы едем в Сибирь, – угрожающе сказал детина.

– Хорошо. А зачем же хулиганить?

– Мы не хулиганим, мы слушаем, как здесь поют.

– Она же бездарно поет, Ваня! Это ужасно, как она поет, – сказал старичок сквозь слезы. – Ты рывкаешь лучше. Талантливее. Она же не умеет петь. Но не в этом дело. Совсем не в этом...

– Кто будет платить за рюмку?

– Я, – ответил детина, с изумлением глядя на старичка. – Я плачу за все.

Пока официантка рассчитывалась с парнем, старичок, уронив на руки полированную головку, плакал тихонько. И бормотал:

– Ах, Ваня, Ваня... зверь ты мой милый... Как рывкнул! Орел!.. Улетим в тайгу. Улетим... В Сибирь!

– Кто это, не знаете? – тихонько спросила официантка.

– Это... – Парень подумал. – Это крупный интеллигент. Он сейчас на пенсии.

Официантка с жалостью посмотрела на старичка.

– Он часто здесь бывает, но никогда не пил. А сегодня чего-то... Уведите его, а то попадет куда-нибудь.

Детина ничего не сказал на это, встал, взял старичка под руку и повел. Старичок не сопротивлялся, только спросил:

– Куда, Ваня?

– Ко мне в номер. А завтра в Сибирь.

Дежурная по этажу заартачилась, не пускала в номер со старичком. Детина держал старичка; повернулся к ней боком и сказал:

– Достаньте в брюках, в кармане, деньги. Берите, сколько надо, только не вякайте.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Дежурная глубоко возмутилась, отдала ключ, но предупредила:

– Завтра же вас здесь не будет!

– Завтра мы в Сибирь уезжаем.

– В Сибирь, Ваня!.. Я хоть помру по-человечески, – бормотал старичок. – Знаешь, не надо ключом – дай ногой разок, – попросил он. – Умоляю: садани хорошенько. Мы потом заплатим.

– Спокойно, – гудел детина. – Спокойно, батя. Вот раздухарился-то!.. Указ же вышел – нам с ходу счас по пятнадцать суток заделают.

– Не бойся!

Детина отомкнул номер, бережно положил старичка на кровать, снял с него туфли, хотел было снять пиджак, но старичок почему-то запротестовал.

– Не надо, я так. Не жалею, не зову, не плачу...

– Ладно, – согласился парень. – Спи. – Выключил свет и лег на диван.

– В Сибирь, Ваня? – спросил старичок.

– Завтра. А сегодня спать надо.

– Спим. Ах, Ваня, Ваня...

– Спи, батя.

..Утром детина нашел на столе записку.

«Ваня, я не могу с тобой в Сибирь. Спасибо за все. Прощай».

Старичка нигде не было. Сказали: ушел рано утром.

Страдания молодого Ваганова

Молодой выпускник юридического факультета, молодой работник районной прокуратуры, молодой Георгий Константинович Ваганов был с утра в прекрасном настроении. Вчера он получил письмо.. Он, трижды молодой, ждал от жизни всего, но этого письма никак не ждал. Была на их курсе Майя Якутина, гордая девушка с точеным лицом. Ваганова – ни тогда, на курсе, ни после, ни теперь, когда хотелось мысленно увидеть Майю, – не оставляло навязчивое какое-то, досадное сравнение: Майя похожа на деревянную куклу, сделанную большим мастером. Но именно это, что она похожа на куколку, на изящную куколку, необъяснимым образом влекло и подсказывало, что она же – женщина, способная сварить борщ и способная подарить радость, которую никто больше не в состоянии подарить – то есть она женщина, как все женщины, но к тому же изящная, как куколка. Георгий Ваганов хотел во всем разобраться, а разбираться тут было нечего: любил он эту Майю Якутину. С их курса ее любили четыре парня; все остались с носом. На последнем курсе Майя вышла замуж за какого-то, как прошла весть, талантливого физика. Все решили: ну да, хорошенькая, да еще и с расчетом. Они все так, хорошенькие-то. Но винить или обижаться на Майю Ваганов не мог: во-первых, никакого права не имел на это, во-вторых... за что же винить? Ваганов всегда знал: Майя не ему чета. Жалко, конечно, но... А может, и не жалко, может, это и к лучшему: получи он Майю, как дар судьбы, он скоро пошел бы с этим даром на дно. Он бы моментально стал приспособленцем: любой ценой захотел бы остаться в городе, согласился бы на роль какого-нибудь мелкого чиновника.. Не привязанный, а повизгивал бы около этой Майи. Нет, что ни делается – все к лучшему, это верно сказано. Так Ваганов успокоил себя, когда понял окончательно, что не видать ему Майи как своих ушей. Тем он и успокоился. То есть ему казалось, что успокоился. Оказывается, в таких делах не успокаиваются. Вчера, когда он получил письмо и понял, что оно – от Майи, он сперва глазам своим не поверил. Но письмо было от Майи... У него так заколотилось сердце, что он всерьез подумал: «Вот так, наверно, падают в обморок». И ничуть этого не испугался, только ушел с хозяйской половины дома к себе в горницу. Он читал его, обжигаясь сладостным предчувствием, он его гладил, смотрел на свет, только что не целовал – целовать совестно было, хотя сгоряча

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru такое движение – исцеловать письмо – было. Ваганов вырос в деревне, с суровым отцом и вечно занятой, вечно работающей матерью, ласки почти не знал, стыдился ласки, особенно почему-то – поцелуев.

Майя писала, что ее семейная жизнь «дала трещину», что она теперь свободна и хотела бы использовать свой отпуск на то, чтобы хоть немного повидать страну – поездить. В связи с этим спрашивала: «Милый Жора, вспомни нашу старую дружбу, встреть меня на станции и позволь пожить у тебя с неделю – я давно мечтала побывать в тех краях. Можно?» Дальше она еще писала, что у нее была возможность здорово переосмыслить свою жизнь и жизнь вокруг, что она теперь хорошо понимает, например, его, Жоркино, упорство в учебе и то, с какой легкостью он, Жорка, согласился ехать в такую глухомань... «Ну-ну-ну – легче, матушка, легче, – с удовлетворением думал молодой Ваганов. – Подожди пока цыпляток считать».

Вот с этим-то письмом в портфеле и шел сейчас к себе на работу молодой Ваганов. Предстояло или на работе, если удастся, или дома вечером дать ответ Майе. И он искал слова и обороты, какие должны быть в его письме, в письме простом, великодушном, умном. Искал он такие слова, находил, отвергал, снова искал... А сердце нет-нет да подмоет: «Неужели же она моей будет? Ведь не страну же она, в самом деле, едет повидать, нет же. Нужна ей эта страна, как...»

Целиком занятый решением этой волнующей загадки в своей судьбе, Ваганов прошел в кабинет, сразу достал несколько листов бумаги, приготовился писать письмо. Но тут дверь кабинета медленно, противно заняла... В проем осторожно просунулась стриженная голова мужчины, которого он мельком видел сейчас в коридоре на диване.

– Можно к вам?

Ваганов мгновение помедлил и сказал, не очень стараясь скрыть досаду:

– Входите.

– Здравствуйте. – Мужчине этак под пятьдесят, поджарый, высокий, с длинными рабочими руками, которые он не знал куда девать.

– Садитесь, – велел Ваганов. И отодвинул листы в сторону.

– Я тут... это... характеристику принес, – сказал мужчина. И, обрадовавшись, что нашел дело рукам, озабоченно стал доставать из внутреннего кармана пиджака нечто, что он называл характеристикой.

– Какую характеристику?

– На жену. Они тут на меня дело заводят... А я хочу объяснить...

– Вы Попов?

– Ага.

– А что вы объяснять-то хотите? Вы объясните, почему вы драку затеяли? Почему избили жену и соседа? При чем тут характеристика-то?

Попов уже достал характеристику и стоял с ней посреди кабинета. Когда-то он, наверно, был очень красив. Он и теперь еще красив: чуть скуласт, нос хищно выгнут, лоб высокий, чистый, взгляд прямой, честный... Но, конечно, помят, несвеж, вчера выпил изрядно, с утра кое-как побрился, наспех ополоснулся... Эхма!

– Ну-ка, дайте характеристику.

Попов подал два исписанных тетрадных листка, отшагнул от стола опять на середину кабинета и стал ждать. Ваганов побежал глазами по неровным строчкам... Он уже оставил это занятие – веселиться, читая всякого рода объяснения и жалобы простых людей. Как думают, так и пишут, ничуть это не глупее какой-нибудь фальшивой гладкописи, честнее, по крайней мере.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Ваганов дочитал.

– Попов... это ведь не меняет дела.

– Как не меняет?

– Не меняет. Вот вы тут пишете, что она такая-то и такая-то – плохая. Допустим, я вам поверил. Ну и что?

– Как же? – удивился Попов. – Она же меня нарочно посадила! На пятнадцать суток-то. Посадила, а сама тут с этим... Я же знаю. Мне же Колька Королев все рассказал. Да я и без Кольки знаю... Она мне сама говорила.

– Как говорила?

– Говорила! – доверчиво воскликнул Попов. – Тебя, говорит, посажу, а сама тут поживу с Мишкой.

– Да ну... Что, так прямо и говорила?

– Да в том-то и дело! – опять воскликнул Попов. И даже сел, раз уж разговор пошел не официальный, а нормальный мужской. – Тебя, говорит, посажу, а сама – назло тебе – поживу с Мишкой.

– Она именно «назло» и говорила?

– Да нет! Я же знаю ее!.. И Мишаню этого знаю – сроду от чужого не откажется. Все, что я там написал, я за все головой ручаюсь. Жили, собаки! На другой же день стали жить. Их Колька Королев один раз прихватил...

– Ну, не знаю... – Молодой Ваганов в самом деле не знал, как тут быть: похоже, мужик говорит всю горькую правду. – Тогда уж разводиться, что ли, надо?

– А куда я пойду – разведусь-то? Она же дом отсудит? Отсудит. Да и это... ребятишки еще не оперились, жалко мне их...

– Сколько у вас?

– Трое. Меньшому только семь, я люблю его до смерти... Мне на стороне не сдюжить – вовсе сопьюсь.

– Ну, слушайте!.. – с раздражением сказал Ваганов. – Вы уж прямо как... паралитик какой: «не сдюжу», «сопьюсь». Ну, а как быть-то? Ну, представьте себе, что вы вот не с жалобой пришли, не к начальству, а... к товарищу. Вот я вам товарищ, и я не знаю, что посоветовать. Сможешь с ней жить после этого – живи, не сможешь...

– Смогу, – твердо сказал Попов. – Черт с ней, что она хвостом раз-другой вильнула. Только пусть это больше не повторяется. Я сам виноватый: шумлю много, не шибко ласковый... Если б был маленько поласковой, она, может, не додумалась бы до этого.

– Так живи!

– Живи... Они же посадить хотят. И посадят, у их свидетелей полно, медицинские экспертизы обои прошли... Года три впаяют.

– Что же ты хочешь-то, я не пойму?

– Чтоб они закрыли дело.

– А характеристика-то зачем?

– А чтоб навстречу тоже бумаги двинуть. Может, посмотрят, какие они сами-то хорошие, и закроют дело. Они же сами кругом виноватые! Ты гляди-ка, посадить человека, а самой тут... Ну, не зараза она после этого!

– Здорово избил-то?

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Да где здорово! Шуму больше, крику...

– А без битья уж не мог?

Попов виновато опустил голову, погладил широкой коричневой ладонью свое колено.

– Не сдюжил...

– Опять не сдюжил! Ах ты, господи, – какие ведь мы несдюжливые! – Ваганов встал из-за стола, прошелся по кабинету. Зло брало на мужика, и жалко его было. Причем тот нисколько не бил на жалость, это Ваганов, даже при своем небольшом еще опыте, научился различать: когда нарочно стараются разжалобить, и делают это иногда довольно искусно. – Ведь если б ты сдюжил и спокойно подал на развод, то еще посмотрели бы, как вас рассудить: возможно, что и... Впрочем, что же теперь об этом?

– Да, чего уж, – согласился Попов.

Некоторое время они молчали.

«Ну, что вот делать? – думал Ваганов. – Посадят ведь дурака. Как ни веди дело, а... Эхма!»

– Как вы поженились-то?

– Как?.. Обыкновенно. Я с войны пришел, она тут продавцом в сельпе работала... Ну – сошлись. Я ее и раньше знал.

– Вы здешний?

– Здешний. Только у меня родных тут никого не осталось: мать с отцом ишо до войны померли – угорели, старших братьев обоих на войне убило, две тетки были, тоже померли. Племянники, какие были, в городах где-то, я даже не знаю где.

– А жена где сейчас?

Попов вопросительно посмотрел на следователя.

– Где работает, что ли? Там же, в сельпе.

– На работе сейчас?

– На работе.

– Тебя кто научил с характеристикой-то?

– Никто, сам. Нет, говорили мужики: надо, мол, навстречу бумаги какие-нибудь двинуть... Я подумал... чего двинуть? Написал вот...

– Хорошо, оставь ее мне. Иди. Я попробую с женой поговорить.

Попов поднялся... Хотел что-то еще сказать или спросить, но только посмотрел на Ваганова, кивнул послушно головой и осторожно вышел.

Ваганов, оставшись один, долго стоял, смотрел на дверь. Потом сел, посмотрел на белые листы бумаги, которые он заготовил для письма. Спросил:

– Ну что, Майя? Что будем делать? – Подождал, что под сердцем шевельнется нежность и окатит горячим, но горячим почему-то не окатило. – Фу ты, черт! – с досадой сказал Ваганов. И дальше додумал: – Вечером напишу.

Уборщица прокуратуры сходила за Поповой в сельпо – это было рядом.

Ваганов просмотрел пока «бумаги», обвиняющие Попова. Да, люди вели дело к тому, чтоб мужика непременно посадить. И как бойко, как грамотно все расписано! Нашелся и писарь. Ваганов пододвинул к себе «характеристику» Попова, еще раз прочитал. Смешной и грустный человеческий документ... Это, собственно, не характеристика, а правдивое изложение случившегося. «Пришел я, бритый, она

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru лежит, как удав на перине. Ну, говорю, рассказывай, как ты тут без меня опять скурвилась? Она видит, дело плохо, давай базланить. Я ее жогнул разок: ты можешь потише, мол? Она вырвалась и – не куда-нибудь побежала, не к родным – к Мишке опять же дунула. Тут у меня вовсе сердце зашло, я не сдюжил...»

Попова, миловидная еще женщина лет сорока, не робкая, с замашками продавцовской фамильярности, сразу показала, что она закон знает: закон охраняет ее.

– Вы представляете, товарищ Ваганов, житья нет: как выпьет, так начинает хулиганить. К какому-то Мишке меня приревновал!.. Дурак необтесанный.

– Да, да... – Ваганов подхватил фамильярный тон бойкой женщины и поманил ее дальше. – Безобразник. Что он, не знает, что сейчас за это – строго! Забыл.

– Он все на свете забыл! Ничего – спомнит. Дадут года три – спомнит, будет время.

– Дети вот только... без отца-то – ничего?

– А что? Они уж теперь большие. Да потом такого отца иметь – лучше не иметь.

– Он всегда такой был?

– Какой?

– Ну, хулиганил, дрался?..

– Нет, раньше выпивал, но потише был. Это тут – к Михайле-то приревновал... С прошлого года начал. Да еще грозит! Грозит, Георгий Константиныч: прирежу, говорит, обоих.

– Так, так. А кто такой этот Михайло-то?

– Да сосед наш, господи! В прошлом годе приехали... Шофером в сельпо работает.

– Он что, одинокий?

– Да они так: переехать-то сюда переехали, а там дом тоже не продали. Жене его тут не глянется, а Михайле глянется. Он рыбак заядлый, а тут у нас рыбачить-то хорошо. Вот они на два дома и живут. И там огород посажен, и здесь... Вот она и успеват-ездит, жена-то его: там огород содьярживат и здесь, – жадничат, в основном.

– Так, так... – Ваганов вовсе убедился, что прав Попов: изменяет ему жена. Да еще и нагло, с потерей совести. – Вот он тут пишет, что, дескать, вы ему прямо сказали: «Тебя посажу, а сама тут с Мишкой поживу». – В «характеристике» не было этого, но Ваганов вспомнил слова Попова и сделал вид, что прочитал. – Было такое?

– Это он так написал?! – громко возмутилась Попова. – Нахалюга! Надо же!.. – Женщина даже посмеялась. – Ну надо же!

– Врет?

– Врет!

«Да, уверенная бабочка, – со злостью уже думал Ваганов. – Ну нет, так просто я вам мужика не отдам».

– Значит, сажать?

– Надо сажать, Георгий Константиныч, ничего не сделаешь. Пусть посидит.

– А не жалко? – невольно вырвалось у Ваганова.

Попова насторожилась... Вопросительно посмотрела на молодого следователя, улыбнулась заискивающе.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– В каком смысле? – спросила она.

– Да я так, – уклонился Ваганов. – Идите. – Он пристально посмотрел на женщину.

Женщина сказала «ага», поднялась, прошла к двери, обернулась, озабоченная... Ваганов все смотрел на нее.

– Я забыл спросить: почему у вас так поздно дети появились?

Женщина вовсе растерялась. Не от вопроса этого, а от того, как на ее глазах изменился следователь: тон его, взгляд его... От растерянности она пошла опять к столу и села на стул, где только что сидела.

– А не беременела, – сказала она. – Что-то не беременела, и все. А потом забеременела. А что?

– Ничего, идите, – еще раз сказал Ваганов. И положил руку на «бумаги». – Во всем... – он подчеркнул это «во всем», – во всем тщательно разберемся. Суд, возможно, будет показательный, строгий: кто виноват, тот и ответит. До свидания.

Женщина направилась к выходу... Уходила она не так уверенно, как вошла.

– Да, – вспомнил еще следователь, – а кто такой... – он сделал вид, что поискал в «бумаге» Попова забытое имя свидетеля, хотя там этого имени тоже не было, – кто такой Николай Королев?

– Господи! – воскликнула женщина у двери. – Королев-то? Да собутыльник первый моего-то, кто ему поверит-то?! – Женщина была сбита с толку. Она даже в голосе поддала.

– Он что, зарегистрирован как алкоголик? Королев-то?

Женщина хотела опять вернуться к столу и рассказать подробно про Королева: видно, и она понимала, что это наиболее уязвимое место в ее наступательной позиции.

– Да кто у нас их тут регистрирует-то, товарищ Ваганов! Они просто дружки с моим-то, вместе на войне были...

– Ну, хорошо, идите. Во всем разберемся.

Он наткнулся взглядом на белые листы бумаги, которые ждали его... Задумался, глядя на эти листы. Майя... Далекое имя, весеннее имя, прекрасное имя... Можно и начать наконец писать слова красивые, сердечные – одно за одним, одно за одним – много! Все утро сегодня сладостно зудилось: вот сядет он писать... И будет он эти красивые, оперенные слова пускать, точно легкие стрелы с тетивы – и втыкать, и втыкать их в точеную фигурку далекой Майи. Он их навтыкает столько, что Майя вскрикнет от неминуемой любви... Пробьет он ее деревянное сердечко, думал Ваганов, достанет где – живое, способное любить просто так, без расчета. Но вот теперь вдруг ясно и просто подумалось: «А может она так? Способна она так любить?» Ведь если спокойно и трезво подумать, надо спокойно и трезво же ответить себе: вряд ли. Не так росла, не так воспитана, не к такой жизни привыкла... Вообще не сможет, и все. Вся эта история с талантливым физиком... Черт ее знает, конечно! С другой стороны, объективности ради, надо бы больше знать про все это – и про физика, и как у них все началось, и как кончилось. «Э-э, – с досадой подумал про себя Ваганов, – повело тебя, милый: заезжил. Что случилось-то? Прошла перед глазами еще одна бестолковая история неумелой жизни... Ну? Мало ли их прошло уже и сколько еще пройдет! Что же, каждую примерять к себе, что ли? Да и почему – что за чушь! – почему какой-то мужик, чувствующий только свою беззащитность, и его жена, обнаглевшая, бессовестная, чувствующая, в отличие от мужа, полную свою защищенность, почему именно они, со своей житейской неумностью, должны подсказать, как ему решить теперь такое – такое! – в своей не простой, не маленькой, как хотелось и думалось, жизни?» Но вышло, что именно после истории Поповых у Ваганова пропало желание «обстреливать» далекую Майю. Утренняя ясность и взволнованность потускнели. Точно камнем в окно бросили – все внутри встревожилось, сжалось... «Вечером напишу, – решил Ваганов. – Дурацкое дело – наверно, по молодости – работу мешать с личным настроением. Надо отмежевываться.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Надо проще».

Вечером Ваганов закрылся в горнице, выключил радио и сел за стол – писать. Но неотвязно опять стояли перед глазами виноватый Попов и его бойкая жена. Как проклятие, как начало помешательства.. Ваганов уж и ругал себя обидными словами, и рассуждал спокойно, логично.. Нет! Стоят, и все, в глазах эти люди. Даже не они сами, хоть именно их Ваганов все время помнил, но не они сами, а то, что они выложили перед ним, – вот что спутало мысли и чувства. «Ну, хорошо, – вконец обозлился на себя Ваганов, – если уж ты трус, то так и скажи себе – трезво. Ведь вот же что произошло: эта Попова непостижимым каким-то образом укрепила тебя в потаенной мысли, что и Майя – такая же, в сущности, профессиональная потребительница, эгоистка, только одна действует тупо, просто, а другая умеет и имеет к тому неизмеримо больше. Но это-то и хуже – мучительнее убьет. Ведь вот же что ты здесь почувал, какую опасность. Тогда уж так прямо и скажи: «Все они одинаковы!» – и ставь точку, не начав письма. И трусь, и рассуждай дальше – так безопаснее. Крючок конторский!»

Ваганов долго сидел неподвижно за столом.. Он не шутя страдал. Он опять придвинул к себе лист бумаги, посидел еще.. Нет, не поднимается рука писать, нету в душе желанной свободы. Нет уверенности, что это не глупость, а есть там, тоже, наверно, врожденная трусость: как бы чего не вышло! Вот же куда все уперлось, если уж честно-то, если уж трезво-то. «Плебей, сын плебея! Ну, ошибись, наломай дров.. Если уж пробивать эту толщу жизни, то не на карачках же! Не отнимай у себя трезвого понимания всего, не строй иллюзий, но уж и так-то во всем копать.. Это же тоже – пакость, мелкость. Куда же шагать с такой нищей сумой! Давай будем писать. Будем писать не поэму, не стрелы будем пускать в далекую Майю, а скажем ей так: что привезешь, голубушка, то и получишь. Давай так».

..Часам к четырем утра Ваганов закончил большое письмо. На улице было уже светло. В открытое окно тянуло холодком раннего июньского утра. Ваганов прислонился плечом к оконному косяку, закурил. Он устал от письма. Он начинал его раз двенадцать, рвал листы, изнервничался, испсиховался и очень устал. Так устал, что теперь неохота было перечитывать письмо. Не столько неохота, сколько, пожалуй, боязно: никакой там ясности, кажется, нету, ума особого тоже. Ваганов все время чувствовал это, пока писал, – все время чувствовал, что больше кокетничает, чем.. Он вчастую докурил сигарету, сел к столу и стал читать письмо.

«Майя! Твое письмо так встревожило меня, что вот уже второй день я хожу сам не свой: весь в мыслях. Я спрашиваю себя: что это? И не могу ответить. Теперь я спрашиваю тебя: что это, Майя? Пожить у меня неделю – ради бога! Но это же и есть то, о чем я спрашиваю: что это? Ты же знаешь мое к тебе отношение.. Оно, как подсказывает мне дурное мое сердце, осталось по-прежнему таким, каким было тогда: я люблю тебя. И именно это обстоятельство дает мне сейчас право спрашивать и говорить то, что я думаю о тебе. И о себе тоже. Майя, это что, бегство от себя? Ну, что же.. приезжай, поживи. Но тогда куда мне бежать от себя? Мне некуда. А убежать захочется, я это знаю. Поэтому я еще раз спрашиваю (как на допросе!): что это, Майя? Умоляю тебя, напиши мне еще одно письмо, коротенькое, ответь на вопрос: что это, Майя?» Так начал Ваганов свое длинное письмо.. Он отодвинул его, склонился на руки. Почувствовал, что у него даже заболело сердце от собственной глупости и беспомощности. «Попугай! Что это, Майя? Что это, Майя? Тьфу!.. Слизняк». Это, правда, было как горе – эта неопределенность. Это впервые в жизни Ваганов так раскорячился.. «Господи, да что же делать-то? Что делать?» Повспоминал Ваганов, кто бы мог посоветовать ему что-нибудь – он готов был и на это пойти, – никого не вспомнил, никого не было здесь, кому бы он не постыдился рассказать о своих муках и кому поверил бы. А вспомнил он только.. Попова, его честный, прямой взгляд, его умный лоб.. А что? «А что, Майя? – съязвил он еще раз со злостью. – Это ничего, Майя. Просто я слизняк, Майя».

Он скомкал письмо в тугой комок и выбросил его через окно в огород. И лег на кровать, и крепко зажмурил глаза, как в детстве, когда хотелось, чтобы какая-нибудь неприятность скорее бы забылась и прошла.

Утром, шагая на работу, Ваганов чувствовал большую усталость. В пустой голове проворачивался и проворачивался невесть откуда влетевший мотивчик: «А я играю на гармошке у прохожих на виду-у..» С письмом Ваганов решил подождать. Пусть придет определенность, пусть сперва станет самому ясно: способен он сам-то на

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru что-нибудь или он выдумал себя такого – умного, деятельного, а другие, как дурачка, подогрели его в этом. Вот пусть это станет ясно до конца – пусть больше не будет никаких иллюзий, никакого обмана на свой счет. Пока ясно одно: он любит Майю и боится сближения с ней. Боится ответственности, несвободы, боится, что не будет с ней сильным и деятельным и его будущее – накроется. «Вот теперь поглядим, как ты вывернешься, деятельный, – думал он про себя с искренней злостью. – Подождем и посмотрим».

Работу он начал с того, что послал за Поповым.

Попов пришел скоро, опять осторожно заглянул в дверь.

– Входи! – Ваганов вышел из-за стола, пожал руку Попову, усадил его на стул. Сам сел рядом.

– Как твое имя?

– Павел.

– Ну, как там?.. Дома-то?

Попов помолчал... Посмотрел серыми своими глазами на следователя. Какие все же удивительные у него глаза: не то доверчивые сверх меры, не то мудрые. Как у ребенка ясные, но ведь видели же эти глаза и смерть, и горе человеческое, и сам он страдал много... Не это ли и есть сила-то человеческая – вот такая терпеливая и безответная? И не есть ли все остальное – хамство, рвачество и жестокость?

– Ничего вроде... А что? – спросил Попов.

– Не говорил с женой?

– Мы с ей неделю уж не разговариваем.

– Не заметил в ней никаких перемен?

– Заметил. – Попов усмехнулся. – Вчера вечером долго на меня смотрела, потом говорит: «Был у следователя?» – «Был, – говорю. – А что, тебе одной только бегать туда?»

– А она что?

– Ничего больше. Молчит. И я молчу.

– Возьмут они свои заявления назад, – сказал Ваганов. – Еще разок вызову, может, не раз даже... Думаю, что возьмут.

– Хорошо бы, – просто сказал Попов. – Неохота сидеть, ну ее к черту. Немолодой уже...

– Павел, – в раздумье начал Ваганов про то главное, что томило, – хочу с тобой посоветоваться... – Ваганов прислушался к себе: не совестно ли, как мальчишке, просить совета у дяди? Не смешон ли он? Нет, не совестно, и вроде не смешон. Что уж тут смешного! – Есть у меня женщина, Павел... Нет, не так. Есть на свете одна женщина, я ее люблю. Она была замужем, сейчас разошлась с мужем и дает мне понять... – Вот теперь только почувствовал Ваганов легкое смущение – оттого, что бестолково начал. – Словом, так: люблю эту женщину, а связываться с ней боюсь.

– Чего так? – спросил Попов.

– Да боюсь, что она такая же... вроде твоей жены. Пропаду, боюсь, с ней. Это ж на нее только и надо будет работать: что б ей интересно жить было, весело, разнообразно... Ну, в общем, все мои замыслы – побоку, а только ублажай ее.

– Ну-у, как же это так? – засомневался Попов. – Надо, чтоб жизнь была дружная, чтоб все вместе: горе – горе, радость – тоже...

– Да постой, это я знаю – как нужно-то! Это я все знаю.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– А что же?

У Ваганова пропала охота разговаривать дальше. И досадно стало на кого-то.

– Я знаю, как надо. Как должны жить люди, это все знают. А вот как быть, если я знаю, что люблю ее, и знаю, что она... никогда мне другом настоящим не будет? Твоя жена тебе друг?

– Да моя-то!..

– А что «моя-то»? Люди все одинаковы, все хотят жить хорошо... Разве тебе не нужен был друг в жизни?

– Я так скажу, товарищ Ваганов, – понял наконец Попов. – С той стороны, с женской, – оттуда ждаться нечего. Это обман сплошной. Я тоже думал об этом же... Почему же, мол, люди жить-то не умеют? Ведь ты погляди: что ни семья, то разлад. Что ни семья, то какой-нибудь да раскосяк. Почему же так? А потому, что нечего ждаться от бабы... Баба, она и есть баба.

– На кой же черт мы тогда женимся? – спросил Ваганов, удивленный такой закоренелой философией.

– Это другой вопрос. – Попов говорил свободно, убежденно – правда, наверно, думал об этом. – Семья человеку нужна, это уж как ни крутись. Без семьи ты – пустой ноль. Чего же тогда мы детей так любим? А потому и любим, чтоб была сила – терпеть все женские выходки!

– Но есть же... нормальные семьи!

– Да где! Притворяются. Сор из избы не выносят. А сами втихаря... бушуют.

– Ну, елки зеленые! – все больше изумлялся Ваганов. – Это уж совсем... мрак какой-то. Как же жить-то?

– Так и жить: укрепиться и жить. И не заниматься самообманом. Какой же она – друг, вы что? Спасибо, хоть детей рожают... И обижаться на их за это не надо – раз они так сделаны. Чего обижаться? – В правде своей Попов был тверд, спокоен. Когда понял, что Ваганов такой именно правды и хочет – всей, полной, – он ее и выложил. И смотрел на молодого человека мирно, даже весело, не волновался.

– Так, так, – проговорил Ваганов. – Ну, нет, Попов, это в тебе горе твое говорит, неудача твоя. Это все же не так все...

Попов пожал плечами.

– Вы меня спросили – я сказал, как думаю.

– Это верно, верно. Я не спорю. Спорить тут надо целой жизнью, а так... это...

– Конечно. Каждый так и живет – с самого начала. Скажи мне тогда: «Не женись, мол, Пашка, – ошибесся». Что я на это? Послал бы подальше этого советчика и делал свое дело. Так оно и бывает.

– Да, да, – согласился Ваганов. – Это верно. Ну, хорошо. – Он встал. Попов тоже встал. – До свидания, Павел. Думаю, что они возьмут свои заявления. Только ты уж...

– Да нет, что вы, товарищ Ваганов! – заверил Попов. – Больше этого не повторится, даю слово. Глупость это... Чего из их выколачивать-то? Пусть им самим совестно станет. А то мне же и совестно – нашумел... Хожу, клязузами занимаюсь – рази ж не совестно?

– Ну, до свидания.

– До свидания.

Только за Поповым закрылась дверь, Ваганов сел к столу – писать. Он еще во время разговора с Поповым решил дать Майе такую телеграмму:

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

«Приезжай. Палат нету – все мое ношу собой. Встречу. Георгий».

Он записал так... Прочитал. Посвистел над этими умными словами все тот же мотив: «Я играю на гармошке...» Аккуратно разорвал лист, собрал клочочки в ладонь и пошел и бросил их в корзину. Постоял над корзиной... Совершенный тупой покой наступил в душе. Ни злости уже не было, ни досады. Но и работать он бы не смог в этот день. Он подошел к столу и размашисто, во весь лист написал:

«Нездоровится. Пошел домой».

Видеть кого-то из сослуживцев и говорить о чем-то – это тоже сегодня не по силам.

Он пошел домой. Дорогой негромко пел:

А я играю на гармошке

У прохожих на виду-у.

К сожаленью, день рожденья –

Только ра-аз в го-од-у.

День стоял славнецкий – не жаркий, а душистый, теплый. Еще не пахло пылью, еще лето только вступало в зрелую пору свою. Еще молодые зеленые силы гнали и гнали из земли ядреный сок жизни: все цвело вокруг, или начинало цвести, или только что отцвело, и там, где завяли цветки, завязались пухлые живые комочки – будущие плоды. Благодатная, милая пора! Еще даже не грустно, что день стал убывать, еще этот день – впереди.

Ваганов свернул к почте. Зашел. Взял в окошечке бланк телеграммы, присел к обшарпанному, заляпанному чернилами столику, с краешку, написал адрес Майи... Несколько повисел перышком над линией, где следовало писать текст... И написал: «Приезжай».

И уставился в это айкающее слово... Долго и внимательно смотрел. Потом смял бланк и бросил в корзину.

– Что, раздумали? – спросила женщина в окошечке.

– Адрес забыл, – соврал Ваганов. И вышел на улицу. Пошел теперь твердо домой.

«И врать ведь как научился! – подумал о себе, как о ком-то – отчужденно. – Глазом не моргнул».

И сеном еще с полей не пахло, еще не начинали косить.

Ванька Тепляшин

Ванька Тепляшин лежал у себя в сельской больнице с язвой двенадцатиперстной кишки. Лежал себе и лежал. А приехал в больницу какой-то человек из районного города, Ваньку вызвал к себе врач, они с тем человеком крутили Ваньку, мяли, давили на живот, хлопали по спине... Поговорили о чем-то между собой и сказали Ваньке:

– Поедешь в городскую больницу?

– Зачем? – не понял Ванька.

– Лежать. Так же лежать, как здесь лежишь. Вот... Сергей Николаевич лечить будет.

Ванька согласился.

В горбольнице его устроили хорошо. Его там стали называть «тематический больной».

– А где тематический больной-то? – спрашивала сестра.

– Курит, наверно, в уборной, – отвечали соседи Ванькины. – Где же еще.

– Опять курит? Что с ним делать, с этим тематическим...

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru Ваньке что-то не очень нравилось в горбольнице. Все рассказал соседям по палате, что с ним случилось в жизни: как у него в прошлом году шоферские права хотели отнять, как один раз тонул с машиной...

– Лед впереди уже о так от горбатится – горкой... Я открыл дверцу, придавил газку. Вдруг – вниз поехал!.. – Ванька, когда рассказывает, торопится, размахивает руками, перескакивает с одного на другое. – Ну, поехал!.. Естественно, как с горки! Вода – хлобысь мне в ветровое стекло! А дверку льдиной шваркнуло и заклинило. И я, естественно, иду ко дну, а дверку не могу открыть. А сам уже плаваю в кабине. Тогда я другую нашарил, вылез из кабины-то и начинаю осматриваться...

– Ты прямо, как это... как в баню попал: «вылез, начинаю осматриваться». Меньше ври-то.

Ванька на своей кровати выпучил честные глаза.

– Я вру?! – Некоторое время он даже слов больше не находил. – Хот... Да ты что? Как же я врать стану! Хот...

И верно, посмотришь на Ваньку – и понятно станет, что он, пожалуй, и врать-то не умеет. Это ведь тоже – уметь надо.

– Ну, ну? Дальше, Вань. Не обращай внимания.

– Я, значит, смотрю вверх – вижу: дыра такая голубая, это куда я провалился... Я туда погреб.

– Да сколько ж ты под водой-то был?

– А я откуда знаю? Небось, недолго, это я рассказываю долго. Да еще перебивают...

– Ну, ну?

– Ну, вылез... Ко мне уже бегут. Завели в первую избу...

– Сразу – водки?

– Одеколоном сперва оттерли... Я целую неделю потом «красной гвоздикой» вонял. Потом уж за водкой сбегали.

..Ванька и не заметил, как наладился тосковать. Стоял часами у окна, смотрел, как живет чужая его уму и сердцу улица. Странно живет: шумит, кричит, а никто друг друга не слышит. Все торопятся, но оттого, что сверху все люди одинаковы, кажется, что они никуда не убегают: какой-то загадочный бег на месте. И Ванька скоро привык скользить взглядом по улице – по людям, по машинам... Еще пройдет, надламываясь в талии, какая-нибудь фифочка в короткой юбке, Ванька проводит ее взглядом. А так – все одинаково. К Ваньке подступила тоска. Он чувствовал себя одиноко.

И каково же было его удивление, радость, когда он в этом мире внизу вдруг увидел свою мать... Пробирается через улицу, оглядывается – боится. Ах, родная ты, родная! Вот догадалась-то.

– Мама идет! – закричал он всем в палате радостно.

Так это было неожиданно, так она вольно вскрикнула, радость человеческая, что все засмеялись.

– Где, Ваня?

– Да вон! Вон, с сумкой-то! – Ванька свесился с подоконника и закричал: – Ма-ам!

– Ты иди встретить ее внизу, – сказали Ваньке. – А то ее еще не пропустят: сегодня не приемный день-то.

– Да пустят! Скажет – из деревни... – Гадать стали.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Пустят! Если этот стоит, худой такой, с красными глазами, этот сроду не пустит.

Ванька побежал вниз.

А мать уже стояла возле этого худого с красными глазами, просила его. Красноглазый даже и не слушал ее.

– Это ко мне! – издали еще сказал Ванька. – Это моя мать.

– В среду, субботу, воскресенье, – деревянно прокуковал красноглазый.

Мать тоже обрадовалась, увидев Ваньку, даже и пошла было навстречу ему, но этот красноглазый придержал ее.

– Назад.

– Да ко мне она! – закричал Ванька. – Ты что?!

– В среду, субботу, воскресенье, – опять трижды отстукал этот... вахтер, что ли, как их там называют.

– Да не знала я, – взмолилась мать, – из деревни я... Не знала я, товарищ. Мне вот посидеть с им где-нибудь, маленько хоть...

Ваньку впервые поразило, – он обратил внимание, – какой у матери сразу сделался жалкий голос, даже какой-то заученно-жалкий, привычно-жалкий, и как она сразу перескочила на этот голос... И Ваньке стало стыдно, что мать так униженно просит. Он велел ей молчать:

– Помолчи, мам.

– Да я вот объясню товарищу... Чего же?

– Помолчи! – опять велел Ванька. – Товарищ, – вежливо и с достоинством обратился он к вахтеру, но вахтер даже не посмотрел в его сторону. – Товарищ! – повысил голос Ванька. – Я к вам обращаюсь!

– Вань, – предостерегающе сказала мать, зная про сына, что он ни с того ни с сего может соскочить с зарубки.

Красноглазый все безучастно смотрел в сторону, словно никого рядом не было и его не просили сзади и спереди.

– Пойдем вон там посидим, – изо всех сил спокойно сказал Ванька матери и показал на скамеечку за вахтером. И пошел мимо него.

– Наз-зад, – как-то даже брезгливо сказал тот. И хотел развернуть Ваньку за рукав.

Ванька точно ждал этого. Только красноглазый коснулся его, Ванька движением руки вверх резко отстранил руку вахтера и, бледнее уже, но еще спокойно, сказал матери:

– Вот сюда вот, на эту вот скамеечку.

Но и дальше тоже ждал Ванька – ждал, что красноглазый схватит его сзади. И красноглазый схватил. За воротник Ванькиной полосатой пижамы. И больно дернул. Ванька поймал его руку и так сдавил, что красноглазый рот скривил.

– Еще раз замечу, что ты свои руки будешь распускать... – заговорил Ванька ему в лицо негромко, не сразу находя веские слова, – я тебе... я буду иметь с вами очень серьезный разговор.

– Вань, – чуть не со слезами взмолилась мать. – Господи, господи...

– Садись, – велел Ванька чуть осевшим голосом. – Садись вот сюда. Рассказывай, как там?..

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Красноглазый на какое-то короткое время оторопел, потом пришел в движение и подал громкий голос тревоги.

– Стигнеев! Лизавета Сергеевна!.. – закричал он. – Ко мне! Тут произвол!.. – И он, растопырив руки, как если бы надо было ловить буйнопомешанного, пошел на Ваньку. Но Ванька сидел на месте, только весь напряжился и смотрел снизу на красноглазого. И взгляд этот остановил красноглазого. Он оглянулся и опять закричал: – Стигнеев!

Из боковой комнаты, из двери выскочил квадратный Евстигнеев в белом халате, с булочкой в руке...

– А? – спросил он, не понимая, где тут произвол, какой произвол.

– Ко мне! – закричал красноглазый. И, растопырив руки, стал падать на Ваньку.

Ванька принял его... Вахтер отлетел назад. Но тут уже и Евстигнеев увидел «произвол» и бросился на Ваньку.

...Ваньку им не удалось сцапать... Он не убегал, но не давал себя схватить, хоть этот Евстигнеев был мужик крепкий и старались они с красноглазым во всю силу, а Ванька еще стерегся, чтоб поменьше летели стулья и тумбочки. Но все равно, тумбочка вахтерская полетела, и с нее полетел графин и раскололся. Крик, шум поднялся... Набежало белых халатов. Прибежал Сергей Николаевич, врач Ванькин... Красноглазого и Евстигнеева еле-еле уняли. Ваньку повели наверх. Сергей Николаевич повел. Он очень расстроился.

– Ну как же так, Иван?..

Ванька, напротив, очень даже успокоился. Он понял, что сейчас он поедет домой. Он даже наказал матери, чтоб она подождала его.

– На кой черт ты связался-то с ним? – никак не мог понять молодой Сергей Николаевич. Ванька очень уважал этого доктора.

– Он мать не пустил.

– Да сказал бы мне, я бы все сделал! Иди в палату, я ее приведу.

– Не надо, мы счас домой поедем.

– Как домой? Ты что?

Но Ванька проявил непонятную ему самому непреклонность. Он потому и успокоился-то, что собрался домой. Сергей Николаевич стал его уговаривать в своем кабинете... Сказал даже так:

– Пусть твоя мама поживет пока у меня. Дня три. Сколько хочет! У меня есть где пожить. Мы же не довели дело до конца. Понимаешь? Ты просто меня подводишь. Не обращай внимания на этих дураков! Что с ними сделаешь? А мама будет приходить к тебе...

– Нет, – сказал Ванька. Ему вспомнилось, как мать униженно просила этого красноглазого... – Нет. Что вы!

– Но я же не выпишу тебя!

– Я из окна выпрыгну... В пижаме убегу ночью.

– Ну-у, – огорченно сказал Сергей Николаевич. – Зря ты.

– Ничего. – Ваньке было даже весело. Немного только жаль, что доктора... жалко, что он огорчился. – А вы найдете кого-нибудь еще с язвой... У окна-то лежит, рыжий-то, у него же тоже язва.

– Не в этом дело. Зря ты, Иван.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Нет. – Ваньке становилось все легче и легче. – Не обижайтесь на меня.

– Ну, что ж... – Сергей Николаевич все же очень расстроился. – Так держать тебя тоже бесполезно. Может, подумаешь?.. Успокойсья...

– Нет. Решено.

Ванька помчался в палату – собрать кой-какие свои вещички.

В палате его стали наперебой ругать:

– Дурак! Ты бы пошел...

– Ведь тебя бы вылечили здесь, Сергей Николаевич довел бы тебя до конца.

Они не понимали, эти люди, что скоро они с матерью сядут в автобус и через какой-нибудь час Ванька будет дома. Они этого как-то не могли понять.

– Из-за какого-то дурака ты себе здоровье не хочешь поправить. Эх ты!

– Надо человеком быть, – с каким-то мстительным покоем, даже, пожалуй, торжественно сказал Ванька. – Ясно?

– Ясно, ясно... Зря порешь горячку-то, зря.

– Ты бы полтинник сунул ему, этому красноглазому, и все было бы в порядке. Чего ты?

Ванька весело со всеми попрощался, пожелал всем здоровья и с легкой душой поскакал вниз.

Надо было еще взять внизу свою одежду. А одежду выдавал как раз этот Евстигнеев. Он совсем не зло посмотрел на Ваньку и с сожалением даже сказал:

– Выгнали? Ну вот...

А когда выдавал одежду, склонился к Ваньке и сказал негромко, с запоздалым укором:

– Ты бы ему копеек пятьдесят дал, и все – никакого шума не было бы. Молодежь, молодежь... Неужели трудно догадаться?

– Надо человеком быть, а не сшибать полтинники, – опять важно сказал Ванька. Но здесь, в подвале, среди множества вешалок, в нафталиновом душном облаке, слова эти не вышли торжественными; Евстигнеев не обратил на них внимания.

– Ботинки эти? Твои?

– Мои.

– Не долечился и едешь...

– Дома долечусь.

– До-ома! Дома долечисся...

– Будь здоров, Иван Петров! – сказал Ванька.

– Сам будь здоров. Попросил бы врача-то... может, оставят. Зря связался с этим дураком-то.

Ванька не стал ничего объяснять Евстигнееву, а поспешил к матери, которая небось сидит возле красноглазого и плачет.

И так и было: мать сидела на скамеечке за вахтером и вытирала полушалком слезы. Красноглазый стоял возле своей тумбочки, смотрел в коридор – на прострел. Стоял прямо, как палка. У Ваньки даже сердце заколотилось от волнения, когда он увидел его. Он даже шаг замедлил – хотел напоследок что-нибудь сказать ему. Покрепче.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Но никак не находил нужное.

– Будь здоров! – сказал Ванька. – Загогулина.

Красноглазый моргнул от неожиданности, но головы не повернул – все смотрел вдоль своей вахты.

Ванька взял материну сумку, и они пошли вон из хваленной-перехваленной горбольницы, где, по слухам, чуть ли не рак вылечивают.

– Не плачь, – сказал Ванька матери. – Чего ты?

– Нигде ты, сынок, как-то не можешь закрепиться, – сказала мать свою горькую думу. – Из ФЗУ тада тоже...

– Да ладно!.. Вались они со своими ФЗУ. Еще тебе одно скажу: не проси так никого, как давеча этого красношарого просила. Никогда никого не проси. Ясно?

– Много так сделаешь – не просить-то!

– Ну... и так тоже нельзя. Слушать стыдно.

– Стыдно ему!.. Мне вон счас гумажки собирать на пенсию – побегай-ка за имя, да не попроси... Много соберешь?

– Ладно, ладно... – Мать никогда не переговорить. – Как там, дома-то?

– Ничо. У себя-то будешь долеживать?

– Та-а... не знаю, – сказал Ванька. – Мне уже лучше.

Через некоторое время они сели у вокзала в автобус и поехали домой.

Хахаль

Костя Жигунов ездил в командировку в краевой центр и там зашел к земляку своему Сашке Ковалеву.

Сашка работал на стройке, жил в общежитии, в комнате на двоих... Сашка шумно обрадовался гостю.

Сидели втроем, беседовали о том, о сем, о заработках.

– Сколько в среднем выходит? – спросил Костя.

– Сто пятьдесят самое большое... Больше не дадут заработать.

– Ну, братцы!.. Надо совесть иметь. Я техникум кончил, работаю завгаром и то столько не получаю.

– Сравнил! – только и сказали строители. – Город – это город.

– Как мои там? – поинтересовался Сашка.

– Давно их не видел... Сеструху, правда, видел раза два. Ничего вроде. Ты в отпуск-то приедешь?

– Не знаю. Пошли похахалим?

– Как это?

– Ну как?.. У меня одна есть, скажем ей, она приведет еще. А чего вечер зря пропадать будет. Пошли.

Костя женился лет пять назад и ни разу еще не изменил жене, даже как-то не думал об этом. Да и случая не было подходящего.

– Хм...

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Что? Пойдем?

– Нет, я ничего. Пошли.

Пошли. Это оказалось рядом – тоже общежитие, тоже с комнатами на двоих. «Во житуха-то! – подумал Костя. – И ходить далеко не надо».

Сашкин товарищ отвалил куда-то наособицу, а Сашка и Костя постучали в дверь, обитую дерматином.

– Пообивают двери – все казанки посшибаешь об эти скобки, – недовольно заметил Сашка. – Обили дверь – значит, проведи звонок! Так я понимаю. Нет, звонок стоит денюжку – пусть люди пальцы сшибают.

– Хахали. Ходят-то...

– А?

– Не люди, а хахали.

– К ним не одни хахали ходят. – Сашка опять постучал.

За дверью молчание.

– Может, нет дома?

– Дома. Голые ходят. – Сашка еще постучал в железную скобочку. И поморщился.

– Кто? – тоненько спросили из-за двери.

– Мы! – тоже тоненько, передразнивая голосок, откликнулся Сашка.

– Сейчас!

– Я ж говорю, голые ходят.

– Почему голые-то?

– Ну, с работы пришли... Переодеваются, умываются.

– Тоже на стройке работают?

– Но.

– Может, мы не вовремя?

– Все в порядке, – успокоил Сашка. И крикнул: – Скоро вы там?

С той стороны двери щелкнула задвижка, хахали вошли. У Кости вдруг взволновалось сердце, когда он переступил запретный в его положении порог.

– Нинон? – удивился Сашка. – Ты приехала?

Нинон – рослая, чернобровая девушка, грудастая. Это она взволновала Костю.

В комнате жили две девушки – Нина и Валя. Костя сообразил: раз для Сашки новость, что Нина приехала, стало быть, его... хахалиха, что ли, Валя. Валя тоже милая девушка, но Нинон... Костя украдкой взглядывал на чернобровую, и ему не верилось, что просто так – ни за что ни про что, даром – судьба возьмет и подарит ему эту красавицу. Но похоже, что так: Сашка успел подмигнуть другу и показал глазами на Нину.

Сашка между тем молотил языком, и у него это получалось славно.

– Нина, ну как отдохнула?

– Хорошо, Саша. Очень хорошо. – Нина чуть ударяла на «о», выкругляла слова, подталкивала, и они катились – легко, как колесики. – Покупалась в речке... Ох,

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru хорошо!

– Да где уж там хорошо-то? Скучно небось?

– Господи, а чего мне надо? Сходила в кино, раза три на танцы – не манит... В огороде больше копалась. За ягодами ходила.

Костя слушал девушку... И так бы и слушал, и слушал ее – не надоело бы. «Какое тут к черту хахальство! – подумал. – Тут впору жениться на такой».

Валя была побойчей, поострей на язык, немножко пустомеля.

– А у нас... Ты знала Зинку-то Хромову? Палка такая ходила, волосы седила...

– Но.

– Замуж вышла за Валерку Семенова. Бригадиром...

– Он же женат!

– Бросил. Позарился!.. Доска доской, ничегошеньки нет, и вот – пожалуйста.

– А дети были? У Валерки-то?

– Нет, не было. Он ходит теперь, треплется: я, мол, потому и бросил, что рожать не может. Ой!.. Посмотрим, сколь тебе эта жердь нарожает! стыдно – вот и нашел отговорку.

«Да как же это к ним так ходят – к бабам, и все? – все больше удивлялся Костя. – Приврал, видно, Сашка, хвастнул. Не похожи они на таких... Обыкновенные девки, и рассуждения у них нормальные – женские».

Сашка торопил события.

– Давайте – знаете что? – выпьем! – предложил он. Отчаянная головушка. – ко мне как-никак друг приехал...

К изумлению Кости, девушки легко согласились.

– Валюха, мы – в магазинус, Нинон с Костей – соображают насчет картошки. Быстро! Душа горит.

И Нинон с Костей остались одни.

«Ну и что я должен делать? – растерялся Костя. – Анекдот, что ли, какой-нибудь рассказать?»

Перебрал в памяти анекдоты, какие знал – не годятся.

Нина расстелила на полу у двери газету и принялась чистить картошку.

– Вы в командировку, что ли? – спросила она.

– Ага. Надо...

Замолчали.

«Ну и фраер же я! – мучился Костя. – Совсем язык проглотил». Долго молчали.

– Зинка-то! – вдруг сказала Нина. – Надо же... замуж вышла. – И покачала головой. И усмехнулась.

«О-о! – ужаснулся Костя. – Это ж она при мне... сама с собой разговаривает. Понял? За табуретку меня принимает».

– У нас недавно случай был, – заговорил он. – Пошли бабы за малиной на остров... Берут. А с той стороны острова – протока, она летом мелеет здорово. Ну, медведь и перешел ее...

– Медведь?

– Медведь. Перебрел, значит, и тоже – к малинке, они любят ее. А одна баба у нас есть, смешная такая!.. Наткнулась на рясный куст и успеваешь в две руки, и успеваешь. Вдруг слышит: с той стороны кто-то подошел к кусту... А куст-то большой – не видно. А она, баба-то, и говорит: «Это ты, Нюра?» Думала, товарка с той стороны подошла. А медведь-то как рявкнет!.. – Костя засмеялся. Нина слушала. – Как он рявкнул, баба бросила ведро и бежать. Бежит и орет дурным голосом: «Мишенька, у меня дети маленькие!» – Костя опять засмеялся, долго смеялся, представив, как летела по кустам перепуганная баба.

– А он что, он за ней, что ли?

– Медведь? Да нет, он в другую сторону побежал – к протоке. Он сам напугался. А ей казалось, что он следом бежит. Вот она и кричала про детей...

– Закричишь. – Нина так и не посмеялась. – Шутка в деле – медведь! – и продолжала чистить картошку. – Нет, у нас их нету. У нас – змеи.

– Гадюки?

– Но. Да большие! Тоже – берешь ягоду-то, а сама думаешь: «Ох, чикнет сейчас, ох, чикнет».

– Надо ежей разводить. Вот где-то, в Болгарии кажется, змей в одном месте было – кишели. А место само по себе очень здоровое – хорошо бы курортов настроить. Так они что сделали: взяли ежей там развели, и все.

– Да как они что, едят змей?

– Еще как! Ежи и свиньи – жрут за милую душу. Кабаны еще дикие – тоже едят. У меня брательник на Кавказе служит, один случай в письме описывал. С кабанами связано. Значит, один колхоз держал свиней на откорме где-то... подальше от жилья. Ну, и они паслись, ходили одни, а к вечеру сами приходили в загон. А однажды они не пришли к загону. Выяснилось, что они встретились где-то с дикими кабанами и те сманили их с собой. Суток трое их не было... Искали, но без толку: далеко куда-то ушли. Потом пришли, но не все. Из тысячи, кажется, штук пятьсот вернулось только...

– А те остались?

– Те остались. Но эти, которые вернулись, такой приплод принесли, что колхоз даже обрадовался.

Нина засмеялась.

– Вот, говорят: нет худа без добра.

– Да. Еще говорят: не было бы счастья, да несчастье помогло. У меня зять помер с такой поговоркой.

– Как же это?

– Да у него голова что-то болела... Болит и болит голова, ну, а к врачу, знаете, все некогда, да, может, обойдется... А тут – дотерпел, что сознание потерял. Ну, его в больницу. Сеструха потом рассказывала: «Прихожу, говорит, к нему, а он мне и говорит: «Вот, говорит, не было бы счастья, да несчастье помогло. Теперь хоть вылечусь». Рад был, что в больницу попал. Веселый лежал... Потом помер. А жили они за Новосибирском, далеко. Ну что: надо ехать за ним. Он был из нашего села, Сашка его знал. Хоронить надо на родине. Я поехал. А было начало ноября, река только становилась. А мост у нас был наплавной, к зиме его разбирали. Самая распутица. Я туда-то на моторке пробился, а оттуда – это уже дня через четыре: реку уже схватило. Пешие ходят, досок накидали – ничего. А с гробом-то как? Ну, я сестру с ребятишками перевел по доскам, а сам вернулся, нанял подводу и поехал вверх по реке – там, сказали, схватило крепче. И вот мы с возчиком выбрали такое место – вроде ничего, можно. Разогнали коня, а сами – в стороны от саней. Лед трещит, гнется, мы бежим и со стороны орем на коня... А он сам уж – дай бог

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
ноги, самому охота живому до берега добежать. Как переехали, не знаю. Хороший
мужик был, зять-то. Жалко. Тридцать три года всего было. Двое детей осталось...

Эта грустная история рассказана была, как понял сам Костя, совсем некстати. Он
замолчал. На какое-то время он забыл и про Нину, и зачем он пришел сюда –
вспомнил Дмитрия, зятя... Ребятишек-плямшей вспомнил... И совестно стало. Закурил.

И в это время пришли Сашка с Валей. Пришли веселые. Сашка вовсю дурачился.

– Спорим? – кричал он. – Давай спорить!

– Чего вы? – спросила Нина.

– Она не верит, что я могу выпить бутылку вина, не держась руками.

– Кто спорит, тот...

– Да это мы слышали! Мне только напиться неохота, а то бы я показал.

– А как это?

– Вон чайник, да? Я б сейчас вино вылил в него, носик в зубы и...

– А-а.

– Вот те и «а-а». Ну, как тут у вас?

– Я еще картошку только начистила.

– Ну-у, товарищи!.. Чем вы тут занимались, не знаю. Не знаю. Нинон, чем вы тут
занимались?

«Трепач, – с яростью подумал Костя. – Носик в зубы...»

– Долго с этой картошкой, – сказала Валя. – Ну ее к черту! Закусим чем-нибудь...

– Идея! – подхватил Сашка. – Выпьем и пойдем на танцы.

Нина остановилась с тазиком в руках.

– Ну?

– Как, Костя?

– Да мне-то, господи!.. Нужна мне эта картошка.

Так и порешили – не возиться с картошкой. Сели за стол.

После двух стаканов вина Косте стало веселей.

– А где тут у вас танцы? Далеко?

– В парке.

– Пойдем, Нина?

– Мне что-то неохота. Не манит. Можно сходить, только я танцевать не буду.

– Почему?

– Не умею, как они. Совестно.

– Ерунда! – раздухарился Костя. – Я могу не хуже их.

До парка решили идти пешком.

Валя с Сашкой шли впереди, Нина с Костей сзади.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Костя начал помаленьку растрчивать веселье из груди. Опять подступали неловкость и стыд, и как он себя ни взбадривал, как ни старался настроиться на беспечность – не получалось. Он взял Нину под руку и шел так, молчал. Зато Сашка впереди строчил, как из пулемета. Валя то и дело смеялась громко. Костя завидовал земляку и понимал, что только так и нужно сейчас – нести околесицу, чтоб уши вяли. Только так и надо. Но Костя боялся, что если он начнет говорить, то его опять поведет куда-нибудь не туда. Про гроб начал давеча!..

– Расскажи чего-нибудь, – попросил он Нину.

– Чего рассказать?

– Ну... веселое что-нибудь. А то со мной с тоски завянешь.

– А я вот так вот люблю: ходить и смотреть на людей. И отгадывать про них...

– Ты что, ворожейка? – Костя засмеялся насильственно и снова остро почувствовал, что это глупо, что он хихикает.

– Не ворожейка, – серьезно сказала Нина, – просто хожу и отгадываю: вот у этого горе какое-то, а этому – только до постели добраться, с работы идет. А другому, посмотришь, ничегошеньки не надо: куда-нибудь придет...

«Это она про меня, наверно».

– Знаешь, – сказала вдруг Нина, останавливаясь. – Пойдем на реку. Там хорошо.

– А они?

– А что они?

– Ничего? Оставим-то их...

– Ничего. – Нина посмотрела на своего кавалера, и тому показалось, что она усмехнулась.

«Ну, давай, Костя, – серьезно подумал он, – не будь же уж совсем-то чумичкой: девка сама подсказывает. Совсем, что ли, баран?»

– У меня там скамеечка есть... Сидишь, думаешь... Хорошо. Иной раз дотемна досидишь.

– Одна? – Костя только что не взбрыкнул – так ему хотелось показаться игривым.

– Одна.

– О чем мысли?

– Не знаю.

– Вот это да! Как же так? Сидеть, думать, а о чем – не знаю.

– Не знаю. Сижу – вроде думаю, а спроси вот так – не знаю, о чем. Может, вспоминаю... Я маленькая бойкая была, в школе озоровала...

– А теперь?

– Теперь другая.

– Замуж пора, – брякнул Костя.

– Была, – просто сказала Нина.

– Была? Где, здесь?

– Здесь. Полтора года была замужняя женщина...

– Ну?

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Теперь нет. Опять, вишь, на танцы хожу.

– А почему?

– Разошлись.

– Как так?

– Что?

– Почему разошлись-то?

– Не надо об этом, – попросила Нина. – Не бывает, что ли?

Не скажешь, чтобы в голосе ее слышалась грусть или скорбь, но была в ее голосе, глубоко спокойном, усталость. Как будто накричался человек на том берегу реки, долго звал, потом сказал себе тихо, без боли: «Не слышат».

Некоторое время шли молча.

Шли по набережной. Нина смотрела на воду, Костя сбоку разглядывал ее. И досмотрелся до того, что забыл неловкость и крепко прижал ее руку к своему боку. Нина повернулась к нему...

– Почему разошлись-то? – вылетело у Кости. Он не хотел больше об этом. Он чуть не взвыл от отчаяния. Вовсе ему неинтересно было знать, из-за чего разошлись Нина с мужем. И ведь хотел-то он сказать что-нибудь доброе, ласковое, а... Тьфу!

Нина усмехнулась... И ничего не сказала.

Между тем подошли к той самой скамеечке, где любила сидеть Нина. Сели.

За домами на той стороне садилось солнце. Небо было темное, мутное, река черная... А там, где садилось солнце, обозначился слабый румянец зари. По обоим берегам зажглись на столбах огни, и по воде, поперек реки, заструились тоненькие светлые вилушки... Наносило холодом от воды. Костя снял пиджак и накиннул на плечи Нины. Когда накидывал, то хотел тут же и приобнять ее... Нина спокойно отстранилась и спокойно сказала:

– Не надо.

С удовольствием устроилась удобней в пиджаке и продолжала смотреть на воду. Костя закурил.

Долго молчали.

– Домой-то не лучше уехать? – сказал Костя.

– Все равно, – не сразу откликнулась Нина. Помолчала и еще сказала: – Устала я как-то.

– Домой надо, – опять сказал Костя.

– Дома хорошо, – согласилась Нина.

– Тебе сколько лет?

– Двадцать три.

Костя не знал, о чем еще говорить. Замолчал. Но теперь почему-то не мучился, что молчит.

«Обязательно тискаться, что ли?» – подумал сердито.

Слабый румянец за рекой погас. В той стороне на небе светлела только одна бледная пролысинка. Вода сделалась совсем черной, маслянисто-черной, неслышно текла на середине, а здесь, у берега, сонно покачивалась, лизала жирный гранит, вздыхала.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Пошли потихоньку к дому, – сказала Нина. И поднялась. – Не холодно без пиджака-то?

– Нет.

– Ну, пойду в нем. Зябко.

– Не простыла?

– Нет, так чего-то.

Тихонько шли до общежития.

Костя и сам сейчас – не то думал, не то вспоминал что-то такое. Вообще грустно было.

– Пришли, – сказала Нина.

– Сашку я уж теперь не дождусь...

– Они долго будут.

– Скажи, что я ушел в гостиницу. А завтра – домой.

– Счастливо.

Костя пожал крепкую ладонь девушки. Задержал ее в своей руке. Нина улыбнулась, отняла руку, еще сказала:

– Счастливо. – И пошла. И ушла в подъезд, не оглянулась.

Костя пошел наугад переулками – потом где-нибудь на большой улице можно спросить, как пройти к гостинице. Думал о Нине... Шевельнулось в груди нечто вроде жалости к ней – или он попробовал пожалеть? – очень захотелось, чтоб у ней в жизни случилась бы какая-нибудь радость.

«Все мы какие-то», – подумал он и о себе. И не додумал. Стал слушать: где-то во дворе или в переулке молодые девичьи голоса тянули:

...Мою печаль, мою печаль,
А я такой, что за тобою
Могу пойти в любую даль.
А я тако-ой...

– Пойдешь, пойдешь, – сказал Костя вслух. И встряхнулся, точно хотел смахнуть с себя стыд и бестолочь сегодняшнего вечера – вспомнил свои рассказы про медведя, про гроб... – Тьфу!

Обида

Сашку Ермолаева обидели.

Ну, обидели и обидели – случается. Никто не призывает бессловесно сносить обиды, но сразу из-за этого переоценивать все ценности человеческие, ставить на попа самый смысл жизни – это тоже, знаете... роскошь. Себе дороже, как говорят. Благоразумие – вещь не из рыцарского сундука, зато безопасно. Да-с. Можете не соглашаться, можете снисходительно улыбнуться, можете даже улыбнуться презрительно... Валяйте. Когда намашетесь театральными мечами, когда вас отовсюду с треском выставят, когда вас охватит отчаяние, приходите к нам, благоразумным, чай пить.

Но – к делу.

Что случилось?

В субботу утром Сашка собрал пустые бутылки из-под молока, сказал: «Маша, пойдешь со мной?» – дочери.

– Куда? Гагазинчик? – обрадовалась маленькая девочка.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– В магазинчик. Молочка купим. А то мамка ругается, что мы в магазин не ходим, пойдем сходим.

– В кои-то века! – сказала озабоченная «мамка». – Посмотрите там еще рыбу – нототению. Если есть, возьмите с полкило.

– Это дорогая-то?

– Ничего, возьми – я ребятишкам поджарю.

И Сашка с Машей пошли в «гагазинчик».

Взяли молока, взяли масла, пошли посмотреть рыбу нототению. Пришли в рыбный отдел, а там за прилавком – тетя.

Тетя была хмурая – не выспалась, что ли. И почему-то ей показалось, что это стоит перед ней тот самый парень, который вчера здесь, в магазине, устроил пьяный дебош. Она спросила строго, зло:

– Ну, как – ничего?

– Что «ничего»? – не понял Сашка.

– Помнишь вчерашнее-то?

Сашка удивленно смотрел на тетю..

– Чего глядишь? Глядит! Ничего не было, да? Глядит, как Исусик..

Почему-то Сашка особенно оскорбился за этого «Исусика».

– Слушайте, – сказал Сашка, чувствуя, как у него сводит челюсть от обиды. – Вы, наверно, сами с похмелья?.. Что вчера было?

Теперь обиделась тетя. Она засмеялась.

– Забыл?

– Что я забыл? Я вчера на работе был!

– Да? И сколько плотют за такую работу? На работе он был! Да еще стоит рот разевает: «С похмелья!» Сам не проспался еще.

Сашку затрясло. Может, оттого он так остро почувствовал в то утро обиду, что последнее время наладился жить хорошо, мирно, забыл даже когда и выпивал.. И оттого еще, что держал в руке маленькую родную руку дочери.. Это при дочери его так! Но он не знал, что делать. Тут бы пожать плечами, повернуться и уйти к черту. Тетя-то уж больно того – неsgiбаемая. Может, она и поняла, что обозналась, но не станет же она, в самом деле, извиняться перед кем попало. С какой стати?

– Где у вас директор? – самое сильное, что пришло Сашке на ум.

– На месте, – спокойно сказала тетя.

– Где на месте-то? Где его место?

– Где положено, там и место. Для чего тебе директор-то? «Где директор»! Только и делов директору – с вами разговаривать! – Тетя повысила голос, приглашая к скандалу других продавщиц и покупателей старшего поколения. – Директора ему подайте! Директор на работу пришел, а не с вами объясняться. Нет, видите ли, дайте ему директора!

– Что там, Роза? – спросили тетю другие продавщицы.

– Да вот директора – стоит требует!.. Вынь да положь директора! Фон-барон. Пьянчуга.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Сашка пошел сам искать директора.

– Какая тетя... похая, – сказала Маша.

– Она не плохая, она... – Сашка не стал при ребенке говорить, какая тетя. Лицо его горело, точно ему ни за что ни про что публично надавали пощечин.

В служебном проходе ему загородил было дорогу парень мясник.

– Чего ты волну-то поднял?

Но ему-то Сашка нашел, что сказать. И, видно, в глазах у Сашки стояло серьезное чувство – парень отшагнул в сторону.

– Я не директор, – сказала другая тетя, в кабинетике. – Я – завотделом. А в чем дело?

– Понимаете, – начал Сашка, – стоит... и начинает ни с того ни с сего... За что?

– Вы спокойнее, спокойнее, – посоветовала завотделом.

– Я вчера весь день был на работе... Я даже в магазине-то не был! А она начинает: я, мол чего-то такое натворил у вас в магазине. Я и в магазине-то не был!

– Кто говорит?

– В рыбном отделе стоит.

– Ну, и что она?

– Ну, говорит, что я что-то такое вчера натворил в магазине. Я вчера и в магазине-то не был.

– Так что же вы волнуетесь-то, если не вы натворили? Не вы и не вы – и все.

– Она же хамить начала! Она же обзывается!..

– Как обзывается?

– Исусик, говорит.

Завотделом засмеялась. У Сашки опять свело челюсть. У него затряслись губы.

– Ну, пойдемте, пойдемте... что там такое – выясним, – сказала завотделом.

И завотделом, а за ней Сашка появились в рыбном отделе.

– Роза, что тут такое? – негромко спросила завотделом.

Роза тоже негромко – так говорят врачи между собой при больном о больном же, еще на суде так говорят и в милиции – вроде между собой, но нисколько не смущаются, если тот, о ком говорят, слышит, – Роза негромко пояснила:

– Напился вчера, наскандалил, а сегодня я напомнила – сделал вид, что забыл. Да еще возмущенный вид сделал!..

Сашку опять затрясло. А затрясло его опять потому, что завотделом слушала Розу и слегка – понимающе – кивала головой. Они вдвоем понимали, хоть они не смотрели на Сашку, что Сашке, как всякому на его месте, ничего другого и не остается, кроме как «делать возмущенный вид».

Сашку затрясло, но он собрал все силы и хотел быть спокойным.

– А при чем здесь этот ваш говорок-то? – спросил он.

Завотделом и Роза не посмотрели на него. Разговаривали.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– А что сделал-то?

– Ну, выпил – не хватило. Пришел опять. А время вышло. Он – требовать...

– Звонили?

– Любка пошла звонить, а он, хоть и пьяный, а сообразил – ушел. Обзывал нас тут всяко...

– Слушайте! – вмешался опять в их разговор Сашка. – Да не был я вчера в магазине! Не был! Вы понимаете?

Роза и завотделом посмотрели на него.

– Не был я вчера в магазине, вы можете это понять?! Я же вам русским языком говорю: я вчера в магазине не был!

Роза с завотделом смотрели на него и молчали.

А между тем сзади образовалась уже очередь. И стали раздаваться голоса:

– Да хватит вам: был, не был!

– Отпускайте!

– Но как же так? – повернулся Сашка к очереди. – Я вчера и в магазине-то не был, а они мне какой-то скандал приписывают! Вы-то что?!

Тут выступил один пожилой, в плаще.

– Хватит – не был он в магазине! Вас тут каждый вечер – не пробьешься. Соображают стоят. Раз говорят, значит, был.

– Что вы, они вечерами никуда не ходят! – заговорили в очереди.

– Они газеты читают.

– Стоит – возмущается! Это на вас надо возмущаться. На вас надо возмущаться-то.

– Да вы что? – попытался было еще сказать Сашка, но понял, что бесполезно. Глупо. Эту стенку из людей ему не пройти.

– Работайте, – сказали Розе. – Работайте спокойно. Не отвлекайтесь.

Сашка пошел к выходу. Покупатель в плаще послал ему в спину последнее:

– Водка начинает продаваться в десять часов! Рано пришел!

Сашка вышел на улицу, остановился, закурил.

– Какие дяди похие, – сказала Маша.

– Да, дяди... тети... – пробормотал Сашка. – Мгм... – Он думал, что бы ему сделать? Его опять трясло. Прямо трясун какой-то!

Он решил дождаться этого, в плаще. Поговорить. Как же так? Спросить: до каких пор мы сами будем помогать хамству? И с какой стати выскочил он таким подхалимом? Что за манера? Что за проклятое желание угодить хамоватому продавцу, чиновнику, просто хаму – угодить во что бы то ни стало! Ведь мы сами расплодили хамов, сами! Никто нам их не завез, не забросил на парашютах...

Так примерно думал Сашка. И тут вышел этот, в плаще.

– Слушайте, – двинулся к нему Сашка, – хочу поговорить с вами...

Плащ остановился, недобро уставился на Сашку.

– О чем нам говорить?

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Почему вы выскочили заступаться за продавцов? Я правда не был вчера в магазине...

– Иди, проспись сперва! Понял? Он будет еще останавливать... «Поговорить». Я те поговорю! Поговоришь у меня в другом месте!

– Ты что, взбесился?

– Это ты у меня взбесишься! Счас ты у меня взбесишься, счас... Я те поговорю, подворотня чертова!

Плащ прошуршал опять в магазин – к телефону, как понял Сашка.

Заговор какой-то! Сашка даже слегка успокоился. И решил не ждать милиции. Ну ее... Был бы один, может, и дождался бы – интересно даже: чем бы все это кончилось?

Они пошли с Машей домой. Дорогой Сашка все изумлялся про себя, все не мог никак понять: что такое творится с людьми?

Девочка опять залопотала на своем маленьком, смешном языке. Сашку вдруг изумило и то, что она, крохотуля, почему-то смолкала, когда он объяснялся с дядями и тетями, а начинала говорить только после того и говорила, что дядя и тети «похие», потому что нехорошо говорят с папой. Сашка взял девочку на руки. Чего-то вдруг аж слеза навернулась.

– Кроха ты моя... Неужели ты все понимаешь?

Дома Сашка хотел было рассказать жене Вере, как его в магазине... Но начал, и тут же расхотелось...

– А что, что случилось-то?

– Да ладно, ну их. Нахамили, и все. Что – редкость диковинная?

Но зато он задумался о том человеке в плаще. Ведь – мужик, долго жил... И что осталось от мужика: трусливый подхалим, сразу бежать к телефону – милицию звать. Как же он жил? Что делал в жизни? Может, он даже и не догадывается, что угодничать – никогда, нигде, никак – нехорошо, скверно... Но как же уж так надо прожить, чтобы не знать этого? А правда, как он жил? Что делал? Сашка раньше видел этого человека, он из девятиэтажной башни напротив... Сходить? Спросить у кого-нибудь, из какой он квартиры, его, наверно, знают...

«Схожу! – решил Сашка. – Поговорю с человеком. Объясню, что, правда же, эта дура обозналась – не был он вчера в магазине, что зря он так – не разобравшись, полез вступаться... Вообще поговорю. Может, он одинокий какой».

– Пойду сигарет возьму, – сказал жене Сашка.

– Ты только из магазина!

– Забыл.

...Один парнишка узнал по описанию Чукалова.

– Он в тридцать шестой.

– Он один живет?

– Почему? Там бабка тоже живет. А что?

– Ничего. Мне надо к нему.

Дверь открыл сам хозяин – тот самый человек, кого и надо было Сашке. Чукалов его фамилия.

– Не пугайтесь, пожалуйста, – сразу заговорил Сашка, – я хочу объяснить вам...

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Игорь! – громко позвал Чукалов.

Он не испугался, нет, он с каким-то непонятым удовлетворением смотрел на гостя – уперся темными, слегка выпуклыми глазами и был явно доволен. Ждал.

– Я хочу объяснить...

– Счас объяснишь. Игорек!

– Что там? – спросили из глубины квартиры. Мужчина спросил.

Сашка невольно глянул на вешалку и при этом пошевелился... Чукалов – то ли решил, что Сашка хочет уйти – вдруг цепко, неожиданно сильной рукой схватил его за рукав. И темные глаза его близко полыхнули злостью и радостно-скорой расправой. От него пахло водкой. Сашка настолько удивился всему, что не стал вырываться, только пошевелил рукой, чтоб высвободить кожу, которую Чукалов больно зажег с рукавом рубашки.

– Игорь!

– Что? – Вышел Игорь, наверно, сын, тоже с темными, чуть влажными глазами, здоровый, разгоряченный завтраком и водкой...

– Вот этот человек нахамил мне в магазине... Хотел избить. – Чукалов все держал Сашку за рукав.

Игорь уставился на Сашку.

– Да вы пустите меня, я ж не убегу, – попросил Сашка. И улыбнулся. – Я ж сам пришел.

– Пусти его, – велел Игорь. И вопросительно, пылливо, оценивающе, надо думать, смотрел на Сашку.

Чукалов отпустил Сашкин рукав.

– Понимаете, в чем дело, – как можно спокойнее, интеллигентнее заговорил Сашка, потирая руку. – Нахамили-то мне, а ваш отец...

– А мой отец подвернулся под горячую руку. Так?

– Да почему?

– Специально дождался меня у магазина...

– Мне было интересно узнать, почему вы... подхалимничаете?

Дальше Сашка двигался рывками, быстро... Игорь сгреб его за грудки – этого Сашка никак не ждал от него, – раза два пристукнул головой об дверь, потом открыл ее, протащил по площадке и сильно пустил вниз по лестнице. Сашка чудом удержался на ногах – схватился за перила. Наверху громко хлопнула дверь.

Сашка как будто выпал из вихря, который приподнял его, крутанул и шлепнул на землю. Все случилось очень скоро. И так же скоро, ясно заработала голова. Какое-то очень короткое время стоял он на лестнице... И быстро пошел вниз, почти побежал. В прихожей у него лежит хороший молоток. Надо опять позвонить – если откроет пожилой, успеть оттолкнуть его и пройти... Если откроет Игорек, еще лучше – проще. Вот довозмущался! Теперь унимай душу. Раньше бы ушел из магазина – ничего бы не было. Если откроет сам Игорь, надо левым коленом сразу шире распахнуть дверь и подставить ногу на упор: иначе он успеет толкнуть дверь оттуда и удара не выйдет. Не удар будет, а мазня.

Едва только Сашка выбежал из подъезда, увидел: по двору, из магазина, летит его Вера, жена, – простоволосая, насмерть чем-то перепуганная. У Сашки подкосились ноги: он решил, что что-то случилось с детьми – с Машей или с другой маленькой, которая только-только еще начала ходить. Сашка даже не смог от испуга крикнуть... Остановился, Вера сама увидела его, подбежала.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Ты что? – спросила она заплотшно.

– Ты-то чего?

– Какие дяди? С кем ты опять драку затеваешь? Мне Маша сказала, какие-то дяди. Какие дяди? Чего ты такой весь?

– Какой?

– Не притворяйся, Сашка, не притворяйся – я тебя знаю. Опять на тебе лица нету. Что случилось-то? С кем поругался?

– Да ни с кем я не ругался!..

– Не ври! Ты сказал, в магазин пойдешь... Где ты был?

Сашка молчал. Теперь, пожалуй, ничего не выйдет. Он долго стоял, смотрел вниз – ждал: пройдет само собой то, что вскипело в груди, или надо через все проломиться с молотком к Игорю?..

– Сашка, милый, пойдём домой, пойдём домой, ради бога, – взмолилась Вера, видно, чутьем угадавшая, что творится в душе мужа. – Пойдем домой, там малышки ждут... Я их одних бросила. Плюнь, не заводись, не надо. Сашенька, родной мой, ты о нас-то подумай. – Вера взяла мужа за руку: – Неужели тебе нас не жалко?

У Сашки навернулись на глаза слезы... Он нахмурился. Сердито кашлянул. Сунул руки в карман, достал пачку сигарет, вытащил дрожащими пальцами одну, закурил.

– Вон руки-то ходуном ходят. Пойдем.

Сашка легким движением высвободил руку... И пошел домой. И покорно пошел домой.

Наказ

Молодого Григория Думнова, тридцатилетнего, выбрали председателем колхоза. Собрание было шумным; сперва было заколебались – не молод ли? Но потом за эту же самую молодость так принялись хвалить Григория, что и самому ему, и тем, кто приехал рекомендовать его в председатели, стало даже неловко. Словом, выбрали.

Поздно вечером домой к Григорию пришел дядя его Максим Думнов, пожилой крупный человек с влажными веселыми глазами. Максим был слегка «на взводе», заявился шумно.

– Обмыва-ать! – потребовал Максим, тяжело привалившись боком к столу. – А-а?.. Как мы тебя – на руках посадили! Сиди! Сиди крепко!.. – Он весело смотрел на племянника, гордый за него. И за себя почему-то. – Сам сиди крепко и других – вот так вот держи! – Максим сжал кулак, показал, как надо держать других. – Понял?

Григорий не обрадовался гостю, но понимал, что это неизбежно: кто-нибудь да явится, и надо соблюсти этот дурацкий обычай – обмыть новую должность. Должность как раз сулила жизнь нелегкую, хлопотную, Григорий не сразу и согласился на нее... Но это не суть важно, важно, что тебя – выбирали, выбрали, говорили про тебя всякие хорошие слова... Теперь изволь набраться терпения, благодарности – послушай, как надо жить и как руководить коллективом.

Максим сразу с этого и начал – с коллектива.

– Ну, Григорий, теперь крой всех. Понял? Я, мол, кто вам? Вот так: сядь, мол, и сиди. И слушай, что я тебе говорить буду.

Григорий понимал, что надо бы все это вытерпеть – покивать головой, выпить рюмку-другую и выпроводить довольного гостя. Но он почему-то вдруг возмутился.

– Почему крыть-то? – спросил он, не скрывая раздражения. – Что за чертова какая-то формула: «крой всех!..» И ведь какая живучая! Крой – и все. Хоть плачь, но крой. Почему крыть-то?!

– А как же? – искренне не понял Максим. – Ты что? Как же ты руководить-то

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru собрался?

– Головой! – Григорий больше и больше раздражался, тем более раздражался, что Максим не просто бубнил по пьяному делу, а проявил убежденность и при этом смотрел на Григория, как на молодого несмышлениша.

– Головой я руководить собрался, головой.

– Ну-у!.. Головой-то многие собирались, только не вышло.

– Значит, головы не хватало.

– Хватало! Не ты один такой умница, были и другие.

– Ну? И что?

– Ничего. Ничего не вышло, и все.

– Почему же?

– Потому что к голове... твердость нужна, характер.

– Да мало у нас их было, твердых-то?! От кого мы стонали-то, не от твердых?

– Ладно, – согласился Максим. Спор увлек его, он даже не обратил внимания, что на столе у племянника до сих пор пусто. – Ладно. Вот, допустим, ты ему сказал: «Сделай то-то и то-то». А он тебе на это: «Не хочу». Все. Что ты ему на это?

– Надо вести дело так, чтоб ему... не знаю – стыдно, что ли, стало.

Максим Думнов растянул в добродушной улыбке рот.

– Так... дальше?

– Не стыдно, нет, – сказал Григорий, поняв, что это, верно что, не аргумент. – Надо, чтоб ему это невыгодно было экономически.

– Так, так, – покивал Максим. И, не задумываясь, словно он держал этот пример наготове, рассказал: – Вот у нас пастух, Климка Стебунов, пропас наших коров два месяца, собрал деньги и послал нас всех... «Не хочу!» И все. А ведь ему экономически вон как выгодно! Знаешь, сколько он за два месяца слупил с нас? Пятьсот семьдесят пять рублей! Где он такие деньги заработает? Нигде. А он все равно не хочет. Ну-ка, раскинь головой: как нам теперь быть?

– Ну, и как вы?

– Пасем пока по очереди... Кому позарез некогда, тот нанимает за себя. Но так ведь дальше-то тоже нельзя.

– А где этот Климка?

– Гуляет, где! Пропьет все до копейки, опять придет... И мы опять его, как доброго, примем. Да еще каждый будет стараться, как накормить его получше. А его, по-хорошему-то, гнать бы надо в три шеи. Вот тебе и экономика, милый Гриша. Окончи ты еще три института, а как быть с Климкой, все равно не будешь знать. Тем более что он – трудовой инвалид.

Григорий поубавил наступательный разгон, решил, что, пожалуй, стоит поговорить повнимательней.

– Погоди. Ну, а как бы ты поступил, будь ты хозяин... то есть, не хозяин, а...

– Понимаю, понимаю. Как? Пришел бы к нему домой, к подлецу... От него дома-то все плачут! «Вот что, милый друг, двадцать четыре часа тебе: или выходи коров пасти, или выселяем тебя из деревни». Все.

– Как же ты так? Сам же говоришь, он инвалид...

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Нам известно, как он инвалидом сделался: по своей халатности...

– А как?

– На вилы со стога прыгнул. Надо смотреть, куда прыгаешь. Но я ведь тебе не говорю, что я имею право его выселить. Ты спросил, как бы я действовал на твоём месте, я и прикидываю. Перво-наперво я бы его напугал насмерть. Нашел бы способ! Подговорил бы милиционера, подъехали бы к нему на коляске: «Садись, поедем протокол составлять об твоём выселении». Я же знаю Климку: сразу в штаны наложит. Завтра же до света помчится со своей дудкой коров собирать. Ничем больше Климку не взять. Проси ты его, не проси – бесполезно. Экономнику эту он тоже... у него своя экономика: он рублей триста домой отдал, семье, а двести с лишним себе оставил и прикинул, на сколько ему хватит. Недели на две хватит: он хоть и гуляет, а угостить из своего кармана шиш кого угостит.

Григорий задумался. Ведь и правда, завтра же перед ним станет вопрос: как быть со стадом колхозников? А как быть?

– Так что, неужели никого больше нельзя заинтересовать?

– А кого?! – воскликнул Максим. – Мужики помоложе да покрепче, они все у дела – все почти механизаторы, совсем молодой – тот посовестится пастухом, бабу какую-нибудь?.. У каждой семья, тоже не может. Вот и беда-то – некому больше. Я бы пошел, но староват уже гоняться-то там за имя по косогорам. Вот видишь, я тебе один маленький пример привел, и ты уже задумался. – Максим весело посмотрел на племяша, дотянулся к нему, хлопнул по плечу. – Не журишь! Однако прислушайся к моему совету: будь покруче с людьми. Люди, они ведь... Эх-х! Давай-ка по рюмочке пропустим, а то у меня аж в горле высохло: целую речь тут тебе закатил.

Григорий хотел позвать жену из горницы, чтоб она собрала чего-нибудь на стол, но Максим остановил.

– Не надо, пусть она там ребятишек укладывает. Мы сами тут чего-нибудь...

Григорий достал что надо, они налили по рюмочке, но пить не стали пока, закурили.

– Я ведь по глазам вижу, Гриша: сперва окрысился на меня – пришел, дескать, ученого учить! А я просто радый за тебя, пришел от души поздравить. Ну, и посоветовать... Я как-никак жизнь доживаю, всякого повидал. – Максим склонил массивную седую голову, помолчал... И Григорий подумал в эту минуту, что дядя его, правда повидал всякого: две войны отломал, на последней был ранен, попал в плен. Потом, после войны, долго выясняли, при каких обстоятельствах он попал в плен... А пока это выясняли, жена его, трактористка-стахановка, заявила тут, что отныне она не считает себя женой предателя, и всенародно прокляла тот день и час, в какой судьба свела их. И вышла за другого фронтовика. Все это надо было вынести, и Максим вынес. – Да, – сказал Максим, – вот такие наши дела. Давай-ка...

Они выпили, закусили, снова закурили. Максиму стало легче, он вернулся к разговору.

– Вся беда наша, Григорий, что мужик наш середки в жизни не знает. Вот я был в Германии... Само собой, гоняли нас на работу, а работать приходилось с ихними же рядом, с немцами. Я к ним и пригляделся. Тут... хошь не хошь, а приглядишься. И вот я какой вывод для себя сделал: немца, его как с малолетства на середку нацелили, так он живет всю жизнь – посередке. Ни он тебе не напьется, хотя и выпьет, и песню даже затянут... Но до края он никогда не дойдет. Нет. И работать по-нашенски – чертомелить – он тоже не будет: с такого-то часа и до такого-то, все. Дальше, хоть ты лопни, не заставишь его работать. Но свои часы отведет аккуратно – честь по чести, – они работать умеют, и всю выгоду... экономнику, как ты говоришь, он в голове держит. Но и вот таких, как Климка Стебунов, там тоже нету. Их там и быть не может. Его там засмеют, такого, он сам не выдержит. Да он там и не уродится такой, вот штука. А у нас ведь как: живут рядом, никаких условий особых нету ни для одного, ни для другого, все одинаково. Но один, смотришь, живет, все у него есть, все припасено... Другой только косится на этого, на справно-го-то, да подсчитывает, сколько у него чего. Наспроть меня Геночка вон живет Байкалов... Молодой мужик, здоровый – ходит через день в пекарню, слесарит там чего-то. И вся работа. Я ему: «Генк, да неужели ты это работой считаешь?» –

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru «А что же это такое?» – «Это, мол, у нас раньше называлось: смолить да к стенке становить». Вот так работа, елкина мать! Сходит, семь болтов подвернет, а на другой день и вовсе не идет: и эта-то, такая-то работа, – через день! Во, как!

– Сколько же он получает? – поинтересовался Григорий.

– Восемьдесят пять рублей. Хуже бабы худой. Доярки вон в три раза больше получают. А Генке – как с гуся вода: не совестно, ничего. Ну, ладно, другой бы, раз такое дело, по дому бы чего-то делал. Дак он и дома ни хрена не делает! День-деньской на реке пропадает – рыбачит. И ничего ему не надо, ни об чем душа не болит... Даже завидки берут, ей-богу. Теперь – другой край: ты Митьшу-то Стебунова знаешь ведь? – Максим сам вдруг подивился совпадению.: – Они как раз родня с Климкой-то Стебуновым, они же братья сродные! Хэх... Вот тебе и пример к моим словам: один всю жизнь груши околачивает, другой... на другого я без уважения глядеть не могу, аж слеза прошибет иной раз: до того работает, сердешный, до того вкалывает, что приедет с пашни – ни глаз, ни рожи не видать, весь черный. И, думаешь, из-за жадности? Нет – такой характер. Я его спрашивал: «Чего уж так хлещесся-то, Митьша?» – «А, – говорит, – больше не знаю, что делать. Не знаю, куда девать себя». Пить опасается: начнешь пить, не остановишься...

– Что, так и говорит: начну, значит, не остановлюсь?

– Так и говорит. «Если уж, говорит, пить, так пить, а так даже и затеваться неохота. Лучше уж вовсе не пить, чем по губам-то мазать». Он справедливый мужик, зря говорить не станет. Вот ведь мы какие... заковыристые. – Максим помолчал, поиграл ногтями об рюмочку... Качнул головой: – Но все же это только последнее время так народ избаловался. Техника!.. Она доведет нас, что мы – или рахитами все сделаемся, или от ожирения сердца будем помирать лет в сорок. Ты гляди только, какие мужики-то пошли жирные! Стыд и страх глядеть. Иде-ет, как баба брюхатая. «Передай привет, три года не вижу». Ведь он тебе счас километра пешком не пройдет – на машине, на мотоцикле. А как бывало... Мы вот с отцом твоим, покойником, как? День косишь, а вечером в деревню охота – с девками поиграть. А покосы-то вон где были! – за вторым перешейком, добрых пятнадцать верст. А коня-то кто тебе даст? Кони пасутся. Вот как откосимся, повечеряем – и в деревню. В деревне чуть не до свету прохороводишься – и опять на покос. Придешь бывало, а там уж поднялись – косить налаживаются. И опять на полдня...

– Когда же вы спали-то?

– А днем. В пекло-то в самое не косили же. Залезешь в шалаш – и умер. Насилу добудются потом. Помню, Ванька... Иван, отец твой, один раз таким убойным сном заснул, что не могут никак разбудить. Чего только с им не делали!.. Штаны сняли, по поляне катали – спит, и все. Тятя разозлился: «Счас, говорит, бич возьму да бичом скорей добужусь!» Я уж щекотать его начал, ну, кое-как продрал глаза. А то никак! – Максим посмеялся, покачал головой, задумался: вспомнил то далекое-далекое, милое сердцу время. И Григорий, тоже задумался: он плохо помнил отца, тот вскоре после войны умер от ран, Григорий хранил о нем светлую память. Долго молчали.

– Да, – сказал Григорий. – Но с техникой – это ты зря. Что же, весь свет будет на машинах, а мы... в ночь по тридцать верст пешака давать? Тут ты тоже... в крайность ударился. Но про середку – это, пожалуй, не лишено смысла. А?

– Не лишено, нет. Налей-ка, да я тебе еще одну поучительную историю расскажу. Ты ничего, спать не хошь?

– Нет, нет. Давай историю.

Максим пододвинул к себе рюмку, задумчиво посмотрел на нее и отодвинул.

– Потом выпью, а то худо расскажу. Я ведь шел к тебе, эту историю держал в голове, расскажу, думаю, Гришке – сгодится. Это даже не история, а так – из детства тоже из нашего. Но она тебе может сгодиться – она тоже... как сказать, про руководителя: каким надо быть руководителем-то. – Максим посмотрел на племянника не то весело, не то насмешливо... Григорию показалось – насмешливо. Дядя вроде подсмеивался над его избранием в руководители. У Григория даже шевельнулось в душе протестующее чувство, но он смолчал. В этот вечер он как-то по-новому узнал дядю. «Сколько же, оказывается, передумала эта голова! – изумлялся он,

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
взглядывая на Максима. – Ничего не принял мужик на голую веру, обо всем думал, с чем не согласен был, про то молчал. Да и не спорщик он, не хвастал умом, но правду, похоже, всегда знал».

– Было нам... лет по пятнадцать, может, поменьше, – стал рассказывать Максим. – Деревня наша, не деревня – село, в старину было большое, края были: Мордва, Низовка, Дикари, Баклань...

– Это я еще помню, – подсказал Григорий.

– А, ну да, – согласился Максим. – Я все забываю, что тебе уж тоже за тридцать, должен помнить. Ну, вот. И вот дрались мы – край на край – страшное дело. Чего делили, черт его в душу знает. До нас так было, ну и мы... Дрались несусветно. Это уж ты не помнишь, при Советской власти это утихать стало. А тогда просто... это... страшное дело что творилось. Головы друг другу гирьками проламывали. Как какой праздник, так, глядишь, кого-нибудь изувечили. Ну, а жили-то мы в Низовке, а Низовка враждовала с Мордвой, и мордовские нас били: больше их было, что ли, потом они все какие-то... черт их знает – какие-то были здоровые. Спуску мы тоже не давали... У нас один Митька Куксин, тот черту рога выломит – до того верткий был парень. Но все же ордой они нас одолевали. Бывало, девку в Мордве лучше не заводи: и девке попадет, и тебе ребра перещитают. И вот приехал к нам один парнишечка, наш годок, а ростиком куда меньше, замухрышка, можно сказать. Теперь вот слушай внимательно! – Максим даже и пальцем покачал в знак того, чтоб племяш слушал внимательно. – Тут самое главное. Приехал этот мальчишечка... Приехали они откуда-то из Черни, с гор, но – русские. Парнишечку того звали Ванькой. Такой – шшербатенький, невысокого росточка, как я сказал, но – подсадый, рука такая... вроде не страшная, а махнет – с ног полетишь. Но дело не в руке, Гриша. Я потом много раз споминал этого Ваньку, перед глазами он у меня стоял: душа была стойкая. Ах, стойкая была душа! Поселились они в нашем краю, в Низовке, ну, мордовские его один раз где-то прищучили: побили. Ладно, побили и побили. Он даже и не сказал никому про это. А с нами уже подружился. И один раз и говорит: «Чо эт вы от мордовских-то бегаете?» – «Да оно ведь как, мол? – привыкли и бегаем». – Максим без горечи негромко посмеялся. – Счас смешно... Да. Ну, давай он нам беса подпускать: разжигать начал. Да ведь говорить умел, окаянный! Разжег! Оно, конечно, пятнадцатилетних раззудить на драку – это, может, и нехитрое дело, но... все же. Тут мно-ого разных тонкостей! Во-первых, мы же лучше его знали, какие наши ресурсы, так сказать, потом – это не первый год у нас тянулось, мы не раз и не два пробовали дать мордовским, но никогда не получалось. И вот все же сумел он нас обработать, позабыли мы про все свои поражения и пошли. Да так, знаешь, весело пошли! Сошлись мы с имя на острове... спроть фермы островок был. Облепишный звали. Счас там никакого острова нет, а тогда островок был. Мелко, правда, но штаны надо снимать – перебродить-то. Перебродили мы туда... Договорились, что ничего в руках не будет: ни камней, ни гирек, ничего. И пошли хлестаться. Ох, и полосовались же! Аж спомнить – и то весело. Аж счас руками задвигал, ей-богу! – Максим тряхнул головой, выпил из рюмки, негромко кхэкнул – помнил, что в горнице улеглись ко сну дети Григория и жена. И продолжал тоже негромко, с тихим азартом: – Как мы ни пластались, а опять они нас погнали. А погнали куда? К воде. Больше некуда. Мы и сыпанули через протоку... Те за нами. И тут, слышим, наш шшербатенький Ванька ка-ак заорет: «Стой, в господа, в душу!.. Куда?!» Глядим, кинулся один на мордовских... Ну, это, я тебе скажу, видеть надо было. Много я потом всякого повидал, но такого больше не приходилось. Я и драться дрался, а глаз с Ваньки не спускал. Ведь не то что напролом человек пер, как пьяные, бывает, он стерегся. Мордовские смекнули, кто у нас гвоздь-то заглавный, и давай на него. Ванька на ходу прямо подставил одного, другого вокруг себя – с боков, со спины – не допускайте, говорит, чтоб сшибли, а то развалимся. Как, скажи, он училище какое кончал по этому делу! Ну, полоскаемся... А в протоке уж дело-то происходит, на виду у всей деревни. Народ на берег сбегался – глядят. А нам уж ни до чего нет дела – целое сражение идет. С нас и вода и кровь текет. Мордовские тоже уперлись, тоже не гнутся. И у нас – откуда сила взялась! Прямо насмерть схватились! Не знаю, чем бы это дело закончилось, может, мужики разогнали бы нас кольями, так бывало. Переломил это наше равновесие все тот же Ванька шшербатый. То мы дрались молчком, а тут он начал приговаривать. Достанет какого и приговаривает: «Ах, ты, головушка моя бедная! Арбуз какой-то, не голова». Опять достанет: «Ах, ты, милашечка ты мой, а хлебни-ка водицы!» Нам и смех, и силы вроде прибавляет. Загнали мы их опять на остров... И все, с этих пор они над нами больше не тешились. Вот какая штука, Григорий! Один завелся – и готово дело, все перестроил. Вот это был – руководитель. Врожденный.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Мда, – молвил Григорий; история эта не показалась ему поучительной. Ни поучительной, ни значительной. Но он не стал огорчать дядю. – Интересно.

Максим уловил, однако, что не донес до племянника, что хотел донести. Помолчал.

– Видишь, Григорий... Я понимаю, тебе эта история не является наукой... Но, знаешь, я и на войне заметил: вот такие вот, как тот Ванька, мно-ого нам дела сделали. Они всю войну на себе держали, правда. Перед теми, кто только на словах-то, перед имя же не совестно, а перед таким вот стыдно. Этот-то, он ведь все видит. Ты ему не словами, делом доказывай... Делом доказывай, тогда он тебе душу свою отдаст. Конечно, история... не ах какая, но, думаю, выбрали тебя в руководители, дай, думаю, расскажу, как я, к примеру, это дело понимаю. А? – Максим посмотрел прямо в глаза племяннику, непонятно и значительно как-то усмехнулся. – Ничего, поймешь что к чему. Пойме-ешь.

– Что потом с этим Ванькой стало? – спросил Григорий.

– А не знаю. Уехали они опять куда-то. Вскорости и уехали. Да разве дело в том Ваньке! Их таких много. Хотя я тогда прямо полюбил того Ваньку, честное слово. Прямо обожал его. А он еще и... это... не нахальный был. Жили они бедновато, иной раз и пожрать нечего было. Я не знаю... чего-то мотались по свету... Так вот, принесешь ему пирог какой-нибудь, он аж покраснеет. «Брось, – говорит, – зачем?» Застесняется. Я люблю таких... Уехали потом куда-то. А я вот его всю жизнь помню, вот же как.

– История твоя не лишена, конечно, смысла, – сказал Григорий.

– Не лишена, нет. – Максим кивнул головой согласно. Но оттого, что история его не вышла такой разительной и глубокой, какой жила в его душе, он скис, как-то даже отрезвел и погрустнел. – Не лишена, Гриша, не лишена. На словах я тебе могу только одно сказать: не трусь. Как увидят, что не трусишь, так станут люди поддерживать...

– Ну, одной смелости тут тоже, наверно, мало.

– Мало. – Максим опять кивнул. Подумал. – Но смелый хоть не врет. – Максим снова посмотрел в глаза Григорию. – Не додумается врать, смелый-то. Чуешь? А голова... что же, какая есть. Какую бог дал. Голова у тебя неплохая. Но... бывает... – Максим вдруг махнул рукой, досадливо поморщился. – Заговорился я чего-то. Ладно. Лишка, видно, хватил, правда. Не обессудь, Гриша. Спите. – Максим встал из-за стола, посмотрел на дверь горницы... и спросил шепотом: – Как жена-то?

– Что? – не понял Григорий.

– Не ворчит, что в деревню увез из города?

Григорий улыбнулся... Не сразу сказал, и сказал тоже тихо:

– Всякое бывает.

Это Максиму понравилось: ответ правдивый, не бравый и не жалостливый. Он кивнул на прощание и пошел к двери, стараясь ступать нетяжело, но все равно вышло грузно и шумно. Максим поскорей уж дошел последние шаги, толкнул дверь и вышел в сени. И там только ступил всей ногой... И на крыльце громко прокашлялся и сказал сам себе:

– Экая темень-то! В глаз коли...

Танцующий Шива

В чайной произошла драка.

Дело было так: плотники, семь человек, получили аванс (рубил сельмаг) и после работы пошли в чайную, как они говорят, – посидеть. Взяли семь бутылок портвейна (водки в чайной не было), семь котлет, сдвинули два столика, сели и стали помаленьку пропускать и кушать котлеты. Пропустили рюмочки по три, заговорили о том, что все-таки их хотят надуть с этим прилавком. Дело в том, что когда они рядились в цене, то упустили из виду прилавок: надо его делать плотникам или это уже столярная работа? Упустили-то сельповские, заказчики, а плотники тогда

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru промолчали (бригадир у них в этом деле дока). Теперь выяснилось, что сельповские хотят, чтобы плотники сделали и прилавок тоже, они, оказывается, имели это в виду, что это само собой разумеется и так далее, и тому подобное. Но в договоре этот пункт не помечен, и плотники встали «на дыбошки»: прилавок – не наше дело! То есть они могут, конечно, его сделать, но за это – отдельная плата.

– Я им справочник покажу, – с явной угрозой говорил бригадир, сухой мужик, весь черный от солнца. – Я их носом ткну, где написано черным по белому: какие работы плотницкие, а какие столярные. Они же ни бум-бум в этом.

Все были согласны с бригадиром. Более того, все были возмущены, а иные, вроде Кольки Забалуева, даже оскорблялись и грустно, горько вздыхали. Они забыли один свой веселый разговор, когда они, семеро, сидя тут же, в чайной, толковали...

Но это – потом. Сейчас они говорили:

– А если бы, значит, так: им бы зачесалось теперь сделать какой-нибудь фигурный прилавок?

– Да любой прилавок! Это же особая работа...

– До чего ушлый народ пошел! Эдак они нас заставят и рамы вязать!

– Наше дело теперь: настелить пол, окосячить, навесить двери и – все, точка.

– Я те так скажу... Ты слушай сюда! Слушай сюда!

– Еще, что ли, по одной?

– Давайте.

Скинулись, взяли еще семь бутылок.

– Я те так скажу... Ты слушай сюда! Слушай сюда!

– Ну? Ну? Ну?

– Да не «ну» – слушай! Я рубил баню Дарье Кузовниковой...

– При чем тут Дарья? То – частное лицо, а то – организация: сравнил...

– Я те к примеру! Ты слушай сюда!..

– Долбо...

– Мужики, перестаньте лаяться! – крикнула буфетчица. – А то выставлю сейчас всех!.. Распустили языки-то.

– Ты слушай сюда!

– Ну!

– Гну! Если бы не женщина тут, я б те сказал...

В общем, беседа приняла оживленный характер: сельповским здорово перепало – за наглость и вероломство.

Тут в чайную пришел Аркашка Кебин, по прозвищу Танцующий Шива.

Давно его так прозвали, в школе еще. Он тоже взял себе «портвяшку», котлету (поругался с женой и в знак протеста не стал дома ужинать), сел за столик по соседству с плотниками, прислушался к их разговору... И сказал громко:

– Хмыри!

Плотники замолчали. Посмотрели на Аркашку.

– Трепачи, – еще сказал Аркашка. Он потому и Шива, что везде сует свой нос. –

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Проходимцы.

Плотники сперва не поняли, что это к ним относится. Невероятно! Даже с Аркашкиным языком – и то – на семерых подвыпивших так говорить... Что он, сдурел, что ли?

– Это я вам, вам, – сказал Аркашка. – Бедненькие – обманули их. Вас обманешь! Тот еще не родился, кто вас обманет. Прохиндеи.

У одного здоровенного плотника, Ваньки Селезнева, даже рот приоткрылся.

– Недоумеваете, почему прохиндеями назвал? Поясняю: полтора месяца назад вы, семеро хмырей, сидели тут же и радовались, что объегорили сельповских с договором: не вставили туда пункт о прилавке. Теперь вы сидите и проливаете крокодиловы слезы – вроде вас обманули. Нет, это вы обманули!

– Да? – спросил бригадир. И это «да» было – растерянность, никак не угроза. Беспомощность.

– Да, да. – Аркашка отдал вилкой кусочек котлетки, подцепил его, обмакнул в соус и отправил в рот – очень все аккуратно, культурно, даже мизинчик оттопырил. Потом (так любят делать артисты, изображающие в кино господ и надменных чиновников) – не прожевав, продолжал говорить: – Я слышал это собственными ушами, поэтому не показывайте мне детское удивление на лице, а имейте мужество выслушать горькую правду. Мне, допустим, это все равно, но где же правда, товарищи?! – Аркашка упивался, наслаждался, точно в июльскую жару погрузился по горло в прохладную воду и млел, и чуть шевелил пальцами ног. Великая сила – правда: зная ее, можно быть спокойным. Аркашка был спокоен. Он судил прохиндеев. – Стыдно, товарищи. И, главное, сами сидят возмущаются! Видели таких проходимцев? Ну, ладно, задумали обмануть сельповских, но зачем вот так вот сидеть и разводить нюни, что вас хотят обмануть? – Аркашка искренне заинтересовался, хотел понять. – Ведь вы на этом же самом месте похохатывали... – Но тут Аркашка увидел, что Ванька Селезнев показывает вовсе не детское удивление на лице, а берется за бутылку. Аркашка вскочил с места, потому что хорошо знал этого губошлепа – ломанет. – Ванька!.. Поставь бутылку на место, поставь, Ванюша. Я же вас на понт беру! Велите ему поставить бутылку!

Плотники обрели дар речи.

– А ты чего это заволновался-то, Шива? Ванька, поставь бутылку.

– Иди к нам, Аркашка.

– Правда, чего ты там один сидишь? Иди к нам.

– Пусть он поставит бутылку.

– Он поставил. Поставь, Иван. Иди, Аркаша.

Аркашка, прихватив свою недопитую бутылку, пересел к плотникам и только было хотел набулькать себе полстаканка и уже оттопырил мизинчик, как Ванька протянул через стол свою мощную грабастую лапу и поймал Аркашку за грудки.

– А-а, Шива!.. На понт берешь, да? Счас ты у меня станцуешь. Танцуй!

Аркашка поборолся немного с рукой, но рука... это не рука, а березовый сук с пальцами.

– Брось... – с трудом проговорил Аркашка.

– Танцуй!

– Отпусти, дурной!..

– Будешь танцевать?

Тут плотники принялись рассказывать нездешнему бригадиру, как здорово Аркашка танцует. Ногами что выделяет!.. Руками! А то – сам стоит, а голова танцует...

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Голова?

– Голова! Сам неподвижный, а голова ходуном ходит.

А Ванька все держал Аркашку за грудки, довольный, что надоумил товарищей с танцем.

– Будешь танцевать?

Чудовищные пальцы сжались туже.

– Буду!.. Отпусти!

Ванька отпустил.

– Гад такой. Обрадовался – здоровый? – Аркашка потер шею. – Распустил грабли-то... Попроси по-человечески – станцюю, обязательно надо руки свои поганые таращить!

– Не обижайся, Аркашка. Станцуй вот для человека – он никогда не видел. Ванька больше не будет.

– Станцуй, будь другом!

Аркашке набухали стакан из своих бутылок.

– Ванька больше не будет. Не будешь, Иван?

– Пусть танцует.

Аркашка оглушил стакан.

– Зараза, – сказал он с дрожью в голосе. – Еще руки распускает... Для всех станцюю, а ты – отвернись!

Ванька опять было потянулся к Аркашке, но ему не дали.

– Станцуй, Аркашка. Ванька, отвернись. – Ваньке подмигнули. – Отвернись, кому сказано! Чего ты, в самом деле, руки-то распускаешь?

– Нашелся мне, понимаешь... – Аркашка открыто и зло посмотрел на Ваньку. – Губошлеп. Три извилины в мозгу и все параллельные.

– Ладно, Аркашка, станцуй.

– Отвернись! – прикрикнул Аркашка на Ваньку.

Ванька сделал вид, что отвернулся.

Аркашка внимательно, чуть ли не торжественно оглядел всех, встал...

Как он танцует, Шива, – это надо смотреть.

Это не танец, где живет одна только плотская радость, унаследованная от прыжков и сексуального хвастовства тупых и беззаботных древних, у Аркашки – это свободная форма свободного существования в нашем деловом веке. Только так, больше слабый Аркашка не мог никак.

– Как Ванька Селезнев дергает задом гвозди! – объявил Аркашка.

Это – название танца; Аркашка разрешил:

– Ванька, гляди! Можно глядеть! – И начал.

Дал знак воображаемым музыкантам, легкой касательной походкой сделал ритуальный скок... И опробовал половицу покрепче – надежно. Выдал красивое, загогулистое колено, еще, еще – это он показал, что как все-то пляшут – он так умеет. Он умел еще иначе. Он посмотрел на Ваньку... Сделал ему гримасу, показал его,

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru заинтересованного губошлепа... Потом потянулся, сонно зачмокал губами – Ванька проснулся утром.

Плотники засмеялись.

Аркашка проковылял к стене, похрюкал, похрюкал, пригладил ладонями патлы – Ванька умылся. Потом Ванька стал жрать – жадно, много, безобразно... Отвалился от стола, стал икать...

Плотники опять засмеялись.

– Сука, – прошептал серьезный Ванька.

Потом Аркашка дал козла и опять выработал сложное колено – конец утра. И вот Ванька на работе. Раз ударит по гвоздю, минуту смотрит на небо, чешется... Нашел даже вшу под рубахой, убил.

– Падла, – сказал Ванька. – У меня сроду вшей не было. Даже в войну...

– Тихо, – попросили его.

– А чего он выдумывает!

– Тихо!

Потом Ванька загнал гвоздь криво, долго искал гвоздодер, гвоздодера у такого работника, конечно, нет. Тогда Ванька сел на гвоздь, напрягся так, что лицо перекошилось...

Плотники хохотали.

Ванька хотел было встать, ему не дали.

Аркашка мучился на полу...

Вот Ванька раскачал гвоздь, рывком встал... Взял гвоздь и забил правильно.

Плотники лежали на столах, мычали, вытирали слезы. И все, кто был в чайной, хохотали, даже строгая продавщица. Не смеялись только двое – Аркашка и Ванька. Ванька свирепо смотрел на артиста, знал: теперь полгода будут помнить, как «Ванька дергал гвозди». Знал также, что отлупить Аркашку сейчас не дадут.

В завершение Аркашка опять сделал красивый круг, пощелкал чечеткой и сел к плотникам. Его хлопали по спине, налили стакан вина... Аркашка был доволен, посмотрел на Ваньку. Подмигнул ему. И почему-то именно это – что Аркашка подмигнул – доконало Ваньку. Он опять сгреб за грудки левой рукой, а правой хотел звездануть, размахнулся, но руку остановили. Ванька поднялся на всех.

– Он, сука, видел, как я работаю?! Он критикует!.. Он видел?

– Што ты, што ты – шуток не понимаешь. Уймись!

– Вам шулки, а мне в глаза будут тыкать. Пусти!..

Ванька закусил удила. Швырнул одного, другого... Все повскакали.

Аркашка на всякий случай отбежал к двери.

– Хаханьки строить? – орал Ванька и еще одному завесил такую, что плотник отлетел к стене.

Аркашка сверкающими глазами смотрел на все.

– Так их, Ванька! Так их!.. – вскрикивал он. Его не слышали.

Ванька рычал и ворочался, его не могли одолеть. Падали стулья, столы, тарелки, бутылки...

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Зовите милицию! – заблажила буфетчица. – Они же побьют здесь все!..

– Не надо! – крикнул Аркашка. – Не надо милицию!

– Ша! – сказал вдруг нездешний бригадир. – Ша, пацаны... я валю этого бычка.

Бригадира услышали.

– Кто, ты? – удивился Ванька. – Ты?

– отошли, пацаны, отошли... Я его делаю. – Бригадир стал подходить к Ваньке. Ванька изготовился.

– Иди, падла... Иди.

– Иду, Ваня, иду.

– Иди, иди.

– Иду. – Бригадир шел на Ваньку медленно, спокойно. Никто не понимал, что такое сейчас произойдет.

– Боксер, да? Иди, я те по-русски закатаю...

– Та какой я боксер! – Бригадир остановился перед Ванькой. – Що ты!..

– Ну? – спросил Ванька.

– От так – раз! – Бригадир вдруг резко ткнул Ваньке кулаком в живот.

Ванька ойкнул и схватился за живот, склонился. А когда он склонился, бригадир быстро, сильно дал ему согнутым коленом снизу в челюсть.

– Два.

Ванька зажмурился от боли... Упал, скрючился. Из рта по нижней губе пробился тоненький следок крови... Капало с подбородка на застиранную Ванькину рубашу. Мерзкое искусство бригадира ошеломило всех: так в деревне не дрались. Дрались хуже – страшней, но так подло – нет.

Аркашка взял венский стул, подошел к бригадиру и заорал:

– Счас как дам по башке! Гад такой!

– Выходите к чертовой матери! Все! Вон! – Буфетчица, воспользовавшись затишьем, выбежала из-за прилавка и выталкивала плотников на улицу. – Выходите к чертовой матери! Вон на улицу – там и деритесь!

Один из плотников взял из-под Аркашки стул, поставил на место, а бригадиру сказал:

– Пошли, а то тут шум.

Аркашка склонился к Ивану, вытер кровь с его подбородка.

– Мм, – простонал Ванька.

– Ничего, Иван... ему счас дадут. Больно?

Ванька потрогал пальцем челюсть, покачал ее, сплюнул клейкую сукровицу. Сел.

– Бубы...

– А?

– Бубы...

– Зубы разбил? От гад-то! Счас ему там дадут. Мужики пошли с им... Встать можешь?

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Ванька с трудом поднялся, сел на стул.

– Вина взять?

– Мм, – кивнул Ванька, – взять.

Аркашка подошел к прилавку.

– Здорово он его? – спросила буфетчица, наливая вино.

– Ничего, ему сейчас тоже дадут.

– А все ты разжег!.. Шива чертов. Вечно из-за тебя одни скандалы.

– Помолчи, – посоветовал Аркашка. – Возьми вон конфетку шоколадную и соси.

– Шива и есть. Выметайтесь отсюда! Чтоб духу вашего тут не было!..

Аркашка взял вино и пошел к Ивану.

– На, выпей.

– Чего она? – спросил Иван.

– Ругается. Не обращай внимания. Пей – легче будет.

Как помирал старик

Старик с утра начал маяться. Мучительная слабость навалилась... Слаб он был давно уж, с месяц, но сегодня какая-то особенная слабость – такая тоска под сердцем, так нехорошо, хоть плачь. Не то чтоб страшно сделалось, а удивительно: такой слабости никогда не было. То казалось, что отнялись ноги... Пошевелит пальцами – нет, шевелятся. То начинала терпнуть левая рука, шевелил ею – вроде ничего. Но какая слабость, господи!..

До полудня он терпел, ждал: может, отпустит, может, оживет маленько под сердцем – может, покурить захочется или попить. Потом понял: это смерть.

– Мать... А мать! – позвал он старуху свою. – Это... помираю вить я.

– Господь с тобой!.. – воскликнула старуха. – Ково там выдумываешь-то лежишь?

– Сняла бы как-нибудь меня отсудова. Шибко тяжко. – Старик лежал на печке. – Сыми.

– Одна-то я рази сыму. Сходить нешто за Егором?

– Сходи. Он дома ли?

– Даве крутился в ограде... Схожу.

Старуха оделась и вышла, впустив в избу белое морозное облако.

«Зимой хлопотно помирать-то», – подумал старик.

Пришел Егор, соседский мужик.

– Мороз, язви ево! – сказал он. – Погоди, дядя Степан, маленько обогреюсь, тогда уж полезу к тебе. А то застужу, Тебе чево, хуже стало?

– Совсем плохо, Егор. Помираю.

– Ну, что ты уж сразу так!.. Не паникуй особо-то.

– Паникуй не паникуй – все. Шибко морозно-то?

– Градусов пятьдесят есть. – Егор закурил. – А снега на полях – шиш. Сгребают тракторами, но ково там!

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Может, подвалит ишо.

– Теперь уж навряд ли. Ну, давай слезать будем...

Старуха взбила на кровати подушку, поправила перину. Егор встал на припечек, подсунул руку под старика.

– Держись мне за шею-то... Вот так! Легкий-то какой стал!..

– Выхворался...

– Прямо как ребенок. У меня Колька тяжелее...

Старика положили на кровать, накрыли тулупом.

– Может, папироску свернуть? – предложил Егор.

– Нет, неохота. Ах ты, господи, – вздохнул старик, – зимнее дело – помирать-то...

– Да брось ты! – сказал Егор серьезно. – Ты гони от себя эти мысли. – Он пододвинул табуретку к кровати, сел. – Меня на фронте-то вон как задело! Тоже думал – каюк. А доктор говорит: захочешь жить – будешь жить, не захочешь – не будешь. А я и говорить-то не мог. Лежу и думаю: «Кто же жить не хочет, чудаки-человек?» Так што лежи и думай: «Буду жить!»

Старик слабо усмехнулся.

– Дай разок курну, – попросил он.

Егор дал. Старик затянулся и закашлялся. Долго кашлял...

– Прохутился весь... Дым-то, однако, в брюхо прошел.

– А где шибко-то болит? – спросила старуха, глядя на старика жалостливо и почему-то недовольно.

– Везде... Весь. Такая слабость, вроде всю кровь выцедили.

Помолчали все трое.

– Ну, пойду я, дядя Степан, – сказал Егор. – Скотинёшку попоить да корма ей задать...

– Иди.

– Вечерком ишо зайду попроведу.

– Заходи.

Егор ушел.

– Слабость-то, она от чево? Не ешь, вот и слабость, – заметила старуха. – Может, зарубим курку – сварю бульону? Он ить скусный свеженький-то... А?

Старик подумал.

– Не надо. И поисть не поем, а курку решим.

– да бог уж с ей, с куркой! Не жалко ба...

– Не надо, – еще раз сказал старик. – Лучше дай мне полрюмки вина... Может, хоть маленько кровь-то заиграет.

– Не хуже ба...

– Ничо. Может, она хоть маленько заиграет.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Старуха достала из шкафа четвертинку, аккуратно заткнутую тряпочной пробкой. В четвертинке было чуть больше половины.

– Гляди, не хуже ба...

– Да когда с водки хуже бывает, ты чо! – Старика досада взяла. – Всю жись трясетесь над ей, а не понимаете: водка – это первое лекарство. Сундуки какие-то...

– Хоть счас-то не ерепенься!. – тоже с досадой сказала старуха. – «Сундуки»... Одной уж ногой там стоит, а ишо шебаршит ково-то. Не велел доктор волноваться.

– Доктор... Они вон и помирать не велят, доктора-то, а люди помирают.

Старуха налила полрюмочки водки, дала старику. Тот хлебнул – и чуть не захлебнулся. Все обратно вылилось. Он долго лежал без движения. Потом с трудом сказал:

– Нет, видно, пей, пока пьется.

Старуха смотрела на него горько и жалостливо. Смотрела, смотрела и вдруг всхлипнула:

– Старик... а, не приведи господи, правда помрешь, чо же я одна-то делать стану?

Старик долго молчал, строго смотрел в потолок. Ему трудно было говорить. Но ему хотелось поговорить хорошо, обстоятельно.

– Перво-наперво: подай на Мишку на алименты. Скажи: «Отец помирал, велел тебе докормить мать до конца». Скажи. Если он, окаянный, не очухается, подавай на алименты. Стыд стыдом, а дожить тоже надо. Пусть лучше ему будет стыдно. Маньке напиши, штоб парнишку учила. Парнишка смысленый, весь «Интернационал» назубок знает. Скажи: «Отец велел учить». – Старик устал и долго опять лежал и смотрел в потолок. Выражение его лица было торжественным и строгим.

– А Петьке чево сказать? – спросила старуха, вытирая слезы; она тоже настроилась говорить серьезно и без слез.

– Петька?.. Петьку не трогай – он сам едва концы с концами сводит.

– Может, сварить бульону-то? Егор зарубит...

– Не надо.

– А чево, хуже становится?

– Так же. Дай отдохну маленько. – Старик закрыл глаза и медленно, тихо дышал. Он, правда, походил на мертвеца: какая-то отрешенность, нездешний какой-то покой были на лице его.

– Степан! – позвала старуха.

– ММ?

– Ты не лежи так...

– Как не лежи, дура? Один помирает, а она – не лежи так. Как мне лежать-то? На карачках?

– Я позову Михеевну – пособорует?

– Пошли вы!.. Шибко он мне много добра сделал... Курку своей Михеевне задарма сунешь... Лучше эту курку-то Егору отдай – он мне могилку выдолбит. А то кто долбить-то станет?

– Найдутся небось...

– «Найдутся». Будешь потом по деревне полоскать – кому охота на таком морозе

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru долбать. Зимнее дело... Што бы летом-то!

– Да ты чо уж, помираешь, што ли! Может, ишо оклемаисся.

– Счас – оклемался. Ноги вон стынут... Ох, господи, господи!.. – Старик глубоко вздохнул. – Господи... тяжело, прости меня, грешного.

– Степан, ты покрепись маленько. Егор-то говорил: «Не думай всякие думы».

– Много он понимает! Он здоровый как бык. Ему скажи: не помирай – он не помрет.

– Ну, тада прости меня, старик, если я в чем виноватая...

– Бог простит, – сказал старик часто слышанную фразу. Ему еще что-то хотелось сказать, что-то очень нужное, но он как-то стал странно смотреть по сторонам, как-то нехорошо забеспокоился...

– Агнюша, – с трудом сказал он, – прости меня... я маленько заполошный был... А хлеб-то – рясный-рясный!.. А погляди-ко в углу-то кто? Кто там?

– Где, Степан?

– Да вон!.. – Старик приподнялся на локте, каким-то жутким взглядом смотрел в угол избы – в передний. – Вон же она, – сказал он, – вон... Сидит-то?..

Егор пришел вечером...

На кровати лежал старик, заострив кверху белый нос. Старуха тихо плакала у его изголовья...

Егор снял шапку, подумал немного и перекрестился на икону.

– Да, – сказал он, – чуял он ее...

Вянет, пропадает

– Идет! – крикнул Славка.

– Чего орешь-то? – сердито сказала мать. – Не можешь никак потише-то? Отойди оттудова, не торчи.

Славка отошел от окна.

– Играть, что ли? – спросил он.

– Играй. Какую-нибудь... поновей.

– Какую?

– Ну, какую недавно учили?..

– «Вянет, пропадает»?

– Играй.

– Помоги снять.

– Я ее не одолел еще. Давай.

Мать сняла со шкафа тяжелый баян, поставила Славке на колени. Славка заиграл «Вянет, пропадает».

Вошел дядя Володя, большой, носатый, отряхнул о колено фуражку и тогда только сказал:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, Владимир Николаевич, – приветливо откликнулась мать.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Славка перестал было играть, чтоб поздороваться, но вспомнил материн наказ – играть без передыху, кивнул дяде Володе и продолжал играть.

– Дождь, Владимир Николаевич?

– Сеет. Пора уж ему и сеять. – Дядя Володя говорил как-то очень аккуратно, обстоятельно, точно кубики складывал. Положит кубик, посмотрит, подумает – переставит. – Пора... Сегодня у нас... што? Двадцать седьмое? Через три дня – октябрь месяц.

– Да, – вздохнула мать.

Славку удивляло, что мать, обычно такая крикливая, острая на язык, с дядей Володей во всем тихо соглашалась. Вообще становилась какая-то сама не своя: краснела, суетилась, все хотела, например, чтоб дядя Володя выпил «последнюю» рюмку перцовки, а дядя Володя говорил, что «последнюю-то как раз и не надо пить – она-то и губит людей».

– Все играешь, Славка? – спросил дядя Володя.

– Играет! – встряла мать. – Приходит из школы и начинает – надоел уж... В ушах звенит.

Это была несусветная ложь: Славка изумлялся про себя.

– Хорошее дело, – сказал дядя Володя. – В жизни пригодится. Вот пойдешь в армию: все будут строевой шаг отрабатывать, а ты в красном уголке на баяне тренироваться. Очень хорошее дело. Не всем только дается...

– Я говорила с ихним учителем-то: шибко, говорит, способный.

Когда говорила?! О боже милостивый!.. Что с ней?

– Талант, говорит.

– Надо, надо. Молодец, Славка.

– Садитесь, Владимир Николаевич.

Дядя Володя ополоснул руки, тщательно вытер их полотенцем, сел к столу.

– С талантом люди крепко живут.

– Дал бы уж господи...

– И учиться, конечно, надо – само собой.

– А учиться-то... – Мать строго посмотрела на Славку. – Лень-матушка! Вперед нас, видно, родилась. Чего уж только не делаю: сама иной раз с им сяду: «Учи! Тебе надо-то, не мне». Ну!.. В одно ухо влетело, в другое вылетело. Был бы мужчина в доме... Нас-то много они слушают!

– Отец-то не заходит, Славка?

– А чего ему тут делать? – отвечала мать. – Алименты свои плотит – и довольный. А тут расти, как знаешь...

– Алименты – это удовольствие ниже среднего, – заметил дядя Володя. – Двадцать пять?

– Двадцать пять. А зарабатывает-то не шибко... И те пропивает.

– Стараться надо, Славка. Матери одной трудно.

– Понимал бы он...

– Ты пришел из школы: сразу – раз – за уроки. Уроки подготовил – поиграл на баяне. На баяне поиграл – пошел погулял.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Мать вздохнула.

Славка играл «Вянет, пропадает».

Дядя Володя выпил перцовки.

– Стремиться надо, Славка.

– Уж и то говорю ему: «Стремись, Славка...»

– Говорить мало, – заметил дядя Володя и налил еще рюмочку перцовки.

– Как же воспитывать-то?

Дядя Володя опрокинул рюмочку в большой рот.

– Ху-у... Все: пропустили по поводу воскресенья и будет. – Дядя Володя закурил. – Я ведь пил, крепко пил...

– Вы уж рассказывали. Счастливей человек – бросили... Взяли себя в руки.

– Бывало, утром: на работу идти, а от тебя, как от циклона, на версту разит. Зайдешь, бывало, в парикмахерскую – не бриться, ничего, – откроешь рот: он побрызгает, тогда уж идешь. Мучился. Хочешь на счетах три положить, кладешь – пять.

– Гляди-ко!

– В голове – дымовая завеса, – обстоятельно рассказывал дядя Володя. – А у меня еще стол наспроть окна стоял, в одиннадцать часов солнце начинает в лицо бить – пот градом!.. И мысли комичные возникают: в ведомости, допустим: «Такому-то на руки семьсот рублей». По-старому. А ты думаешь: «Это ж сколько поллитр выйдет?» Х-хе...

– Гляди-ко, до чего можно дойти!

– Дальше идут. У меня приятель был: тот по ночам все шанец искал.

– Какой шанец?

– Шанс. Он его называл – шанец. Один раз искал, искал – показалось, кто-то с улицы зовет, шагнул с балкона, и все, не вернулся.

– Разбился?!

– Ну, с девятого этажа – шутка в деле! Он же не голубь мира. Когда летел, успел, правда, крикнуть: «Эй!»

– Сердешный... – вздохнула мать.

Дядя Володя посмотрел на Славку...

– Отдохни, Славка. Давай в шахматы сыграем. Заполним вакуум, как говорит наш главный бухгалтер. Тоже пить бросил и не знает куда деваться. Не знаю, говорит, чем вакуум заполнить.

Славка посмотрел на мать. Та улыбнулась.

– Ну отдохни, сынок.

Славка с великим удовольствием вылез из-под баяна... Мать опять взгромодила его на шкаф, накрыла салфеткой.

Дядя Володя расставлял на доске фигуры.

– В шахматы тоже учись, Славка. Попадешь в какую-нибудь компанию: кто за бутылку, кто разные фигли-мигли, а ты раз – за шахматы: «Желаете?» К тебе сразу

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
другое отношение. У тебя по литературе как?

– По родной речи? Трояк.

– Плохо. Литературу надо назубок знать. Вот я хожу пешком и говорю: «Е-два, Е-четыре», как сказал гроссмейстер. А ты не знаешь, где это написано. Надо знать. Ну давай.

Славка походил пешкой.

– А зачем говорят-то: «Е-два, Е-четыре»? – спросила мать, наблюдая за игрой.

– А шутят, – пояснил дядя Володя. – Шутят так. А люди уж понимают: «Этого голый рукой не возьмешь». У нас в типографии все шутят. Ходи, Славка.

Славка походил пешкой.

– У нас дядя Иван тоже шутит, – сказал он. – Нас вывели на физкультуру, а он говорит: «Вот вам лопаты – тренируйтесь». – Славка засмеялся.

– Кто это?

– Он завхозом у нас.

– А-а... Этим шутникам лишь бы на троих сообразить, – недовольно заметил дядя Володя.

Мать и Славка промолчали.

– Не перевариваю этих соображал, – продолжал дядя Володя. – живут – небо копят.

– А вот пили-то, – поинтересовалась мать, – жена-то как же?

– Жена-то?.. – Дядя Володя задумался над доской: Славка неожиданно, сделал каверзный ход. – Реагировала-то?

– Да.

– Отрицательно, как еще. Из-за этого и разошлись, можно сказать. Вот так, Славка! – Дядя Володя вышел из трудного положения и был доволен. – Из-за этого и горшок об горшок у нас и получился.

– Как это? – не понял Славка.

– Горшок об горшок-то? – Дядя Володя снисходительно улыбнулся. – Горшок об горшок – и кто дальше.

Мать засмеялась.

– Еще рюмочку, Владимир Николаевич?

– Нет, – твердо сказал дядя Володя. – Зачем? Мне и так хорошо. Выпил для настроения – и будет. Раньше не отказался ба... Ох, пил!.. Спомнить страшно.

– Не думаете сходить-то? – спросила мать.

– Нет, – твердо сказал дядя Володя. – Дело принципа: я первый на мировую не пойду.

Славка опять сделал удачный ход.

– Ну, Славка!.. – изумился дядя Володя.

Мать незаметно дернула Славку за штанину. Славка протестующе дрыгнул ногой: он тоже вошел в азарт.

– Так, Славка... – Дядя Володя думал, сморщившись. – Так... А мы вот так!

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Теперь Славка задумался.

– Детей-то проведуете? – расспрашивала мать.

– Проведу. – Дядя Володя закурил. – Дети есть дети. Я детей люблю.

– Жалеет счас небось?

– Жена-то? Тайно, конечно, жалеет. У меня счас без вычетов на руки выходит сто двадцать. И все целенькие. Площадь – тридцать восемь метров, обстановка... Сервант недавно купил за девяносто шесть рублей – любо глядеть. Домой приходишь – сердце радуется. Включишь телевизор, постановку какую-нибудь посмотришь... Хочу еще софу купить.

– Ходите, – сказал Славка.

Дядя Володя долго смотрел на фигуры, нахмурился, потрогал в задумчивости свой большой, слегка заалевший нос.

– Так, Славка... Ты так? А мы – так! Шахович. Софы есть чешские... Раздвижные – превосходные. Отпускные получу, обязательно возьму. И шкуру медвежью закажу...

– Сколько же шкура станет?

– Шкура? Рублей двадцать пять. У меня племянник часто в командировку на восток ездит, закажу ему, привезет.

– А волчья хуже? – спросил Славка.

– Волчья небось твердая, – сказала мать.

– Волчья вообще не идет для этого дела. Из волчьих дохи шьют. Мат, Славка.

Дождик перестал; за окном прояснилось. Воздух стал чистый и синий. Только далеко на горизонте громоздились темные тучи. Кое-где в домах зажглись огни.

Все трое некоторое время смотрели в окно, слушали глухие звуки улицы. Просторно и грустно было за окном.

– Завтра хороший день будет, – сказал дядя Володя. – Вон где солнышко село, небо зеленоватое: значит, хороший день будет.

– Зима скоро, – вздохнула мать.

– Это уж как положено. У вас батареи не затопили еще?

– Нет. Пора бы уж.

– С пятнадцатого затопят. Ну пошел. Пойду включу телевизор, постановку какую-нибудь посмотрю.

Мать смотрела на дядю Володю с таким выражением, как будто ждала, что он вот-вот возьмет и скажет что-то не про телевизор, не про софу, не про медвежью шкуру – что-то другое.

Дядя Володя надел фуражку, остановился у порога...

– Ну, до свиданья.

– До свиданья...

– Славка, а кубинский марш не умеешь?

– Нет, – сказал Славка. – Не проходили еще.

– Научись, сильная вещь. На вечера будут приглашать... Ну, до свиданья.

– До свиданья.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Дядя Володя вышел. Через две минуты он шел под окнами – высокий, сутулый, с большим носом. Шел и серьезно смотрел вперед.

– Руль, – с досадой сказала мать, глядя в окно. – Чего ходит?..

– Тоска, – сказал Славка. – Тоже ж один кукует.

Мать вздохнула и пошла в куть готовить ужин.

– Чего ходить тогда? – еще раз сказала она и сердито чиркнула спичкой по коробку. – Нечего и ходить тогда.

Верую!

По воскресеньям наваливалась особенная тоска. Какая-то нутряная, едкая... Максим физически чувствовал ее, гадину: как если бы неопрятная, не совсем здоровая баба, бессовестная, с тяжелым запахом изо рта, обшаривала его всего руками – ласкала и тянулась поцеловать.

– Опять!.. Навалилась.

– О!.. Господи... Пузырь: туда же, куда и люди, – тоска, – издевалась жена Максима, Люда, неласковая, рабочая женщина: она не знала, что такое тоска. – С чего тоска-то?

Максим Яриков смотрел на жену черными, с горячим блеском глазами... Стискивал зубы.

– Давай матерись. Полайся – она, глядишь, пройдет, тоска-то. Ты лаяться-то мастер.

Максим иногда пересиливал себя – не ругался. Хотел, чтоб его поняли.

– Не поймешь ведь.

– Почему же я не пойму? Объясни, пойму.

– Вот у тебя все есть – руки, ноги... и другие органы. Какого размера – это другой вопрос, но все, так сказать, на месте. Заболела нога – ты чувствуешь, захотела есть – налаживаешь обед... Так?

– Ну.

Максим легко снимался с места (он был сорокалетний легкий мужик, злой и порывистый, никак не мог измотать себя на работе, хоть работал много), ходил по горнице, и глаза его свирепо блестели.

– Но у человека есть также – душа! Вот она, здесь, – болит! – Максим показывал на грудь. – Я же не выдумываю! Я элементарно чувствую – болит.

– Больше нигде не болит?

– Слушай! – взвизгивал Максим. – Раз хочешь понять, слушай! Если сама чурбаком уродилась, то постарайся хоть понять, что бывают люди с душой. Я же не прошу у тебя трешку на водку, я же хочу... Дура! – вовсе срывался Максим, потому что вдруг ясно понимал: никогда он не объяснит, что с ним происходит, никогда жена Люда не поймет его. Никогда! Распори он ножом свою грудь, вынь и покажи в ладонях душу, она скажет – требуха. Да и сам он не верил в такую-то – в кусок мяса. Стало быть, все это – пустые слова. Чего и злить себя? – Спроси меня напоследок: кого я ненавижу больше всего на свете? Я отвечу: людей, у которых души нету. Или она поганая. С вами говорить – все равно, что об стенку головой биться.

– Ой, трепло!

– Сгинь с глаз!

– А тогда почему же ты такой злой, если у тебя душа есть?

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– А что, по-твоему, душа-то – пряник, что ли? Вот она как раз и не понимает, для чего я ее таскаю, душа-то, и болит. А я злюсь поэтому. Нервничаю.

– Ну и нервничай, черт с тобой! Люди дождутся воскресенья-то да отдыхают культурно... В кино ходят. А этот – нервничает, видите ли. Пузырь.

Максим останавливался у окна, подолгу стоял неподвижно, смотрел на улицу.

Зима. Мороз. Село коптит в стылое ясное небо серым дымом – люди согреваются. Пройдет бабка с ведрами на коромысле, даже за двойными рамами слышно, как скрипит под ее валенками тугой, крепкий снег. Собака залает сдуру и замолкнет – мороз. Люди – по домам, в тепле. Разговаривают, обед налаживают, обсуждают ближних... Есть – выпивают, но и там веселого мало.

Максим, когда тоскует, не философствует, никого мысленно ни о чем не просит, чувствует боль и злобу. И злость эту свою он ни к кому не обращает, не хочется никому по морде дать и не хочется удавиться. Ничего не хочется – вот где сволочь-маета! И пластом, недвижно лежать – тоже не хочется. И водку пить не хочется – не хочется быть посмешищем, противно. Случалось, выпивал... Пьяный начинал вдруг каяться в таких мерзких грехах, от которых и людям и себе потом становилось нехорошо. Один раз спьяну бился в милиции головой об стенку, на которой наклеены были всякие плакаты, ревел – оказывается: он и какой-то еще мужик, они вдвоем изобрели мощный двигатель величиной со спичечную коробку и чертежи передали американцам. Максим сознавал, что это – гнусное предательство, что он – «научный Власов», просил вести его под конвоем в Магадан. Причем он хотел идти туда непременно босиком.

– Зачем же чертежи-то передал? – допытывался старшина. – И кому!!!

Этого Максим не знал, знал только, что это – «хуже Власова». И горько плакал.

В одно такое мучительное воскресенье Максим стоял у окна и смотрел на дорогу. Опять было ясно и морозно, и дымились трубы.

«Ну, и что? – сердито думал Максим. – Так же было сто лет назад. Что нового-то? И всегда так будет. Вон парнишка идет, Ваньки Малофеева сын... А я помню самого Ваньку, когда он вот такой же ходил, и сам я такой был. Потом у этих – свои такие же будут. А у тех – свои... И все? А зачем?»

Совсем тошно стало Максиму... Он вспомнил, что к Илье Лапшину приехал в гости родственник жены, а родственник тот – поп. Самый натуральный поп – с волосьями. У попа что-то такое было с легкими – болел. Приехал лечиться. А лечился он барсучьим салом, барсуков ему добывал Илья. У попа было много денег, они с Ильей часто пили спирт. Поп пил только спирт.

Максим пошел к Лапшиным.

Илюха с попом сидели как раз за столом, попивали спирт и беседовали. Илюха был уже на развезях – клевал носом и бубнил, что в то воскресенье, не в это, а в то воскресенье он принесет сразу двенадцать барсуков.

– Мне столько не надо. Мне надо три хороших – жирных.

– Я принесу двенадцать, а ты уж выбирай сам – каких. Мое дело принести. А ты уж выбирай сам, каких получше. Главное, чтоб ты оздоровел... А я их тебе приволоку двенадцать штук...

Попу было скучно с Илюхой, и он обрадовался, когда пришел Максим.

– Что? – спросил он.

– Душа болит, – сказал Максим. – Я пришел узнать: у верующих душа болит или нет?

– Спирту хочешь?

– Ты только не подумай, что я пришел специально выпить. Я могу, конечно, выпить, но я не для того пришел. Мне интересно знать: болит у тебя когда-нибудь душа или

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru нет?

Поп налил в стаканы спирт, придвинул Максиму один стакан и графин с водой.

– Разбавляй по вкусу.

Поп был крупный шестидесятилетний мужчина, широкий в плечах, с огромными руками. Даже не верилось: что у него – что-то там с легкими. И глаза у попа – ясные, умные. И смотрит он пристально, даже нахально. Такому – не кадилом махать, а от алиментов скрываться. Никакой он не благодетель, не постный – не ему бы, не с таким рылом, горести и печали человеческие – живые, трепетные нити – распутывать. Однако – Максим сразу это почувствовал – с попом очень интересно.

– Душа болит?

– Болит.

– Так. – Поп выпил и промакнул губы крахмальной скатертью, уголочком. – Начнем подъезжать издали. Слушай внимательно, не перебивай. – Поп откинулся на спинку стула, погладил бороду и с удовольствием заговорил.

– Как только появился род человеческий, так появилось зло. Как появилось зло, так появилось желание бороться с ним, со злом то есть. Появилось добро. Значит, добро появилось только тогда, когда появилось зло. Другими словами, есть зло – есть добро, нет зла – нет добра. Понимаешь меня?

– Ну, ну.

– Не понуждай, ибо не запряг еще. – Поп, видно, обожал порассуждать вот так вот – странно, далеко и безответственно. – Что такое Христос? Это воплощенное добро, призванное уничтожить зло на земле. Две тыщи лет он присутствует среди людей как идея – борется со злом.

Илюха заснул за столом.

– Две тыщи лет именем Христа уничтожается на земле зло, но конца этой войне не предвидится. Не кури, пожалуйста. Или отойди вон к отдушине и смоли.

Максим погасил о подошву сигарку и с интересом продолжал слушать.

– Чего с легкими-то? – поинтересовался для вежливости.

– Болят, – кратко и неохотно пояснил поп.

– Барсучатина-то помогает?

– Помогает. Идем дальше, сын мой занюханный...

– Ты что? – удивился Максим.

– Я просил не перебивать меня.

– Я насчет легких спросил...

– Ты спросил: отчего болит душа? Я доходчиво рисую тебе картину мироздания, чтобы душа твоя обрела покой. Внимательно слушай и постигай. Итак, идея Христа возникла из желания победить зло. Иначе – зачем? Представь себе: победило добро. Победил Христос... Но тогда – зачем он нужен? Надобность в нем отпадает. Значит, это не есть нечто вечное, непреходящее, а есть временное средство, как диктатура пролетариата. Я же хочу верить в вечность, в вечную огромную силу и в вечный порядок, который будет.

– В коммунизм, что ли?

– Что коммунизм?

– В коммунизм веришь?

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Мне не положено. Опять перебиваешь!

– Все. Больше не буду. Только ты это... понятней маленько говори. И не торопись.

– Я говорю ясно: хочу верить в вечное добро, в вечную справедливость, в вечную Высшую силу, которая все это затеяла на земле. Я хочу познать эту силу и хочу надеяться, что сила эта – победит. Иначе – для чего все? А? Где такая сила? – Поп вопросительно посмотрел на Максима. – Есть она?

Максим пожал плечами.

– Не знаю.

– Я тоже не знаю.

– Вот те раз!..

– Вот те два. Я такой силы не знаю. Возможно, что мне, человеку, не дано и знать ее, и познать, и до конца осмыслить. В таком случае я отказываюсь понимать свое пребывание здесь, на земле. Вот это как раз я и чувствую, и ты со своей большой душой пришел точно по адресу: у меня тоже болит душа. Только ты пришел за готовеньким ответом, а я сам пытаюсь дочерпаться до дна, но это – океан. И стаканами нам его не вычерпать. И когда мы глотаем вот эту гадость... – Поп выпил спирт, промакнул скатертью губы. – Когда мы пьем это, мы черпаем из океана в надежде достичь дна. Но – стаканами, стаканами, сын мой! Круг замкнулся – мы обречены.

– Ты прости меня... Можно я одно замечание сделаю?

– Валяй.

– Ты какой-то... интересный поп. Разве такие попы бывают?

– Я – человек, и ничто человеческое мне не чуждо. Так сказал один знаменитый безбожник, сказал очень верно. Несколько самонадеянно, правда, ибо при жизни никто его за бога и не почитал.

– Значит, если я тебя правильно понял, бога нет?

– Я сказал – нет. Теперь я скажу – да, есть. Налей-ка мне, сын мой, спирту, разбавь стакан на двадцать пять процентов водой и дай мне. И себе тоже налей. Налей, сын мой простодушный, и да увидим дно! – Поп выпил. – Теперь я скажу, что бог – есть. Имя ему – Жизнь. В этого бога я верую. Это – суровый, могучий Бог, Он предлагает добро и зло вместе – это, собственно, и есть рай. Чего мы решили, что добро должно победить зло? Зачем? Мне же интересно, например, понять, что ты пришел ко мне не истину выяснять, а спирт пить. И сидишь тут, напрягаешь глаза – делаешь вид, что тебе интересно слушать...

Максим пошевелился на стуле.

– Не менее интересно понять мне, что все-таки не спирт тебе нужен, а истина. И уж совсем интересно, наконец, установить: что же верно? Душа тебя привела сюда или спирт? Видишь, я работаю башкой, вместо того чтобы просто пожалеть тебя, сиротиночку мелкую. Поэтому, в соответствии с этим моим богом, я говорю: душа болит? Хорошо. Хорошо! Ты хоть зашевелился, ядрена мать! А то бы тебя с печки не стащить с равновесием-то душевным. Живи, сын мой, плачь и приплясывай. Не бойся, что будешь языком сковородки лизать на том свете, потому что ты уже здесь, на этом свете, получишь сполна и рай, и ад. – Поп говорил громко, лицо его пылало, он вспотел. – Ты пришел узнать: во что верить? Ты правильно догадался: у верующих душа не болит. Но во что верить? Верь в Жизнь. Чем все это кончится, не знаю. Куда все устремилось, тоже не знаю. Но мне крайне интересно бежать со всеми вместе, а если удастся, то и обогнать других... Зло? Ну – зло. Если мне кто-нибудь в этом великолепном соревновании сделает бяку в виде подножки, я поднимусь и дам в рыло. Никаких – «подставь правую». Дам в рыло, и баста.

– А если у него кулак здоровей?

– Значит, такая моя доля – за ним бежать.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– А куда бежим-то?

– На Кудыкину гору. Какая тебе разница – куда? Все в одну сторону – добрые и злые.

– Что-то я не чувствую, чтобы я устремлялся куда-нибудь, – сказал Максим.

– Значит, слаб в коленках. Паралитик. Значит, доля такая – скулить на месте.

Максим стиснул зубы.. Въелся горячим злым взглядом в попа.

– За что же мне доля такая несчастная?

– Слаб. Слаб, как... вареный петух. Не вращай глазами.

– Попяра!.. А если я сейчас, например, тебе дам разок по лбу, то как?

Поп громко, густо – при больных-то легких! – расхохотался.

– Видишь! – показал он свою ручищу. – Надежная: произойдет естественный отбор.

– А я ружье принесу.

– А тебя расстреляют. Ты это знаешь, поэтому ружье не принесешь, ибо ты слаб.

– Ну – ножом пырну. Я могу.

– Получишь пять лет. У меня поболит с месяц и заживет. Ты будешь пять лет тянуть.

– Хорошо, тогда почему же у тебя у самого душа болит?

– Я болен, друг мой. Я пробежал только половину дистанции и захромал. Налей.

Максим налил.

– Ты самолетом летал? – спросил поп.

– Летал. Много раз.

– А я летел вот сюда первый раз. Грандиозно! Когда я садился в него, я думал: если этот летающий барак навернется, значит, так надо. Жалеть и трусить не буду. Прекрасно чувствовал себя всю дорогу! А когда он меня оторвал от земли и понес, я даже погладил по боку – молодец. В самолет верую. Вообще в жизни много справедливого. Вот жалют: Есенин мало прожил. Ровно – с песню. Будь она, эта песня, длинней, она не была бы такой щемящей. Длинных песен не бывает.

– А у вас в церкви... как заведут...

– У нас не песня, у нас – стон. Нет, Есенин... Здесь прожито как раз с песню. Любишь Есенина?

– Люблю.

– Споем?

– Я не умею.

– Слегка поддерживай, только не мешай.

И поп загудел про клен заледенелый, да так грустно и умно как-то загудел, что и правда – защемило в груди. На словах «ах, и сам я нынче чтой-то стал нестойкий» поп ударил кулаком в столешницу и заплакал и затряс гривой.

– Милый, милый!.. Любил крестьянина!.. Жалел! Милый!.. А я тебя люблю. Справедливо? Справедливо. Поздно? Поздно...

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Максим чувствовал, что он тоже начинает любить попа.

- Отец! Отец... Слушай сюда!
- Не хочу! – плакал поп.
- Слушай сюда, колода!
- Не хочу! Ты слаб в коленках...
- Я таких, как ты, обставлю на первом же километре! Слаб в коленках... Тубик.
- Молись! – Поп встал. – Повторяй за мной...
- Пошел ты!..

Поп легко одной рукой поднял за шкурку Максима, поставил рядом с собой.

- Повторяй за мной: верую!
- Верую! – сказал Максим.
- Громче! Торжественно: ве-рую! Вместе: ве-ру-ю-у!
- Ве-ру-ю-у! – заблажили вместе. Дальше поп один привычной скороговоркой зачастил:
- В авиацию, в механизацию сельского хозяйства, в научную революцию-у! В космос и невесомость! Ибо это объективно-о! Вместе! За мной!..

Вместе заорали:

- Ве-ру-ю-у!
- Верую, что скоро все соберутся в большие вонючие города! Верую, что задохнутся там и побегут опять в чисто поле!.. Верую!
- Верую-у!
- В барсучье сало, в бычачий рог, в стоячую оглоблю-у! В плоть и мякоть телесную-у!..

...Когда Илюха Лапшин продрал глаза, он увидел: громадина поп мощно кидал по горнице могучее тело свое, бросался с маху впрыска и орал и нахлопывал себя по бокам и по груди:

- Эх, верую, верую!
- Ту-ды, ту-ды, ту-ды – раз!
- Верую, верую!
- М-па, м-па, м-па – два!
- Верую, верую!..
- А вокруг попа, подбоченясь, мелко работал Максим Яриков и бабьим голосом громко вторил:
- У-тя, у-тя, у-тя – три!
- Верую, верую!
- Е-тя, етя – все четыре!
- За мной! – восклицал поп.
- Верую! Верую!

Максим пристраивался в затылок попу, они, приплясывая, молча совершали круг по избе, потом поп опять бросался впрыска, как в прорубь, распахивал руки... Половицы гнулись.

- Эх, верую, верую!
- Ты-на, ты-на, ты-на – пять!

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Все оглобелки – на ять!

Верую! Верую!

А где шесть, там и шерсть!

Верую! Верую!

Оба, поп и Максим, плясали с такой с какой-то злостью, с таким остервенением, что не казалось и странным, что они – пляшут. Тут – или плясать, или уж рвать на груди рубаху и плакать, и скрипеть зубами.

Илюха посмотрел-посмотрел на них и пристроился плясать тоже. Но он только время от времени тоненько кричал: «Их-ха! Их-ха!» Он не знал слов.

Рубаха на попе – на спине – взмокла, под рубахой могуче шевелились бугры мышц: он, видно, не знал раньше усталости вовсе, и болезнь не успела еще перекусить тугие его жилы. Их, наверно, не так легко перекусить: раньше он всех барсуков слопаёт. А надо будет, если ему посоветуют, попросит принести волка пожирнее – он так просто не уйдет.

– За мной! – опять велел поп.

И трое во главе с яростным, раскаленным попом пошли, приплясывая, кругом, кругом. Потом поп, как большой тяжелый зверь, опять прыгнул на середину круга, прогнул половицы... На столе задребезжали тарелки и стаканы.

– Эх, верую! Верую!..

Медик Володя

Студент медицинского института Прохоров Володя ехал домой на каникулы. Ехал, как водится, в общем вагоне, ехал славно. Сессию сдал хорошо, из деревни писали, что у них там все в порядке, все здоровы – на душе у Володи было празднично. И под вечерок пошел он в вагон-ресторан поужинать и, может быть, выпить граммов сто водки – такое появилось желание. Пошел через вагоны и в одном, в купейном, в коридоре, увидел землячку свою, тоже студентку, кажется, пединститута. Она была из соседней деревни, в позапрошлом году они вместе ездили в райцентр сдавать экзамены по английскому языку и там познакомились. Володе она тогда даже понравилась. Он потом слышал, что она тоже прошла в институт, но в какой и в каком городе толком не знал. Вообще как-то забыл о ней. Он было обрадовался, увидев ее у окошка, но тут же оторопел: забыл как ее звать. Остановился, отвернулся тоже к окну, чтоб она пока не узнала его... Стал вспоминать имя девушки. Напрягал память, перебирал наугад разные имена, но никак не мог вспомнить. То ли Алла, то ли Оля... Что-то такое короткое, ласковое. Пока он так гадал, уткнувшись в окно, девушка оглянулась и тоже узнала его.

– Володя?.. Ой, здравствуй!

– Хелло! – воскликнул Володя. И сделал вид, что очень-очень удивился, и остро почувствовал свою фальшь – и это «хелло», и наигранное удивление. От этого вопросы дальше возникли очень нелепые: «Каким ветром? Откуда? Куда?»

– Как?.. На каникулы.

– А-а, ну да. Ну, и как? На сколько? – Володя до боли ощущал свою нелепость, растерянность и суетился еще больше: почему-то страшно было замолчать и не фальшивить дальше. – До сентября? Или до октября?

Девушка – это было видно по ее глазам – отметила, сколь изменился с недавней поры ее земляк. Но странно, что и она не сказала в простоте: «Да ты что, Володя? Я тоже еду на каникулы, как и ты», а сразу подхватила эту показную вольную манеру.

– Не знаю, как нынче будет. А вы? Вам сказали или тоже на бум-бум едете?

Володе сделалось немного легче оттого, что девушка не осадилась на него с глупой трескотней, а готова даже сама поглупеть во имя современных раскованных отношений.

– Нам сказали к сентябрю собраться, естественно. Но мы пронюхали, что опять повезут на картошку, поэтому многие из нас хотят обзавестись справками, что работали дома, в родимых колхозах.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– А мы тоже!.. Мы говорим: «А можно, мы дома отработаем?»

– Зачем же их спрашивать? Надо привезти справку, и все. – Володе даже понравилось, как он стал нагло расправляться, он втайне завидовал сокурсникам-горожанам, особенно старшекурсникам, но сам не решался изображать из себя такого же – совестно было. Но теперь он вдруг испытал некое удовольствие в нарядной роли... чуть ли не кутилы и циника. Будь у него в кармане деньги, хоть немного больше, чем на сто граммов водки и на билет в автобус до своего села, он, пожалуй, ляпнул бы что-нибудь и про ресторан. Но денег было только-только.

– А не опасно со справкой-то? – спросила девушка. – Могут же... это...

– Я умоляю! Отработал – и все. Возил навоз на поля. – Володя с улыбкой посмотрел на девушку, но поскорей отвернулся и полез в карман за сигаретой. Не все еще шло гладко пока. Маленько было совестно.

– Вас куда в прошлом году возили?

– В Заозерье. Но мы там пожили неплохо... – Володе и правда понравилось ездить с курсом на осенние работы в колхоз, и никакую он справку не собирался доставать дома.

– А мы ездили в Красногорский район, – тоже не без удовольствия вспомнила девушка. – Тоже неплохо было. Хохми-или-и!..

– А как отдыхаете дома летом? Чем занимаетесь?

– Да чем? За ягодами ходим... – Девушка спохватилась, что, пожалуй, это банально – за ягодами. – Вообще, скучно.

– Скооперируемся? – навернул Володя. – А то я тоже с тоски загибаюсь. Нас же разделяет всего... четырнадцать километров, да? Сядем на велики...

– Давайте, – легко согласилась девушка. – У нас тоже молодежи нету. Подруги кое-какие остались, но... Знаете, вот были подругами, да? Потом вдруг что-то – раз! – и отношения портятся. Вот так, знаете, обвально.

– Это вполне понятно, – сказал Володя. – Этого надо было ожидать. Это – один к одному.

– Но почему? – очень притворно удивилась девушка.

– Разошлись дороги... И разошлись, как в море корабли. – Володя посмеялся и стряхнул пепел в алюминиевую неудобную пепельницу вниз. – Это так же естественно, как естественно то, что у человека две ноги, две руки и одно сердце. – Володя вспомнил, что он медик.

И девушка тоже вспомнила, что он медик.

– Ой, а трудно в медицинском, а?

Володя снисходительно посмеялся.

– Почему? Нет, отсев, естественно, происходит... – Володе нравилось слово «естественно». – Нас на первом курсе повели в анатомичку, одна девушка увидела жмуриков и говорит: «Ах, держите меня!» И повалилась...

– В обморок?

– Да. Ну, естественно, это уже не врач. В фармацевты.

– Обидно, наверно, да?

– А у вас... стабильное положение?

– У нас со второго курса нынче ушла одна. Но она просто перевелась, у нее просто отец военный, его куда-то перевели. Во Владивосток. А так нет. А у вас клуб в

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru деревне построили?

– Кинотеатр. В прошлом году. Я как-то пошел посмотреть какую-то картину, половины слов не понял – бубнеж какой-то: бу-бу-бу... Я ушел. Хуже, что библиотеки доброй нет. У вас хорошая библиотека?

– Да нет, тоже... Я везу кое-что с собой.

– Ой, что, а?! – выдал Володя показушный великий голод.

– «Путешествия Христофора Колумба». Это, знаете, дневники, письма, документы... Я же – географичка.

– Так. Еще?

– Еще кое-что... А у вас есть что-нибудь?

– У меня кое-что специальное тоже... «Записки врача» этого... Как его, врач тоже был?..

– Чехов?

– Нет, но они, кажется, поддерживали приятельские отношения... Вот вылетела фамилия. А Бредбери у вас ничего нету?

– Нет. А вы любите читать про медиков?

– Да нет... Любопытно бывает, если не туфта полная. А Камю ничего нет?

– Нет, нету.

– Ну, так как мы будем бороться со скукой? – весело спросил Володя. – Как вы себе это представляете? – Ему совсем хорошо стало, когда свалили этих Камю, Бредбери...

– Общими усилиями как-нибудь... – тоже весело сказала девушка. Как-то вроде обещающе сказала...

Володя быстро утрачивал остатки смущения. Он вдруг увидел, что девушка перед ним милая и наивная. Неопытная. Он и сам был не бог весть какой опытный, то есть вовсе неопытный, но рядом с такой-то, совсем-то уж зеленой... Ну-у, он хоть что-то да слышал! Отважиться? Возможность эта так внезапно открылась Володе, и так он вдруг взволновался, что у него резко ослабли ноги. Он уставился на девушку и долго смотрел – так, что та даже смутилась. И от смущения вдруг рассмеялась. Глядя на нее, и Володя тоже засмеялся. Да так это у них громко вышло, так самозабвенно! Так искренне.

– Вплоть до того, что... – хохотал Володя, – вплоть до того, что – поставим... – Володя и хотел уже перестать смеяться и не мог. – Поставим шалаш и...

Как услышала девушка про этот шалаш, так еще больше закатилась.

– Как Робинзоны... на этом... да?

Володя только кивнул головой – не мог говорить от смеха.

Тут отодвинулась дверь ближнего к ним купе и какая-то женщина крестьянского облика высунулась и попросила негромко:

– Ребята, у меня ребенок спит – потише бы...

Тотчас и в соседнем с этим купе скрежетнула дверь, и некая лысая голова зло и недовольно сказала:

– Как в концертном зале, честное слово! Не в концерте же! – И голова усунулась, и дверь опять нервно скрежетнула и щелкнула. Даже женщина, у которой ребенок, удивленно посмотрела на эту дверь.

– Не спится юному ковбою, – громковато сказал Володя, перестав смеяться, но еще улыбаясь. Он тоже смотрел на сердитую дверь. И сказал еще, но потише: – Вернее так: не спится лысому ковбою.

Девушка прихлопнула ладошкой новый взрыв смеха и бегом побежала по коридору – прочь от опасного места. Володя, польщенный, пошел за ней; чего ему не хватало для полного утверждения в новом своем качестве, так этой вот голой злой головы. Он шел и придумывал, как он сейчас еще скажет про эту голову. Может, так: «Я сперва подумал, что это чье-то колено высунулось».

Девушка ушла аж в тамбур – от греха подальше.

– Ой, правда, мы расшумелись, – сказала она, поправляя волосы. – Люди спят уже...

Володя закурил... Его опять охватило волнение. Его прямо колыхнуло, когда она – совсем рядом – вскинула вверх и назад оголенные свои руки... Он успел увидеть у нее под мышкой родинку. Дым сигареты стал горьким, но он глотал и глотал его... И молчал. Потом бросил сигарету и посмотрел на девушку... Ему казалось, что он посмотрел смело и с улыбкой. Девушка тоже смотрела на него. И по тому, как она на него смотрела – вопросительно, чуть удивленно, – он понял, что он не улыбается. Но теперь уж и отступить было некуда, и Володя положил руку на ее плечо и стал робко подталкивать пальцами девушку к себе. Так как-то двусмысленно подталкивал – приглашал и не приглашал: – можно, однако, подумать, что он влечет к себе, тогда пусть шагнет сама... Жуткий наступил момент, наверно, короткий, но Володя успел разом осознать и свою трусость, и что ему вовсе не хочется, чтоб она шагнула. И он вовсе потерялся...

– Что ты? – спросила девушка серьезно.

– Начнем? – сказал Володя.

Девушка убрала его руку.

– Что начнем? Ты что?

– О боже мой! – воскликнул Володя. – Чего ж ты уж так испугалась-то?.. Пичужка. – И он коротко хохотнул, торопливо похлопал девушку по плечу и сказал снисходительно и серьезно: – Иди спать, иди спать, а то поздно уже. Да? – и ринулся в наружную дверь тамбура – вон отсюда.

– Завтра поедем вместе? – спросила вдогонку девушка.

– Да! Обязательно! – откликнулся Володя. Он уже был в переходном этом мешке, где грохотало и качалось.

Он почти бежал по вагонам. Очень хотелось или самому выпрыгнуть из вагона, или чтоб она, эта географичка, выпала бы как-нибудь из вагона, чтоб никто никогда не узнал его гнусного позора и какой он враль и молокосос.

Он пришел в свой вагон, снял ботинки, тихо, как всякий мелкий гад, влез на верхнюю полку и замер. Боже ж ты мой! Так ждал этого лета, так радовался, ехал, так все продумал, как будет отдыхать... Тьфу! Тьфу! Тьфу! Он вдруг вспомнил, как зовут девушку – Лариса. И еще он вспомнил, как он хохотал в купейном вагоне... Он заворочался и замычал тихо. Ведь не сломал же руку или ногу, ни от поезда не отстал, ни чемодан не украли – сам мелко напаскудил. Эта Лариса теперь расскажет всем... Они любят рассказывать – смеются всегда – когда какой-нибудь валенок хотел соблазнить девушку, но ничего не вышло – получил по ушам. Приврет еще, приврет обязательно.

Так он казнил себя на верхней полке... пока вдруг не заснул. Как-то заснул и заснул – страдал, страдал и заснул.

А проснулся, когда уж поезд стоял на родной станции – дальше он никуда не шел. За окном был ясный день; на перроне громко разговаривали, смеялись, вскрикивали радостно... Встречали, торопились к автобусам.

Володя моментально собрался.. И вдруг вспомнил вчерашнее.. И так и сел. Но надо было выходить: по вагону шел проводник и поторапливал замешкавшихся пассажиров.

Володя вышел на перрон. Огляделся.. И прошмыгнул в вокзал. Сел там в уголок на чемодан и стал ждать. Эта Лариса уедет, наверно, одним из первых автобусов, она девка шустрая. А они потом еще будут, автобусы-то, много. И все почти идут через его село. Черт с ней, с этой Ларисой!.. Может, расскажет, а может, и не расскажет. Зато он все равно дома. И уж не так было больно, как вчера вечером. Ну, что же уж тут такого?.. Стыдно только. Ну, может, пройдет как-нибудь. Володя выглянул в окно на привокзальную площадь.. И сразу увидел Ларису: она стояла поодаль от автобусов – высматривала Володю среди людей, идущих с перрона. Володя сел опять на чемодан. Вот же противная девка, стоит, ждет! Ничего, подождешь-подождешь и уедешь – домой-то охота. Но ведь какая настырная – стоит, ждет!

Залетный

Кузнец Филипп Наседкин, спокойный, уважаемый в деревне человек, беспрекословный труженик, вдруг запил. Да и не запил вовсе, а так – стал прикладываться. Это жена его, Нюра-Заполошная, это она решила, что Филя запил. И она же полетела в правление колхоза и там устроила такой переполох, что все решили: Филя запил. И все решили, что надо Филю спасти.

Главное, всех насторожило, что Филя схлестнулся с Саней Неверовым. Саня – человек очень странный. Весь больной, весь изрезанный (и плеврит, и прободная язва желудка, и печень, и колит, и черт его не знает, чего у него только не было, и геморрой), он жил так: сегодня жив, а завтра – это надо еще подумать. Так он говорил. Он не работал, конечно, но деньги откуда-то у него были. У него собирались выпить. Он всех привечал.

Изба Сани стояла на краю деревни, над рекой присела задом в крутизну берега, а двумя маленькими глазами-окнами смотрела далеко-далеко – через реку, в синие горы. Была маленькая оградка, какие-то старые бревна, две березки росли.. Там, в той ограде, отдыхала душа.

Саня не то что слишком уж много знал или много повидал на своем веку (впрочем, он про себя не рассказывал, мало рассказывал) – он очень уж как-то мудроно говорил про жизнь, про смерть.. И был неподдельно добрый человек. Тянуло к нему, к родному, одинокому, смертельно больному. Можно было долго сидеть на старом теплом бревне и тоже смотреть далеко – в горы. Думалось – не думалось – хорошо, ясно делалось на душе, как будто вдруг – в какую-то минуту – стал ты громадный, вольный и коснулся руками начала и конца своей жизни – смерил нечто драгоценное и все понял. Ну и что? Ну и ладно! – так думалось.

Бабы замужние возненавидели Саню с того самого дня, как он только появился в деревне. Появился он этой весной, облюбовал у цыган развалюху, сторговал, купил и стал жить. Его сразу, как принято, окрестили – Залетный. И, разумеется, – Саня, потому что – Александр. Его даже побаивались. И все зря. Филя, когда бывал у Сани, испытывал такое чувство, словно держал в ладонях теплого еще, слабого воробья с капельками крови на сломанных крыльях – живой комочек жизни. И у Фили все восставало в груди – все доброе и все злое, – когда про Саню говорили плохо.

Филя так и сказал на правлении колхоза:

– Саня – это человек. Отвяжитесь от него. Не тревожьте.

– Пьяница, – поправила бухгалтерша, пожилая уже, но еще миловидная активистка.

Филя глянул на нее, и его вдруг поразило, что она красит губы. Он как-то не замечал этого раньше.

– Дура, – сказал ей Филя.

– Филипп! – строго прикрикнул председатель колхоза. – Выбирай выражения!

– Ходил к Сане и буду ходить, – упрямо повторил Филя, ощущая в себе злую силу.

– Зачем?

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– А вам какое дело?

– Ты же свихнешься там! Тому осталось... самое большое полтора года, ему все равно, как их дожить. А ты-то?!

– Он вас всех переживет, – зачем-то сказал Филя.

– Ну, хорошо. Допустим. Но зачем тебе спиваться-то?

– Иди спои меня, – усмехнулся Филя. – Через неделю на баланс сядешь. Вы меня хоть раз сильно пьяным видели?

– Так это всегда так начинается! – вместе воскликнули председатель, бухгалтерша, девушка-агроном и бригадир Наум Саранцев, сам большой любитель «пополоскать зубки». – Всегда же начинается с малого!

– Тем-то он и опасен, Филипп, этот яд, – стал развивать мысль председатель, – что он сперва не пугает, а как бы, наоборот, заманивает. Тебе после войны не приходилось на базаре в карты играть?

– Нет.

– А мне пришлось. Ехал с фронта, вез кое-какое барахлишко: часы «Павел Буре», аккордеон... В Новосибирске пересадка. От нечего делать пошел на барахолку, гляжу – играют. В три карты. Давай, говорят, фронтвичок, попробуй счастье! А я уже слышал от ребят – обманывают нашего брата. Нет, говорю, играйте без меня. Да ты, мол, попробуй! Э-э, думаю, ну, проиграю тридцатку... – Председатель оживился. Его слушали, улыбались. Филя крутил фуражку меж колен. – Давай, говорю! Только без обмана, черти! А надо было, значит, отгадать одну карту... Он их сперва показывает, потом у тебя на глазах тасует и, значит, раскладывает тыльной стороной. Все три. Одну тебе надо отгадать, туза бубей, например. И ведь все на глазах делает, паразит! Вот показал он мне все три лицом – запомнил? Запомнил, говорю. Следи!.. Раз-раз-раз – перекидывает их. Я слежу, где туз бубей. Какая, спрашивает? Я зажал пальцем... Переворачиваем – туз бубей. Выиграл. Они мне еще дали выиграть раза три-четыре... Ну, и все: к вечеру и аккордеон мой, и часы, и деньги – как корова языком слизнула. Все проиграл. Попытался было силой отбить, но их там много оказалось. Так и явился домой с пустыми руками. Вот как, Филипп, зараза-то всякая начинается – незаметно. Ведь они же мне сперва дали выиграть, потом уж только чистить-то начали. Ведь мне все отыграть хотелось, все надеялся... Вот и отыгрался. Водка, она действует тем же методом: я тебя сперва ублажу, убаюкаю, а потом уж возьмусь за тебя. Так что смотри, Филипп, – не прогадай.

– Мне не восемнадцать лет.

– А она анкетные данные не спрашивает! Ей все равно... Работник ты хороший, с семьей у тебя пока все благополучно... Просто мы предупреждаем тебя. Не ходи ты к этому Сане! Он, может, хороший человек, но смотри, сколько на него баб жалуются!..

– Дуры, – опять сказал Филя.

– Ну, задолбил, как дятел: дуры, дуры. Твоя Нюра – дура, что ли?

– И моя дура. Чего заполошничать?

– Да то, что ей семью разрушать не хочется!

– Никто ее не разрушает. Сама бегаёт разрушает.

– Ну, смотри. Мы тебя предупредили. А этого твоего Саню мы просто выселим из деревни, и все... Он дождется.

– Не имееете права – больной человек.

– Найдем право! Больной... Больной, значит, не пей. Иди работай, Филипп.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Вызывали? – спросил вечером Саня, нервно подрагивая веком левого глаза.

– Вызывали. – Филе было стыдно за жену, за председателя, за все правление в целом.

– Не велели ходить?

– Та-а... што я, ребенок, што ли!

– Да, да, – согласился Саня. – Конечно. – И веко его все подергивалось. Он смотрел на далекие горы. С таким выражением смотрел, точно ждал, что оттуда – вспять – взойдет солнце. Оно там заходило. – Ночью, часу в двенадцатом, соловьи поют. Ах, дьяволята!.. выкомаривают. Друг перед другом, что ли?

– Самок заманивают, – пояснил Филя.

– Красиво заманивают. Красиво. Люди так не умеют. Люди – сильные.

«Это ты-то – сильный?» – думал Филя.

– Уважаю сильных людей, – продолжал Саня. – В детстве меня колотил один парнишка, – сильнее меня был. Мне отец посоветовал: потренируйся, поподними что-нибудь тяжелое – через месяц поколотишь его. Я стал поднимать ось от вагонетки. Три дня поднимал – надорвался. Пупок развязался.

– А ты бы взял – раз послабей – гирьку, привязал бы ее на ремешок да гирькой бы его по башке. Я тоже смирный был, маленький-то, ну, один извязался тоже, проходу не дает. Я его гирькой от часов разок угостил – отстал.

Саня пьянел. Взор его туманился... Покидал далекие синие горы, наблюдал речку, дорогу, дикий кустик малины под плетнем. Теплел, становился радостным.

– Хорошо, Филипп. Мне – пятьдесят два, двенадцать откинем – несознательные – сорок... Сорок раз видел весну, сорок раз!.. И только теперь понимаю: хорошо. Раньше все откладывал, все как-то некогда было – торопился много узнать, все хотел громко заявить о себе... Теперь – стоп-машина! Дай нагляжусь. Дай нарадуюсь. И хорошо, что у меня их немного осталось. Я сейчас очень много понимаю. Все! Больше этого понимать нельзя. Не надо.

Снизу, от реки, холодало. Но холодок тот только ощущался, наплывал... Это было только слабое гниlostное дыхание, и огромная, спокойная теплынь от земли и неба губила это дыхание.

Филя не понимал Саню и не силился понять. Он тоже чувствовал, что на земле – хорошо. Вообще жить – хорошо. Для приличия он поддерживал разговор.

– Ты совсем, што ли, одинокий?

– Почему? У меня есть родные, но я, видишь, болен. – Саня не жаловался. Ни самым даже скрытым образом не жаловался. – И у меня слабость эта появилась – выпить... Я им мешаю. Это естественно...

– Трудно тебе, наверно, жилось...

– По-разному. Иногда я тоже брал гирьку... Иногда – мне гирькой. Теперь – конец. Впрочем, нет... вот сейчас я сознаю бесконечность. Как немного стемнеет, и тепло, – я вдруг сознаю бесконечность.

Этого Филя совсем не мог уразуметь. Еще один мужик сидел, Егор Синкин, с бородой, потому что его в войну ранило в челюсть. Тот тоже не мог уразуметь.

– В тюрьме небось сидел? – допытывался Егор.

– Бог с вами! Вы еще из меня каторжанина делаете. Просто я жил и не понимал, что это прекрасно – жить. Ну, что-то такое делал... Много суетился. Теперь спокоен. Я был художник, если уж вам так интересно. Но художником не был. – Саня искренне, негромко, весело смеялся. – Вконец запутал вас... Не мучайтесь. Ну мало

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
ли на свете чудаков, странных людей!.. Деньги мне присылает брат. Он богатый. То
есть не то что очень богатый, но ему хватает. И он мне дает.

Это мужики понимали – жалеет брат.

– Если бы все начать сначала!.. – На худом темном лице Сани, на острых скулах
вспухали маленькие бугорки желваков. Глаза горячо блестели. Он волновался. – Я
объяснил бы, я теперь знаю: человек – это... нечаянная, прекрасная, мучительная
попытка Природы осознать самое себя. Бесплодная, уверяю вас, потому что в
природе вместе со мной живет геморрой. Смерть!.. и она – неизбежна, и мы
ни-ког-да этого не поймем. Природа никогда себя не поймет... Она взбесилась и
мстит за себя в лице человека. Как злая.. мм... – Дальше Саня говорил только себе,
неразборчиво... Мужикам надоедало напрягаться, слушая его, они начинали толковать
про свои дела.

– Любовь? Да, – бормотал Саня, – но она только запутывает и все усложняет. Она
делает попытку мучительной – и только. Да здравствует смерть! Если мы не в
состоянии постичь ее, то зато смерть позволяет понять нам, что жизнь –
прекрасна. И это совсем не грустно, нет... Может быть, бессмысленно – да. Да, это
бессмысленно...

Мужики понимали, что Саня уже хорош. И расходились по домам.

Филя брел переулками-закоулками и потихоньку растрачивал из груди горячую веру,
что жизнь – прекрасна.

Оставалась только щемящая жалость к человеку, который остался один сидеть на
бревне... И бормочет, бормочет себе под нос нечто – так он думает, тот человек –
важное.

Через неделю Саня помер.

Помирал трезвым. Ночью. С ним был Филя.

Саня все понимал и понимал, что умирает. Иногда только забывался – точно
накрепко задумывался, смотрел в стенку, не слышал Филю...

– Сань! – звал Филя. – Ты не задумывайся. А то так хуже. Может, встанешь
походишь маленько? Давай я повожу тебя по избе... Сань?

– Мм?..

– Поломай себя... Разомнись маленько.

– Сходи, Филипп... дай веточку малины... Под плетнем растет. Только пыль не стряхни...
Принеси.

Филя вышел в ночь, и она оглушила его своей необъятностью. Глухая весенняя ночь,
темная, тяжкая... огромная. Филя никогда ничего в жизни не боялся, а тут вдруг
чего-то оробел... Поспешно сломил молодую веточку малины, влажную от ночной
сырости, и заторопился опять в избу. Подумал:

«Какая на ней пыль? Не успела еще... пыль-то, дороги-то еще грязные. Откуда
пыль-то?»

Саня приподнялся на локте и прямо, в упор смотрел на Филю. Ждал. Филя одни
только эти глаза и увидел в избе, когда вошел. Они полыхали болью, они молили,
они звали его.

– Не хочу, Филипп! – ясно сказал Саня. – Все знаю... Не хочу! Не хочу!

Филя выронил веточку.

Саня, обессиленный, упал головой на подушку и тихо, и торопливо еще сказал:

– Господи, господи... какая вечность! – еще год... полгода! Больше не надо.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
У Фили больно сжалось сердце. Он понял, что Саня скоро помрет. Скоро помрет. Он молчал.

– Не боюсь, – тихо, из последних сил торопился Саня. – Не страшно... Но еще год – и я ее приму, ведь это же надо принять! Ведь нельзя же, чтобы так просто... Это же не казнь! Зачем же так?..

– Выпей водки, Сань?

– Еще полгода! Лето... Ничего не надо, буду смотреть на солнце!.. Ни одну травинку не помну... Кому же это надо, если я не хочу? – Саня плакал. – Филипп...

– Што, Сань?

– Кому же это надо? Ну ведь глупо же, глупо!.. Она же – дура! Колесо какое-то.

Филиа тоже плакал – чувствовал, как по щекам текут слезы. Сердито вытирался рукавом.

– Сань... ты не обзывай ее, может она... это... отступит. Не ругай ее.

– Я не ругаю. Но ведь как глупо! Так грубо... и никак не помочь! Дура.

Саня закрыл глаза и замолк. И долго-долго молчал. Филиа даже подумал, что уже – все.

– Поверни меня... – попросил Саня. – Отверни. – Филиа повернул друга лицом к стенке.

– Дура, – еще раз совсем тихо сказал Саня. И опять замолчал.

Филиа с час примерно сидел на стуле не шевелясь, ждал, когда Саня что-нибудь попросит. Или заговорит. Саня больше не заговорил. Он помер.

Филиа и другие мужики схоронили Саню. Тихо схоронили, без лишних слов. Помянули.

Филиа посадил у изголовья его могилы березку. Она прижилась. И когда дули южные теплые ветры, березка кланялась и шевелила, шевелила множеством маленьких зеленых ладоней – точно силилась что-то сказать. И не могла.

Беседы при ясной луне

Марья Селезнева работала в детсадике, но у нее нашли какие-то палочки и сказали, чтоб она переквалифицировалась.

– Куда я переквалифицируюсь-то? – горько спросила Марья. Ей до пенсии оставалось полтора года. – Легко сказать – переквалифицируйся... Что я, боров, что ли, – с боку на бок перевертываться? – Она поняла это «переквалифицируйся» как шутку, как «переверались на другой бок».

Ну, посмеялись над Марьей... И предложили ей сторожить сельмаг. Марья подумала и согласилась.

И стала она сторожить сельмаг.

И повадился к ней ночами ходить старик Баев. Баев всю свою жизнь проторчал в конторе – то в сельсовете, то в заготпушнине, то в колхозном правлении, – все кидал и кидал эти кругляшки на счетах, за целую жизнь, наверно, накидал их с большой дом. Незаметный был человек, никогда не высовывался вперед, ни одной громкой глупости не выкинул, но и никакого умного колена тоже не загнул за целую жизнь. Так средним шажком отшагал шестьдесят три годочка, и был таков. Двух дочерей вырастил, сына, домок оборудовал крестовый... К концу-то огляделись – да он умница, этот Баев! Смотри-ка, прожил себе и не охнул, и все успел, и все ладно и хорошо. Баев и сам поверил, что он, пожалуй, и впрямь мужик с головой, и стал намекать в разговорах, что он – умница. Этих умниц, умников он всю жизнь не любил, никогда с ними не спорил, спокойно признавал их всяческое превосходство, но вот теперь и у него взыграло ретивое – теперь как-то это стало не опасно, и он запоздало, но упорно повел дело к тому, что он – редкого ума человек.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Последнее время Баева мучила бессонница, и он повадился ходить к сторожихе Марье – разговаривать.

Марья сидела ночью в парикмахерской, то есть днем это была парикмахерская, а ночью там сидела Марья: из окон весь сельмаг виден.

В избушке, где была парикмахерская, едко, застояло пахло одеколоном, было тепло и как-то очень уютно. И не страшно. Вся площадь между сельмагом и избушкой залита светом; а ночи стояли лунные. Ночи стояли дивные: луну точно на веревке спускали сверху – такая она была близкая, большая. Днем снежок уже подтаивал, а к ночи все стекленело и нестерпимо, поддельно как-то блестело в голубом распахантом свете.

В избушке лампочку не включали, только по стенам и потолку играли пятна света – топился камелек. И быстротечные эти светлые лики сплетались, расплетались, качались и трепетали. И так хорошо было сидеть и беседовать в этом узорчатом качающемся мирке, так славно чувствовать, что жизнь за окнами – большая и ты тоже есть в ней. И придет завтра день, а ты – и в нем тоже есть, и что-нибудь, может, хорошее возьмет да случится. Если умно жить, можно и на хорошее надеяться.

– Люди, они ведь как – сегодняшним днем живут, – рассуждал Баев. – А жизнь надо всю на прострел брать. Смета!.. – Баев делал выразительное лицо, при этом верхняя губа его уползала куда-то к носу, а глаза узились щелками – так и казалось, что он сейчас скажет: «сево?» – Смета! Какой же умный хозяин примется рубить дом, если заранее не прикинет, сколько у него есть чего. В учетном деле и называется – смета. А то ведь как: вот размахнулся на крестовый дом – широко жить собрался, а умишка, глядишь, – на пятистенок, едва-едва. Просадит силенки до тридцати годов, нашумит, наорется, а дальше – пшик.

Марья согласно кивала головой. И правда, казалось, умница Баев, сидючи в конторах, не тратил силы, а копил их всю жизнь – такой он был теперь сытенький, кругленький, нацеленный еще на двадцать лет осмеченной жизни.

– Больно шустрые! Я как-то лежал в горбольнице... меня тогда Неверов отвез, председателем исполкома был в войну у нас, не помнишь?

– Нет. Их тут перебивало..

– Неверов, Василий Ильич. А тогда что. С молокопоставками не управились – ему хоть это... хоть живым в могилу зарывайся. Я один раз пришел к нему в кабинет, говорю: «Василий Ильич, хотите, научу, как с молокопоставками-то?» – «Ну-ка», – говорит. «У нас, мол, колхозники-то все вытаскали?» – «Вроде все, – говорит. – А что?» Я говорю: «Вы проверьте, проверьте – все вытаскали?»

– Ох, тада и таска-али! – вспомнила Марья. – Бывало, подоишь – и все отнесешь. Ребятишкам по кружке нальешь, остальное – на молоканку. Да ведь планы-то какие были... безобразные!

– Ты вот слушай! – оживился Баев при воспоминании о давнем своем изобретательном поступке.

«Все, мол, вытаскали-то? Или нет?» – Он вызвал девку: «Принеси, – говорит, – сводки». Посмотрели: почти все, ерунда осталась. «Ну вот, – говорит, – почти все». – «Теперь так, – это я-то ему, – давайте рассуждать: госпоставки недостает столько-то, не помню счас сколько. Так? Колхозники свое почти все вытаскали... Где молоко брать?» Он мне: «Ты, – говорит, – мне мозги не... того, говори дело!» Матершинник был несусветный. Я беру счеты в руки: давайте, мол, считать. Допустим, ты должна сдать на молоканку пятьсот литров. – Баев откинул воображаемых пять кругляшек на воображаемых счетах, посмотрел терпеливо и снисходительно на Марью. – Так? Это из расчета, что процент жирности молока у твоей коровы – такой-то. – Баев еще несколько кругляшек воображаемых сбросил, чуть выше прежних. – Но вот выясняется, что у твоей коровы жирность не такая, какая тянула на пятьсот литров, а ниже. Понимаешь? Тогда тебе уже не пятьсот литров надо отнести, а пятьсот семьдесят пять, допустим. Сообразила?»

Марья не сообразила пока.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Вот и он тогда так же: хлопает на меня глазами: не пойму, мол. Снимайте, говорю, один процент жирности у всех – будет дополнительное молоко. А вы это молоко, с колхозников-то, как госпоставки пустите. Было бы молоко, в бумагах его как хошь можно провести. Ох, и обрадовался же он тогда. Проси, говорит, что хочешь! Я говорю: отвези меня в городскую больницу – полежать. Отвез.

Марья все никак не могла уразуметь, как это они тогда вышли из положения с госпоставками-то.

– Да, господи! – воскликнул Баев. – Вот ты оттаскала свои пятьсот литров, потом тебе говорят: за тобой, гражданка Селезнева, еще семьдесят пять литров. Ты, конечно, – как это так? А какой-нибудь такой же, вроде меня, со счетиками: давайте считать вместе... Вышла, мол, ошибка с жирностью. Работник, мол, не доглядел... А я – в горбольнице. С сельской местности-то туда и счас не очень берут. А я вот когда попал!

– А чего?.. Заболел, што ли?

– Как тебе сказать... Нет. Недостаток-то у меня был: глаза-то и тогда уж... Почти слепой был. Из-за того и на войну не взяли. Но лег я не потому, а... как это выразиться... Охота было в горбольнице полежать. Помню, ишо молодой был, а все думал: как же бы мне устроиться в горбольнице полежать? А тут случай-то и подвернулся. Да. Приехал я, мне, значит, коечку, чистенько все, простынки, тумбочка возле койки... В палате ишо пять гавриков лежат, у кого что: один с рукой, один с башкой забинтованной, один тракторист лежал – полспины выгорело, бензин где-то загорелся, он угодил туда. Та-ак. Ну, ладно, думаю, желание мое исполняется.

– Дак чего, просто вот полежать, и все? – никак не могла взять в толк Марья.

– Все. Ну-ка, как это тут, думаю, будут ухаживать за мной? Слышал, что уход там какой-то особенный. Ну, никакого такого ухода я там не обнаружил – больше интересуются: «Что болит? Где болит?» Сердце, говорю, болит – иди, доберись до него. Всего обстукали, обслушали, а толку никакого. Но я к чему про горбольницу-то: про людей-то мы заговорили... Пришел, значит, я в палату, лежат эти козлы... Я им по-хорошему: «Здравствуйте, мол, ребята!» И прилег с дороги-то соснуть малость: дорога-то дальняя, в телеге-то натрясло. Сосну, думаю, малость. Поспал, значит, мне эти козлы говорят: «Надо анализы собирать». – «Какие анализы?» – «Калу, – говорят, – девятьсот грамм и поту пузырек». Я удивился, конечно, но...

Тут Марью пробрал такой смех, что она досмеялась до слез. Баев тоже сперва хмыкнул, но потом строго ждал, когда она отсмеется.

– Ну и как? – спросила Марья, вытирая глаза концом полущалка. – Собрал?

– Стали сперва собирать пот, – продолжал Баев, недовольный, что из рассказа вышла одна комедия: он вознамерился извлечь из него поучительный вывод. – Укрыли меня одеялами, два матраса навалили сверху, а пузырек велели под мышку зажать – туда, мол, пот будет капать. Ить вот рассудок-то у людей: хворают, называется! Ить подумали бы: идет такая страшная война, их, как механизаторов, на броне пока держат: тут надо прижухнуться и помалкивать, вроде тебя и на свете-то нету. Нет, они начинают выдумывать черт-те чего. Думает он, лежит, что у него – жизнь предстоит, что надо ее как-то распланировать, подсчитать все наличные ресурсы, как говорится?.. Что ты! Он зубы свои оскалит и будет лучше ржать лежать, чем задумается.

Марья вспомнила про девятьсот граммов кала и опять захохотала. И понимала, что после таких серьезных слов Баева не надо бы смеяться, но не могла сдержаться.

– Дак, а как... с этим-то?.. Собрал, что ли? – Вытерла опять глаза. – Не могу ничего с собой сделать, ты уж прости меня, Николай Ферапонтыч, шибко смешно. Собрал девятьсот грамм-то?

– Вот то-то и оно – ничего сделать с собой не можем, – обиделся Баев. – Живем безалаберно – ничего с собой сделать не можем; пьем-гуляем – ничего с собой сделать не можем; блуд совершаем – опять ничего с собой сделать не можем. У меня

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru зять вон до развода дело довел, гад зубастый: тоже ничего с собой сделать не может. Кобели. Поганки. – Баев по-живому обозлился. – Взял бы кол хороший, пошел бы в клуб ихний – да колом бы, колом бы всех бы подряд. Ржать научились? Ногами дрыгать научились?.. Теперь подставляй башку, я тебя жизни обучать буду! Козлы.

Посидели молча. Марья даже вздохнула: у самой тоже была дочь, и у той тоже семейная жизнь не ладилась.

– А как вот им поможешь? – сказала она. – И рад бы душой – помочь, а как?

– Никак, – резко сказал Баев. – Пускай сами разбираются.

Опять замолчали.

Баев достал флакон с нюхательным табаком, пошумел ноздрями – одной, другой, – поморгал подслеповатыми маленькими глазами и сладостно чихнул в платок.

– Помогает глазам-то? – спросила Марья, кивнув на пузырек с табаком.

– Не он бы, так давно бы уж ослеп. Им только и держусь.

– Где ж ты так глаза-то испортил? У вас, однако, в роду все зрячие были.

– Зрячие... – вздохнул Баев. – Все зрячие, да не все умные. – Баев спрятал пузырек в карман, помолчал задумчиво. – Что он, покойный родитель мой, делал со мной – это же ни пером описать, ни... как там говорится?.. Уму непостижимо, что он вытворял, чтоб я только в школу не ходил. А мне страсть как учиться хотелось. Тада же ишо приходская школа-то была... Батюшка-то к родителю ходил: способный, мол, парнишка, пускай ходит. Ну! Родителю моему только... Грех поминать нехорошо, но и... тоже... Как я только ни просил: в ногах у него валялся, ревмя ревел – отпустите в школу! Закинет пимы на полати, и все. Сиди за печью, гложи ногу овечью – вот весь сказ родительский. Эх-х!.. – Баев еще помолчал горестно. – Дак я, когда все попут, лучинку зажгу, бывало, в уголок на печке забьюсь да по складам читаю. Да по всей ноченьке так-то – вот они, глаза-то и сели.

– Дак, а чего уж он так?

– А спрости его! Не мужицкое дело, мол... Темен был, упрям. Всю жизнь я на него сердце держал. Помирал, помню: «Прости, Колька, учиться тебе препятствовал...» И вот знаю, как полагается говорить в таких случаях, а язык не поворачивается. «Ладно, – говорю, – чего теперь?» Вот как душа затвердела! А потому что – обидно. Я же какой башковитый-то был! Бывало, стишок два раза прочитаю и тут же его отбарабаню без запинки.

– А понимал же потом-то – вишь, «прости» говорил.

– Да потом-то... Ко мне, бывало, придут: «Напиши, ради Христа, прошение», или еще чего, ну, курочку несут или яиц десяток, а то шерсти... фунта два... Я сяду – мне плевое дело прошение-то составить: где заострил, где подсусолил, где на жалость упор сделаешь, а где намекнешь про другие инстанции... Тут целая наука тоже. Вот составишь. «На, хлопочи, ехай». Человек и радешенек. И того не заметил, что я за какой-нибудь час курицу заработал. А родитель-то видит, конечно, сопит – чует вину свою. Эх ты, думаю, а дал бы мне учиться-то, да я бы... Ладно. Рази бы тут курочками пахло! Ведь это я самоучкой уж достиг – счетоводом-то, потом бухгалтером. А поучи-ка меня годов десять, как этих лоботрясов нынче, да я бы... не знаю... Эх-х! Ладно. – Баеву правда было горько, у него даже глаза слезились, он утирал их согнутым указательным пальцем. – Чего теперь. Обидно, конечно... Ведь вот счас уж дело прошлое – ты подумай только, какие я дела пропускал через свои руки! Ведь меня ревизором в другие районы посылали! Еду, бывало, и думаю: знали бы они, что у меня всего-то полтора класса ЦПШ, как у нас шутил один: церковноприходской школы. Полторы зимы побегал всего-то, а вы меня – на других ревизором! Молчал уж...

– А ведь вот дал же бог такое стремление – учиться! – неподдельно уважительно

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru заметила Марья. – Откуда бы такое стремление?

– Наблюдательность, – пояснил Баев. – Я вот, как себя помню, всегда был очень наблюдательный. Ишо карапуз был, а, бывало, зайду по колена в воду – озерко за деревней было, помнишь? Раменское называлось – залезу и стою. По полдня торчал неподвижно – наблюдал, чего в воде происходит. Это уж от бога. Это уж не от людей. От родителя моего я мог только пинка получить вместо совета разумного.

– Надо же, – с уважением опять сказала Марья. – А мне вот – хоть бы что! Больше играть любила на улице. По целым дням, бывало, не загонялась!

– Я уж, грешным делом, думаю.. – Баев даже оглянулся и заговорил тише. – Я уж думаю: не приспала ли меня мать-покойница с кем другим?

– Господь с тобой! – воскликнула Марья, но тоже негромко воскликнула и тоже чуть было не оглянулась. – Тетка Анисья-то! Да ты что, Ферапонтыч... Господи! Да ты и похожий-то на отца. Только ты посытей да без бороды, а так-то... Да что ты, бог с тобой! Да с кем же она могла?

– Ну!.. – Баев полез опять за пузырьком. – А в кого я такой башковитый? Я вот думаю: мериканцы-то у нас тут тада рылись – искали чего-то в горах... Шут его знает! Они же... это... народишко верткий.

– Дак, а похож-то?

– Ну!.. Похож! Потрись с малых лет возле человека – будешь похож. Собака вон на хозяина и то становится похожая, а человек-то... Шут его знает! Может, и грех на душу беру. Но шибко уж у нас с им... противоположные взгляды. Вот чую сердцем: не крестьянского я замеса. Сроду меня не тянуло пахать или там сеять... – ни к какой крестьянской работе. И к вину никогда не манило. – Баев не то что оголтело утверждал, что он не крестьянского рода, а скорей размышлял и сомневался. – Ведь если так-то подумать: куда же это все во мне подевалось? Должен же я стремиться землю иметь или там... буяннить на праздники. Нет! В огороде своем собственном копать не люблю! Вот в конторе посиживать, это по мне..

– Дак оно бы и все-то так посиживали – в тепле да на почете, – вставила Марья.

– Садись! – воскликнул с сердцем Баев. – Чего ж ты тут вместо мужика торчишь ночами? Садись в контору и посиживай.

– Посиживай...

– Во-от! Голову надо иметь? Вот я про голову и говорю. Откуда она у меня, у крестьянского выходца?

– Ну что же, уж из мужиков и людей больших не было? Вон в войну...

– В войну-у! – перебил Баев. – С наганами-то бегать да горло драть – это ишо не самая великая мудрость. Мало у нас их было, горлопанов! Одного Ваню Кысу возьми... С малолетства на ножах ходил. Из тюрьмы не вылезал, сердешный. А тоже – храбрец из храбрецов считался...

– Ну сравнил!

– Ну а как же? Уж куда храбрее Кысы-то?.. Был ли кто?

– Кыса – разбойник. Разбойник, он разбойник и есть. Я про хороших мужиков говорю. Вон Иван Козлов... Был простой солдат, а стал командиром. Орденов сколько, фотокарточку тада присылал, мы всей деревней смотреть бегали.

– Это... все так, – вздохнул Баев. Он не скрывал, что не ровня ему полуграмотная Марья – спорить, неглубоко берет баба своим рассудком. – Конечно, командир, ордена... трень-брень, сапоги со скрипом... Это все воздействует. Но все же голову никакими орденами не заменишь. Или уж она есть, или... так – куда шапку надевают.

Так беседовали Баев с Марьей. Часов до трех, до четырех засиживались. Кое в чем не соглашались, случалось, горячились, но расставались мирно. Баев уходил через площадь – наискосок – домой, а Марья устраивалась на диван и спала до рассвета

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru спокойно. А потом – день, шумливый, суетной, бестолковый... И опять опускалась на землю ясная ночь, и охота было опять поговорить, подумать, повспоминать – испытать некую тихую, едва уловимую радость бытия.

..Как-то досиделись они, Баев с Марьей, часов до трех тоже, Баев собрался уже уходить, закладывал в нос последнюю порцию душистого – с валерьяновыми каплями – табаку, и тут увидела Марья, как на крыльце сельмага всходит какой-то человек... Взошел, потрогал замок и огляделся. Марья так и приросла к стулу.

– Ферापонтыч, – выдохнула она с ужасом, – гляди-ка!

Баев всмотрелся, и у него тоже от страха лицо вытянулось.

Человек на крыльце потоптался, опять потрогал замок... Слышно звякнуло железо.

– Стреляй! – тихо крикнул Баев Марье. – Стреляй!.. Через окно прямо!

Марья не шевелилась. Смотрела в окно.

– Стреляй! – опять велел Баев.

– Да как я?! В живого человека... «Стреляй!» Как?! Ты што?

Человек на крыльце поглядел на окна избушки, сошел с крыльца и направился напрямиком к ним.

– Царица небесная, матушка, – зашептала Марья, – конец наступает. Прими, господи, душеньку мою грешную..

А Баев даже и шептать не мог, а только показывал пальцем на ружье и на окно – стреляй, дескать.

Шаги громко захрустели под окнами... Человек остановился, заглянул в окно. И тут Марья узнала его. Вскричала радостно:

– Да ведь Петька это! Петька Сибирцев!

– А чего это никого нет-то? – спросил Петька Сибирцев.

– Заходи, заходи! – помахала рукой Марья. – Вот гад-то подколодный! Я думала, у меня сейчас разрыв сердца будет. Вот черт-то полунощный! Он, наверно, с похмелья день с ночью перепутал.

Вошел Петька.

– Счас что, ночь, что ли? – спросил он.

– Вот идиот-то! – опять ругнулась Марья. – А ты что, за четвертинкой в сельмаг?

Петька с удивлением и горечью постигал, что теперь – ночь.

– Заспал...

Баев пришел, наконец, в движение, нюхнул раз-другой, не чихнул, а высморкался громко в платок.

– Да-а, – сказал он. – Пить, так уж пить – чтоб уж и время потерять: где день, где ночь.

Петька Сибирцев сел на скамеечку, потрогал голову.

– Ну надо же! – все изумлялась Марья. – А если б я стрельнула?

Петька поднял голову, посмотрел на Марью – то ли не понял, что она сказала, то ли не придал значения ее словам.

– У него голова болит, – с сердцем посочувствовал Баев. – Эх-х... жители! – Баев стряхнул платком табачную пыль с губ, вытер глаза. – Мне счас внучка книжку

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru читает: Александра Невский землю русскую защищал... Написано хорошо, но только я ни одному слову не верю там.

Марья и Петька посмотрели на старика.

– Не верю! – еще раз с силой сказал Баев. – Выдумал... и получил хорошие деньги.

– Как это? – не поняла Марья.

– Наврал, как! Не врут, что ли?

– Это же исторический факт, – сказал Петька. – Как это он мог наврать? Конечно, он, наверно, приукрасил, но это же было.

– Не было.

– Вот как! – Петька качнул больной головой. – Хм...

– С кем это он защищал-то ее? Вот с такими вот воинами, вроде тебя?

Петька опять посмотрел на старика... Но смолчал.

– Если уж сейчас с вами ничего сделать не могут – со всех концов вас воспитывают да развивают... борются всячески – то где же тогда было набраться сознания?

Петька похлопал по карманам – поискал курево, но не обнаружил ни папирос, ни спичек.

– Пиши в газету, – посоветовал он. – Опровергай.

И встал и пошел вон из избушки.

Марья и Баев смотрели в окно, как шел Петька. Под ногами парня звонко хрустело льдистое стекло ночной заморозки, и некоторое время шаги его еще сухо шуршали, когда уж он свернул за угол, за сельмаг.

– У их, наверно, свадьба, – сказала Марья. – Сестра-то Петькина за этого вышла... за этого... Как его? Брат-то к агрономше приехал... Как его?

– Черт их теперь знает. И знать не хочу... Сброд всякий. – Баев почувствовал, что он весь вдруг ослаб, ноги особенно – как ватные сделались. Все же испугался он сильно. – Надо же так пить, чтобы день с ночью перепутать!

– Они, ночи-то, вон какие светлые. Наверно, соскочил со сна-то – видит, светло, и дунул в сельмаг.

– Это ж... он и солнце с луной спутал?

Марья засмеялась.

– Видно, гуляют крепко.

В животе у Баева затревожилось, он скоренько завинтил флакончик с табаком, спрятал его в карман, поднялся.

– Пойду. Спокойно тебе додежурить.

– Будь здоров, Фералонтыч. Приходи завтра, я завтра картошки принесу – напекем.

– Напекем, напекем, – сказал Баев. И поскорей вышел.

Марья видела, как и он тоже пересек площадь и удалился в улицу. Шел он, поторапливался, смотрел себе под ноги. И под его ногами тоже похрустывал ледок, но мягко – Баев был в валенках.

А такая была ясность кругом, такая была тишина и ясность, что как-то даже не по себе маленько, если всмотреться и вслушаться. Непокойно как-то. В груди что-то такое... Как будто подкатит что-то горячее к сердцу снизу и в виски мягко стукнет.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
И в ушах толчками пошумит кровь. И все, и больше ничего на земле не слышно. И висит на веревке луна.

Беспалый

Все кругом говорили, что у Сереги Безменова злая жена. Злая, капризная и дура. Все это видели и понимали... Не видел и не понимал этого только Серега. Он злился на всех и втайне удивлялся: как они не видят и не понимают, какая она самостоятельная, начитанная, какая она... Черт их знает, людей: как возьмутся языками чесать, так не остановишь. Они же не знали, какая она остроумная, озорная. Как она ходит! Это же поступь, черт возьми, это движение вперед, в ней же тогда каждая жилочка живет и играет, когда она идет. Серега особенно любил походку жены: смотрел, и у него зубы немели от любви. Он дома с изумлением оглядывал ее всю, играл желваками и потел от волнения.

– Что? – спрашивала Клара. – Мм?.. – И, играя, показывала Сереге язык. И шла в горницу, будто нарочно, чтоб еще раз показать ему, как она ходит. Серега устремлялся за ней.

...И они же еще вякали про то, что она... О деревня! Серега молил бога, чтоб ему как-нибудь не выронить из рук этот драгоценный подарок судьбы. Порой он даже страшился: по праву ли свалилось на его голову такое счастье, достоин ли он его, и нет ли тут какого недоразумения – вдруг что-нибудь такое выяснится, и ему скажут: «Э-э, друг ситный, да ты что?! Ишь, захапал!»

Серега увидел Клару первый раз в больнице (она только что приехала работать медсестрой), увидел и сразу забеспокоился. Сперва он увидел только очки и носик-сапжок. И сразу забеспокоился. Это потом уж ему предстояла радость открывать в ней все новые и новые прелести. Сперва же только блестели очки и торчал вперед носик, все остальное была – рыжая прическа. Белый халатик на ней разлетался в стороны; она стремительно прошла по коридору, бросив на ходу понурой очереди: «Кто на перевязку – заходите». И скрылась в кабинетике. Серега так забеспокоился, что у него заболело сердце. Потом она касалась его ласковыми теплыми пальцами, спрашивала: «Не больно?» У Сереги кружилась голова от ее духов, он на вопросы только мотал головой – что не больно. И страх сковал его такой, что он боялся пошевелиться.

– Что вы? – спросила Клара.

Серега от растерянности опять качнул головой – что не больно. Клара засмеялась над самым его ухом... У Сереги, где-то внутри, выше пупка, зажгло... Он сморщился и... заплакал. Натурально заплакал! Он не мог понять себя и ничего не мог с собой сделать. Он сморщился, склонил голову и заскрипел зубами. И слезы закапали ему на больную руку и на ее белые пальчики. Клара испугалась: «Больно?!»

– Да иди ты!.. – с трудом выговорил Серега. – Делай свое дело. – Он приник бы мокрым лицом к этим милым пальчикам, и никто бы его не смог оттащить от них. Но страх, страх парализовал его, а теперь еще и стыд – что заплакал.

– Больно вам, что ли? – опять спросила Клара.

– Только... это... не надо изображать, что мы все тут – от фонаря работаем, – сказал Серега сердито. – Все мы, в конце концов, живем в одном государстве.

– Что, что?

Ну, и так далее.

Через восемнадцать дней они поженились.

Клара стала называть его – Серый. Ласково... Она, оказывается, была уже замужем, но муж попался «вареный какой-то», они скоро разошлись. Серега от одного того, что первый ее муж был «вареный», ходил, выпятив грудь, чувствовал в себе силу необыкновенную. Клара хвалила его.

И в это-то время, когда он не знал, что бы такое своротить от счастья, они говорили, что жена его – капризная и злая. Серега презирал их всех. Они же не знали, как она... О люди! Все иззавидовались, черти. Что такое, не могут люди спокойно выносить, когда кому-нибудь повезет.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Вы берите пример с животного мира, – посоветовал Серега одному такому умнику.
– Они же спокойно относятся, когда, например, одну какую-нибудь собачку берут в цирк выступать. Они же не злятся. Чего вы-то психуете?

– Да жалко тебя...

– Жалко у пчелки... знаешь где? Вот так.

Серега злился, понимал, что это ни к чему, глупо, и еще больше злился.

– Не обращай внимания на пустолоак, – говорила жена Клара. – Нам же хорошо, и все. Я их всех в упор не вижу.

Серега поругался с родней, что они не пришли в восторг от Клары, с друзьями... Бросил совсем выпивать, купил стиральную машину и по субботам крутил бельишко в предбаннике, чтоб никто из зубоскалов не видел. Мать Сереги не могла понять: хорошо это или плохо. С одной стороны, вроде как-то не пристало мужику бабскую работу делать, с другой стороны... Шут ее знает!

– Но он же не пьет! – сказала Клара свекрови. – Чего вам еще? Он занят делом.

– Дак, а ты возьми да пожалей его: возьми да сама постирай, он неделю-то наломался, ему отдохнуть надо.

– А я что, не работаю?

– Да твоя-то работа... твою-то работу рази можно сравнить с мужниной, матушка! Покрути-ка его день-деньской (Серега работал трактористом) – руки-то какие надо! Он же не двужильный.

– Я сама знаю, как мне жить с мужем, – сказала на это Клара. – Вам надо, чтобы он пил?

– Зачем же?

– Ну и все. Им же делаешь хорошо, и они же еще недовольны.

– Да ведь мне жалко его, он же мне сын...

– Вам не жалко, когда они под заборами пьяные валяются? Жалко? Ну и все. И не надо больше говорить на эту тему. Ясно?

– Господи, батюшка!.. – опешила мать. – И слова не скажи. Замордовала мужика, а ей и слова не скажи.

– Хорошо, я скажу, чтобы он пошел в чайную и напился с друзьями. Вас это устраивает?

– Да чо ты извязалась с пьянкой-то! – рассердилась мать. – Он и до тебя не шибко пил, чо ты с пьянкой-то? Заладила: «пьянка, пьянка».

– Хорошо, я скажу ему, что вы не велите стирать, – объявила Клара. И даже поднялась и книжку медицинскую отложила в сторону.

Мать испугалась.

– Ладно! Сразу – «скажу». Только бы бегать жалиться.

– Хорошо, что вы предлагаете? – Клара через сильные очки прямо смотрела на свекровь. – Конкретно.

– Ничего. Только вижу я, милая, не век ты собралась с мужем жить, вот что. Если б жить думала, ты бы его берегла. А ты, как... не знаю, как ксплотаторша какая: заездила мужика. Неужели же тебе тяжело хоть воды-то натаскать! Он и так целый день там руки-то выворачивает, а придет домой – снова запрягайся. Да когда же ему отдохнуть-то, бедному?

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Повторяю: я о нем думаю. И когда мне его пожалеть, я сама знаю. Это вы тут...
распустили мужчин, потом не знаете, что с ними делать.

– Господи, господи, – только и сказала мать. – Вот какие нынче пошли жены-то!
Ай-яй!

Знал бы Серега про эти разговоры! У Клары хватало ума не передавать их мужу.

А Сереге это одно удовольствие – воды натаскать, бельишко простирнуть... Забежит в дом, поцелует жену в носик, подивится про себя мощному и плавному загибу ее бедер. А то попросит ее надеть белый халат.

– Ну заче-ем? – мило капризничала Клара. – Что за странности какие-то?

– Я прошу, – настаивал Серега. – Я же тогда тебя в халатике увидел, первый раз-то. Надень, погляжу: у меня вот здесь опять ворохнется. – Он показывал под сердце. – Я прошу, Кларнетик. – Он ее называл – Кларнетик. Или – Кларнет, когда надо громко позвать.

Клара надевала халат, и они баловались.

– Где болит? – спрашивала Клара.

– Вот здесь, – показывал Серега на сердце.

– Давно?

– Уже... семьдесят пять дней.

– Разрешите. – Клара прижималась ухом к Серегоиной груди. Серега вдыхал запах ее крашенных волос... И снова, и снова у него чуть кружилась голова от волнения и радости. Он стискивал «врача» в объятиях, искал губами ее милый носик – любил почему-то целовать в носик.

– Ну-у, – противилась Клара, – врача-то!.. – Ей, наверно, слегка уже надоели одинаковые ласки мужа.

«Господи, за что мне такое счастье! – думал Серега, выходя опять во двор к стиральному аппарату. – Я же могу не вынести так. Тронусь, чего доброго. Или ослабну вовсе».

Он не тронулся. Случилось другое, непредвиденное.

Приехал на каникулы двоюродный брат Серегин, Славка. Славка учился в большом городе в техническом вузе, родня им хвасталась, и, когда он приезжал на каникулы, дядя Николай, отец Славкин, собирал вечер. Так было уже два раза, теперь Славка перешел на третий курс. Ну, собрались опять. Позвали Серегу с Klarой.

Шло сперва все хорошо. Клара была в сиреновом платье с пышными рукавами, на груди медальон – часы на золотой цепочке, волосы отливают дорогой медью, очки блестят... Как любил ее Серега за эти очки! Осмотрится по народу, глянет на жену, и опять сердце радостью дрогнет: из всех-то она выделялась за столом: гордая сидела, умная, воспитанная – очень и очень не простая. Сереге понравилось, что и Славка тоже выделил ее из всех, переговаривался с ней через стол. Сперва так – о чем попало, а тут вдруг так интересно заговорили, что все за столом смолкли и слушали их.

– Хорошо, хорошо, – говорил Славка, улавливая ухом, что все его слушают, – мы – технократия, народ... сухой, как о нас говорят и пишут... Я бы тут только уточнил: конкретный, а не сухой, ибо во главе угла для нас – господин Факт.

– Да, но за фактом подчас стоят не менее конкретные живые люди, – возразила на это Клара, тоже улавливая ухом, что все их слушают.

– Кто же спорит! – сдержанно, через улыбочку, пульнул технократ Славка. – Но если все время думать о том, что за фактом стоят живые люди, и делать на это бесконечные сноски, то наука и техника будут топтаться на месте. Мы же не

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
сдвинемся с мертвой точки!

Клара, сверкая стеклом, медью и золотом, сказала на это так:

– Значит, медицина должна в основном подбирать за вами трупы? – Это она сильно выразилась: за столом стало совсем тихо.

Славка на какой-то миг растерялся, но взял себя в руки и брякнул:

– Если хотите – да! – сказал он. – Только такой ценой человечество овладеет всеми богатствами природы.

– Но это же шарлатанство, – при общей тишине негромко, с какой-то особой значительностью молвила Клара.

Славка было засмеялся, но вышло это фальшиво, он сам почувствовал. Он занервничал.

– Почему же шарлатанство? Насколько я понимаю, шарлатанство свойственно медицине. И только медицине.

– Вы имеете в виду самовольные аборты?

– Не только!..

– Знахарство? Так вот, запомните раз и навсегда, – напористо, и сердито, и назидательно заговорила Клара, – что всякий, кто берется лечить даже насморк человека, но не имеет на это соответствующего права – есть потенциальный преступник. – Особенно четко и страшно выговорилось у нее это «преступник». И это – при бабках, которые всюю орудовали в деревне всякими травками, настоями, отварами, это при них она так... Все смотрели на Клару. И тут понял Серега, что отныне жену его будут уважать и бояться. Он ликовал. Он молился на свою очкастую богиню, хотелось заорать всем: «Что, съели?! А вякали!..» Но Серега не заорал, а опять заплакал. Черт знает, что за нервы у него! То и дело плакал. Он незаметно вытер слезы и закурил.

Славка что-то такое еще говорил, но уже и за столом заговорили тоже: Славка проиграл. К Кларе потянулись – кто с рюмкой, кто с вопросом... Один очень рослый родственник Серегин, дядя Егор, наклонился к Сереге, к уху, спросил:

– Как ее величать?

– Никаноровна. Клавдия Никаноровна.

– Клавдия Никаноровна! – забасил дядя Егор, расталкивая своим голосом другие голоса. – А, Клавдия Никаноровна!..

Клара повернулась к этому холму за столом.

– Да, я вас слушаю. – Четко, точно, воспитанно.

– А вот вы замужем за нашим.. ну, родственником, а свадьбу мы так и не справили. А почему вообще-то? Не по обычаю..

Клара не задумывалась над ответами. Вообще, казалось, вот это и есть ее стихия – когда она в центре внимания и раздает направо и налево слова, улыбки... Когда все удивляются на нее, любят ее, кто и завидует исподтишка, а она все шлет и шлет и катит от себя волны духов, обаяния и культуры. На вопрос этого дяди Егора Клара чуть прогнула в улыбке малиновые губы... Скользнула взглядом по технократу Славке и сказала, не дав даже договорить дяде Егору:

– Свадьба – это еще не знак качества. Это, – Клара подняла над столом руку, показала всем золотое кольцо на пальце, – всего лишь символ, но не гарантия. Прочность семейной жизни не исчисляется количеством выпитых бутылок.

Ну, она разворачивалась сегодня! Даже Серега не видел еще такой свою жену. Нет, она была явно в ударе. На дядю Егора, как на посрамленного бестактного человека, посыпалось со всех сторон:

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Получил? Вот так.

– Что, Егорша: спроть шерсти? Хх-э!..

– С обычаем полез! Тут без обычая отбреют так, што... На, закуси лучше.

Сергея – в безудержной радости и гордости за жену – выпил, наверно, лишнего. У него выросли плечи так, что он мог касаться ими противоположных стен дома; радость его была велика, хотелось обнимать всех подряд и целовать. Он плакал, хотел петь, смеялся... Потом вышел на улицу, подставил голову под рукомойник, облился и ушел за угол, под навес, – покурить и обсохнуть. Темнеть уже стало, ветерок дергал. Сергей скоро отошел на воздухе и сидел, думал. Не думал, а как-то отдыхал весь – душой и телом. Редкостный, чудный покой слетел на него: он как будто куда-то плыл, повинуюсь спокойному, мощному току времени. И думалось просто и ясно: «Вот – живу. Хорошо».

Вдруг он услышал два торопливых голоса на крыльце дома: у него больно екнуло сердце: он узнал голос жены. Он замер. Да, это был голос Клары. А второй – Славкин. Над навесом была дощатая перегородка, Славка и Клара подошли к ней и стали. Получилось так: Сергей сидел по одну сторону перегородки, спиной к ней, а они стояли по другую сторону... То есть это так близко, что можно было услышать стук сердца чужого, не то что голоса или шепот, или возню какую. Вот эта-то близость – точно он под кроватью лежал – так поначалу ошарашила, оглушила, что Сергей не мог пошевелиться ни рукой, ни ногой.

– Чиженька мой, – ласково, тихо – так знакомо – говорила Клара, – да что же ты так торопишься-то? Дай я тебя... – Чмок-чмок. Так знакомо! Так одинаково! Так близко... – Славненький мой. Чудненький мой... – Чмок-чмок. – Сладенький...

Они там слегка возились и толкали Сергея. Славка что-то торопливо бормотал, что-то спрашивал – Сергей пропускал его слова, – Клара тихо смеялась и говорила:

– Сладенький мой... Куда, куда? Ах ты, шалунишка! Поцелуй меня в носик.

«Так вот это как бывает, – с ужасом, с омерзением, с болью постигал Сергей. – Вот как!» И все живое, имеющее смысл, имя, – все ухнуло в пропасть, и стала одна черная яма. И ни имени нет, ни смысла – одна черная яма. «Ну, теперь все равно», – подумал Сергей. И шагнул в эту яму.

– Кларнети-ик, это я, Серый, – вдруг пропел Сергей, как будто он рассказывал сказку и подступил к моменту, когда лисичка-сестричка подошла к домику петушка и так вот пропела: – Ау-у! – еще спел Сергей. – А я вас сейчас буду убива-ать.

Дальше все пошло мелькать, как во сне: то то видел Сергей, то это... То он куда-то бежал, то кричали люди. Ни тяжести своей, ни плоти Сергей не помнил. И как у него в руке очутился топор, тоже не помнил. Но вот что он запомнил хорошо: как Клара прыгала через прясло. Прическа у Клары сбилась, волосы растрепались; когда она махнула через прясло, ее рыжая грива вздыбилась над головой... Этаким огнем метнулся. И этот-то летящий момент намертво схватила память. И когда потом Сергей вспоминал бывшую свою жену, то всякий раз в глазах вставала эта картина – полет, и было смешно и больно.

В тот вечер все вдруг отшумело, отмелькало... Куда-то все подевались. Сергей остался один с топором... Он стал все сознавать, стало нестерпимо больно. Было так больно, даже дышать было трудно от боли. «Да что же это такое-то! Что же делается?» – подумал Сергей... Положил на жердину левую руку и тянул топором по пальцам. Два пальца – указательный и средний – отпали. Сергей бросил топор и пошел в больницу. Теперь хоть куда-то надо идти. Руку замотал рубахой, подолом.

С тех пор его и прозвали на селе – Беспалый.

Клара уехала в ту же ночь; потом ей куда-то высылали документы: трудовую книжку, паспорт... Славка тоже уехал и больше на каникулы не приезжал. Сергей по-прежнему работает на тракторе, орудует этой своей культей не хуже прежнего. О Кларе никогда ни с кем не говорит. Только один раз поругался с мужиками.

– Говорили тебе, Серьга: злая она...

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Какая она злая-то?! – вдруг вскипел Серега. – При чем тут злая-то?

– А какая она? Добрая, что ли?

– Да при чем тут – добрая, злая? В злости, что ли, дело?

– А в чем же?

– Ни в чем! Не знаю, в чем... Но не в злости же дело. Есть же другие какие-то слова... Нет, заталдычили одно: злая, злая. Может, наоборот, добрая: брату хотела помочь.

– Серьга, – поинтересовались, – а вот ты же это... любил ее... А если б сейчас приехала, простил бы?

Серега промолчал на это. Ничего не сказал.

Тогда мужики сами принялись рассуждать.

– Что она, дура, что ли, – приедет.

– А что? Подумает – любил...

– Ну, любил, любил. Он любил, а она не любила. Она уже испорченный человек – на одном все равно не остановится. Если смолodu человек испортится, это уже гиблое дело. Хоть мужика возьми, хоть бабу – все равно. Она иной раз и сама не хочет, а делает.

– Да, это уж только с середки загнить, а там любой ветерок пошатнет.

– Воли им дали много! – с сердцем сказал Костя Бибииков, невзрачный мужичок, но очень дерзкий на слово. – Дед Иван говорит: сейчас хорошо живет баба да корове, а коню и мужику плохо. И верно. Воли много, они и распустились. У Игнахи вон Журавлева – тоже: напилась дура, опозорила мужика – вел ее через всю деревню. А потом на его же: «А зачем пить много разрешал!» Вот как!..

– А молодые-то!.. Юбки эти возьми – посмотришь, иде-ет... Тьфу!

Серега сидел в сторонке, больше не принимал участия в разговоре. Покусывал травинку, смотрел вдаль куда-то. Он думал: что ж, видно, и это надо было испытать в жизни. Но если бы еще раз налетела такая буря, он бы опять растопырил ей руки – пошел бы навстречу. Все же, как ни больно было, это был праздник. Конечно, где праздник, там и похмелье, это так... Но праздник-то был? Был. Ну и все.

Миль пардон, мадам!

Когда городские приезжают в эти края поохотиться и спрашивают в деревне, кто бы мог походить с ними, показать места, им говорят:

– А вон Бронька Пупков... он у нас мастак по этим делам. С ним не соскучитесь. – И как-то странно улыбаются.

Бронька (Бронислав) Пупков, еще крепкий, ладно скроенный мужик, голубоглазый, улыбчивый, легкий на ногу и на слово. Ему за пятьдесят, он был на фронте, но покалеченная правая рука – отстрелено два пальца – не с фронта: парнем еще был на охоте, захотел пить (зимнее время), начал долбить прикладом лед у берега. Ружье держал за ствол, два пальца закрывали дуло. Затвор берданки был на предохранителе, сорвался и – один палец отлетел напрочь, другой болтался на коже. Бронька сам оторвал его. Оба пальца – указательный и средний – принес домой и схоронил в огороде. И даже сказал такие слова:

– Дорогие мои пальчики, спите спокойно до светлого утра.

Хотел крест поставить, отец не дал.

Бронька много скандалил на своем веку, дрался, его часто и нешуточно бивали, он отлеживался, вставал и опять носился по деревне на своем оглушительном мотопеде

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru («педике») – зла ни на кого не таил. Легко жил.

Бронька ждал городских охотников, как праздника. И когда они приходили, он был готов – хоть на неделю, хоть на месяц. Места здешние он знал как свои восемь пальцев, охотник был умный и удачливый.

Городские не скупились на водку, иногда давали денег, а если не давали, то и так ничего.

– На сколь? – деловито спрашивал Бронька.

– Дня на три.

– Все будет, как в аптеке. Отдохнете, успокоите нервы.

Ходили дня по три, по четыре, по неделе. Было хорошо. Городские люди – уважительные, с ними не манило подраться, даже когда выпивали. Он любил рассказывать им всякие охотничьи истории.

В самый последний день, когда справляли отвальную, Бронька приступал к главному своему рассказу.

Этого дня он тоже ждал с великим нетерпением, изо всех сил крепился... И когда он наступал, желанный, с утра сладко ныло под сердцем, и Бронька торжественно молчал.

– Что это с вами? – спрашивали.

– Так, – отвечал он. – Где будем отвальную соображать? На бережку?

– Можно на бережку.

...Ближе к вечеру выбирали уютное местечко на берегу красивой стремительной реки, раскладывали костерок. Пока варилась щерба из чебачков, пропускали по первой, беседовали.

Бронька, опрокинув два алюминиевых стаканчика, закуривал...

– На фронте приходилось бывать? – интересовался он как бы между прочим. Люди старше сорока почти все были на фронте, но он спрашивал и молодых: ему надо было начинать рассказ.

– Это с фронта у вас? – в свою очередь спрашивали его, имея в виду раненую руку.

– Нет. Я на фронте санитаром был. Да... Дела-делишки... – Бронька долго молчал. – Насчет покушения на Гитлера не слышали?

– Слышали.

– Не про то. Это когда его свои же генералы хотели кокнуть?

– Да.

– Нет. Про другое.

– А какое еще? Разве еще было?

– Было. – Бронька подставлял свой алюминиевый стаканчик под бутылку. – Прошу плеснуть. – Выпивал. – Было, дорогие товарищи, было. Кха! Вот настолько пуля от головы прошла. – Бронька показывал кончик мизинца.

– Когда это было?

– Двадцать пятого июля тыща девятьсот сорок третьего года. – Бронька опять надолго задумывался, точно вспоминал свое собственное, далекое и дорогое.

– А кто стрелял?

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Бронька не слышал вопроса, курил, смотрел на огонь.

– Где покушение-то было?

Бронька молчал.

Люди удивленно переглядывались.

– Я стрелял, – вдруг говорил он. Говорил негромко, еще некоторое время смотрел на огонь, потом поднимал глаза... И смотрел, точно хотел сказать: «Удивительно? Мне самому удивительно». И как-то грустно усмехался.

Обычно долго молчали, глядели на Броньку. Он курил, подкидывал палочкой отскочившие угольки в костер... Вот этот-то момент и есть самый жгучий. Точно стакан чистейшего спирта пошел гулять в крови.

– Вы серьезно?

– А как вы думаете? Что, я не знаю, что бывает за искажение истории? Знаю. Знаю, дорогие товарищи.

– Да ну, ерунда какая-то...

– Где стреляли-то? Как?

– Из браунинга. Вот так – нажал пальчиком и – пук! – Бронька смотрел серьезно и грустно – что люди такие недоверчивые. Он же уже не хохмил, не скоморошничал.

Недоверчивые люди терялись.

– А почему об этом никто не знает?

– Пройдет еще сто лет, и тогда много будет покрыто мраком. Поняли? А то вы не знаете... В этом-то вся трагедия, что много героев остаются под сукном.

– Это что-то смахивает на...

– Погоди. Как это было?

Бронька знал, что все равно захотят послушать. Всегда хотели.

– Разболтаете ведь?

Опять замешательство.

– Не разболтаем...

– Честное партийное?

– Да не разболтаем! Рассказывайте.

– Нет, честное партийное? А то у нас в деревне народ знает какой... Пойдут трепать языком.

– Да все будет в порядке! – Людям уже не терпелось послушать. – Рассказывайте.

– Прошу плеснуть. – Бронька опять подставлял стаканчик. Он выглядел совершенно трезвым. – Было это, как я уже сказал, двадцать пятого июля сорок третьего года. Кха! Мы наступали. Когда наступают, санитарам больше работы. Я в тот день приволок в лазарет человек двенадцать... Принес одного тяжелого лейтенанта, положил в палату... А в палате был какой-то генерал. Генерал-майор. Рана у него была небольшая – в ногу задело, выше колена. Ему как раз перевязку делали. Увидел меня тот генерал и говорит:

– Погоди-ка, санитар, не уходи.

Ну, думаю, куда-нибудь надо ехать, хочет, чтоб я его поддерживал. Жду. С генералами жизнь намного интересней: сразу вся обстановка как на ладони.

Люди внимательно слушают. Постреливает, попрыгивает веселый огонек; сумерки крадутся из леса, наползают на воду, но середина реки, самая быстрина, еще блестит, сверкает, точно огромная длинная рыбина несется серединой реки, играя в сумраке серебристым телом своим.

– Ну, перевязали генерала... Доктор ему: «Вам надо полежать!» – «Да пошел ты!» – отвечает генерал. Это мы докторов-то тогда боялись, а генералы-то их – не очень. Сели мы с генералом в машину, едем куда-то. Генерал меня спрашивает: откуда, я родом? Где работал? Сколько классов образования? Я подробно все объясняю: родом оттуда-то (я здесь родился), работал, мол, в колхозе, но больше охотничал. «Это хорошо, – говорит генерал. – Стреляешь метко?» Да, говорю, чтоб зря не трепаться: на пятьдесят шагов свечку из винта погашу. А вот насчет классов, мол, не густо: отец сызмальства начал по тайге с собой таскать. Ну, ничего, говорит, там высшего образования не потребуется. А вот если, говорит, ты нам погасишь одну зловредную свечку, которая раздула мировой пожар, то Родина тебя не забудет. Тонкий намек на толстые обстоятельства. Поняли?.. Но я пока не догадываюсь.

Приезжаем в большую землянку. Генерал всех выгнал, а сам все меня спрашивает. За границей, спрашивает, никого родных нету? Откуда, мол! Вековечные сибирские... Мы от казаков приходим, которые тут недалеко Бий-Катунск рубили, крепость. Это еще при царе Петре было. Оттуда мы и пошли, почесть вся деревня...

– Откуда у вас такое имя – Бронислав?

– Поп с похмелья придумал. Я его, мерина гривастого, разок стукнул за это, когда сопровождал в ГПУ в тридцать третьем году...

– Где это? Куда сопровождали?

– А в город. Мы его взяли, а вести некому. Давай, говорят, Бронька, у тебя на него зуб – веди.

– А почему, хорошее ведь имя?

– К такому имю надо фамилию подходящую. А я – Бронислав Пупков. Как в армии переключка, так – смех. А вон у нас – Ванька Пупков, – хоть бы што.

– Да, так что же дальше?

– Дальше, значит, так. Где я остановился?

– Генерал спрашивает...

– Да. Ну, расспросил все, потом говорит: «Партия и правительство поручают вам, товарищ Пупков, очень ответственное задание. Сюда, на передовую, приехал инкогнито Гитлер. У нас есть шанс хлопнуть его. Мы, говорит, взяли одного гада, который был послан к нам со специальным заданием. Задание-то он выполнил, но сам влопался. А должен был здесь перейти линию фронта и вручить очень важные документы самому Гитлеру. Лично. А Гитлер и вся его шантрапа знают того человека в лицо».

– А при чем тут вы?

– Кто с перебивом, тому – с перебивом. Прошу плеснуть. Кха! Поясняю: я похож на того гада как две капли воды. Ну, и – начинается житуха, братцы мои! – Бронька предается воспоминаниям с таким сладострастием, с таким затаенным азартом, что слушатели тоже невольно испытывают приятное, исключительное чувство. Улыбаются. Налаживается некий тихий восторг. – Поместили меня в отдельной комнате тут же, при госпитале, приставили двух ординарцев... Один – в звании старшины, а я – рядовой. Ну-ка, говорю, товарищ старшина, подай-ка мне сапоги. Подает. Приказ – ничего не сделаешь, слушается. А меня тем временем готовят. Я прохожу выучку...

– Какую?

– Спецвыучку. Об этом я пока не могу распространяться, подписку давал. По истечении пятьдесят лет – можно. Прошло только... – Бронька шевелил губами –

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru считал. – Прошло двадцать пять. Но это – само собой. Житуха продолжается! Утром поднимаюсь – завтрак: на первое, на второе, третье. Ординарец принесет какого-нибудь вшивого портвейного, я его кэк шугану!.. Он несет спирт, его в госпитале навалом. Сам беру разбавляю, как хочу, а портвейный – ему. Так проходит неделя. Думаю, сколько же это будет продолжаться? Ну, вызывает наконец генерал. «Как, товарищ Пупков?» Готов, говорю, к выполнению задания! Давай, говорит. С богом, говорит. Ждем тебя оттуда Героем Советского Союза. Только не промахнись! Я говорю, если я промахнусь, я буду последний предатель и враг народа! Или, говорю, лягу рядом с Гитлером, или вы выручите Героя Советского Союза Пупкова Бронислава Ивановича. А дело в том, что намечалось наше грандиозное наступление. Вот так, с флангов, шла пехота, а спереди – мощный лобовой удар танками.

Глаза у Броньки сухо горят, как угольки, поблескивают. Он даже алюминиевый стаканчик не подставляет – забыл. Блики огня играют на его суховатом правильном лице – он красив и нервен.

– Не буду говорить вам, дорогие товарищи, как меня перебросили через линию фронта и как я попал в бункер Гитлера. Я попал! – Бронька встает. – Я попал!.. Делаю по ступенькам последний шаг и оказываюсь в большом железобетонном зале. Горит яркий электрический свет, масса генералов... Я быстро ориентируюсь: где Гитлер? – Бронька весь напрягся, голос его рвется, то срывается на свистящий шепот, то неприятно, мучительно взвизгивает. Он говорит неровно, часто останавливается, рвет себя на полуслове, глотает слюну...

– Сердце вот тут... горлом лезет. Где Гитлер?! Я микроскопически изучил его лисиную мордочку и заранее наметил, куда стрелять, – в усики. Я делаю рукой: «Хайль Гитлер!» В руке у меня большой пакет, в пакете – браунинг, заряженный разрывными отравленными пулями. Подходит один генерал, тянется к пакету: давай, мол. Я ему вежливо ручкой – миль пардон, мадам, только фюреру. На чистом немецком языке говорю: фюрэр! – Бронька сглотнул. – И тут... вышел он. Меня как током дернуло... Я вспомнил свою далекую родину... Мать с отцом... Жены у меня тогда еще не было... – Бронька некоторое время молчит, готов заплакать, завывать, рвануть на груди рубаху... – Знаете, бывает: вся жизнь промелькнет в памяти... С медведем нос к носу – тоже так. Кха!.. Не могу! – Бронька плачет.

– Ну? – тихо просит кто-нибудь.

– Он идет ко мне навстречу. Генералы все вытянулись по стойке «смирно»... Он улыбался. И тут я рванул пакет... Смеешься, гад! Дак получай за наши страдания!.. За наши раны! За кровь советских людей!.. За разрушенные города и села! За слезы наших жен и матерей!.. – Бронька кричит, держит руку, как если бы он стрелял. Всем становится не по себе. – Ты смеялся?! А теперь умойся своей кровью, гад ты ползучий!! – Это уже душераздирающий крик. Потом гробовая тишина... И шепот, торопливый, почти невнятный: – Я стрелил... – Бронька роняет голову на грудь, долго молча плачет, оскалился, скрипит здоровыми зубами, мотает безутешно головой. Поднимает голову – лицо в слезах. И опять тихо, очень тихо, с ужасом говорит:

– Я промахнулся.

Все молчат. Состояние Броньки столь сильно действует, удивляет, что говорить что-нибудь – нехорошо.

– Прошу плеснуть, – тихо, требовательно говорит Бронька. Выпивает и уходит к воде. И долго сидит на берегу один, измученный пережитым волнением. Вздыхает, кашляет. Уху отказывается есть.

...Обычно в деревне узнают, что Бронька опять рассказывал про «покушение».

Домой Бронька приходит мрачноватый, готовый выслушивать оскорбления и сам оскорблять. Жена его, некрасивая толстогубая баба, сразу набрасывается:

– Чего как пес побитый плетешься? Опять!..

– Пошла ты!.. – вяло огрызается Бронька. – Дай пожрать.

– Тебе не пожрать надо, не пожрать, а всю голову проломить безменом! – орет

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru жена. – Ведь от людей уж прохода нет!..

– Значит, сиди дома, не шляйся.

– Нет, я пойду сейчас!.. Я сейчас пойду в сельсовет, пусть они тебя, дурака, опять вызовут! Ведь тебя, дурака беспалого, засудят когда-нибудь! За искажение истории...

– Не имеют права: это не печатная работа. Понятно? Дай пожрать.

– Смеются, в глаза смеются, а ему... все божья роса. Харя ты неумытая, скот лесной!.. Совесть-то у тебя есть? Или ее всю уж отшибли? Тьфу! – в твои глазыньки бесстыжие! Пупок!..

Бронька наводит на жену строгий злой взгляд. Говорит негромко с силой:

– Миль пардон, мадам... Сейчас ведь врежу!..

Жена хлопала дверью, уходила прочь – жаловаться на своего «лесного скота».

Зря она говорила, что Броньке – все равно. Нет. Он тяжело переживал, страдал, злился... И дня два пил дома. За водкой в лавочку посылал сынишку-подростка.

– Никого там не слушай, – виновато и зло говорил сыну. – Возьми бутылку и сразу домой.

Его действительно несколько раз вызывали в сельсовет, совестили, грозили принять меры... Трезвый Бронька, не глядя председателю в глаза, говорил сердито, невнятно:

– Да ладно!.. Да брось ты! Ну?.. Подумаешь!..

Потом выпивал в лавочке «банку», маленько сидел на крыльце – чтоб «взяло», вставал, засучивал рукава и объявлял громко:

– Ну, прошу!.. Кто? Если малость изувечу, прошу не обижаться. Миль пардон!..

А стрелок он был, правда, редкий.

Шире шаг, маэстро!

Притворяшка Солодовников опять опаздывал на работу. Опаздывал он почти каждый день. Главврач, толстая Анна Афанасьевна, говорила:

– Солодовников, напишу маме!

Солодовников смущался; Анна Афанасьевна (Анфас – называл ее Солодовников в письмах к бывшим сокурсникам своим, которых судьба тоже растолкала по таким же углам; они еще писали друг другу, жаловались и острили) приходила в мелкое движение – смеялась. Молча. Ей нравилось быть наставником и покровителем молодого врача, молодого донжуана. Солодовников же, наигрывая смущение, жалел, что редкое дарование его – нравиться людям – пропадает зря: Анфас не могла сыграть в его судьбе сколько-нибудь существенную роль; дай бог ей впредь и всегда добывать для больницы спирт, камфору, листовое железо, радиаторы для парового отопления. Это она умела. Еще она умела выковыривать аппендицит. Солодовникову случалось делать кое-что посложнее, и он опять жалел, что никто этого не видит. «Я тут чуть было не соблазнился на ауто трансплантацию, – писал он как-то товарищу своему. – Хотел большую подкожную загнать в руку – начитался новинок, вспомнил нашего старика. Но... и но: струсил. Нет, не то: зрителей нет, вот что. Хучь бей меня, хучь режь меня – я актер. А моя драгоценная Анфас – не аудитория. Нет».

Солодовников спешил. Мысленно он уже проиграл утреннюю сцену с Анной Афанасьевной: он нахмурится виновато, сунется к часам... Вообще он после таких сценок иногда чувствовал себя довольно поганым. «Гадкая натура, – думал. – Главное, зачем? Ведь даже не во спасение, ведь не требуется!» Но при этом испытывал и некое приятное чувство, этакое дорогое сердцу успокоение, что – все в порядке, все понятно, дело мужское, неженатое.

Солодовников взбежал на крыльцо, открыл тяжелую дверь на пружине, придержал ее,

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru чтоб не грохнула... И, раздеваясь на ходу, поспешил к вешалке в коридоре. И когда раздевался, увидел на белой стене, противоположной окну, большой – в окно – желтый квадрат. Свет. Солнце... И как-то он сразу вдруг вспыхнул в сознании, этот квадратный желтый пожар, – весна! На дворе желанная, милая весна. Летел по улице, хрустел ледком, думал черт знает о чем, не заметил, что – весна. А теперь... даже остановился с пальто в руках, засмотрелся на желтый квадрат. И радость, особая радость – какая-то тоже ясная, надежная, сулящая и вперед тоже тепло и радость – толкнулась в грудь Солодовникова. В той груди билось жадное до радости молодое сердце. Солодовников даже удивился и поскорей захотел собрать воедино все мысли, сосредоточить их на одном: вот – весна, надо теперь подумать и решить нечто главное. Предчувствие чего-то хорошего охватило его. Надо только, думал он, собраться, крепко подумать. Всего двадцать четыре года, впереди целая жизнь, надо что-то такое решить теперь же, когда и сила есть, много, и радостно. И весна. Надо начать жить крупно.

Солодовников прошел в свой кабинетик (у него стараниями все той же добрейшей Анны Афанасьевны зачем-то был свой кабинетик), сел к столу и задумался. Не пошел к Анне Афанасьевне. Она сейчас сама придет.

Ни о чем определенном он не думал, а все жила в нем эта радость, какая вломилась сейчас – с весной, светом – в душу, все вникал он в нее, в радость, вслушивался в себя... И невольно стал вслушиваться и в звуки за окном: на жесть подоконника с сосулек, уже обогретых солнцем, падали капли, и мокрый шлепающий звук их, такой неожиданный, странный в это ясное, солнечное утро с легким морозцем, стал отзываться в сердце – каждым громким шлепком – радостью же. Нет, надо все сначала, думал Солодовников. Хватит. Хорошо еще, что институт закончил, пока валял дурака, у других хуже бывает. Он верил, что начнет теперь жить крупно – самое время, весна: начало всех начал. Отныне берем все в свои руки, хватит. Двадцать пять плюс двадцать пять – пятьдесят. К пятидесяти годам надо иметь... кафедру в Москве, свору учеников и огромное число работ. Не к пятидесяти, а к сорока пяти. Придется, конечно, поработать, но... почему бы не поработать!

Солодовников встал, прошелся по кабинету. Остановился у окна. Радость все не унималась. Огромная земля... Огромная жизнь. Но – шаг пошире, пошире шаг, маэстро! Надо успеть отшагать далеко. И начнется этот славный поход – вот отсюда, от этой весны.

Солодовников опять подсел к столу, достал ручку, поискал бумагу в столе, не нашел, вынул из кармана записную книжку и написал на чистой страничке:

Отныне буду так:

Холодный блеск ума,
Как беспощадный блеск кинжала:

Удар – закон.

Удар – конец.

Удар – и все сначала.

Прочитал, бросил ручку и опять стал ходить по кабинету. Закурил. Его поразило, что он написал стихи. Он никогда не писал стихов. Он даже не подозревал, что может их писать. Вот это да! Он подошел к столу, перечитал стихи... Хм. Может, они, конечно, того... нагловатые. Но дело в том, что это и не стихи, это своеобразная программа, что ли, сформулировалась такими вот словами. Он еще прошелся по кабинету... Вдруг засмеялся вслух. Стихи хирурга: «Удар – конец. Удар – и все сначала». Что сначала: новый язвенник? Ничего... Он порадовался тому, что не ошалел от радости, написав стихи, а нашел мудрость обнаружить их смешную слабость. Но их надо сохранить: так – смешно и наивно – начиналась большая жизнь. Солодовников спрятал книжечку. Если к пятидесяти годам не устать, как... лошади, и сохранить чувство юмора, то их можно потом и вспомнить.

А за окном все шлепало и шлепало в подоконник. И заметно согревалось окно. Весна работала. Солодовников почувствовал острое желание действовать.

Он вышел в коридор, прошел опять мимо желтого пятна на стене, подмигнул ему и мысленно сказал себе: «Шире шаг, маэстро!»

Анна Афанасьевна, конечно, говорила по телефону и, конечно, о листовом железе. Они кивнули друг другу.

– Я понимаю, Николай Васильевич, – любезно говорила Анна Афанасьевна в трубку, –
Страница 110

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
я вас прекрасно понимаю.. Да. Да!.. Пятнадцать листов!

«Мы все прекрасно понимаем, Николай Васильевич», – съязвил про себя Солодовников, присаживаясь на белую табуретку. Не зло съязвил, легко – от избытка доброй силы. Не терпелось скорей заговорить с Анной Афанасьевной.

– Я вас прекрасно понимаю, Николай Васильевич!.. Хорошо. Бу сделано! – Анна Афанасьевна пришла в мелкое движение – засмеялась беззвучно. – Я в долгу не останусь. До свиданья! Нет, не у нас, не у нас.. Что вы все боитесь нас, как.. не знаю.. До свиданья – на нейтральной почве! В ресторане? – Анфас опять вся заколебалась. – Ну, посмотрим. Ну, лады! Всего.

«Господи – весь юмор: «бу сделано», «лады», – удивился Солодовников. – И не жалко времени – болтать! Тут теперь каждая минута дорога».

– Ну-с, Георгий Николаевич... – Анна Афанасьевна весело и значительно посмотрела на Солодовникова.

– Да здравствует листовое железо! – тоже весело сказал Солодовников без всякого смущения, даже притворного. Он прямо смотрел Анне Афанасьевне в глаза.

– В смысле? – спросила та.

– В смысле: у нас будет самодельный холодильник. – Солодовников встал, подошел к окну, постоял, руки в карманы, чувствуя за собой удивленный взгляд главврача... Качнулся с носков на пятки. И соврал. Крупно. Неожиданно.

– Начал писать работу, Анна Афанасьевна. «Письма из глубинки. Записки врача».

Это как-то случилось само собой – эти «Письма из глубинки». И Солодовникова опять поразило: это же ведь то, что нужно! С этого же и надо начинать. Неужели начался неосознанный акт творчества? Если, конечно, это не «удар – закон». Нет, это реально, умно, точно: это описание интересных случаев операционной практики в условиях сельской больницы. В форме писем к другу «Н». Тут и легкая ирония по поводу этих самых условий, описание самодельного холодильника – глубокой землянки, обшитой изнутри листовым железом, – и – легко, вскользь – весна... Но, конечно же, главным образом работа, работа, работа. Изнуряющая. Радостная. Смелая. Подвижническая. Любовь населения... Уважение. Ночные поездки. Аутотрансплантация. Прободная в условиях полевого стана. Благодарность старушки, ее смешная, искренняя молитва за молоденького неверующего врача... Все это сообразилось в один миг, вдруг, отчетливо, с радостью. Солодовников повернулся к Анне Афанасьевне... Да, тут, конечно, и заботливая, недалекая хлопотунья Анна Афанасьевна, главврач... Которая, прочитав «Записки» в рукописи, скажет, удивленная: «Прямо как роман!» – «Ладно, а как врачу вам это интересно?» – «Очень! Тут же есть просто уникальные случаи!» – «А за себя... не в обиду на автора?» – «Да нет, чего обижаться? Все правда».

– Что, Анна Афанасьевна?

– Уже начали писать? – спросила Анна Афанасьевна. – Записки-то. Поэтому и опоздали?

– Поэтому и опоздал. – Солодовников обиделся на главврача: солдафон в юбке, одно листовое железо в голове. – Извините, – сухо добавил он, – больше этого не случится. – Смотреть на часы и огорчаться притворно он не стал. «Все, – подумал он. – Хватит. Пора кончать эти... ужимки и прыжки». Вспомнил свое стихотворение.

– Какой-то вы сегодня странный.

– Что с этим язвенником, с трактористом? – спросил Солодовников. – Будем оперировать?

Анна Афанасьевна больше того удивилась:

– Зубова? Здрассте, я ваша тетя: я его два дня назад в район отправила. Вы что?

– Почему?

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Потому что вы сами просили об этом, поэтому. Что с вами?

– Да, да, – вспомнил Солодовников. – А эта девушка с мениском?

– С мениском лежит... Хотите оперировать?

– Да, – твердо сказал Солодовников. – Сегодня же.

Анна Афанасьевна посмотрела на своего помощника долгим взглядом. Солодовников тоже посмотрел на нее – как-то несколько задумчиво, чуть прищурив глаза.

– Так, – молвила Анна Афанасьевна. – Ну, что же... Только вот какое дело, Георгий Николаевич: сегодня операцию отложим. Сегодня вы мне поможете, Георгий Николаевич. Меня вызывают в райздрав, а я договорилась с директором совхоза насчет железа... Причем, это такой человек, что его надо ловить на слове: завтра железа у него не будет, надо брать, пока оно, так сказать, горячо. Я прошу вас получить сегодня это железо. Завхоз наш, как вам известно, в отпуске.

Солодовников было огорчился, но, подумав, легко согласился:

– Хорошо.

Первая глава в «Записках» будет... о листовом железе. Это сразу введет в обстоятельства и условия, в каких приходилось работать молодому врачу.

– Что все-таки с вами такое? – опять не выдержала Анна Афанасьевна. Ей чисто по-женски интересно было узнать, отчего молодые люди могут за одну ночь так измениться. – Серьезная любовь?

Солодовников в свою очередь с любопытством посмотрел на главврача:

– Вы ничего не замечаете? Что происходит на земле...

Анна Афанасьевна даже выглянула в окно.

– Что происходит? Не понимаю...

– Не во дворе у нас, вообще на земле.

– Война во Вьетнаме...

– Нет, я не про то. Лады, Анна Афанасьевна, иду добывать железо! Куда надо идти?

– Надо ехать в Образцовку к директору совхоза. Ненароков Николай Васильевич. Но раньше надо взять у нас в сельсовете подводу и одного рабочего, там дадут, я договорилась. Скажите Ненарокову, что мы, я или вы, на днях прочитаем у них в клубе лекцию о вреде алкоголя. Это действительно надо сделать, я давно обещала. Вы мне сегодня положительно нравитесь, Георгий Николаевич. Любовь, да?

– Разрешите идти? – Солодовников прищелкнул каблуками, улыбнулся своей доверчивой, как он ее сам называл, улыбкой.

– Разрешаю.

Солодовников вышел в коридор... Пятно света наполовину сползло со стены на пол. Солодовников нарочно наступил на пятно, постоял... «Время идет», – подумал он. Без сожаления, однако, подумал, а с радостью, как если бы это обозначало: «Началось мое время. Сдвинулось!»

В кабинетике он опять достал записную книжку и записал:

«Сегодня утром я спросил мою уважаемую Анфас: «Что происходит на земле?» Анфас честно выглянула в окно... Подумала и сказала: «Война во Вьетнаме». – «А еще?» Она не знала. А на земле была Весна».

Это – начало первой главы «Записок». Солодовникову оно понравилось. С прозой он, очевидно, в лучших отношениях. Да, с этого дня, с этого утра время работает на него. На книге, которую он подарит Анне Афанасьевне, он напишет:

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
«Фоме неверующему – за добро и науку. Автор».

Вот и все. Ну, а теперь – листовое железо!

В сельсовете Солодовникову дали подводу, но того, кто должен был ехать с ним, там не было.

– Вы, это, заехайте за ним, он живет... вот так вот улица повернет от селпо в горку, а вы...

Солодовников поехал один в Образцовку. «Черт с ним, с рабочим, один погружу».

Ехать до Образцовки не так уж долго, но конек попался грустный, не спешил, да Солодовников и не торопил его. Санная езда кончилась; как выехали на тракт, так потащились совсем тихо и тяжело. Полозья омерзительно скрежетали по камням; от копыт лошади, когда она пробовала бежать рысью, летели ошметья талого грязного снега. В санях было голо, Солодовников не догадался попросить охапку сена, чтоб раскинуть ее и развалиться бы на ней, как, он видел, делают мужики.

На выезде из села, у крайних домов, Солодовников увидел початый стожок сена. Стожок был огорожен пряслом, но к нему вела утоптанная тропка. Солодовников остановил коня и побежал к стожку. Перелез через прясло и уже запустил руки в пахучую хрустящую благодать, стараясь захватить побольше... И тут услышал сзади злой окрик:

– Эт-то что за елкина мать?! Кто разрешил?

Солодовников вздрогнул испуганно и выдернул руки из сена. К нему по тропке быстро шел здоровый молодой мужик в синей рубаше, без шапки. Нес в руке березовый колышек.

– Я хотел под бок себе... – поспешно сказал Солодовников и сам почувствовал, что говорит трусливо и униженно. – Немного – вот столько – под бок хотел положить...

– А по бокам не хотел? Стяжком вот этим вот... Под бок он хотел! Опяшу вот разок-другой...

– Я врач ваш! – совсем испуганно воскликнул Солодовников. – Мне немного надо-то было... Господи, из-за чего шум?

– Врач... – Мужик присмотрелся к Солодовникову и, должно быть, узнал врача. – Надо же спросить сперва. Если каждый будет по охапке под бок себе дергать, мне и коровенку докормить нечем будет. Спросить же надо. Тут много всяких ездют...

Мужик явно теперь узнал врача, но оттого, что он тем не менее отчитал его, как школяра, Солодовников очень обиделся.

– Да не надо мне вашего сена, господи! Я немного и хотел-то... под бок немного... Не надо мне его! – Солодовников повернулся и пошел по целику прямо, проваливаясь по колена в жесткий ноздреватый снег, больно царапая лодыжки. Он понимал, что – со стороны посмотреть – вовсе глупо: шагать целиком, когда есть тропинка. Но на тропинке стоял мужик, и его надо было бы обойти.

– Возьми сена-то! – крикнул мужик. – Чего же пустой пошел?

– Да не надо мне вашего сена! – чуть не со слезами крикнул Солодовников, резко оглянувшись. – Вы же убьете, чего доброго, из-за охапки сена!

Мужик молча глядел на него.

Солодовников дошел до саней, больно стегнул вожжами кобылу и поехал. В какой-то статье он прочитал у какого-то писателя, что «идиотизма деревенской жизни» никогда не было и, конечно же, нет и теперь. «Сам идиот, поэтому и идиотизма нет и не было», – зло подумал он про писателя.

Ноги Солодовников поцарапал сильно, теперь саднило, и он решил вернуться в больницу и на всякий случай обезвредить ссадины. Но остановился, постоял и

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru раздумал, решил, что в совхозе попросит спирту и протрет ноги.

Он потихоньку ехал дальше и успокоился. Вообще неплохое продолжение первой главы «Записок». Только с юмором надо как-то... осторожнее, что ли. При чем тут юмор и ирония? Это должна быть трезвая, деловая вещь, без всяких этих штучек. В том-то и дело, что не развлекать он собрался, а поведать о трудной, повседневной, нормальной, если хотите, жизни сельского врача. Солодовников совсем успокоился, только очень неуютно, неудобно было в жестких, холодных санях.

Николай Васильевич Ненароков – человек нестарый, сорокалетний, но медлительный (нарочно, показалось Солодовникову), рассудительный... Долго беседовал с Солодовниковым, присматривался. Узнал, где учился молодой человек, как попал в эти края (по распределению?), собирается ли оставаться здесь после обязательных трех лет... Солодовникову директор очень не понравился. Под конец он прямо и невежливо спросил:

– Вы дадите железо?

– А как же? Вы что, обиделись, что расспрашиваю вас? Мне просто интересно... У меня сынишка подрастает, тоже хочет в медицинский, вот я и прощупываю, так сказать, почву. Конкурс большой?

– Да, с каждым годом больше.

– Вот, – решил директор. – Нечего и соваться. Есть сельскохозяйственный – прямая дорога. Верно? Специалисты позарез нужны, без работы не будет.

Солодовников пожал плечами:

– Но если человек хочет...

– Мало ли чего мы хотим! Я, может, хочу... – Директор посмотрел на молодого врача, не стал говорить, чего он, «может, хочет». Написал на листке бумаги записку кладовщику, подал Солодовникову.

– Вот – на складе Морозову отдайте. Лупоглазый такой, узнаете. Он небось с похмелья.

– Насчет лекции... Анна Афанасьевна просила передать...

Директор махнул рукой.

– Толку-то от этих лекций! Приезжайте, поговорите. Вот картину какую-нибудь интересную привезут, я позвоню – приезжайте.

– Зачем? – не понял Солодовников.

– Ну, лекцию-то читать.

– А при чем тут картина?

– А как людей собрать? Перед картиной и прочтаете. Иначе же их не соберешь. Что?

– Ничего. Я думал, соберутся специально на лекцию.

– Не соберутся, – просто, без всякого выражения сказал директор. – Значит, Морозова спросите, завскладом.

Морозов внимательно прочитал записку директора и вдруг заявил протест:

– Пятнадцать листов?! А где? У меня их нету. – Он вернул записку. И при этом пылливо посмотрел на врача. – Откуда они у меня?

– Как же? – растерялся Солодовников. – Они же договорились...

– Кто?

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Главврач и ваш директор.

– Так вот, если они договорились, пусть они вам и выдают. У меня железа нет. – Морозов сунул руки в карманы и отвернулся. Но не отходил. Чего-то он ждал от врача, а чего, Солодовников никак не мог понять. – А то они шибко скорые: Морозов, выдай, Морозов, отпусти... А у Морозова на складе – шаром покати. Тоже мне, понимаешь...

– Как же быть? – спросил Солодовников.

– Не знаю, не знаю, дорогой товарищ. У меня железо приготовлено для колхоза «Заря», они приедут за ним. – Морозов простуженно, со свистом покашлял в кулак... И опять глянул на врача. – Простыл, к черту, – доверительно, совсем не сердито сказал он. – Крутишься день-деньской на улице... Впору к вам ехать – лечиться.

Только теперь сообразил Солодовников, что Морозов хочет опохмелиться.

– Нет железа?

– Есть. Для других. Для вас – нету.

– А телефон тут есть где-нибудь?

– Зачем?

– Я позвоню директору. Что это такое в конце концов: я бросил больных, еду сюда, а тут стоит... некий субъект и корчит из себя черт знает что! Где телефон?

Морозов вынул руки из карманов, нехорошо сузил глаза на врача-молокососа:

– А полегче, например, – это как, можно? Без гонора. Мм?

– Где телефон?! – крикнул Солодовников, сам удивляясь своей нахрапистости. – Я вам покажу гонор. И кое-что еще! Мы найдем железо... Я сейчас не директору, а в райком буду звонить. Где телефон?

Морозов пошел под навес, сдернул со штабеля толь – там было листовое железо.

– Отсчитывайте пятнадцать листов, – спокойно сказал Морозов, – а мне, пожалуйста, сообщите вашу фамилию.

– Солодовников Георгий Николаевич.

Морозов записал.

– За субъекта... как вы выразились, придется ответить.

– Отвечу.

– Если всякие молокососы будут приезжать и обзывать...

– За молокососа тоже придется ответить. Вы на что намекаете? Что у нас молокососам жизни человеческие доверяют?

– Ничего, ничего, – сказал Морозов. Но такой поворот дела его явно не устраивал.

Солодовников подъехал с санями к штабелю и стал кидать листы в сани.

Морозов стоял рядом, считал.

– Привет тете, – сказал Солодовников, отсчитав пятнадцать листов. И поехал.

Морозов закрывал штабель. На Солодовникова не оглянулся.

Солодовников поехал с хорошим настроением... Только опять было неудобно в санях. Теперь еще железо мешало. Он пристроился сидеть на отводине саней, на железе – совсем холодно.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Дорога, когда поехал обратно, вовсе раскисла, и лошадь всерьез напрягалась, волоча тяжелые сани по чавкающей мешанине из снега, земли и камней.

«Вот так и надо! – удовлетворенно думал Солодовников. – В дальнейшем будет только так». Неприятно кольнуло воспоминание о мужике с кольшком, но он постарался больше не думать об этом.

Но – то ли сани очень уж медленно волоклись, то ли малость сегодняшних дел и каких-то глупых стычек – радость и удовлетворение почему-то оставили Солодовникова. Стал безразличен хороший солнечный день, даль неоглядная, где распахнулась во всю красу мокрая весна, – стали безразличны все эти запахи, звуки, пятна... Ну, весна, ну, что же теперь – козлом, что ли, прыгать? Куда как приятнее и веселее вечером. Вечером они уговорились – компанией в пять-шесть человек – играть в фантики и целоваться. Будет музыка, винишко... Будет там эта курносенькая хохотушка, учительница немецкого языка... Она хохотушка-то хохотушка, но умна, черт бы ее побрал, читала много, друзей интересных оставила в городе. Тут что-то такое... сердчишко у врача вздрагивает. Вздрагивает, чего там. Малость она, правда, вульгаритэ: носик. К тридцати годам носик этот самый на лоб ползет. Курносые предрасположены к полноте. Но где они еще, эти ее тридцать пять – сорок лет!

Солодовников подстегнул кобылку.

Пока он сгрузил в больницу железо и пока отвел лошадь в сельсовет и опять вернулся в больницу, прошло много времени. Солодовников чувствовал, что устал. Руки тряслись. Он умылся в кабинете, хотел пойти посмотреть девушку с мениском, но решил, что завтра с утра. Вошла уборщица и сказала, что там называют без конца, а Анны Афанасьевны нету.

– Ну и что? Скажите, что ее нету.

– Может, вы послушаете. Они там говорят: кто есть, мол.

Солодовников пошел в кабинет главврача, посидел у телефона, дождался, когда он затрещал, снял трубку.

– Больница. Солодовников... Она в районе... А-а, это вы? Получил, получил. Пятнадцать листов, все в порядке. Спасибо... Лекцию?... Нет, сегодня не получится. Нет. Я не смогу... занят, а Анна Афанасьевна... не знаю, когда она приедет. Нет, я занят. Я оставлю ей записку... Во сколько сеанс-то? Я напишу ей. До свиданья.

Солодовников положил трубку, посидел... И все-таки пошел в палату к девушке с мениском. Посмотрел ее ногу, поговорил с девушкой, с удовольствием похлопал ее по румяной щеке, пошутил. Поговорил с другими больными, послушал их справедливые, скучные слова. Сказал, что на дворе – весна. И ушел. Вошел опять в свой кабинетик, посмотрел на часы – без пятнадцати три, можно отчаливать. Он снял халат, поправил перед зеркалом галстук... Закурил. Нащупал в кармане записную книжку, хмыкнул, вспомнив про стихи, не стал их перечитывать, бросил книжечку в стол, подальше. И пошел из больницы.

Шел опять той дорогой, какой шел утром, старательно обходил лужи... Здравовался со встречными – вежливо, с достоинством (он поразительно скоро и незаметно как-то научился достоинству), но ни с кем не заговаривал.

«Нет, в курносенькой что-то есть, – думал Солодовников. – Определенно что-то есть. Но, пожалуй, слишком уж серьезно к себе относится – это при том, что неутомимая хохотушка. Бережет себя... Так – раззадорить можно, но не больше того. Нет, не больше».

Срезал

К старухе Агафье Журавлевой приехал сын Константин Иванович. С женой и дочерью. Попроведовать, отдохнуть.

Деревня Новая – небольшая деревня, а Константин Иванович еще на такси подкатил, и они еще всем семейством долго вытаскивали чемоданы из багажника... Сразу вся

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
деревня узнала: к Агафье приехал сын с семьей, средний, Костя, богатый, ученый.

К вечеру узнали подробности: он сам – кандидат, жена тоже кандидат, дочь – школьница. Агафье привезли электрический самовар, цветастый халат и деревянные ложки.

Вечером же у Глеба Капустина на крыльце собрались мужики. Ждали Глеба.

Про Глеба Капустина надо рассказать, чтобы понять, почему у него на крыльце собрались мужики и чего они ждали.

Глеб Капустин – толстогубый, белобрый мужик сорока лет, начитанный и ехидный. Как-то так получилось, что из деревни Новой, хоть она небольшая, много вышло знатных людей: один полковник, два летчика, врач, корреспондент... И вот теперь Журавлев – кандидат. И как-то так повелось, что когда знатные приезжали в деревню на побывку, когда к знатному земляку в избу набивался вечером народ – слушали какие-нибудь дивные истории или сами рассказывали про себя, если земляк интересовался, – тогда-то Глеб Капустин приходил и срезал знатного гостя. Многие этим были недовольны, но многие, мужики особенно, просто ждали, когда Глеб Капустин срежет знатного. Даже не то что ждали, а шли раньше к Глебу, а потом уж – вместе – к гостю. Прямо как на спектакль ходили. В прошлом году Глеб срезал полковника – с блеском, красиво. Заговорили о войне 1812 года... Выяснилось, что полковник не знает, кто велел поджечь Москву. То есть он знал, что какой-то граф, но фамилию перепутал, сказал – Распутин. Глеб Капустин коршуном взмыл над полковником... И срезал. Переволновались все тогда, полковник ругался... Бегали к учительнице домой – узнавать фамилию графа-поджигателя. Глеб Капустин сидел красный в ожидании решающей минуты и только повторял: «Спокойствие, спокойствие, товарищ полковник, мы же не в Филях, верно?» Глеб остался победителем; полковник бил себя кулаком по голове и недоумевал. Он очень расстроился. Долго потом говорили в деревне про Глеба, вспоминали, как он только повторял: «Спокойствие, спокойствие, товарищ полковник, мы же не в Филях». Удивлялись на Глеба. Старики интересовались – почему он так говорил.

Глеб посмеивался. И как-то мстительно щурил свои настырные глаза. Все матери знатных людей в деревне не любили Глеба. Опасались.

И вот теперь приехал кандидат Журавлев...

Глеб пришел с работы (он работал на пилораме), умылся, переоделся... Ужинать не стал. Вышел к мужикам на крыльцо.

Закурили... Малость поговорили о том о сем – нарочно не о Журавлеве. Потом Глеб раза два посмотрел в сторону избы бабки Агафьи Журавлевой. Спросил:

– Гости к бабке Агафье приехали?

– Кандидаты!

– Кандидаты? – удивился Глеб. – О-о!.. Голой рукой не возьмешь.

Мужики посмеялись: мол, кто не возьмет, а кто может и взять. И посматривали с нетерпением на Глеба.

– Ну, пошли поведедем кандидатов, – скромно сказал Глеб.

И пошли.

Глеб шел несколько впереди остальных, шел спокойно, руки в карманах, щурился на избу бабки Агафьи, где теперь находились два кандидата. Получалось вообще-то, что мужики ведут Глеба. Так ведут опытного кулачного бойца, когда становится известно, что на враждебной улице объявился некий новый ухарь.

Дорогой говорили мало.

– В какой области кандидаты? – спросил Глеб.

– По какой специальности? А черт его знает... Мне бабенка сказала – кандидаты. И он и жена...

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Есть кандидаты технических наук, есть общеобразовательные, эти в основном трепалогией занимаются.

– Костя вообще-то в математике рубил хорошо, – вспомнил кто-то, кто учился с Костей в школе. – Пятерочник был.

Глеб Капустин был родом из соседней деревни и здешних знатных людей знал мало.

– Посмотрим, посмотрим, – неопределенно пообещал Глеб. – Кандидатов сейчас как нерезанных собак.

– На такси приехал...

– Ну, марку-то надо поддержать!.. – посмеялся Глеб.

Кандидат Константин Иванович встретил гостей радостно, захлопотал насчет стола... Гости скромно подождали, пока бабка Агафья накрыла стол, поговорили с кандидатом, повспоминали, как в детстве они вместе...

– Эх, детство, детство! – сказал кандидат. – Ну, садитесь за стол, друзья.

Все сели за стол. И Глеб Капустин сел. Он пока помалкивал. Но – видно было – подбирался к прыжку. Он улыбался, поддакнул тоже насчет детства, а сам все взглядывал на кандидата – примеривался.

За столом разговор пошел дружнее, стали уж вроде и забывать про Глеба Капустина... И тут он попер на кандидата.

– В какой области выявляете себя? – спросил он.

– Где работаю, что ли? – не понял кандидат.

– Да.

– На филфаке.

– Философия?

– Не совсем... Ну, можно и так сказать.

– Необходимая вещь. – Глебу нужно было, чтоб была – философия. Он оживился. – Ну, и как насчет первичности?

– Какой первичности? – опять не понял кандидат. И внимательно посмотрел на Глеба. И все посмотрели на Глеба.

– Первичности духа и материи. – Глеб бросил перчатку. Глеб как бы стал в небрежную позу и ждал, когда перчатку поднимут. Кандидат поднял перчатку.

– Как всегда, – сказал он с улыбкой. – Материя первична...

– А дух?

– А дух – потом. А что?

– Это входит в минимум? – Глеб тоже улыбался. – Вы извините, мы тут... далеко от общественных центров, поговорить хочется, но не особенно-то разбежишься – не с кем. Как сейчас философия определяет понятие невесомости?

– Как всегда определяла. Почему – сейчас?

– Но явление-то открыто недавно. – Глеб улыбнулся прямо в глаза кандидату. – Поэтому я и спрашиваю. Натурфилософия, допустим, определит это так, стратегическая философия – совершенно иначе...

– Да нет такой философии – стратегической! – заволновался кандидат. – Вы о чем вообще-то?

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Да, но есть диалектика природы, – спокойно, при общем внимании продолжал Глеб.
– А природу определяет философия. В качестве одного из элементов природы недавно обнаружена невесомость. Поэтому я и спрашиваю: растерянности не наблюдается среди философов?

Кандидат искренне засмеялся. Но засмеялся один... И почувствовал неловкость. Позвал жену:

– Валя, иди, у нас тут... какой-то странный разговор!

Валя подошла к столу, но кандидат Константин Иванович все же чувствовал неловкость, потому что мужики смотрели на него и ждали, как он ответит на вопрос.

– Давайте установим, – серьезно заговорил кандидат, – о чем мы говорим.

– Хорошо. Второй вопрос: как вы лично относитесь к проблеме шаманизма в отдельных районах Севера?

Кандидаты засмеялись. Глеб Капустин тоже улыбнулся. И терпеливо ждал, когда кандидаты отсмеются.

– Нет, можно, конечно, сделать вид, что такой проблемы нету. Я с удовольствием тоже посмеюсь вместе с вами... – Глеб опять великодушно улыбнулся. Особо улыбнулся жене кандидата, тоже кандидату, кандидатке, так сказать. – Но от этого проблема как таковая не перестанет существовать. Верно?

– Вы серьезно все это? – спросила Валя.

– С вашего позволения. – Глеб Капустин привстал и сдержанно поклонился кандидатке. И покраснел. – Вопрос, конечно, не глобальный, но, с точки зрения нашего брата, было бы интересно узнать.

– Да какой вопрос-то? – воскликнул кандидат.

– Твое отношение к проблеме шаманизма. – Валя опять невольно засмеялась. Но спохватилась и сказала Глебу: – Извините, пожалуйста.

– Ничего, – сказал Глеб. – Я понимаю, что, может, не по специальности задал вопрос...

– Да нет такой проблемы! – опять сплеча рубанул кандидат. Зря он так. Не надо бы так.

Теперь засмеялся Глеб. И сказал:

– Ну, на нет и суда нет!

Мужики посмотрели на кандидата.

– Баба с возу – коню легче, – еще сказал Глеб. – Проблемы нету, а эти... – Глеб что-то показал руками замысловатое, – танцуют, звенят бубенчиками... Да? Но при желании... – Глеб повторил: – При же-ла-нии – их как бы нету. Верно? Потому что, если... Хорошо! Еще один вопрос: как вы относитесь к тому, что Луна тоже дело рук разума?

Кандидат молча смотрел на Глеба. Глеб продолжал:

– Вот высказано учеными предположение, что Луна лежит на искусственной орбите, допускается, что внутри живут разумные существа...

– Ну? – спросил кандидат. – И что?

– Где ваши расчеты естественных траекторий? Куда вообще вся космическая наука может быть приложена?

Мужики внимательно слушали Глеба.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Допуская мысль, что человечество все чаще будет посещать нашу, так сказать, соседку по космосу, можно допустить также, что в один прекрасный момент разумные существа не выдержат и вылезут к нам навстречу. Готовы мы, чтобы понять друг друга?

– Вы кого спрашиваете?

– Вас, мыслителей...

– А вы готовы?

– Мы не мыслители, у нас зарплата не та. Но если вам это интересно, могу поделиться, в каком направлении мы, провинциалы, думаем. Допустим, на поверхность Луны вылезло разумное существо... Что прикажете делать? Лаять по-собачьи? Петухом петь?

Мужики засмеялись. Пошевелились. И опять внимательно уставились на Глеба.

– Но нам тем не менее надо понять друг друга. Верно? Как? – Глеб помолчал вопросительно. Посмотрел на всех. – Я предлагаю: начертить на песке схему нашей солнечной системы и показать ему, что я с Земли, мол. Что, несмотря на то, что я в скафандре, у меня тоже есть голова и я тоже разумное существо. В подтверждение этого можно показать ему на схеме, откуда он: показать на Луну, потом на него. Логично? Мы, таким образом, выяснили, что мы соседи. Но не больше того! Дальше требуется объяснить, по каким законам я развивался, прежде чем стал такой, какой есть на данном этапе...

– Так, так. – Кандидат пошевелился и значительно посмотрел на жену. – Это очень интересно: по каким законам?

Это он тоже зря, потому что его значительный взгляд был перехвачен; Глеб взмыл ввысь... И оттуда, с высокой выси, ударил по кандидату. И всякий раз в разговорах со знатными людьми деревни наступал вот такой момент – когда Глеб взмывал кверху. Он, наверно, ждал такого момента, радовался ему, потому что дальше все случалось само собой.

– Приглашаете жену посмеяться? – спросил Глеб. Спросил спокойно, но внутри у него, наверно, все вздрагивало. – Хорошее дело... Только, может быть, мы сперва научимся хотя бы газеты читать? А? Как думаете? Говорят, кандидатам это тоже не мешает...

– Послушайте!..

– Да мы уж послушали! Имели, так сказать, удовольствие. Поэтому позвольте вам заметить, господин кандидат, что кандидатство – это ведь не костюм, который купил – и раз и навсегда. Но даже костюм и то надо иногда чистить. А кандидатство, если уж мы договорились, что это не костюм, тем более надо... поддерживать. – Глеб говорил негромко, но напористо и без передышки – его несло. На кандидата было неловко смотреть: он явно растерялся, смотрел то на жену, то на Глеба, то на мужиков... Мужики старались не смотреть на него. – Нас, конечно, можно тут удивить: подкатить к дому на такси, вытащить из багажника пять чемоданов... Но вы забываете, что поток информации сейчас распространяется везде равномерно. Я хочу сказать, что здесь можно удивить наоборот. Так тоже бывает. Можно понадеяться, что тут кандидатов в глаза не видели, а их тут видели – и кандидатов, и профессоров, и полковников. И сохранили о них приятные воспоминания, потому что это, как правило, люди очень простые. Так что мой вам совет, товарищ кандидат: почаще спускайтесь на землю. Ей-богу, в этом есть разумное начало. Да и не так рискованно: падать будет не так больно.

– Это называется – «покатил бочку», – сказал кандидат. – Ты что, с цепи сорвался? В чем, собственно...

– Не знаю, не знаю, – торопливо перебил его Глеб, – не знаю, как это называется, – я в заключении не был и с цепи не срывался. Зачем? Тут, – оглядел Глеб мужиков, – тоже никто не сидел – не поймут. А вот и жена ваша сделала удивленные глаза... А там дочка услышит. Услышит и «покатит бочку» в Москве на кого-нибудь. Так что этот жаргон может... плохо кончиться, товарищ кандидат. Не все средства

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru хороши, уверяю вас, не все. Вы же, когда сдавали кандидатский минимум, вы же не «катили бочку» на профессора. Верно? – Глеб встал. – И «одеяло на себя не тянули». И «по фене не ботали». Потому что профессоров надо уважать – от них судьба зависит, а от нас судьба не зависит, с нами можно «по фене ботать» Так? Напрасно. Мы тут тоже немножко... «микитим». И газеты тоже читаем, и книги, случается, почитываем... И телевизор даже смотрим. И, можете себе представить, не приходим в бурный восторг ни от КВН, ни от «Кабачка «13 стульев». Спросите, почему? Потому что там – та же самонадеянность. Ничего, мол, все съедят. И едят, конечно, ничего не сделаешь. Только не надо делать вид, что все там гении. Кое-кто понимает... Скромней надо.

– Типичный демагог-кляузник, – сказал кандидат, обращаясь к жене. – Весь набор тут...

– Не попали. За всю свою жизнь ни одной анонимки или кляузы ни на кого не написал. – Глеб посмотрел на мужиков: мужики знали, что это правда. – Не то, товарищ кандидат. Хотите, объясню, в чем моя особенность?

– Хочу, объясните.

– Люблю по носу щелкнуть – не задирайся выше ватерлинии! Скромней, дорогие товарищи...

– Да в чем же вы увидели нашу нескромность? – не вытерпела Валя. – В чем она выразилась-то?

– А вот когда одни останетесь, подумайте хорошенько. Подумайте – и поймете. – Глеб даже как-то с сожалением посмотрел на кандидатов. – Можно ведь сто раз повторить слово «мед», но от этого во рту не станет сладко. Для этого не надо кандидатский минимум сдавать, чтобы понять это. Верно? Можно сотни раз писать во всех статьях слово «народ», но знаний от этого не прибавится. Так что когда уж выезжаете в этот самый народ, то будьте немного собранней. Подготовленней, что ли. А то легко можно в дураках очутиться. До свиданья. Приятно провести отпуск... среди народа. – Глеб усмехнулся и не торопясь вышел из избы. Он всегда один уходил от знатных людей.

Он не слышал, как потом мужики, расходясь от кандидатов, говорили:

– Оттянул он его!.. Дошлый, собака. Откуда он про Луну-то так знает?

– Срезал.

– Откуда что берется!

И мужики изумленно качали головами.

– Дошлый, собака. Причесал бедного константина Иваныча... А? Как миленького причесал! А эта-то, Валя-то, даже рта не открыла.

– А что тут скажешь? Тут ничего не скажешь. Он, Костя-то, хотел, конечно, сказать... А тот ему на одно слово – пять.

– Чего тут... Дошлый, собака.

В голосе мужиков слышалась даже как бы жалость к кандидатам, сочувствие. Глеб же Капустин по-прежнему неизменно удивлял. Изумлял. Восхищал даже. Хоть любви, положим, тут не было. Нет, любви не было. Глеб жесток, а жестокость никто, никогда, нигде не любил еще.

Завтра Глеб Капустин, придя на работу, между прочим (играть будет), спросит мужиков:

– Ну, как там кандидат-то?

И усмехнется.

– Срезал ты его, – скажут Глебу.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Ничего, – великодушно заметит Глеб. – Это полезно. Пусть подумает на досуге. А то слишком много берут на себя...

Крепкий мужик

В третьей бригаде колхоза «Гигант» сдали в эксплуатацию новое складское помещение. Из старого склада – из церкви – вывезли пустую вонючую бочкотару, мешки с цементом, сельповские кули с сахаром-песком, с солью, вороха рогожи, сбрую (коней в бригаде всего пять, а сбруи нашито на добрых полтора десятка; оно бы ничего, запас карман не трет, да мыши окаянные... И дегтярили, и химией обсыпали сбрую – грызут), метла, грабли, лопаты... И осталась она пустая, церковь, вовсе теперь никому не нужная. Она хоть небольшая, церковка, а оживляла деревню (некогда село), собирала ее вокруг себя, далеко выставляла напоказ.

Бригадир Шурыгин Николай Сергеевич постоял перед ней, подумал... Подошел к стене, поколупал кирпичи подвернувшимся ломиком, закурил и пошел домой.

Встретившись через два дня с председателем колхоза, Шурыгин сказал:

– Церква-то освободилась теперь...

– Ну.

– Чего с ней делать-то?

– Закрой да пусть стоит. А что?

– Там кирпич добрый, я бы его на свинарник пустил, чем с завода-то возить.

– Это ее разбирать – надо пятерым полмесяца возиться. Там не кладка, а литье. Черт их знает, как они так клали!

– Я ее свалю.

– Как?

– Так. Тремя тракторами зацеплю – слетит как миленькая.

– Попробуй.

В воскресенье Шурыгин стал пробовать. Подогнал три могучих трактора... На разной высоте обвели церковку тремя толстыми тросами, под тросы – на углах и посреди стены – девять бревен...

Сперва Шурыгин распоряжался этим делом, как всяким делом, – крикливо, с матерщиной. Но когда стал сбегаться народ, когда кругом стали ахать и охать, стали жалеть церковь, Шурыгин вдруг почувствовал себя важным деятелем с неограниченными полномочиями. Перестал материться и не смотрел на людей – вроде и не слышал их и не видел.

– Николай, да тебе велели али как? – спрашивали. – Не сам ли уж надумал?

– Мешала она тебе?!

Подвыпивший кладовщик, Михайло Беляков, полез под тросами к Шурыгину.

– Колька, ты зачем это?

Шурыгин всерьез затрясся, побелел:

– Вон отсудова, пьяная харя!

Михайло удивился и попятился от бригадира. И вокруг все удивились и примолкли. Шурыгин сам выпивать горазд и никогда не обзывался «пьяной харей». Что с ним?

Между тем бревна закрепили, тросы подровняли... Сейчас взревет тракторы, и произойдет нечто небывалое в деревне – упадет церковь. Люди постарше все крещены в ней, в ней отпевали усопших дедов и прадедов, как небо привыкли видеть каждый день, так и ее...

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Опять стали раздаваться голоса:

- Николай, кто велел-то?
- Да сам он!.. Вишь, морду воротит, черт.
- Шурыгин, прекрати своевольничать!

Шурыгин – ноль внимания. И все то же сосредоточенное выражение на лице, та же неподкупная строгость во взгляде. Подтолкнули из рядов жену Шурыгина, Кланьку.. Кланька несмело – видела: что-то непонятное творится с мужем – подошла.

- Коль, зачем свалить-то хочешь?
- Вон отсудова! – велел и ей Шурыгин. – И не лезь!

Подошли к трактористам, чтобы хоть оттянуть время – побежали звонить в район и домой к учителю. Но трактористам Шурыгин посулил по бутылке на брата и наряд «на исполнение работ».

Прибежал учитель, молодой еще человек, уважаемый в деревне.

- Немедленно прекратите! Чье это распоряжение? Это семнадцатый век!..
- Не суйтесь не в свое дело, – сказал Шурыгин.
- Это мое дело! Это народное дело!.. – Учитель волновался, поэтому не мог найти сильные, убедительные слова, только покраснел и кричал: – Вы не имеете права! Варвар! Я буду писать!..

Шурыгин махнул трактористам.. Моторы взревели. Тросы стали натягиваться. Толпа негромко, с ужасом вздохнула. Учитель вдруг сорвался с места, забежал с той стороны церкви, куда она должна была упасть, стал под стеной.

- Ответишь за убийство! Идиот...

Тракторы остановились.

- Уйди-и! – заревел Шурыгин. И на шее у него вспухли толстые жилы.
- Не смей трогать церковь! Не смей!

Шурыгин подбежал к учителю, схватил его в беремя и понес прочь от церкви. Щуплый учитель вырывался как мог, но руки у Шурыгина крепкие.

- Давай! – крикнул он трактористам.
- Становитесь все под стену! – кричал учитель всем. – Становитесь!.. Они не посмеют! Я поеду в область, ему запретят!..
- Давай, какого!.. – заорал Шурыгин трактористам.

Трактористы усунулись в кабины, взялись за рычаги.

- Становитесь под стену! Становитесь все!..

Но все не двигались с места. Всех парализовало неистовство Шурыгина. Все молчали. Ждали.

Тросы натянулись, заскрипели, затрещали, зазвенели...

Хрустнуло одно бревно, трос, врезавшись в угол, запел балалаечной струной. Странно, что все это было хорошо слышно – ревели же три трактора, напрягая свои железные силы. Дрогнул верх церкви.. Стена, противоположная той, на какую сваливали, вдруг разодралась по всей ширине.. Страшная, черная в глубине, рваная щель на белой стене пошла раскрываться. Верх церкви с маковкой поклонился, поклонился и ухнул вниз.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Шурыгин отпустил учителя, и тот, ни слова не говоря, пошел прочь от церкви.

Два трактора еще продолжали скрести гусеницами землю. Средний по высоте трос прорезал угол и теперь без толку крошил кирпичи двух стен, все глубже врезаясь в них.

Шурыгин остановил тракторы. Начали по-новой заводить тросы.

Народ стал расходиться. Остались самые любопытные и ребяташки.

Через три часа все было кончено. От церкви остался только невысокий, с неровными краями остов. Церковь лежала бесформенной грудой, прахом. Тракторы уехали.

Потный, весь в пыли и известке, Шурыгин пошел звонить из магазина председателю колхоза.

– Все, угорела! – весело закричал в трубку.

Председатель, видно, не понял, кто угорел.

– Да церква-то! Все, мол, угорела! Ага. Все в порядке. Учитель тут пошумел малость... Но! Учитель, а хуже старухи. Да нет, все в порядке. Гробанулась здорово! Покрошилось много, ага. Причем они так: по три, по четыре кирпича – кусками. Не знаю, как их потом долбать... Попробовал ломиком – крепкая, зараза. Действительно, литье! Но! Будь здоров! Ничего.

Шурыгин положил трубку. Подошел к продавщице, которую не однажды подымал ночами с постели – кто-нибудь приезжал из района рыбачить, засиживались после рыбалки у бригадира до вторых петухов.

– Видела, как мы церкву уговорили? – Шурыгин улыбался, довольный.

– Дурацкое дело не хитрое, – не скрывая злости, сказала продавщица.

– Почему дурацкое? – Шурыгин перестал улыбаться.

– Мешала она тебе, стояла?

– А чего ей зря стоять? Хоть кирпич добудем...

– А то тебе, бедному, негде кирпич достать! Идиот.

– Халява! – тоже обозлился Шурыгин. – Не понимаешь, значит, помалкивай.

– Разбуди меня еще раз посередь ночи, разбуди, я те разбужу! Халява... За халяву-то можно и по морде получить. Дам вот счас гирькой по кумполу, узнаешь халяву.

Шурыгин хотел еще как-нибудь обозвать дуру продавщицу, но подошли вездесущие бабы.

– Дай бутылку.

– Иди промочи горло-то, – заговорили сзади. – Пересохло.

– Как же – пыльно!

– Руки чесались у дьявола...

Шурыгин поглядывался строго на баб, но их много, не перекричать. Да и злость их – какая-то необычная: всерьез ненавидят. Взял бутылку, пошел из магазина. На пороге обернулся, сказал:

– Я вам прижму хвосты-то!

И скорей ушел.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Шел, злился: «Ведь все равно же не молились, паразитки, а теперь хай устраивают. Стояла – никому дела не было, а теперь хай подняли».

Проходя мимо бывшей церкви, Шурыгин остановился, долго смотрел на ребятишек, копавшихся в кирпичах. Смотрел и успокаивался. «Вырастут, будут помнить: при нас церкву свалили. Я вон помню, как Васька Духанин с нее крест своротил. А тут – вся грохнулась. Конечно, запомнят. Будут своим детишкам рассказывать: дядя Коля Шурыгин зацепил тросами и... – Вспомнилась некстати продавщица, и Шурыгин подумал зло и непреклонно: – И нечего ей стоять, глаза мозолить».

Дома Шурыгина встретили форменным бунтом: жена, не приготовив ужина, ушла к соседкам, хворая мать заругалась с печки:

– Колька, идол ты окаянный, грех-то какой взял на душу!.. И молчал, ходил молчал, дьяволина... Хоть бы заикнулся раз – тебя бы, может, образумили добрые люди. Ох, горе ты мое горькое, теперь хоть глаз не кажи на люди. Проклянут ведь тебя, прокляну-ут! И знать не будешь, откуда напасти ждать: то ли дома окочурисся в одночасье, то ли где лесиной прижмет невзначай...

– Чего эт меня проклинать-то возьмутся? От нечего делать?

– Да грех-то какой!

– Ваську Духанина прокляли – он крест своротил? Наоборот, большим человеком стал...

– Тада время было другое. Кто тебя счас-то подталкивал – рушить ее? Кто? Дьявол зудил руки... Погоди, тебя ишо сама власть взгреет за это. Он вот, учитель-то, пишет, сказывали, он вот напишет куда следоват – узнаешь. Гляди-ко, тогда устояла, матушка, так он теперь нашелся. Идол ты лупоглазый.

– Ладно, лежи хворай.

– Глаз теперь не кажи на люди...

– Хоть бы молиться ходили! А то стояла – никто не замечал...

– Почто это не замечали! Да, бывало, откуда ни идешь, а ее уж видишь. И как ни пристанешь, а увидишь ее – вроде уж дома. Она сил прибавляла...

– Сил прибавляла... Ходят они теперь пешком-то! Атомный век, понимаешь, они хватились церкву жалеть. Клуба вон нету в деревне – ни один черт не охнет, а тут – загоревали. Переживут!

– Ты-то переживи теперь! Со стыда теперь усохнешь...

Шурыгин, чтобы не слышать ее ворчанья, ушел в горницу, сел к столу, налил сразу полный стакан водки, выпил. Закурил. «К кирпичам, конечно, ни один дьявол не притронется, – подумал. – Ну и хрен с ними! Сгребу бульдозером в кучу и пусть крапивою зарастает».

Жена пришла поздно. Шурыгин уже допил бутылку, хотелось выпить еще, но идти и видеть злую продавщицу не хотелось – не мог. Попросил жену:

– Сходи возьми бутылку.

– Пошел к черту! Он теперь дружок тебе.

– Сходи, прошу...

– Тебя просили, ты послушал? Не проси теперь и других. Идиот.

– Заткнись. Туда же...

– Туда же! Туда же, куда все добрые люди! Неужели туда же, куда ты, харя необразованная? Просили, всем миром просили – нет! Вылупил шары-то свои...

– Замолчи! А то опояшу разок...

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Опяшь! Тронь только, харя твоя бесстыжая!.. Только тронь!

«Нет, это, пожалуй, на всю ночь. С ума походили все».

Шурыгин вышел во двор, завел мотоцикл.. До района восемнадцать километров, там магазин, там председатель колхоза. Можно выпить, поговорить. Кстати, рассказать, какой ему тут скандал устроили.. Хоть посмеяться.

На повороте из переулка свет фары выхватил из тьмы безобразную грудку кирпича, пахло затхлым духом потревоженного подвала.

«Семнадцатый век, – вспомнил Шурыгин. – Вот он, твой семнадцатый век! Писать он, видите ли, будет. Пиши, пиши».

Шурыгин надал газку.. И пропел громко, чтобы все знали, что у него – от всех этих проклятий – прекрасное настроение:

Что ты, что ты, что ты, что ты!

Я солдат девятой роты,
Тридцать первого полка..

Оп, тирдар-пупия!

Мотоцикл вырулил из деревни, воткнул в ночь сверкающее лезвие света и помчался по накатанной ровной дороге в сторону райцентра. Шурыгин уважал быструю езду.

Материнское сердце

Витька Борзёнков поехал на базар в районный городок, продал сала на сто пятьдесят рублей (он собирался жениться, позарез нужны были деньги), пошел в винный ларек «смазать» стакан-другой красного. Потом вышел, закурил.. Подошла молодая девушка, попросила:

– Разрешите прикурить.

Витька дал ей прикурить от своей папироски, а сам с интересом разглядывал лицо девушки – молодая, припухла, пальцы трясутся.

– С похмелья? – прямо спросил Витька.

– Ну, – тоже просто и прямо ответила девушка, с наслаждением затягиваясь «беломориной».

– А похмелиться не на что, – стал дальше развивать мысль Витька, довольный, что умеет понимать людей, когда им худо.

– А у тебя есть?

(Никогда бы, ни с какой стати не подумал Витька, что девушка специально наблюдала за ним, когда он продавал сало, и что у ларька она его просто подкараулила.)

– Пойдем, поправься. – Витьке понравилась девушка – миловидная, стройненькая.. А ее припухлость и особенно откровенность, с какой она призналась в своей несостоятельности, даже как-то взволновали.

Они зашли в ларек.. Витька взял бутылку красного, два стакана.. Сам выпил полтора стакана, остальное великодушно налил девушке. Они вышли опять на крыльцо, закурили. Витьке стало хорошо, девушке тоже. Обоим стало хорошо.

– Здесь живешь?

– Вот тут, недалеко, – кивнула девушка. – Спасибо, легче стало.

– Может, еще хочешь?

– Можно вообще-то.. Только не здесь.

– Где же?

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Можно ко мне пойти, у меня дома никого нет...

В груди у Витьки нечто такое – сладостно-скользкое – вильнуло хвостом. Было еще рано, а до деревни своей Витьке ехать полтора часа автобусом – можно все успеть сделать.

– У меня там еще подружка есть, – подсказала девушка, когда Витька соображал, сколько взять. Он поэтому и взял: одну белую и две красных.

– С закусом одолеем, – решил он. – Есть чем закусить?

– Найдем.

Пошли с базара, как давние друзья.

– Чего приезжал?

– Сало продал... Деньги нужны – женюсь.

– Да?

– Женюсь. Хватит бурлачить. – Странно, Витька даже и не подумал, что поступает нехорошо в отношении невесты – куда-то идет с незнакомой девушкой, и ему хорошо с ней, лучше, чем с невестой, – интересней.

– Хорошая девушка?

– Как тебе сказать?.. Домовитая. Хозяйка будет хорошая.

– А насчет любви?

– Как тебе сказать?.. Такой, как раньше бывало, – здесь вот кипятком подмывало чего-то такое, – такой нету. Так... Надо же когда-нибудь жениться.

– Не промахнись. Будешь потом... Непривязанный, а визжать будешь.

В общем, поговорили в таком духе, пришли к дому девушки. (Ее звали Рита.) Витька и не заметил, как дошли и как шли – какими переулками. Домик как домик – старенький, темный, но еще будет стоять семьдесят лет, не охнет.

В комнатке (их три) чистенько, занавесочки, скатерочки на столах – уютно. Витька вовсе воспрянул духом.

«Шик-блеск-тру-ля-ля», – всегда думал он, когда жизнь сулила скорую радость.

– А где же подружка?

– Я сейчас схожу за ней. Посидишь?

– Посижу. Только поскорей, ладно?

– Заведи вон радиолу, чтоб не скучать. Я быстро.

Ну почему так легко, хорошо Витьке с этой девушкой? Пять минут знакомы, а... Ну, жизнь! У девушки грустные, задумчивые, умные глаза. Витьке то вдруг становится жалко девушку, то охота стиснуть ее в объятиях.

Рита ушла. Витька стал ходить по комнате – радиолу не завел: без радиолы сердце билось в радостном предчувствии.

Потом помнит Витька: пришла подружка Риты – похуже, постарше, потасканная и притворная. Затараторила с ходу, стала рассказывать, что она когда-то была в цирке, «работала каучук». Потом пили... Витька прямо тут же, за столом целовал Риту, подружка смеялась одобрительно, а Рита слабо била рукой Витьку по плечу, вроде отталкивала, а сама льнула, обнимала за шею.

«Вот она – жизнь! – ворочалось в горячей голове Витьки. – Вот она – зараза кипучая. Молодец я!»

Потом Витька ничего не помнит – как отрезало. Очнулся поздно вечером под каким-то забором... Долго мучительно соображал, где он, что произошло. Голова гудела, виски вываливались от боли. Во рту пересохло все, спеклось. Кое-как припомнил он девушку Риту... И понял: опоили чем-то, одурманили и, конечно, забрали деньги. Мысль о деньгах сильно встряхнула. Он с трудом поднялся, обшарил все карманы: да, денег не было. Витька прислонился к забору, осмотрелся... Нет, ничего похожего на дом Риты поблизости не было. Все другое, совсем другие дома.

У Витьки в укромном месте, в загашнике, был червонец – еще на базаре сунул туда на всякий случай... Пошарил – там червонец. Витька пошел наугад – до первого встречного. Спросил у какого-то старичка, как пройти к автобусной станции. Оказалось, не так далеко: прямо, потом налево переулком и вправо по улице опять прямо. «И упретесь в автобусную станцию». Витька пошел... И пока шел до автобусной станции, накопил столько злобы на городских прохиндеев, так их возненавидел, паразитов, что даже боль в голове поунялась, и наступила свирепая ясность, и родилась в груди большая мстительная сила.

– Ладно, ладно, – бормотал он, – я вам устрою...

Что он собирался сделать, он не знал, знал только, что добром все это не кончится.

Около автобусной станции допоздна работал ларек, там всегда толпились люди. Витька взял бутылку красного, прямо из горлышка выпил ее всю до доньшка, запустил бутылку в скверик... Были рядом с ним какие-то подпившие мужики, трое. Один сказал ему.

– Там же люди могут сидеть.

Витька расстегнул свой флотский ремень, намотал конец на руку – оставил свободной тяжелую бляху, как кистень. Эти трое подвернулись кстати.

– Ну?! – удивился Витька. – Неужели люди? Разве в этом вшивом городишке есть люди?

Трое переглянулись.

– А кто же тут, по-твоему?

– Суки! Каучук работаете, да?

Трое пошли на него, Витька пошел на троих... Один сразу свалился от удара бляхой по голове, двое пытались достать Витьку ногой или руками, берегли головы. Потом они заорали:

– наших бьют!

Еще налетело человек пять... Попало и Витьке: кто-то сзади тянул бутылкой по голове, но вскользь – Витька устоял. Оскорбленная душа его возликовала и обрела устойчивый покой.

Нападавшие матерились, бестолково кучились, мешали друг другу, советовали – этим пользовался Витька и бил.

Прибежала милиция... Всем скопом загнали Витьку в угол – между ларьком и забором. Витька отмахивался. Милиционеров пропустили вперед, и Витька сдуру ударил одного по голове бляхой. Бляха Витькина страшна еще тем, что с внутренней стороны, в изогнутость ее, был налит свинец. Милиционер упал... Все ахнули и оторопели. Витька понял, что свершилось непоправимое, бросил ремень... Витьку отвезли в КПЗ.

Мать Витькина узнала о несчастье на другой день. Утром ее вызвал участковый и сообщил, что Витька натворил в городе то-то и то-то.

– Батюшки-святые! – испугалась мать. – Чего же ему теперь за это?

– Тюрьма. Тюрьма верная. У милиционера травма, лежит в больнице. За такие дела –

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru только тюрьма. Лет пять могут дать. Что он, сдурел, что ли?

– Батюшка, ангел ты мой господний, – взмолилась мать, – помоги как-нибудь!

– Да ты что! Как я могу помочь?..

– Да выпил он, должно, он дурной выпимши...

– Да не могу я ничего сделать, пойми ты! Он в КПЗ, на него уже, наверно, завели дело...

– А кто же бы мог бы помочь-то?

– Да никто. Кто?.. Ну, съезди в милицию, узнай хоть подробности. Но там тоже... Что они там могут сделать?

Мать Витькина, сухая, двужильная, легкая на ногу, заметалась по селу. Сбегала к председателю сельсовета – тот тоже развел руками:

– Как я могу помочь? Ну, характеристику могу написать... Все равно, наверно, придется писать. Ну, напишу хорошую.

– Напиши, напиши, как получше, разумная ты наша головушка. Напиши, что – по пьянке он, он трезвый-то мухи не обидит...

– Там ведь не будут спрашивать, по пьянке он или не по пьянке... Ты вот что: съезди к тому милиционеру, может, не так уж он его и зашиб-то. Хотя вряд ли...

– Вот спасибо-то тебе, ангел ты наш, вот спасибо-то...

– Да не за что...

Мать Витькина кинулась в район. Мать Витькина родила пятерых детей, рано осталась вдовой (Витька еще грудной был, когда пришла похоронка об отце в 42-м году), старший сын ее тоже погиб на войне в 45-м году, девочка умерла от истощения в 46-м году, следующие два сына выжили, мальчиками еще ушли по вербовке в ФЗУ и теперь жили в разных городах. Витьку мать выходила из последних сил, все распродала, но сына выходила – крепкий вырос, ладный собой, добрый... Все бы хорошо, но пьяный – дурак дураком становится. В отца пошел – тот, царство ему небесное, ни одной драки в деревне не пропустил.

В милицию мать пришла, когда там как раз обсуждали вчерашнее происшествие на автобусной станции. Милиционера Витька угостил здорово – тот действительно лежал в больнице. Еще двое алкашей тоже лежали в больнице – тоже от Витькиной бляхи.

Бляху с интересом разглядывали.

– Придумал, сволочь!.. Догадайся: ремень и ремень. А у него тут целая гирька. Хорошо еще – не ребром угодил...

И тут вошла мать Витьки... И, переступив порог, упала на колени, и завывала, и запричитала:

– Да ангелы вы мои милые, да разумные ваши головушки!.. Да способитесь вы как-нибудь с вашей обидушкой – простите вы его, окаянного! Пьяный он был... Он тверезый последнюю рубаху отдаст, сроду тверезый никого не обидел...

Заговорил старший, что сидел за столом и держал в руках Витькин ремень. Заговорил обстоятельно, спокойно, попроще – чтоб мать все поняла.

– Ты подожди, мать. Ты встань, встань – здесь не церква. Иди, глянь...

Мать поднялась, чуть успокоенная доброжелательным тоном начальственного голоса.

– Вот гляди: ремень твоего сына... Он во флоте, что ли, служил?

– Во флоте, во флоте – на кораблях-то на этих...

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru – Теперь смотри: видишь? – Начальник перевернул бляху, взвесил на руке: – Этим же убить человека – дважды два. Попади он вчера кому-нибудь этой штукой ребром – конец. Убийство. Да и плашмя троих уходил так, что теперь врачи борются за их жизни. А ты говоришь: простить. Ведь он же трех человек в больницу уложил. А одного при исполнении служебных обязанностей. Ты подумай сама: как же можно прощать за такие дела, действительно?

Материнское сердце, оно – мудрое, но там, где замаячила беда родному дитю, мать не способна воспринимать посторонний разум, и логика тут ни при чем.

– Да сыночки вы мои милые! – воскликнула мать и заплакала. – Да нешто не бывает по пьяному делу?! Да всякое бывает – подрались... Сжальтесь вы над ним!..

Тяжело было смотреть на мать. Столько тоски и горя, столько отчаяния было в ее голосе, что становилось не по себе. И хоть милиционеры – народ до жалости неохочий, даже и они – кто отвернулся, кто стал закуривать...

– Один он у меня – при мне-то: и поилец мой, и кормилец. А еще вот жениться надумал – как же тогда с девкой-то, если его посадят? Неужто ждать его станет? Не станет. А девка-то добрая, из хорошей семьи – жалко...

– Он зачем в город-то приезжал? – спросил начальник.

– Сала продать. На базар – сальца продать. Деньжонки-то нужны, раз уж свадьбу-то наметили, где их больше возьмешь?

– При нем никаких денег не было.

– Батюшки-святые! – испугалась мать. – А иде ж они?

– Это у него надо спросить.

– Да украли небось! Украли!.. Да милый ты сын, он оттого, видно, и в драку-то полез – украли их у него!.. Жулики украли...

– Жулики украли, а при чем здесь наш сотрудник – за что он его-то?

– Да попал, видно, под горячую руку.

– Ну, если каждый раз так попадать под горячую руку, у нас скоро и милиции не останется. Слишком уж они горячие, ваши сыновья! – Начальник набрался твердости. – Не будет за это прощения, получит свое – по закону.

– Да ангелы вы мои, люди добрые, – опять взмолилась мать, – пожалейте вы хоть меня, старуху, я только теперь маленько и свет-то увидела... Он работающий парень-то, а женился бы, он бы совсем справный мужик был. Я бы хоть внучаток понянчила...

– Дело даже не в нас, мать, ты пойми. Есть же прокурор! Ну, выпустили мы его, а с нас спросят: на каком основании? Мы не имеем права. Права даже такого не имеем. Я же не буду вместо него садиться, действительно.

– А может, как-нибудь задобрить того милиционера? У меня холст есть, я нынче холста наткала – пропасть! Все им готовила...

– Да не будет он у тебя ничего брать, не будет! – уже кричал начальник. – Не ставь ты людей в смешное положение, действительно. Это же не кум с кумом поцапались!

– Куда же мне теперь идти-то, сыночки? Повыше-то вас есть кто или уж нету?

– Пусть к прокурору сходит, – посоветовал один из присутствующих.

– Мельников, проводи ее до прокурора, – сказал начальник. И опять повернулся к матери, и опять стал с ней говорить, как с глухой или совсем уж бестолковой: – Сходи к прокурору – он повыше нас! И дело уже у него. И пусть он тебе там объяснит: можем мы чего сделать или нет? Никто же тебя не обманывает, пойми ты!

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Мать пошла с милиционером к прокурору.

Дорогой пыталась заговорить с милиционером Мельниковым.

– Сыночек, что, шибко он его зашиб-то?

Милиционер Мельников задумчиво молчал.

– Сколько же ему дадут, если судить-то станут?

Милиционер шагал широко. Молчал.

Мать семенила рядом и все хотела разговорить длинного, заглядывала ему в лицо.

– Ты уж разъясни мне, сынок, не молчи уж... Мать-то и у тебя небось есть, жалко ведь вас, так жалко, что вот говорю – а каждое слово в сердце отдает. Много ли дадут-то?

Милиционер Мельников ответил туманно:

– Вот когда украшают могилы: оградки ставят, столбики, венки кладут... Это что – мертвым надо? Это живым надо. Мертвым уже все равно.

Мать охватил такой ужас, что она остановилась.

– Ты к чему это?

– Пошли. Я к тому, что – будут, конечно, судить. Могли бы, конечно, простить – пьяный, деньги украли: обидели человека. Но судить все равно будут – чтоб другие знали. Важно на этом примере других научить...

– Да сам же говоришь – пьяный был!

– Это теперь не в счет. Его насильно никто не поил, сам напился. А другим это будет поучительно. Ему все равно теперь – сидеть, а другие задумаются. Иначе вас никогда не перевоспитаешь.

Мать поняла, что этот длинный враждебно настроен к ее сыну, и замолчала.

Прокурор матери с первого взгляда понравился – внимательный. Внимательно выслушал мать, хоть она говорила длинно и путано – что сын ее, Витька, хороший, добрый, что он трезвый мухи не обидит, что как же ей теперь одной-то оставаться? Что девка, невеста, не дождется Витьку, что такую девку подберут с руками-ногами – хорошая девка... Прокурор все внимательно выслушал, поиграл пальцами на столе... Заговорил издали, тоже как-то мудрено:

– Вот ты – крестьянка, вас, наверно, много в семье росло?..

– Шестнадцать, батюшка. Четырнадцать выжило, двое маленькие ишо померли. Павел помер, а за ним другого мальчика тоже Павлом назвали...

– Ну вот – шестнадцать. В миниатюре – целое общество. Во главе – отец. Так?

– Так, батюшка, так. Отца слушались...

– Вот! – Прокурор поймал мать на слове. – Слушались! А почему! Нашкодил один – отец его ремнем. А брат или сестра смотрят, как отец учит шкодника, и думают: шкодить им или нет? Так в большом семействе поддерживался порядок. Только так. Прости отец одному, прости другому – что в семье? Развал. Я понимаю тебя, тебе жалко... Если хочешь, и мне жалко – там не курорт, и поедет он, судя по всему, не на один сезон. По-человечески все понятно, но есть соображения высшего порядка, там мы бессильны... Судить будут. Сколько дадут, не знаю, это решает суд.

Мать поняла, что и этот – невзлюбил ее сына. «За своего обиделись».

– Батюшка, а выше-то тебя есть кто?

– Как это? – не сразу понял прокурор.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Ты самый главный али повыше тебя есть?

Прокурор, хоть ему потом и неловко стало, невольно рассмеялся.

– Есть, мать, есть. Много!

– Где же они?

– Ну, где?.. Есть краевые организации... Ты что, ехать туда хочешь? Не советую.

– Мне подсказали добрые люди: лучше теперь вызволять, пока не сужденый, потом тяжелее будет...

– Скажи этим добрым людям, что они... не добрые. Это они со стороны добрые... добренькие. Кто это посоветовал?

– Да посоветовали...

– Ну, поезжай. Проездишь деньги, и все. Результат будет тот же. Я тебе совершенно официально говорю: будут судить. Нельзя не судить, не имеем права. И никто этот суд не отменит.

У матери больно сжалось сердце... Но она обиделась на прокурора, а поэтому вида не показала, что едва держится, чтоб не грохнуться здесь и не завывать в голос. Ноги ее подкашивались.

– Разрешите мне хоть свиданку с ним...

– Это можно, – сразу согласился прокурор. – У него что, деньги большие были, говорят?

– Были...

Прокурор написал что-то на листке бумаги, подал матери.

– Иди в милицию.

Дорогу в милицию мать нашла одна, без длинного – его уже не было. Спрашивала людей. Ей показывали. В глазах матери все туманилось и плыло... Она молча плакала, вытирала слезы концом платка, но шла привычно скоро, иногда только спотыкалась о торчащие доски тротуара... Но шла и шла, торопилась. Ей теперь, она понимала, надо поспешать, надо успеть, пока они его не засудили. А то потом вызволять будет трудно. Она верила этому. Она всю жизнь свою только и делала, что справлялась с горем, и все вот так – на ходу, скоро, вытирая слезы концом платка. Неистребимо жила в ней вера в добрых людей, которые помогут. Эти – ладно – эти за своего обиделись, а те – подальше которые – те помогут. Неужели же не помогут? Она все им расскажет – помогут. Странно, мать ни разу не подумала о сыне, что он совершил преступление, она знала одно: с сыном случилась большая беда. И кто же будет вызволять его из беды, если не мать? Кто? Господи, да она пешком пойдет в эти краевые организации, она будет день и ночь идти и идти... Найдет она этих добрых людей.

– Ну? – спросил ее начальник милиции.

– Велел в краевые организации ехать, – слукавила мать. – А вот – на свиданку. – Она подала бумажку.

Начальник был несколько удивлен, хоть тоже старался не показать этого. Прочитал записку... Мать заметила, что он несколько удивлен. И подумала: «А-а». Ей стало маленько полегче.

– Проводи, Мельников.

Мать думала, что идти надо будет далеко, долго, что будут открываться железные двери – сына она увидит за решеткой, и будет с ним разговаривать снизу, поднимаясь на цыпочки... А сын ее сидел тут же, внизу, в подвале. Там, в коридоре, стриженные мужики играли в домино... Уставились на мать и на милиционера. Витьки

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
среди них не было.

– Что, мать, – спросил один мордастый, – тоже пятнадцать суток схлопотала?

Засмеялись.

Милиционер подвел мать к камере, которых по коридору было три или четыре, открыл дверь...

Витька был один, а камера большая и нары широкие. Он лежал на нарах... Когда вошел милиционер, он не поднялся, но увидев за ним мать, вскочил.

– Десять минут на разговоры, – предупредил длинный. И вышел.

Мать присела на нары, поспешно вытерла слезы платком.

– Гляди-ка – под землей, а сухо, тепло, – сказала она.

Витька молчал, сцепив на коленях руки. Смотрел на дверь. Он осунулся за ночь, оброс – сразу как-то, как нарочно. На него больно было смотреть. Его мелко трясло, он напрягся, чтоб мать не заметила хоть этой тряски.

– Деньги-то, видно, украли? – спросила мать.

– Украли.

– Ну и бог бы уж с имя, с деньгами, зачем было драку из-за их затевать? Не они нас наживают – мы их.

Никому бы ни при каких обстоятельствах не рассказал Витька, как его обокрали – стыдно. Две шлюхи... Мучительно стыдно! И еще – жалко мать. Он знал, что она придет к нему, пробьется через все законы, – ждал этого и страшился.

У матери в эту минуту было на душе другое: она вдруг совсем перестала понимать, что есть на свете – милиция, прокурор, суд, тюрьма... Рядом сидел ее ребенок, виноватый, беспомощный... И кто же может сейчас отнять его у нее, когда она – только она, никто больше – нужна ему?

– Не знаешь, сильно я его?..

– Да нет, плашмя попало... Но лежит, не поднимается.

– Экспертизу, конечно, сделали... Бюллетень возьмет... – Витька посмотрел на мать. – Лет семь заделают.

– Батюшки-святы!.. – Сердце у матери упало. – Что-же уж так много-то?

– Семь лет!.. – Витька вскочил с нар, заходил по камере. – Все прахом! Все, вся жизнь кувырком!

Мать мудрым сердцем своим поняла, какое отчаяние гнетет душу ее ребенка...

– Тебя как вроде уж осудили! – сказала она с укором. – Сразу уж – жизнь кувырком.

– А чего тут ждать? Все известно...

– Гляди-ка, все уж известно! Ты бы хоть сперва спросил: где я была, чего достигла?..

– Где была? – Витька остановился.

– У прокурора была...

– Ну? И он что?

– Дак вот и спреси сперва: чего он? А то сразу – кувырком! Какие-то слабые вы... Ишо ничем ничего, а уж... мысли бог знает какие.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– А чего прокурор-то?

– А то... Пусть, говорит, пока не переживает, пусть всякие мысли выкинет из головы... Мы, дескать, сами тут сделать ничего не можем, потому что не имеем права. А ты, мол, не теряй время, а садись и езжай в краевые организации. Нам, мол, оттуда прикажут, мы волей-неволей его отпустим. Тада, говорит, нам и перед своими совестно не будет: хотели, мол, осудить, но не могли. Они уж все обдумали тут. Мне, говорит, самому его жалко... Но мы, говорит, люди маленькие. Езжай, мол, в краевые организации, там все обскажи подробно... У тебя сколь денег-то было?

– Полторы сотни.

– Батюшки-святы! Нагрели руки...

В дверь заглянул длинный милиционер.

– Кончайте.

– Счас, счас, – заторопилась мать. – Мы уж все обговорили... Счас я, значит, доеду до дому, Мишка Бычков напишет на тебя карактеристику... Хорошую, говорит, напишу.

– Там... это... у меня в чемодане грамоты всякие лежат со службы... возьми на всякий случай...

– Какие грамоты?

– Ну, там увидишь. Может, поможет.

– Возьму. Потом схожу в контору – тоже возьму карактеристику... С голыми руками не поеду. Может, холст-то продать уж, у меня Сергеевна хотела взять?

– Зачем?

– Да взять бы деньжонок-то с собой – может, кого задобрить придется?

– Не надо, хуже только наделаешь.

– Ну, погляжу там.

В дверь опять заглянул милиционер.

– Время.

– Пошла, пошла, – опять заторопилась мать. А когда дверь закрылась, вынула из-за пазухи печенюшку и яйцо. – На-ка поешь... Да шибко-то не задумывайся – не кувырком ишо. Помогут добрые люди. Большие-то начальники – они лучше, не боятся. Эти боятся, а тем некого бояться – сами себе хозяева. А дойти до них я дойду. А ты скрепись и думай про чего-нибудь – про Верку хошь... Верка-то шибко закручинилась тоже. Даве забегала, а она уж слыхала...

– Ну?

– Горюет.

У Витьки в груди не потеплело оттого, что невеста горюет. Как-то так, не потеплело.

– А ишо вот чего... – Мать зашептала: – Возьми да в уме помолись. Ничего, ты – крещеный. Со всех сторон будем заходить. А я пораньше из дому-то выеду – до поезда – да забегу свечечку Николе-угоднику поставлю, попрошу тоже его. Ничего, смилостивятся. Похоронку от отца возьму...

– Ты братьям-то... это... пока уж не сообщай.

– Не буду, не буду. Только лишний раз душу растревожат. Ты, главное, не задумывайся, что все теперь кувырком. А если уж дадут, так год какой-нибудь – для отвода глаз. Не семь же лет! А кому год дают, смотришь – они через полгода

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru выходят. Хорошо там поработают, их раньше выпускают. А может, и года не дадут.

Милиционер вошел в камеру и больше уже не выходил.

– Время, время...

– Пошла. – Мать встала с нар, повернулась спиной к милиционеру, мелко перекрестила сына и одними губами прошептала:

– Спаси тебя Христос.

И вышла из камеры... И шла по коридору, и опять ничего не видела от слез. Жалко сына Витьку, ох, жалко. Когда они хворают, дети, тоже очень их жалко, но тут какая-то особая жалость – когда вот так, тут – просишь людей, чтоб помогли, а они отворачиваются, в глаза не смотрят. И временами жутко становится... Но мать – действовала. Мыслями она была уже в деревне, прикидывала, кого ей надо успеть охватить до отъезда, какие бумаги взять. И та неистребимая вера, что добрые люди помогут ей, вела ее и вела, мать нигде не мешкала, не останавливалась, чтоб наплакаться вволю, тоже прийти в отчаяние – это гибель, она знала. Она – действовала.

Часу в третьем пополудни мать выехала опять из деревни – в краевые организации.

«Господи, помоги, батюшка, – твердила она в уме беспрерывно. – Не допусти сына до худых мыслей, образумь его. Он маленький заполосный – как бы не сделал чего над собой».

Поздно вечером она села в поезд и поехала.

«Ничего, добрые люди помогут».

Она верила, что помогут.

Мастер

Жил-был в селе Чебровка некто Семка Рысь, забулдыга, непревзойденный столяр. Длинный, худой, носатый – совсем не богатырь на вид. Но вот Семка снимает рубаху, остается в одной майке, выгоревшей на солнце... И тогда-то, когда он, поигрывая топориком, весело лается с бригадиром, тогда-то видна вся устрашающая сила и мощь Семки. Она – в руках. Руки у Семки не комкастые, не бугристые, они – ровные от плеча до лапы, толстые, словно литые. Красивые руки. Топорик в них – игрушечный. Кажется, не зная таким рукам усталости, и Семка так, для куража, орет:

– Што мы тебе – машины? Тогда иди заведи меня – я заглох. Но сзади подходи осторожней – лягаюсь!

Семка не злой человек. Но ему, как он говорит, «остолбенело все на свете», и он транжирит свои «лошадиные силы» на что угодно – поорать, позубоскалить, нашкодить где-нибудь – милое дело.

– У тебя же золотые руки! – скажут ему. – Ты бы мог знаешь как жить!.. Ты бы как сыр в масле катался...

– А я не хочу, как сыр в масле. Склизко.

Он всю зарплату отдавал семье. Выпивал только на то, что зарабатывал слева. Он мог такой шкаф изладить, что у людей глаза разбегались. Приезжали издалека, просили сделать, платили большие деньги. Его даже писатель один, который отдыхал летом в Чебровке, возил с собой в областной центр, и он ему там оборудовал кабинет... Кабинет они оба додумались подогнать под деревенскую избу (писатель был из деревни, тосковал по родному).

– Во, дурные деньги-то! – изумлялись односельчане, когда Семка рассказывал какую они избу уделали в современном городском доме – 16-й век!

– На паркет настелили плах, обстругали их – и все, даже не покрасили. Стол – тоже из досок сколотили, вдоль стен – лавки, в углу – лежак. На лежаке никаких матрасов, никаких одеял... Лежат кошма и тулуп – и все. Потолок паяльной лампой

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru закоптили – вроде по-черному топится. Стены горбылем обшили...

Сельские люди только головами качали.

– Делать нечего дуракам.

– Шестнадцатый век, – задумчиво говорил Семка. – Он мне рисунки показывал, я все по рисункам делал.

Между прочим, когда Семка жил у писателя в городе, он не пил, читал разные книги про старину, рассматривал старые иконы, прялки... Этого добра у писателя было навалом.

В то же лето, как побывал Семка в городе, он стал приглядываться к церковке, которая стояла в деревне Талице, что в трех верстах от Чебровки. В Талице от двадцати дворов осталось восемь. Церковка была закрыта давно. Каменная, небольшая, она открывалась взору – вдруг, сразу за откосом, который огибала дорога в Талицу... По каким-то соображениям те давние люди не поставили ее на возвышение, как принято, а поставили внизу, под откосом. Еще с детства помнил Семка, что если идешь в Талицу и задумаешься, то на повороте, у косогора, вздрогнешь, – внезапно увидишь церковь, белую, легкую среди тяжелой зелени тополей.

В Чебровке тоже была церковь, но явно позднего времени, большая, с высокой колокольней. Она тоже давно была закрыта и дала в стене трещину. Казалось бы – две церкви, одна большая, на возвышении, другая спряталась где-то под косогором – какая должна выиграть, если сравнить? Выигрывала маленькая, под косогором. Она всем брала: и что легкая, и что открывалась глазам внезапно... Чебровскую видно было за пять километров – на то и рассчитывали строители. Талицкую как будто нарочно спрятали от праздного взора, и только тому, кто шел к ней, она являлась вся, сразу...

Как-то в выходной день Семка пошел опять к талицкой церкви. Сел на косогор, стал внимательно смотреть на нее. Тишина и покой кругом. Тихо в деревне. И стоит в зелени белая красавица – столько лет стоит! – молчит. Много-много раз видела она, как восходит и заходит солнце, полоскали ее дожди, заносили снега... Но вот – стоит. Кому на радость? Давно уж истлели в земле строители ее, давно распалась в прах та умная голова, что задумала ее такой, и сердце, которое волновалось и радовалось, давно есть земля, горсть земли. О чем же думал тот неведомый мастер, оставляя после себя эту светлую каменную сказку? Бога ли он величил или себя хотел показать? Но кто хочет себя показать, тот не забирается далеко, тот норовит поближе к большим дорогам или вовсе – на людную городскую площадь – там заметят. Этого заботило что-то другое – красота, что ли? Как песню спел человек, и спел хорошо. И ушел. Зачем надо было? Он сам не знал. Так просила душа. Милый, дорогой человек!.. Не знаешь, что и сказать тебе – туда, в твою черную жуткую тьму небытия – не услышишь. Да и что тут скажешь? Ну – хорошо, красиво, волнует, радует... Разве в этом дело? Он и сам радовался, и волновался, и понимал, что – красиво. Что же?.. Ничего. Умеешь радоваться – радуйся, умеешь радовать – радуй... Не умеешь – воюй, командуй или что-нибудь такое делай – можно разрушить вот эту сказку: подложить пару килограммов динамита – дроболызнет, и все дела. Каждому свое.

Посмотрел Семка и заметил: четыре камня сверху, под карнизом, не такие, как все, – блестят. Подошел поближе, всмотрелся – да, тот мастер хотел, видно, отшлифовать всю стену. А стена – восточная, и, если бы он довел работу до конца, то при восходе солнца (оно встает из-за косогора) церковка в ясные дни загоралась бы с верхней маковки, и постепенно занималась светлым огнем вся, во всю стену – от креста до фундамента. И он начал эту работу, но почему-то бросил – может, тот, кто заказывал и давал деньги, сказал: «Ладно, и так сойдет».

Семка больше того заволновался – захотел понять, как шлифовались камни? Наверно, так: сперва грубым песком, потом песочком помельче, потом – сукном или кожей. Большая работа.

В церковь можно было проникнуть через подвал – это Семка знал с детства, не раз лазал туда с ребятей. Ход в подвал, некогда закрываемый створчатой дверью (дверь давно унесли), полуобвалился, зарос бурьяном... Семка с трудом протиснулся в щель между плитой и подножными камнями и, где на четвереньках, где согнувшись

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru в три погребели, вошел в притвор. Просторно, гулко в церкви... Легкий ветерок чуть шевелил отставший, вислый лист железа на маковке, и шорох тот, едва слышный на улице, здесь звучал громко, тревожно. Лучи света из окон рассекали затененную пустоту церкви золотыми широкими мечами.

Только теперь, обеспокоенный красотой и тайной, оглядевшись, обнаружил Семка, что между стенами и полом не прямой угол, а строгое, правильное закругление желобом внутрь. Попросту внизу вдоль стен идет каменный прилавок примерно в метре от стены у основания и в рост человеческого высотой. Наверху он аккуратно сводится на нет со стеной. Для чего он, Семка сперва не сообразил. Отметил только, что камни приладка, хорошо отесанные и пригнанные друг к другу, внизу – темные, потом – выше – светлеют и вовсе сливаются с белой стеной. В самом верху купол выложен из какого-то особенного камня, и он еще, наверно, шлифован – так светло, празднично там, под куполом. А всего-то – четыре узких оконца...

Семка сел на приступку алтаря, стал думать: зачем этот каменный прилавок? И объяснил себе так: мастер убрал прямые углы – разрушил квадрат. Так как церковка маленькая, то надо было создать ощущение свободы внутри, а ничто так не угнетает, не теснит душу, как клетка-квадрат. Он поэтому снизу положил камни потемней, а по мере того, как поднимал прилавок, выравнивал его со стеной – стены, таким образом, как бы отодвинулись.

Семка сидел в церкви, пока пятно света на каменном полу не подкралось к его ногам. Он вылез из церкви и пошел домой.

На другой день Семка, сказавшись больным, не пошел на работу, а поехал в райгородок, где была действующая церковь. Батюшку он нашел дома, неподалеку от церкви. Батюшка отослал сына и сказал просто:

– Слушаю.

Темные, живые, даже с каким-то озорным блеском глаза нестарого еще попа смотрели на Семку прямо, твердо – он ждал.

– Ты знаешь талицкую церковь? – Семка почему-то решил, что с писателями и попами надо говорить на «ты». – Талица, Чебровского района.

– Талицкую?.. Чебровский район.. Маленькая такая?

– Ну.

– Знаю.

– Какого она века?

Поп задумался.

– Какого? Боюсь, не соврать бы.. Думаю, при Алексее Михайловиче еще.. Сынок-то его не очень баловал народ храмами. Семнадцатый век, вторая половина. А что?

– Красота-то какая!.. – воскликнул Семка. – Как же вы так?

Поп усмехнулся.

– Слава богу, хоть стоит пока. Красивая, да. Давно не видел ее, но помню. Внизу, кажется?..

– А кто делал, неизвестно?

– Это надо у митрополита узнать. Этого я не могу сказать.

– Но ведь у вас же есть деньги! Есть ведь?

– Ну, допустим.

– Да не допустим, а есть. Вы же от государства отдельно теперь..

– Ты это к чему?

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Отремонтируйте ее – это же чудо! Я возьмусь отремонтировать. За лето сделаю. Двух-трех помощников мне – до холодов сделаем. Платите нам рублей по...

– Я, дорогой мой, такие вопросы не решаю. У меня тоже есть начальство... Сходи к митрополиту! – Поп сам тоже заволновался. – Сходи, а чего! Ты веруешь ли?

– Да не в этом дело. Я, как все, а то и похуже – пью. Мне жалко – такая красота пропадает. Ведь сейчас же восстанавливают...

– Восстанавливает государство.

– Но у вас же тоже есть деньги!

– Государство восстанавливает. В своих целях. Ты сходи, сходи к митрополиту-то.

– А он где? Здесь разве?

– Нет, ехать надо.

– В область?

– В область.

– У меня с собой денег нет. Я только до тебя ехал...

– А я дам. Ты откуда будешь-то?

– Из Чебровки, столяр, Семен Рысь...

– Вот, Семен, – съезди-ка! Он у нас человек... умница... Расскажи ему все. Ты от себя только?

– Как «от себя»? – не понял Семка.

– Сам ко мне-то или выбрали да послали?

– Сам.

– Ну все равно – съезди! А пока ты будешь ехать, я ему позвоню, – он уже будет знать, что к чему, примет тебя.

Семен подумал немного.

– Давай. Я потом тебе вышлю.

– Потом договоримся. От митрополита заезжай снова ко мне, расскажешь.

Митрополит, крупный, седой, вечно трезвый старик, с неожиданно тоненьким голоском, принял Семку радушно.

– Звонил мне отец Герасим... Ну, расскажи, расскажи, как тебя надоумило храм ремонтировать?

Семка отхлебнул из красивой чашки горячего чая.

– Да как?.. Никак. Смотрю – красота какая! И никому не нужна!..

Митрополит усмехнулся.

– Красивая церковь, я ее знаю. При Алексее Михайловиче, да. Кто архитектор, пока не знаю... Можно узнать. А земли были бояр Борятинских... Тебе зачем мастера-то знать?

– Да так, интересно. С большой выдумкой человек!

– Мастер большой, потом выясним кто. Ясно, что он знал владимирские храмы, московские...

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Ведь до чего додумался!.. – И Семка стал рассказывать, как ему удалось разгадать тайну старинного мастера.

Митрополит слушал, кивал головой, иногда говорил: «Ишь ты!» А попутно Семка выкладывал и свои соображения: стену ту, восточную, отшлифовать, как и хотел мастер, маковки обшить и позолотить, и в верхние окна вставить цветные стекла – тогда под куполом будет такое сияние, такое сияние!.. Мастер туда подобрал какой-то особенный камень, наверно, с примесью слюды.. И если еще оранжевые стекла всадить..

– Все хорошо, все хорошо, сын мой, – перебил митрополит. – Вот скажи мне сейчас: разрешаем вам ремонтировать талицкую церковь. Назовите, кому вы поручаете это сделать? Я, не моргнув глазом, называю: Семен Рысь, столяр из Чебровки. Только.. не разрешат мне ее ремонтировать, вот какое дело, сын мой. Грустное дело.

– Почему?

– Я тоже спрошу: «Почему?» А они меня спросят: «А зачем?» Сколько дворов в Талице? Это уже я спрашиваю..

– Да в Талице-то мало..

– Дело даже не в этом. Какая же это будет борьба с религией, если они начнут новые приходы открывать? Ты подумай-ка.

– Да не надо в ней молиться! Есть же всякие музеи..

– Вот музеи-то – как раз дело государственное, не наше.

– И как же теперь?

– Я подскажу как. Напишите миром бумагу: так, мол, и так – есть в Талице церковь в запустении. Нам она представляется ценной не с точки зрения религии..

– Не написать нам сроду такой бумаги. Ты сам напиши.

– Я не могу. Найдите, кто сумеет написать. А то и – сами, своими словами.. даже лучше..

– Я знаю! У меня есть такой человек! – Семка вспомнил про писателя.

– И с той бумагой – к властям. В облисполком. А уж они решат. Откажут, пишите в Москву.. Но раньше в Москву не пишите, дождитесь, пока здесь откажут. Оттуда могут прислать комиссию..

– Она бы людей радовала – стояла!..

– Таков мой совет. А что говорил с нами, про это не пишите. И не говори нигде. Это только испортит дело. Прощай, сын мой. Дай бог удачи.

Семка, когда уходил от митрополита, отметил, что живет митрополит – дай бог! Домина – комнат, наверно, из восьми.. Во дворе «Волга» стоит. Это неприятно удивило Семку. И он решил, что действительно лучше всего иметь дело с родной Советской властью. Эти попы темнят чего-то.. И хочется им, и колетса, и мамка не велит.

Но сперва Семка решил сходить к писателю. Нашел его дом.. Писателя дома не было.

– Нет его, – резковато сказала Семке молодая полная женщина и захлопнула дверь. Когда он отделявал здесь «избу 16-го века», он что-то не видел этой женщины. Ему страсть как захотелось посмотреть «избу». Он позвонил еще раз.

– Я сама! – услышал он за дверью голос женщины. И дверь опять открылась..

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Ну? Что еще?

– Знаете, я тут отделявал кабинет Николая Ефимыча... охота глянуть...

– Боже мой! – негромко воскликнула женщина. И закрыла дверь.

«По-моему, он дома, – догадался Семка. – И, по-моему, у них идет крупный разговор».

Он немного подождал в надежде, что женщина проговорится в сердцах: «Какой-то идиот, который отделявал твой кабинет», и писатель, может быть, выйдет сам. Писатель не вышел. Наверно, его, правда, не было.

Семка пошел в облисполком. К председателю облисполкома он попал сразу и довольно странно. Вошел в приемную, секретарша накинулась на него:

– Почему же опаздываете?! То обижаются – не принимают, а то самих не дожدهшься. Где остальные?

– Там, – сказал Семка. – Идут.

– Идут. – Секретарша вошла в кабинет, побыла там короткое время, вышла и сказала сердито. – Проходите.

Семка прошел в кабинет... Председатель пошел ему навстречу – здороваться.

– А шуму-то наделали, шуму-то! – сказал он хоть с улыбкой, но и с укоризной тоже. – Шумим, братцы, шумим? Здравствуйте!

– Я насчет церкви, – сказал Семка, пожимая руку председателя. – Она меня перепутала, ваша помощница. Я один... насчет церкви...

– Какой церкви?

– У нас, не у нас, в Талице, есть церква семнадцатого века. Красавица необыкновенная! Если бы ее отремонтировать, она бы... Не молиться, нет! Она ценная не с религиозной точки. Если бы мне дали трех мужиков, я бы ее до холодов сделал. – Семка торопился, потому что не выносил, когда на него смотрят с недоумением. Он всегда нервничал при этом. – Я говорю, есть в деревне Талица церква, – стал он говорить медленно, но уже раздражаясь. – Ее необходимо отремонтировать, она в запустении. Это – гордость русского народа, а на нее все махнули рукой. А отремонтировать, она будет стоять еще триста лет и радовать глаз и душу.

– Мгм, – сказал председатель. – Сейчас разберемся. – Он нажал кнопку на столе. В дверь заглянула секретарша. – Попросите сюда Завадского. Значит, есть у вас в деревне старая церковь, она показалась вам интересной как архитектурный памятник семнадцатого века. Так?

– Совершенно точно! Главное, не так уж много там и делов-то: перебрать маковки, кое-где поддержать камни, может, растягу вмонтировать – повыше, крестом...

– Сейчас, сейчас... у нас есть товарищ, который как раз этим делом занимается. Вот он.

В кабинет вошел молодой еще мужчина, красивый, с волнистой черной шевелюрой на голове и с ямочкой на подбородке.

– Игорь Александрович, займитесь, пожалуйста, с товарищем – по вашей части.

– Пойдемте, – предложил Игорь Александрович.

Они пошли по длинному коридору, Игорь Александрович впереди, Семка сзади на полшага.

– Я сам не из Талицы, из Чебровки, Талица от нас...

– Сейчас, сейчас, – покивал головой Игорь Александрович не оборачиваясь. –

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Сейчас во всем разберемся.

«Здесь, вообще-то, время зря не теряют», – подумал Семка.

Вошли в кабинет... Кабинет победней, чем у председателя, – просто комната, стол, стул, чертежи на стенах, полка с книгами.

– Ну? – сказал Игорь Александрович. И улыбнулся. – Садитесь и спокойно все расскажите.

Семка начал все подробно рассказывать. Пока он рассказывал, Игорь Александрович, слушая его, нашел на книжной полке какую-то папку, полистал, отыскал нужное и, придерживая ладонью, чтобы папка не закрылась, стал заметно проявлять нетерпение. Семка заметил это.

– Все? – спросил Игорь Александрович.

– Пока все.

– Ну, слушайте. Талицкая церковь. Н-ской области. Чебровского района, – стал читать Игорь Александрович. – Так называемая – на крови. Предположительно семидесятые – девяностые годы 17-го века. Кто-то из князей Борятинских погиб в Талице от руки недруга... – Игорь Александрович поднял глаза от бумаги, высказал предположение: – Возможно, передрались пьяные братья или кумовья. И так, значит... погиб от руки недруга, и на том месте поставлена церковь. Архитектор неизвестен. Как памятник архитектуры ценности не представляет, так как ничего нового для своего времени, каких-то неожиданных решений или поиска таковых автор здесь не выказал. Более или менее точная копия владимирских храмов. Останавливают внимание размеры церкви, но и они продиктованы соображениями не архитектурными, а, очевидно, материальными возможностями заказчика. Перестала действовать в 1925 году.

– Вы ее видели? – спросил Семка.

– Видел. Это, – Игорь Александрович показал страничку казенного письма в папке, – ответ на мой запрос. Я тоже, как вы, обманулся...

– А внутри были?

– Был, как же. Даже специалистов наших областных возил...

– Спокойно! – зловеще сказал Семка. – Што сказали специалисты? Про прикладок...

– Вдоль стен? Там, видите, какое дело: Борятинские увлекались захоронениями в своем храме и основательно раздолбали фундамент. Церковь, если вы заметили, слегка покосилась на один бок. Какой-то из поздних потомков их рода прекратил это. Сделали вот такой прикладок... Там, если обратили внимание, – надписи на прикладке – в тех местах, где внизу захоронения.

Семка чувствовал себя обескураженным.

– Но красота-то какая! – попытался он упорствовать.

– Красивая, да. – Игорь Александрович легко поднялся, взял с полки книгу, показал фотографию храма. – Похоже?

– Похоже...

– Это владимирский храм Покрова. Двенадцатый век. Не бывали во Владимире?

– Я што-то не верю... – Семка кивнул на казенную бумагу. – По-моему, они вам втерли очки, эти ваши специалисты. Я буду писать в Москву.

– Так это и есть ответ из Москвы. Я почему обманулся: думал, что она тоже двенадцатого века... Я думал, кто-то самостоятельно – сам по себе, может быть, понаслышке – повторил владимирцев. Но чудес не бывает. Вас что, сельсовет послал?

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Да нет, я сам...

Домой Семен выехал в тот же день. В райгородок прибыл еще засветло и пошел к отцу Герасиму.

Отец Герасим был в церкви на службе. Семка отдал его домашним деньги, какие еще оставались, оставил себе на билет и на бутылку красного, сказал, что долг вышлет по почте... И поехал домой.

С тех пор он про талицкую церковь не заикался, никогда не ходил к ней, а если случалось ехать талицкой дорогой, он у косогора поворачивался спиной к церкви, смотрел на речку, на луга за речкой, курил и молчал. Люди заметили это, и никто не решался заговорить с ним в это время. И зачем он ездил в область, и куда там ходил, тоже не спрашивали. Раз молчит, значит, не хочет говорить об этом, значит – зачем спрашивать?

В воскресенье мать-старушка

А были у него хорошие времена. В войну. Он ходил по деревне, пел. Водила его Матрена Кондакова, сухая, на редкость выносливая баба, жадная и крикливая. Он называл ее – супружница.

Обычно он садился на крыльцо сельмага, вынимал из мешка двухрядку русского строя, долго и основательно устраивал ее на коленях, поправлял ремень на плече... Он был, конечно, артист. Он интриговал слушателей, он их готовил к действию. Он был спокоен. Незрячие глаза его (он был слепой от роду) «смотрели» куда-то далеко-далеко. Наблюдать за ним в эту минуту было интересно. Матрена малость портила торжественную картину – суетилась, выставляла на крыльце алюминиевую кружку для денег, зачем-то надевала на себя цветастую кашемировую шаль, которая совсем была не к лицу ей, немолодой уж... Но на нее не обращали внимания. Смотрели на Ганю. Ждали. Он негромко, сдержанно прокашливался, чуть склонял голову и, продолжая «смотреть» куда-то в даль, одному ему ведомую, начинал...

Песен он знал много. И все они были – про войну, про тюрьму, про сироток, про скитальцев... Знал он и «божественные», но за этим следили «сельсоветские». А если никого из «сельсоветских» близко не было, его просили:

– Гань, про безноженьку.

Ганя пел про безноженьку (девочку), которая просит ласкового боженьку, чтоб он приделал ей ноженьки. Ну – хоть во сне, хоть только чтоб узнать, как ходят на ноженьках...

Бабы плакали.

Матрена тоже вытирала слезы концом кашемировой шали. Может, притворялась, бог ее знает. Она была хитрая.

Пел Ганя про «сибулонцев» (заключенных сибирских лагерей) – как одному удалось сбежать; только он сбежать-то сбежал, а куда теперь – не знает, потому что жена его, курва, сошлась без него с другим.

Пел про «синенький, скромный платочек»...

Слушали затаив дыхание. Пел Ганя негромко, глуховатым голосом, иногда (в самые захватывающие моменты) умолкал и только играл, а потом продолжал. Разные были песни.

В воскресенье мать-старушка

К воротам тюрьмы пришла,

Своему родному сыну

Передачку принесла.

Оттого, что Ганя все «смотрел» куда-то далеко и лицо его было скорбное и умное, виделось, как мать-старушка подошла к воротам тюрьмы, а в узелке у нее – передачка: сальца кусочек, шанежки, яички, соль в тряпочке, бутылка молока...

Передайте передачку,

А то люди говорят:

Заключенных в тюрьмах много –

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Сильно с голоду морят.
Бабы, старики, ребяташки как-то все это понимали – и что много их там, и что морят. И очень хотелось, чтоб передали тому несчастному «сидельцу», сыну ее, эту передачку – хоть поест, потому что в «терновке» (тюрьме), знамо дело, несладко. Но...

Ей привратник усмехнулся:
«Твоего тут сына нет.
Прошлой ночью был расстрелян
И отправлен на тот свет».
Горло сжимало горе. Завыть хотелось... Ганя понимал это. Замолкал. И только старенькая гармошка его с медными уголками все играет и играет. Потом:

Повернулась мать-старушка,
От ворот тюрьмы пошла...
И никто про то не знает –
На душе что понесла.
Как же не знали – знали! Плакали. И бросали в кружку пятаки, гривенники, двадцатики. Матрена строго следила, кто сколько дает. А Ганя сидел, обняв гармошку, и все «смотрел» в свою далекую, неведомую даль. Удивительный это был взгляд, необъяснимо жуткий, щемящий душу.

Потом война кончилась. Вернулись мужики, какие остались целые... Стало шумно в деревнях. А тут радио провели, патефонов повезли – как-то не до Гани стало. Они еще ходили с Матреной, но слушали их плохо. Подавали, правда, но так – из жалости, что человек – слепой, и ему надо как-то кормиться. А потом и совсем: вызвали Ганю в сельсовет и сказали:

– Назначаем тебе пенсию. Не шляйся больше.

Ганя долго сидел молча, смотрел мимо председателя... Сказал:

– Спасибо нашей дорогой Советской власти.

И ушел.

Но и тогда не перестал он ходить, только – куда подальше, где еще не «провели» это «вшивое радиво».

Но чем дальше, тем хуже и хуже. Молодые, те даже подсмеиваться стали.

– Ты, дядя... шибко уж на слезу жмешь. Ты б чего-нито повеселей.

– Жиганье, – обиженно говорил Ганя. – Много вы понимаете!

И укладывал гармошку в мешок, и они шли с Матреной дальше... Но дальше – не лучше.

И Ганя перестал ходить.

Жили они с Матреной в небольшой избенке под горой. Матрена занималась огородом. Ганя не знал, что делать. Стал попивать. На этой почве у них с Матреной случалась ругань и даже драки.

– Глот! – кричала Матрена. – Ты вот ее пропьешь, пенсию-то, а чем жить будем?! Ты думаешь своей башкой дырявой или она у тебя совсем прохудилась?

– Закрой варежку, – предлагал Ганя. – И никогда не открывай.

– Я вот те открою счас – шумовкой по калгану!.. черт слепошарый.

Ганя бледнел.

– Ты мои шары не трожь! Не ты у меня свет отняла, не тебе вякать про это.

Вообще стал Ганя какой-то строптивый. Звали куда-нибудь: на свадьбу поиграть – отказывался.

– Я не комик, штоб под пляску вам наигрывать. Поняли? У вас теперь патефоны есть

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– под их и пляшите.

Пришли раз молодые из сельсовета (наверно, Матрена сбегала, пожаловалась), заикнулись:

– Вы знаете, есть ведь такое общество – слепых...

– Вот и записывайтесь туда, – сказал Ганя. – А мне и тут хорошо. А этой... моей... передайте: если она ишо по сельсоветам бегать будет, я ей ноги переломаю.

– Почему вы так?

– как?

– Вам же лучше хотят...

– А я не хочу! Вот мне хотят, а я не хочу! Такой я... губошлеп уродился, што себе добра не хочу. Вы мне пенсию платите – спасибо. Больше мне ничего от вас не надо. Чево мне в том обществе делать? Чулки вязать да радио слушать?... Спасибо. Передайте им всем там от меня низкий поклон.

...Один только раз встрепенулся Ганя душой, оживился, помолодел даже...

Приехали из города какие-то люди – трое, спросили:

– Здесь живет Гаврила Романыч Козлов?

Ганя насторожился.

– А зачем? В общество звать?

– В какое общество?... Вы песен много знаете, нам сказали...

– Ну, так?

– Нам бы хотелось послушать. И кое-что записать...

– А зачем? – пытал Ганя.

– Мы собираем народные песни. Записываем. Песни не должны умирать...

Догадался же тот городской человек сказать такие слова!.. Ганя встал, заморгал пустыми глазами... Хотел унять слезы, а они текли, ему было стыдно перед людьми, он хмурился и покашливал и долго не мог ничего сказать.

– Вы споете нам?

– Спою.

Вышли на крыльцо. Ганя сел на приступку, опять долго устраивал гармонь на коленях, прилаживал поудобней ремень на плече. И опять «смотрел» куда-то далеко-далеко, и опять лицо его было торжественное и умное. И скорбное, и прекрасное.

Был золотой день бабьего лета, было тепло и покойно на земле. Никто в деревне не знал, что сегодня, в этот ясный погожий день, когда торопились рубить капусту, ссыпать в ямы картошку, пока она сухая, сжигать на огородах ботву, пока она тоже сухая, – никто в этот будничный, рабочий день не знал, что у Гаврилы Романыча Козлова сегодня – праздник.

Пришла с огорода Матрена.

Навалился на плетень соседский мужик, Егор Анашкин... С интересом разглядывали городских, которые разложили на крыльце какие-то кружочки, наострились с блокнотами – приготовились слушать Ганю.

– Сперва жалобные или тюремные? – спросил Ганя.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Любые.

И Ганя запел... Ах, как он пел! Сперва спел про безноженьку. Подождал, что скажут. Ждал напряженно и «смотрел» вдаль.

– А что-нибудь такое... построже... Нет, это тоже хорошая! Но... что-нибудь – где горе настоящее...

– Да рази ж это не горе – без ног-то? – удивился Ганя.

– Горе, горе, – согласились. – Словом, пойте, какие хотите.

Как на кладбище
Митрофановском
Отец дочку родную убил, –
запел Ганя. И славно так запел, с душой.

– Это мы знаем, слышали, – остановили его.

Ганя растерялся.

– А чево же тогда?

Тут эти трое негромко заспорили: один говорил, что надо писать все, двое ему возражали: зачем?

Ганя напряженно слушал и все «смотрел» туда куда-то, где он, наверно, видел другое – когда слушали его и не спорили, слушали и плакали.

– А вот вы говорили – тюремные. Ну-ка, тюремные.

Ганя поставил гармонь рядом с собой. Закурил.

– Тюрьма – это плохое дело, – сказал он. – Не приведи господи. Зачем вам?

– Почему же?!

– Нет, люди хорошие, – будет. Попели, поиграли – и будет. – И опять жесткая строптивость сковала лицо.

– Ну просят же люди! – встряла Матрена. – Чево ты кобенисся-то?

– Закрой! – строго сказал ей Ганя.

– Ишак, – сказала Матрена и ушла в огород.

– Вы обиделись на нас? – спросили городские.

– Пошто? – изумился Ганя. – Нет. За што же? Каких песней вам надо, я их не знаю. Только и делов.

Городские собрали свои чемоданчики, поблагодарили Ганю, дали три рубля и ушли.

Егор Анашкин перешагнул через низенький плетень, подсел к Гане.

– А чево, правда, заартачился-то? – поинтересовался он. – Спел ба, может, больше бы дали.

– Свиной-то вырастил? – спросил Ганя после некоторого молчания.

– Вырастил, – вздохнул Егор. – Теперь не знаю, куда с имя деваться, черт бы их надавал. Сдуру тада – разрешили: давай по пять штук! А куда теперь? На базар – там без меня навалом, не один я такой...

Егор закурил и задумался.

– Эх ты, поросятинка! – вдруг весело сказал Ганя. – На-ка трешку-то – сходи возьми бутылочку. За здоровье свинок твоих... и штоб не кручинился ты – выпьем.

Ораторский прием

Тринадцать человек совхозных – молодых мужиков и холостых парней – направили «на кубы» (на лесозаготовки). На три-четыре недели – как управятся с нормой. Старшим назначили Александра Щиблетова. Директор совхоза, напутствуя отъезжающих, пошутил:

– Значит, Щиблетов... ты, значит, теперь Христос, а это – твои апостолы.

«Апостолы» засмеялись. «Христос» сдержанно, с достоинством улыбнулся. И тут же, в конторе, показал, что его не зря назначили старшим.

– Сбор завтра в семь ноль-ноль, возле школы, – сказал он серьезно. – Не опаздывать. Ждать никого не будем.

Директор посмотрел на него несколько удивленно, «апостолы» переглянулись между собой... Щиблетов сказал директору «до свидания» и вышел из конторы с видом человека, выполняющего неприятную обязанность, но которую, он понимает, выполнять надо.

– Вот, значит, э-э... чтобы все было в порядке, – сказал директор. – Через недельку приеду попроведаю вас.

«Апостолы» вышли из конторы и, прежде чем разойтись по домам, остановились покурить в коридоре. Потолковали немного.

– Щиблетов-то!.. Понял? Уже – хвост трубой!

– Да-а... Любит это дело, оказывается.

– Разок по букварю угодить чем-нибудь – враз разлюбит, – высказался Славка Братусь, маленький мужичок, с маленьким курносим лицом, муж горбатой жены.

– Ты лучше иди делай восхождение на Эльбрус, – мрачновато посоветовал Славке Борис Куликов, грузный, медлительный, славный своим бесстрашием, которое дважды приводило его на скамью подсудимых.

– А ты иди похмелись, – огрызнулся Славка.

– Золотые слова и вовремя сказаны, – прогудел Борис и отвалил в сторону сельмага.

Разошлись, и все – кто куда.

В семь ноль-ноль к школе пришел один Щиблетов. Он был в бурках, в галифе, в суконной «москвичке» (полупальто на теплой подкладке, с боковыми карманами), в кожаной шапке. Морозец стоял крепкий: Щиблетов ходил около машины с крытым верхом, старался не ежиться. Место он себе предусмотрительно занял в кабине, положив узел на сиденье.

Щиблетов Александр Захарович – сорокалетний мужчина, из первых партий целинников, оставшийся здесь, кажется, навсегда. Он сразу взял ссуду и поставил домик на берегу реки. В летние месяцы к нему приезжала жена... или кто она ему – непонятно. По паспорту – жена, на деле – какая же это жена, если живет с мужем полтора месяца в году? Сельские быди не понимали этого, но с расспросами не лезли. Редко кто по пьяному делу интересовался:

– Как вы так живете?

– Так... – неохотно отвечал Щиблетов. – Она на приличном месте работает, не стоит уходить.

Темнил что-то мужичок, а какие мысли скрывал, бог его знает. За эту скрытность его недолюбливали. Он был толковый автослесарь, не пил, правильно выступал на собраниях, любил выступать, готовился к выступлениям, выступая, приводил цифры, факты. фамилии, правда, называл осторожно, больше напирал на то, что «мы сами во многом виноваты...» С начальством был сдержанно-вежлив. Не подхалимничал, нет, а все как будто чего-то ждал большего, чем только красоваться на Доске почета.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Старшим его назначили впервые.

– Не спешат друзья, – сказал Щиблетов.

– Придут, – беспечно откликнулся шофер и сладко, с хрустом потянулся. И завел мотор. – Иди погрейся, что ты там топчешься.

– Придут-то, я знаю, что придут, – Щиблетов полез в кабину, – но было же сказано: в семь ноль-ноль.

– Счас придут. Ты за бригадира, что ли?

– Да.

– Счас придут. Вон они!..

Стали подходить «апостолы». Щиблетов вылез из кабины.

– Друзья!.. – Он выразительно постучал ногтем указательного пальца по стеклышку часов и покачал головой.

– Успеем, – успокоили его.

Куликов пришел последним. Он, видно, хорошо опохмелился на дорожку, настроение приподнятое.

– Здорово, орлы! – приветствовал он всех. И отдельно Щиблетову: – Но не те, которые летают, а которые.. это самое клюют.

– Залезайте, – несколько даже брезгливо велел Щиблетов.

– Зале-езем, куда мы денемся, – гудел Куликов, не – обратив внимания на брезгливость Щиблетова. – Залезем.. за милую душу.

– Ко всем обращаюсь! – возвысил голос Щиблетов, глядя в кузов через задний борт. – Чтобы вот такого больше не повторялось!

У «апостолов» вытянулись лица – чего не повторялось?

– Я предупредил вчера: отъезд в семь ноль-ноль. Сейчас.. без четверти восемь. Каждое опоздание буду фиксировать. Ясно?

«Апостолы» от изумления потеряли дар речи.. Смотрели на Щиблетова. Щиблетов не стал дожидаться, пока они своими чалдонскими мозгами сообразят, что ответить, скрипуче повернулся, кашлянул в кулак и пошел в кабину.

– Поехали.

Поехали.

– Куликов частенько закладывает? – поинтересовался Щиблетов.

– А ты спроси у него, – невежливо ответил шофер. – Он ответит.. Что за манера – справки наводить! Рядом же человек, живой – спрашивай.

Щиблетов промолчал. Смотрел вперед на дорогу, серьезный и озабоченный.

На выезде из села, у чайной, в кабину застучали.

– Чего они? – встревожился Щиблетов.

– Погреться хотят. – Шофер подрулил к чайной. – Это здесь тепло, а в кузове продерет – дорога длинная.

– Не останавливайся! – строго сказал Щиблетов.

Шофер посмотрел на него, засмеялся, ничего не сказал, вылез из кабины, крепко

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru хлопнув дверцей. Из кузова выпрыгивали, весело галдели, направляясь к дверям чайной.

Щиблетов вдруг тоже выскочил из кабины и скорым шагом, обогнав «апостолов», зашел в чайную. Чайная только открылась, в ней было еще прохладно, но в углу с гулом и треском топилась печь, пахло дымком и отогретыми сосновыми поленьями, которые большой кучей лежали перед печкой и парили, и парок тот, плавно загибаясь, уплывал в приоткрытую дверцу.

Буфетчица Галя, молодая аппетитная женщина, улыбочивая, черноглазая, увидев в окно знакомых мужиков и парней, сказала весело:

– Орава идет.

Она удивилась, когда Щиблетов, стремительно подойдя к стойке, приказал:

– Водку не продавать. В крайнем случае – по стакану красного.

Ввалилась орава. Загалдели.

Кто-то вслух прочитал укоряющую надпись на большом щите: «Напился пьяный – сломал деревцо: стыдно людям смотреть в лицо!»

Над надписью – рисунок: безобразный алкаш сломал тоненькую березку и сидит плачет.

– Горюет!.. Жалко.

– Тут голову ломаешь, и то никому не жалко, – сказал Борька Куликов, отсчитывая на огромной ладони рубль с мелочью – на стакан водки.

С Галей весело здоровались, рылись в карманах.

– Мужики, а водки не велено вам продавать. – Хитрая Галя нарочно сказала это громко, чтоб сразу все слышали.

– Кто? – спросили в несколько голосов.

– А вот... товарищ... Я не знаю, кто он над вами, – не велел продавать.

– Друзья, – обратился ко всем Щиблетов, – разрешаю по стакану красного!.. Традиции перед дорогой не будем нарушать, но обойдемся красненьким.

Борька Куликов как считал на ладони мелочь, так, не поднимая головы, уставился на Щиблетова – никак не мог уразуметь, что он такое говорит.

– Чево, чево?

– Водку пить не разрешаю.

Борька сунул деньги в карман и двинулся на Щиблетова. Так примерно он зарабатывал себе срок. Причем его не интересовало, сколько перед ним человек: один или семеро. Щиблетова подхватил под руку Иван Чернов, из мужиков постарше, и повел из чайной. На крыльце Щиблетов вспомнил, что он тоже, черт возьми, мужчина: отнял руку...

– А в чем дело, вообще-то? Он что, чокнутый на одно ухо?

– Пошли, – сказал Иван, увлекая его к машине. – А то он так чокнет, что получится – на два уха с лишним. Садись в кабину и сиди. И не строй из себя. По сто пятьдесят все выпьют... Я тоже.

– Что, дома, что ли, не могли выпить?

– Дома не могли. Тебе хорошо – один живешь... Сиди, не рыпайся – лучше будет.

Почти всю дорогу потом Щиблетов молчал, смотрел вперед. В кузове Борька Куликов орал:

К нам в гавань заходили корабли;
Уютна и прекрасна наша гавань.
В таверне веселились моряки
И пили за здоровье атамана!

– Валенок сибирский, – зло и насмешливо прошептал Щиблетов. – В таверне!.. Хоть бы знал, что это такое.

А в кузове угрожающе нарастало:

И в воздухе блеснуло два ножа:
– Эх, братцы, он не наш, не с океана!
– Мы, Гари, посчитаемся с тобой! –
Раздался пьяный голос атамана.

– Посчитайся, посчитайся, – шептал Щиблетов.

Как приехали на место, поскидали барахло в избушку, затопили печь, Щиблетов объявил:

– Сейчас проведем коротенькое производственное собрание!

Щиблетова приготовились слушать, расселись на нарах – собрание есть собрание, дело такое. Щиблетов положил на стол тетрадь, авторучку (заранее приготовил), покашлял в кулак.

– Я попрошу шофера пока не уезжать – отвезешь протокол... Я думаю, что я его сам составлю. Возражений нет?

– Валяй.

Щиблетов еще покашлял в кулак.

– На повестке дня нашего собрания два вопроса. Буду по порядку. Первый вопрос: наша задача в связи с предстоящей работой по заготовке леса. Вы знаете, товарищи, что лес мы должны повалить, очистить от сучков... В общем, приготовить его к весеннему сплаву. Нам дается срок – четыре недели, месяц. В связи с этим я предлагаю взять на себя сообразительство и повалить необходимое количество леса за две с половиной недели...

– Вон как!

– Что эт тебе, бабу повалить?

– Как получится, так получится! Для чего раньше времени трепаться?

Щиблетов помахал рукой, успокаивая мужиков.

– Спокойно, спокойно. Поясню: хоть мы и небольшой коллектив и находимся на приличном расстоянии от основной базы, это все равно остается наш коллектив, со своей дисциплиной, со своей маленькой, но системой планирования. И нам никто не позволит ломать эту систему. Предлагаю голосовать.

Проголосовали. Приняли.

– Перехожу ко второму вопросу, – продолжал Щиблетов, воодушевленный правильным ходом собрания. – Вопрос о Куликове.

В избушке стало тихо.

Сам Куликов задремал было, пригревшись у печки, но тут встряхнулся, тоже уставился на Щиблетова.

– Формулирую: Куликов сразу же, с первых шагов неправильно повел себя в нашем коллективе. Я сам не святой, но существует предел всякому безобразию. Куликов об этом забыл. Мы ему напомним. Есть нормы поведения советских людей, и нам никто не позволит нарушать их. – Щиблетов набирал высоту: речь его текла свободно, он даже расстегнулся и снял «москвичку». – Представьте себе другое положение: мы дрейфует на льдине. И среди нас завелся один... субъект, который мутит воду. Все

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru горят желанием взять правильный курс, а этот субъект явно тормозит. И подбивает других. Ставлю вопрос честно и открыто: что делать с этим субъектом?

– В воду! – подсказал Славка Братусь.

– В воду! – подхватил Щиблетов. – Для того, чтобы всем спастись и взять правильный курс, необходимо вырвать из сердца всякую жалость и столкнуть ненужный элемент в воду.

Потом, вспоминая это собрание, мужики говорили, что они не успели «глазом моргнуть», «опомниться»... Врали, черти. То есть не то чтоб сознательно врали – вводили в заблуждение, а отдавали должное быстроте, с какой Борька Куликов оказался возле Щиблетова и с вопросом: «Это меня – в воду?» – навесил ему три пудовых оплеухи. Щиблетов успел крикнуть: «Дурак, это ораторский прием!» Но остановить Борькины кулаки он не мог. Борьку остановили мужики, да и то когда навалились все.

Щиблетов уехал с шофером обратно в село и больше не приезжал. Приезжал директор совхоза, дал всем разгон, а Куликову сказал, чтобы он «сушил сухари» – дескать, будет суд. Но в субботу лесорубам привозили харчи и передали, что Щиблетов в суд не подал, а подал директору... протокол собрания, где в точности записана речь, за которую он пострадал.

Алеша Бесконвойный

Его и звали-то – не Алеша, он был Костя Валиков, но все в деревне звали его Алешей Бесконвойным. А звали его так вот за что: за редкую в наши дни безответственность, неуправляемость. Впрочем, безответственность его не простиралась беспредельно: пять дней в неделю он был безотказный работник, больше того – старательный работник, умелый (летом он пас колхозных коров, зимой был скотником – кочегарил на ферме, случалось – ночное дело – принимал телят), но наступала суббота, и тут все: Алеша выпрягался. Два дня он не работал в колхозе: субботу и воскресенье. И даже уж и забыли, когда это он завел себе такой порядок, все знали, что этот преподобный Алеша «сроду такой» – в субботу и в воскресенье не работает. Пробовали, конечно, повлиять на него, и не раз, но все без толку. Жалели вообще-то: у него пятеро ребятшек, из них только старший добрался до десятого класса, остальной чеснок сидел где-то еще во втором, в третьем, в пятом... Так и махнули на него рукой. А что сделаешь? Убеждай его, не убеждай – как об стенку горох. Хлопает глазами... «Ну, понял, Алеша?» – спросят. «Чего?» – «Да нельзя же позволять себе такие вещи, какие ты себе позволяешь! Ты же не на фабрике работаешь, ты же в сельском хозяйстве! Как же так-то? А?» – «Чего?» – «Брось дурачка из себя строить! Тебя русским языком спрашивают: будешь в субботу работать?» – «Нет. Между прочим, насчет дурачка – я ведь могу тоже... дам в лоб разок, и ты мне никакой статьи за это не найдешь. Мы тоже законы знаем. Ты мне – оскорбление словом, я тебе – в лоб: считается – взаимность». Вот и поговори с ним. Он даже на собрания не ходил в субботу.

Что же он делал в субботу?

В субботу он топил баню. Все. Больше ничего. Накалял баню, мылся и начинал париться. Парился, как ненормальный, как паровоз, – по пять часов парился! С отдыхом, конечно, с перекурком... Но все равно – это же какой надо иметь организм! Конский?

В субботу он просыпался и сразу вспоминал, что сегодня – суббота. И сразу у него распускалась в душе тихая радость. Он даже лицом светлел. Он даже не умывался, а шел сразу во двор – колоть дрова.

У него была своя наука – как топить баню. Например, дрова в баню шли только березовые: они дают после себя стойкий жар. Он колот их аккуратно, с наслаждением...

Вот, допустим, одна такая суббота.

Погода стояла как раз скучная – зябко было, сыро, ветрено – конец октября. Алеша такую погоду любил. Он еще ночью слышал, как пробрызнул дождик – постучало мягко, мелко в стекла окон – и перестало. Потом в верхнем правом углу дома, где всегда гудело, загудело – ветер наладился. И ставни пошли дергаться. Потом ветер

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
поутих, но все равно утром еще потягивал – снеговой, холодный.

Алеша вышел с топором во двор и стал выбирать березовые кругляши на расколку. Холод полез под фуфайку... Но Алеша пошел махать топориком и согрелся.

Он выбирал из поленницы чурки потолще... Выберет, возьмет ее, как поросенка, на руки и несет к дровосеке.

– Ишь ты... какой, – говорил он ласково чурбаку. – Атаман какой... – Ставил этого «атамана» на широкий пень и тюкал по голове.

Скоро он так натюкал большой ворох... Долго стоял и смотрел на этот ворох. Белизна и сочность, и чистота сокровенная поленьев, и дух от них – свежий, нутряной, чуть стылый, лесовой...

Алеша стаскал их в баню, аккуратно склал возле каменки. Еще потом будет момент – разжигать, тоже милое дело. Алеша даже волновался, когда разжигал в каменке. Он вообще очень любил огонь.

Но надо еще наносить воды. Дело не столько милое, но и противного в том ничего нет. Алеша старался только поскорей натаскать. Так семенил ногами, когда нес на коромысле полные ведра, так выгибался длинной своей фигурой, чтобы не плескаться из ведер, смех смотреть. Бабы у колодца всегда смотрели. И переговаривались.

– Ты глянь, глянь, как пружинит! Чисто акробат!..

– И не плескает ведь!

– Да куда так несется-то?

– Ну, баню опять топит...

– Да рано же еще!

– Вот – весь день будет баней заниматься. Бесконвойный он и есть... Алеша.

Алеша наливал до краев котел, что в каменке, две большие кадки и еще в оцинкованную ванну, которую он купил лет пятнадцать назад, в которой по очереди перекупались все его младенцы. Теперь он ее приспособил в баню. И хорошо! Она стояла на полке, с краю, места много не занимала – не мешала париться, – а вода всегда под рукой. Когда Алеша особенно заходил на полке, когда на голове волосы трещали от жары, он курял голову прямо в эту ванну.

Алеша натаскал воды и сел на порожек покурить. Это тоже дорогая минута – посидеть покурить. Тут же Алеша любил оглядеться по своему хозяйству в предбаннике и в сарайчике, который пристроен к бане – продолжал предбанник. Чего только у него там не было! Старые литовки без черенков, старые грабли, вилы... Но был и верстачок, и был исправный инструмент: рубанок, ножовка, долота, стамески... Это все – на воскресенье, это завтра он тут будет упражняться.

В бане сумрачно и неуютно пока, но банный терпкий, холодный запах разбавился уже запахом березовых поленьев – тонким, еле уловимым – это предвестье скорого праздника. Сердце Алеши нет-нет да подмывает радость – подумает: «Сча-ас». Надо еще вымыть в бане: даже и этого не позволял делать Алеша жене – мыть. У него был заготовлен голичок, песочек в баночке... Алеша снял фуфайку, засучил рукава рубахи и пошел пластать, пошел драить. Все перемыл, все продрал голиком, окатил чистой водой и протер тряпкой. Тряпку ополоснул и повесил на сучок клена, клен рос рядом с баней. Ну, теперь можно и затопить. Алеша еще разок закурил... Посмотрел на хмурое небо, на унылый далекий горизонт, на деревню... Ни у кого еще баня не топилась. Потом будут, к вечеру, – на скорую руку, кое-как, пых-пых... Будут глотать горький чад и париться. Напарится не напарится – угорит, придет, хлястнется на кровать, еле живой – и думает, это баня. Хэх!.. Алеша бросил окурок, вдавил его сапогом в мокрую землю и пошел топить.

Поленья в каменке он клал, как и все кладут: два – так, одно – так, поперек, а потом сверху. Но там – в той амбразуре-то, которая образуется-то, – там кладут обычно лучины, бумагу, керосином еще навадились теперь обливать, – там Алеша ничего не клал: то полено, которое клал поперек, он его посередке ершил топором,

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru и все, и потом эти заструги поджигал – загоралось. И вот это тоже очень волнующий момент – когда разгорается. Ах, славный момент! Алеша присел на корточки перед каменной и неотрывно смотрел, как огонь, сперва маленький, робкий, трепетный, – все становится больше, все надежней. Алеша всегда много думал, глядя на огонь. Например: «Вот вы там хотите, чтобы все люди жили одинаково... Да два полена и то сгорают неодинаково, а вы хотите, чтоб люди прожили одинаково!» Или еще он сделал открытие: человек, помирая – в конце в самом, – так вдруг захочет жить, так обнадеемся, так возрадуется какому-нибудь лекарству!.. Это знают. Но точно так и палка любая: догорая, так вдруг вспыхнет, так озарится вся, такую выкинет шапку огня, что диву даешься: откуда такая последняя сила?

Дрова хорошо разгорелись, теперь можно пойти чайку попить.

Алеша умылся из рукомойника, вытерся и с легкой душой пошел в дом.

Пока он занимался баней, ребяташки, один за одним, ушлепали в школу. Дверь – Алеша слышал – то и дело хлопала, и скрипели воротца. Алеша любил детей, но никто бы никогда так не подумал – что он любит детей: он не показывал. Иногда он подолгу внимательно смотрел на какого-нибудь, и у него в груди ныло от любви и восторга. Он все изумлялся природе: из чего получился человек?! Ведь не из чего, из малой какой-то малости. Особенно он их любил, когда они были еще совсем маленькие, беспомощные. Вот уж, правда что, стебелек малый: давай цепляйся теперь изо всех: силенок, карабкайся. Впереди много всякого будет – никаким умом вперед не скинешь. И они растут, карабкаются. Будь на то Алешина воля, он бы еще пятерых смастерил, но жена устала.

Когда пили чай, поговорили с женой.

– Холодно как уж стало. Снег, гляди, выпадет, – сказала жена.

– И выпадет. Оно бы и ничего, выпал-то, – на сырую землю.

– Затопил?

– Затопил.

– Кузьмовна заходила... Денег занять.

– Ну? Дала?

– Дала. До среды, говорит, а там, мол, за картошку получит...

– Ну и ладно. – Алеше нравилось, что у них можно, например, занять денег – все как-то повеселей в глаза людям смотришь. А то наладились: «Бесконвойный, Бесконвойный». Глупые. – Сколько попросила-то?

– Пятнадцать рублей. В среду, говорит, за картошку получим...

– Ну и ладно. Пойду продолжать.

Жена ничего не сказала на это, не сказала, что иди, мол, или еще чего в таком духе, но и другого чего – тоже не сказала. А раньше, бывало, говорила, до ругани дело доходило: надо то сделать, надо это сделать – не день же целый баню топить! Алеша и тут не уступил ни на волос: в субботу только баня. Все. Гори все синим огнем! Пропади все пропадом! «Что мне, душу свою на куски порезать?!» – кричал тогда Алеша не своим голосом. И это испугало Таисью, жену. Дело в том, что старший брат Алешы, Иван, вот так-то застрелился. А довела тоже жена родная: тоже чего-то ругались, ругались, до того доругались, что брат Иван стал биться головой об стенку и приговаривать: «Да до каких же я пор буду мучиться-то?! До каких?! До каких?!» Дура жена вместо того, чтобы успокоить его, взяла да еще подъялдыкнула: «Давай, давай... Сильней! Ну-ка, лоб крепче или стенка?» Иван сгреб ружье... Жена брякнулась в обморок, а Иван полыхнул себе в грудь. Двое детей осталось. Тогда-то Таисья и предупредила: «Смотри... а то – не в роду ли это у их». И Таисья отступилась.

Напившись чаю, Алеша покурил в тепле, возле печки, и пошел опять в баню.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
А баня всю топилась.

Из двери ровно и сильно, похоже, как река заворачивает, валил, плавно загибаясь кверху, дым. Это первая пора, потом, когда в каменке накопится больше жару, дыму станет меньше. Важно вовремя еще подкинуть: чтоб и не на угли уже, но и не набить тесно – огню нужен простор. Надо, чтоб горело вольно, обильно, во всех углах сразу. Алеша подлез под поток дыма к каменке, сел на пол и несколько времени сидел, глядя в горячий огонь. Пол уже маленько нагрелся, парит; лицо и коленки достаёт жаром, надо прикрываться. Да и сидеть тут сейчас нежелательно: можно словить незаметно угару. Алеша умело пошевелил головешки и вылез из бани. Дел еще много: надо заготовить веник, надо керосину налить в фонарь, надо веток сосновых наготовить... Напевая негромко нечто неопределенное – без слов, голосом, Алеша слезал на потолок бани, выбрал там с жердочки веник поплотнее, потом наскочил на дровосеке сосновых лап поровней, без сучков, сложил кучкой в предбаннике. Так, это есть. Что еще? фонарь!.. Алеша нырнул опять под дым, вынес фонарь, поболтал – надо долить. Есть, но.. чтоб уж потом ни о чем не думать. Алеша все напевал... Какой желанный покой на душе, господи! Ребятишки не болеют, ни с кем не ругался, даже денег взаймы взяли... Жизнь: когда же самое главное время ее? Может, когда воюют? Алеша воевал, был ранен, поправился, довоевал и всю жизнь потом с омерзением вспоминал войну. Ни одного потом кинофильма про войну не смотрел – тошно. И удивительно на людей – сидят смотрят! Никто бы не поверил, но Алеша серьезно вдумывался в жизнь: что в ней за тайна, надо ее жалеть, например, или можно помирать спокойно – ничего тут такого особенного не осталось? Он даже напрягал свой ум так: вроде он залетел – высоко-высоко – и оттуда глядит на землю... Но понятней не становилось: представлял своих коров на поскотине – маленькие, как букашки... А про людей, про их жизнь озарения не было. Не озаряло. Как все же: надо жалеть свою жизнь или нет? А вдруг да потом, в последний момент, как заорешь – что вовсе не так жил, не то делал? Или так не бывает? Помирают же другие – ничего: тихо, мирно. Ну, жалко, конечно, грустно: не так уж тут плохо. И вспоминал Алеша, когда вот так вот подступала мысль, что здесь не так уж плохо, – вспоминал он один момент в своей жизни. Вот какой. Ехал он с войны... Дорога дальняя – через всю почти страну. Но ехали звонко – так-то ездил бы. На одной какой-то маленькой станции, еще за Уралом, к Алеше подошла на перроне молодая женщина и сказала:

– Слушай, солдат, возьми меня – вроде я твоя сестра... Вроде мы случайно здесь встретились. Мне срочно ехать надо, а никак не могу уехать.

Женщина тыловая, довольно гладкая, с родинкой на шее, с крашеными губами... Одета хорошо. Ротик маленький, пушок на верхней губе. Смотрит – вроде пальцами трогает Алешу, гладит. Маленько вроде смущается, но все же очень бессовестно смотрит, ласково. Алеша за всю войну не коснулся ни одной бабы... Да и до войны-то тоже – горе: на вечеринках только целовался с девками. И все. А эта стоит, смотрит странно... У Алеши так заломило сердце, так он взволновался, что и оглох, и рот свело.

Но, однако, поехали.

Солдаты в вагоне тоже было взволновались, но эта, ласковая-то, так прилипла к Алеше, что и подступаться как-то неловко. А ей ехать близко, оказывается: через два перегона она уж и приехала. А дело к вечеру. Она грустно так говорит:

– Мне от станции маленько идти надо, а я боюсь. Прямо не знаю, что делать...

– А кто дома-то? – разлепил рот Алеша.

– Да никого, одна я.

– Ну, так я провожу, – сказал Алеша.

– А как же ты? – удивилась и обрадовалась женщина.

– Завтра другим эшелонам поеду... Мало их!

– Да, их тут каждый день едет... – согласилась она.

И они пошли к ней домой. Алеша захватил, что вез с собой: две пары сапог офицерских, офицерскую же гимнастерку, ковер немецкий, и они пошли. И этот-то

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
путь до ее дома, и ночь ту грешную и вспоминал Алеша. Страшная сила – радость не радость – жар и немота, и ужас сковали Алешу, пока шли они с этой ласковой... Так было томительно и тяжело, будто прогретое за день июньское небо – опустилось, и Алеша еле передвигал пудовые ноги, и дышалось с трудом, и в голове все сплуснулось. Но и теперь все до мелочи помнил Алеша. Аля, так ее звали, взяла его под руку... Алеша помнил, какая у нее была рука – мякотькая, теплая под шершавеньким крепдешинком. Какого цвета платье было на ней, он, правда, не помнил, но колючечки остренькие этого крепдешина, некую его теплую шершавость он всегда помнил, и теперь помнит. Он какой-то и колючий, и скользкий, этот крепдешин. И часики у нее на руке помнил Алеша – маленькие (трофейные), узенький ремешок врезался в мякоть руки. Вот то-то и оглушило тогда, что женщина сама – просто, доверчиво – взяла его под руку и пошла потом прикасаться боком своим мякотьким к нему... И тепло это – под рукой ее – помнил же. Да... Ну, была ночь. Утром Алеша не обнаружил ни Али, ни своих шмоток. Потом уж, когда Алеша ехал в вагоне (документы она не взяла), он сообразил, что она тем и промышляла, что встречала эшелоны и выбирала солдатиков поглупей. Но вот штука-то – спроси она тогда утром: отдай, мол, Алеша, ковер немецкий, отдай гимнастерку, отдай сапоги – все отдал бы. Может, пару сапог оставил бы себе.

Вот ту Алю крепдешинovou и вспоминал Алеша, когда оставался сам с собой, и усмеялся. Никому никогда не рассказывал Алеша про тот случай, а он ее любил, Алю-то. Вот как.

Дровишки прогорели... Гора, золотая, горячая, так и дышала, так и валил жар. Огненный зев нет-нет да схватывал синий огонек... Вот он – угар. Ну, давай теперь накаляйся все тут – стены, полки, лавки... Потом не притронешься.

Алеша накидал на пол сосновых лап – такой будет потом Ташкент в лесу, такой аромат от этих веток, такой вольный дух, черт бы его побрал, – славно! Алеша всегда хотел не суетиться в последний момент, но не справлялся. Походил по ограде, прибрал топор... Сунулся опять в баню – нет, угарно.

Алеша пошел в дом.

– Давай бельишко, – сказал жене, стараясь скрыть свою радость – она почему-то всех раздражала, эта его радость субботняя. Черт их тоже поймет, людей: сами ворочают глупость за глупостью, не вылезает из глупостей, а тут, видите ли, удивляются, фыркают, не понимают.

Жена Таисья молчком открыла ящик, усунулась под крышку... Это вторая жена Алеши. Первая, Соня Полосухина, умерла. От нее детей не было. Алеша меньше всего про них думал: и про Соню, и про Таисью. Он разболелся до нижнего белья, посидел на табуретке, подобрав поближе к себе босые ноги, испытывая в этом положении некую приятность. Еще бы закурить... Но курить дома он отвык давно уж – как пошли детишки.

– Зачем Кузьмовне деньги-то понадобились? – спросил Алеша.

– Не знаю. Да кончились – от и понадобились. Хлеба небось не на что купить.

– Много они картошки-то сдали?

– Веза два отвезли... Кулей двадцать.

– Огребут денюжат!

– Огребут. Все копят... Думаешь, у их на книжке нету?

– Как так нету! У Соловьевых да нету!

– Кальсоны-то потеплей дать? Или бумажные пока?..

– Давай бумажные, пока еще не так ниже.

– На.

Алеша принял свежее белье, положил на колени, посидел еще несколько, думая, как там сейчас в бане.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Так... Ну, ладно.

– У Кольки ангина опять.

– Зачем же в школу отпустила?

– Ну... – Таисья сама не знала, зачем отпустила. – Чего будет пропускать. И так-то учится – через пень-колоду.

– Да... – Странно, Алеша никогда всерьез не переживал болезнь своих детей, даже когда они тяжело болели, – не думал о плохом. Просто как-то не приходила эта мысль. И ни один, слава богу, не помер. Но зато как хотел Алеша, чтоб дети его выучились, уехали бы в большой город и возвысились там до почета и уважения. А уж летом приезжали бы сюда, в деревню, Алеша суетился бы возле них – возле их жен, мужей, детишек ихних... Ведь никто же не знает, какой Алеша добрый человек, заботливый, а вот те, городские-то, сразу бы это заметили. Внучатки бы тут бегали по ограде... Нет, жить, конечно, имеет смысл. Другое дело, что мы не всегда умеем. И особенно это касается деревенских долбаков – вот уж упрямый народишко! И возьми даже своих ученых людей – агрономов, учителей: нет зазнавитее человека, чем свой, деревенский же, но который выучился в городе и опять приехал сюда. Ведь она же идет, она же никого не видит! Какого бы она малого росточка ни была, а все норовит выше людей глядеть. Городские, те как-то умеют, собаки, и культуру свою показать, и никого не унижить. Он с тобой, наоборот, первый поздоровается.

– Так... Ну, ладно, – сказал Алеша. – Пойду.

И Алеша пошел в баню.

Очень любил он пройти из дома в баню как раз при такой погоде, когда холодно и сыро. Ходил всегда в одном белье, нарочно шел медленно, чтоб озябнуть. Еще находил какое-нибудь заделье по пути: собачью цепь распутает, пойдет воротца хорошенько прикроет... Это чтоб покрепче озябнуть.

В предбаннике Алеша разделся донага, мельком оглядел себя – ничего, крепкий еще мужик. А уж сердце заныло – в баню хочет. Алеша усмехнулся на свое нетерпение. Еще побыл маленько в предбаннике... Кожа покрылась пупырышками, как тот самый крепдешин, хэ-х... Язви тебя в душу, чего только в жизни не бывает! Вот за что и любил Алеша субботу: в субботу он так много размышлял, вспоминал, думал, как ни в какой другой день. Так за какие же такие великие ценности отдавать вам эту субботу? А?

Догоню, догоню, догоню,
Хабибу догоню!.. –
пропел Алеша негромко, открыл дверь и ступил в баню.

Эх, жизнь!.. Была в селе общая баня, и Алеша сходил туда разок – для ощущения. Смех и грех! Там как раз цыгане мылись. Они не мылись, а в основном пиво пили. Мужики ворчат на них, а они тоже ругаются: «Вы не понимаете, что такое баня!» Они – понимают! Хотя, впрочем, в такой-то бане, как общая-то, только пиво и пить сидеть. Не баня, а недоразумение какое-то. Хорошо еще не в субботу ходил; в субботу истопил свою и смыл к чертовой матери все воспоминания об общественной бане.

...И пошла тут жизнь – вполне конкретная, но и вполне тоже необъяснимая – до краев дорогая и родная. Пошел Алеша двигать тазы, ведра... – стал налаживать маленький Ташкент. Всякое вредное напряжение совсем отпустило Алешу, мелкие мысли покинули голову, вселилась в душу некая цельность, крупность, ясность – жизнь стала понятной. То есть она была рядом, за окошечком бани, но Алеша стал недотягивать для нее, для ее суетни и злости, он стал большой и снисходительный. И любил Алеша – от полноты и покоя – попеть пока, пока еще не налажился париться. Наливал в тазик воду, слушал небесно-чистый звук струи и незаметно для себя пел негромко. Песен он не знал: помнил только кое-какие деревенские частушки да обрывки песен, которые пели дети дома. В бане он любил помурлыкать частушки.

Погляжу я по народу –
Нет моего милого, –
спел Алеша, зачерпнул еще воды.

Кучерявый чуб большой,
Как у Ворошилова.
И еще зачерпнул, еще спел:

Истопила мама баню,
Посылает париться.
Мне, мамаша, не до бани –
Миленький венчается.
Навел Алеша воды в тазике... А в другой таз, с кипятком, положил пока веник –
распаривать. Стал мыться... Мылся долго, с остановками. Сидел на теплом полу, на
ветках, плескался и мурлыкал себе:

Я сама иду дорогой,
Моя дума – стороной.
Рано, милый, похвалился,
что я буду за тобой.
И точно плывет он по речке – плавной и теплой, а плывет как-то странно и хорошо
– сидя. И струи теплые прямо где-то у сердца.

Потом Алеша полежал на полке – просто так. И вдруг подумал: а что, вытянусь вот
так вот когда-нибудь... Алеша даже и руки сложил на груди и полежал так малое
время. Напрягся было, чтоб увидеть себя, подобного, в гробу. И уже что-то такое
начало мерещиться – подушка вдавленная, новый пиджак... Но душа воспротивилась
дальше, Алеша встал и, испытывая некое брезгливое чувство, окатил себя водой. И
для бодрости еще спел:

Эх, догоню, догоню, догоню,
Хабибу до-го-ню!

Ну ее к черту! Придет – придет, чего раньше времени тренироваться! Странно,
однако же: на войне Алеша совсем не думал про смерть – не боялся. Нет, конечно,
укрывался от нее, как мог, но в такие вот подробности не входил. Ну ее к лешему!
Придет – придет, никуда не денешься. Дело не в этом. Дело в том, что этот
праздник на земле – это вообще не праздник, не надо его и понимать, как
праздник, не надо его и ждать, а надо спокойно все принимать и «не суетиться
перед клиентом». Алеша недавно услышал анекдот о том, как опытная сводня учила в
бардаке своих девок: «Главное, не суетиться перед клиентом». Долго Алеша смеялся
и думал: «Верно, суетимся много перед клиентом». Хорошо на земле, правда, но и
прыгать козлом – чего же? Между прочим, куда радостнее бывает, когда радость эту
не ждешь, не готовишься к ней. Суббота – это другое дело, субботу он как раз
ждет всю неделю. Но вот бывает: плохо с утра, вот что-то противно, а выйдешь с
коровами за село, выглянет солнышко, загорится какой-нибудь куст тихим огнем
сверху... И так вдруг обогреет тебя неожиданная радость, так хорошо сделается, что
станешь и стоишь, и не заметишь, что стоишь и улыбаешься. Последнее время Алеша
стал замечать, что он вполне осознанно любит. Любит степь за селом, зарю, летний
день... То есть он вполне понимал, что он – любит. Стал случаться покой в душе –
стал любить. Людей труднее любить, но вот детей и степь, например, он любил все
больше и больше.

Так думал Алеша, а пока он так думал, руки делали. Он вынул распаренный душистый
веник из таза, сполоснул тот таз, навел в нем воды попрохладней... Дальше
зачерпнул ковш горячей воды из котла и кинул на каменку – первый, пробный.
Каменка ахнула и пошла шипеть и клубиться. Жар вцепился в уши, полез в горло...
Алеша присел, переждал первый натиск и потом только взобрался на полку. Чтобы
доски полка не поджигали бока и спину, окатил их водой из тазика. И зашуршал
веничком по телу. Вся-то ошибка людей, что они сразу начинают что есть силы
охлаждать себя веником. Надо сперва почесать себя – походить веником вдоль
спины, по бокам, по рукам, по ногам... Чтобы он шепотком, шепотком, шепотком пока.
Алеша искусно это делал: он мелко тряс веник возле тела, и листочки его, точно
маленькие горячие ладошки, касались кожи, раззадоривали, вызывали неистовое
желание сразу исхлестаться. Но Алеша не допускал этого, нет. Он ополоснулся,
полежал... Кинул на каменку еще полковша, подержал веник над каменкой, над паром,
и поприкладывал его к бокам, под колени, к пояснице... Спустился с полка,
приоткрыл дверь и присел на скамеечку покурить. Сейчас даже малые остатки
угарного газа, если они есть, уйдут с первым сырым паром. Каменка обсохнет,
камни снова накалятся, и тогда можно будет париться без опаски и вволю. Так-то,
милые люди.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
...Пришел Алеша из бани, когда уже темнеть стало. Был он весь новый, весь парил. Скинул калоши у порога и по свежим половичкам прошел в горницу. И прилег на кровать. Он не слышал своего тела, мир вокруг покачивался согласно сердцу.

В горнице сидел старший сын Борис, читал книгу.

– С легким паром! – сказал Борис.

– Ничего, – ответил Алеша, глядя перед собой. – Иди в баню-то.

– Сейчас пойду.

Борис, сын, с некоторых пор стал – не то что стыдиться, а как-то неловко ему было, что ли, – стал как-то переживать, что отец его – скотник и пастух. Алеша заметил это и молчал. По первости его глубоко обидело такое, но потом он раздумался и не показал даже вида, что заметил перемену в сыне. От молодости это, от больших устремлений. Пусть. Зато парень вымахал рослый, красивый, может, бог даст, и умишком возьмет. Хорошо бы. Вишь, стыдится, что отец – пастух... Эх, милый! Ну, давай, давай – целься повыше, глядишь, куда-нибудь и попадешь. Учится хорошо. Мать говорила, что уж и девчонку какую-то провожает... Все нормально. Удивительно вообще-то, но все нормально.

– Иди в баню-то, – сказал Алеша.

– Жарко там?

– Да теперь уж какой жар!.. Хорошо. Ну, жарко покажется, открой отдушину.

Так и не приучил Алеша сыновей париться: не хотят. В материну породу, в Коростылевых.

Он пошел собираться в баню, а Алеша продолжал лежать.

Вошла жена, склонилась опять над ящиком – достать белье сыну.

– Помнишь, – сказал Алеша, – Маня у нас, когда маленькая была, стишок сочинила:

Белая березка

Стоит под дождем,

Зеленый лопух ее накроет,

Будет там березке тепло и хорошо.

Жена откачнулась от ящика, посмотрела на Алешу... Какое-то малое время вдумывалась в его слова, ничего не поняла, ничего не сказала, усунулась опять в сундук, откуда тянуло нафталином. Достала белье, пошла в прихожую комнату. На пороге остановилась, повернулась к мужу.

– Ну и что? – спросила она.

– Что?

– Стишок-то сочинила... К чему ты?

– Да смешной, мол, стишок-то.

Жена хотела было уйти, потому что не считала нужным тратить теперь время на пустые слова, но вспомнила что-то и опять оглянулась.

– Боровишку-то загнать надо да дать ему – я намешала там. Я пойду ребятишек в баню собирать. Отдохни да сходи приберись.

– Ладно.

Баня кончилась. Суббота еще не кончилась, но баня уже кончилась.

«Раскас»

От Ивана Петина ушла жена. Да как ушла!.. Прямо как в старых добрых романах – сбежала с офицером.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Иван приехал из дальнего рейса, загнал машину в ограду, отомкнул избу... И нашел на столе записку:

«Иван, извини, но больше с таким пеньком я жить не могу. Не ищи меня. Людмила».

Огромный Иван, не оглянувшись, грузно сел на табуретку – как от удара в лоб. Он почему-то сразу понял, что никакая, это не шутка, это – правда.

Даже с его способностью все в жизни переносить терпеливо показалось ему, что этого не перенести: так нехорошо, больно сделалось под сердцем. Такая тоска и грусть взяла... Чуть не заплакал. Хотел как-нибудь думать и не мог – не думалось, а только больно ныло и ныло под сердцем.

Мелькнула короткая ясная мысль: «Вот она какая, большая-то беда». И все.

Сорокалетний Иван был не по-деревенски изрядно лыс, выглядел значительно старше своих лет. Его угрюмость и молчаливость не тяготили его, досадно только, что на это всегда обращали внимание. Но никогда не мог он помыслить, что мужика надо судить по этим качествам – всегда ли он весел и умеет ли складно говорить. «Ну а как же?!» – говорила ему та же Людмила. Он любил ее за эти слова еще больше... и молчал. «Не в этом же дело, – думал, – что я тебе, политрук?» И вот – на тебе, она, оказывается, правда горевала, что он такой молчаливый и неласковый.

Потом узнал Иван, как все случилось.

Приехало в село небольшое воинское подразделение с офицером – помочь смонтировать в совхозе электроподстанцию. Побыли-то всего с неделю!.. Смонтировали и уехали. А офицер еще и семью тут себе «смонтировал».

Два дня Иван не находил себе места. Пробовал напиться, но еще хуже стало – противно. Бросил. На третий день сел писать рассказ в районную газету. Он частенько читал в газетах рассказы людей, которых обидели ни за что.

Ему тоже захотелось спросить всех: как же так можно?!

Раскас

Значит было так: я приезжаю – на столе записка. Я ее не буду пирисказывать: она там обзывать началась. Главное я же знаю, почему она сделала такой финт ушами. Ей все говорили, что она похожа на какую-то артистку. Я забыл на какую. Но она дуручка не понимает: ну и что? Мало ли на кого я похожий, я и давай теперь скакать как блоха на зеркале. А ей когда говорили, что она похожа она прямо щастливая становилась. Она и в культ прасветшколу из-за этого пошла, она сама говорила. А еслив сказать кому што он на Гитлера похожий, то што ему тада остается делать: хватать ружье и стрелять всех подряд? У нас на фронте был один такой – вылитый Гитлер. Его потом куда-то в тыл отправили потому што нельзя так. Нет, этой все в город надо было. Там говорит меня все узнавать будут. Ну не дура! Она вобщем то не дура, но малость чокнутая нащет своей физиономии. Да мало ли красивых – все бы бегали из дому! Я же знаю, он ей сказал: «Как вы здорово похожи на одну артистку!» Она конечно вся засветилась... Эх, учили вас учили гусударство деньги на вас тратила, а вы теперь сяди на шею обчеству и радешеньки! А гусударство в убытке.

Иван остановил раскаленное перо, встал, походил по избе. Ему нравилось, как он пишет, только насчет государства, кажется, зря. Он подсел опять к столу, зачеркнул «гусударство». И продолжал:

...Эх вы!.. Вы думаете еслив я шофер, дак я ничего не понимаю? Да я вас наскрозь вижу! Мы государству пользу приносим вот этими самыми руками, которыми я счас пишу, а при стрече могу этими же самыми руками так засветить промеж глаз, што кое кто с неделю хворать будет. Я не угрожаю и нечего мне после этого пришивать, што я кому-то угрожал но при стрече могу разок угостить. А потому што это тоже неправильно: увидал бабенку более или менее ничего на мордочку и сразу подсыпаться к ней. Увирую вас хоть я и лысый, но кое кого тоже мог бы поприжать, потому што в рейсах всякие стречаются. Но однако я этого не делаю. А вдруг она чья нибудь жена? А они есть такие што может и промолчать про это. Кто же я буду перед мужиком, которому я рога надстроил! Я не лиходея людям.

Теперь смотрите што получается: вот она вильнула хвостом, уехала куда глаза

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru глядят. Так? Тут семья нарушена. А у ей есть полная уверенность, што она там наладит новую? Нету. Она всего навсего неделю человека знала, а мы с ей четыре года прожили. Не дура она после этого? А гусударство деньги на ее тратила – учила. Ну, и где же та учеба? Ее же плохому-то не учили. И родителей я ее знаю, они в соседнем селе живут хорошие люди. У ей между прочим брат тоже офицер старший лейтенант, но об ём слышно только одно хорошее. Он отличник боевой и политической подготовки. Откуда же у ей это пустозвонство в голове? Я сам удивляюсь. Я все для ей делал. У меня сердце к ей приросло. Каждый рас еду из рейса и у меня душа радуется: скоро увижу. И пожалуйста: мне надстраивают такие рога! Да черт с ей не вытерпела там такой ловкач попался, што на десять минут голову потиряла... Я бы как нибудь пережил это. Но зачем совсем то уезжать? Этого я тоже не понимаю. Как то у меня ни укладывается в голове. В жизни всяко бывает, бывает иной рас слабость допустил человек, но так вот одним разом всю жизнь рушить – зачем же так? Порушить-то ее легко но снова складать трудно. А уж ей самой – тридцать лет. Очень мне счас обидно, поэтому я пишу свой раскас. Еслив уж на то пошло у меня у самого три ордена и четыре медали. И я давно бы уж был ударником коммунистического труда, но у меня есть одна слабость: как выпью так начинаю материть всех. Это у меня тоже ни укладывается в голове, тверезый я совсем другой человек. А за рулем меня никто ни разу выпимши не видал и никогда не увидит. И при жене Людмиле я за все четыре года ни разу не матернулся, она это может подтвердить. Я ей грубого слова никогда не сказал. И вот пожалуста она же мне надстраивает такие прямые прямые рога! Тут кого хошь обида возьмет. Я тоже – не каменный.

С приветом.

Иван Петин. Шофер 1 класса.

Иван взял свой «раскас» и пошел в редакцию, которая была неподалеку.

Стояла весна, и от этого еще хуже было на душе: холодно и горько. Вспомнилось, как совсем недавно они с женой ходили этой самой улицей в клуб – Иван встречал ее с репетиций. А иногда провожал на репетицию.

Он люто ненавидел это слово «репетиция», но ни разу не выказал своей ненависти: жена боготворила репетиции, он боготворил жену. Ему нравилось идти с ней по улице, он гордился красивой женой. Еще он любил весну, когда она только-только подступала, но уже всю чувствовалась даже утрами, сердце сладко поднывало – чего-то ждалось. Весны и ждалось. И вот она наступила, та самая – нагая, раздрызганная и ласковая, обещающая земле скорое тепло, солнце... Наступила... А тут – глаза бы ни на что не глядели.

Иван тщательно вытер сапоги о замусоленный половичок на крыльце редакции и вошел. В редакции он никогда не был, но редактора знал: встречались на рыбалке.

– Агеев здесь? – спросил он у женщины, которую часто видел у себя дома и которая тоже бегала в клуб на репетиции. Во всяком случае, когда ему доводилось слушать их разговор с Людмилой, это были все те же «репетиция», «декорация». Увидев ее сейчас, Иван счел нужным не поздороваться; больно дернуло за сердце.

Женщина с любопытством и почему-то весело посмотрела на него.

– Здесь. Вы к нему?

– К нему... Мне надо тут по одному делу. – Иван прямо смотрел на женщину и думал: «Тоже небось кому-нибудь рога надстроила – веселая».

Женщина вошла в кабинет редактора, вышла и сказала:

– Пройдите, пожалуйста.

Редактор – тоже веселый, низенький... Несколько больше, чем нужно бы при его росте, полненький, кругленький, тоже лысый. Встал навстречу из-за стола.

– А?! – воскликнул он и показал на окно. – На нас, на нас времечко-то работает! Не пробовали еще переметами?..

– Нет. – Иван всем видом своим хотел показать, что ему не до переметов сейчас.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Я в субботу хочу попробовать. – Редактора все не покидало веселое настроение.
– Или не советуете? Просто терпения нет...

– Я раскас принес, – сказал Иван.

– Рассказ? – удивился редактор. – Ваш рассказ? О чем?

– Я тут все описал. – Иван подал тетрадку.

Редактор полистал ее... Посмотрел на Ивана. Тот серьезно и мрачно смотрел на него.

– Хотите, чтоб я сейчас прочитал?

– Лучше бы сейчас...

Редактор сел в кресло и стал читать. Иван остался стоять и все смотрел на веселого редактора и думал: «Наверно, у него тоже жена на репетиции ходит. А ему хоть бы что – пусть ходит! Он сам сумеет про эти всякие «декорации» поговорить. Он про все сумеет».

Редактор захохотал.

Иван стиснул зубы.

– Ах, славно! – воскликнул редактор. И опять захохотал, так что заколыхался его упругий животик.

– Чего славно? – спросил Иван.

Редактор перестал смеяться... Несколько даже смутился.

– Простите... Это вы о себе? Это ваша история?

– Моя.

– Кхм... Извините, я не понял.

– Ничего. Читайте дальше.

Редактор опять уткнулся в тетрадку. Он больше не смеялся, но видно было, что он изумлен и ему все-таки смешно. И чтоб скрыть это, он хмурил брови и понимающе делал губы «трубочкой». Он дочитал.

– Вы хотите, чтоб мы это напечатали?

– Ну да.

– Но это нельзя печатать. Это не рассказ...

– Почему? Я читал, так пишут.

– А зачем вам нужно это печатать? – Редактор действительно смотрел на Ивана сочувственно и серьезно. – Что это даст? Облегчит ваше... горе?

Иван ответил не сразу.

– Пускай они прочитают... там.

– А где они?

– Пока не знаю.

– Так она просто не дойдет до них, газетка-то наша!

– Я найду их... И pošлю.

– Да нет, даже не в этом дело! – Редактор встал и прошелся по кабинету. – Не в этом дело. Что это даст? Что, она опомнится и вернется к вам?

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Им совестно станет.

– Да нет! – воскликнул редактор. – Господи... Не знаю, как вам... Я вам сочувствую, но ведь это глупость, что мы сделаем! Даже если я отредактирую это.

– Может, она вернется.

– Нет! – громко сказал редактор. – Ах ты, господи!.. – Он явно волновался. – Лучше напишите письмо. Давайте вместе напишем?

Иван взял тетрадку и пошел из редакции.

– Подождите! – воскликнул редактор. – Ну давайте вместе – от третьего лица...

Иван прошел приемную редакции, даже не глянув на женщину, которая много знала о «декорациях», «репетициях»...

Он направился напрямик в чайную. Там взял полкило водки, выпил сразу, не закусывая, и пошел домой – в мрак и пустоту. Шел, засунув руки в карманы, не глядя по сторонам. Все как-то не наступало желанное равновесие в душе его. Он шел и молча плакал. Встречные люди удивленно смотрели на него... А он шел и плакал. И ему было не стыдно. Он устал.

Упорный

Все началось с того, что Моря Квасов прочитал в какой-то книжке, что вечный двигатель – невозможен. По тем-то и тем-то причинам – потому, хотя бы, что существует трение. Моря... Тут, между прочим, надо объяснить, почему – Моря. Его звали – Митька, Дмитрий, но бабка звала его – Митрий, а ласково – Мотька, Мотя. А уж дружки переделали в Моря – так проще, кроме того, непоседливому Митьке имя это, Моря, как-то больше шло, выделяло его среди других, подчеркивало как раз его непоседливость и строптивый характер.

Прочитал Моря, что вечный двигатель невозможен... Прочитал, что многие и многие пытались все же изобрести такой двигатель... Посмотрел внимательно рисунки тех «вечных двигателей», какие – в разные времена – предлагались. И задумался. Что трение там, законы механики – он все это пропустил, а сразу с головой ушел в изобретение такого «вечного двигателя», какого еще не было. Он почему-то не поверил, что такой двигатель невозможен. Как-то так бывало с ним, что на всякие трезвые мысли... от всяких трезвых мыслей он с пренебрежением отмахивался и думал свое: «Да ладно, будут тут мне...» И теперь он тоже подумал: «Да ну!.. Что значит – невозможен?»

Моне шел двадцать шестой год. Он жил с бабкой, хотя где-то были и родители, мать с отцом, но бабка еще маленького взяла его к себе от родителей (те вечно то расходились, то опять сходились) и вырастила. Моря окончил семилетку в деревне, поучился в сельскохозяйственном техникуме полтора года, не понравилось, бросил, до армии работал в колхозе, отслужил в армии, приобрел там специальность шофера и теперь работал в совхозе шофером. Моря был белобыс, скуласт, с глубокими маленькими глазами. Большая нижняя челюсть его сильно выдавалась вперед, отчего даже и вид у Мони был крайне заносчивый и упрямый. Вот уж что у него было, так это было: если ему влетела в лоб какая-то идея, – то ли научиться играть на аккордеоне, то ли, как в прошлом году, отстоять в своем огороде семнадцать соток, не пятнадцать, как положено по закону, а семнадцать, сколько у них с бабкой, почему им и было предложено перенести плетень ближе к дому, – то идея эта, какая в него вошла, подчиняла себе всего Моря: больше он ни о чем не мог думать, как о том, чтобы научиться на аккордеоне или не отдать сельсоветским эти несчастные две сотки земли. И своего добивался. Так и тут, с этим двигателем: Моря перестал видеть и понимать все вокруг, весь отдался великой изобретательской задаче. Что бы он ни делал – ехал на машине, ужинал, смотрел телевизор – все мысли о двигателе. Он набросал уже около десятка вариантов двигателя, но сам же и браковал их один за одним. Мысль работала судорожно, Моря вскакивал ночами, чертил какое-нибудь очередное колесо... В своих догадках он все время топтался вокруг колеса, сразу с колеса начал и продолжал искать новые и новые способы – как заставить колесо постоянно вертеться.

И наконец способ был найден. Вот он: берется колесо, например велосипедное, закрепляется на вертикальной оси. К ободу колеса жестко крепится в наклонном

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
положении (под углом в 45 градусов к плоскости колеса) желоб – так, чтоб по желобу свободно мог скользить какой-нибудь груз, допустим, килограммовая гирька. Теперь, если к оси, на которой закреплено колесо, жестко же прикрепить (приварить) железный стерженек так, чтобы свободный конец этого стерженька проходил над желобом, где скользит груз... То есть, если груз, стремясь вниз по желобу, упрется в этот стерженек, то – он же будет его толкать, ну, не толкать – давить на него будет, на стерженек-то! А стерженек соединен с осью, ось – закрутится, закрутится и колесо. Таким образом, колесо само себя будет крутить.

Моня придумал это ночью... Вскочил, начертил колесо, желоб, стерженек, грузик... И даже не испытал особой радости, только удивился: чего же они столько времени головы-то ломали! Он походил по горнице в трусах, глубоко гордый и спокойный, сел на подоконник, закурил. В окно дул с улицы жаркий ветер, качались и шумели молодые березки возле штакетника; пахло пылью. Моня мысленно вообразил вдруг огромнейший простор своей родины, России, – как бесконечную равнину, и увидел себя на той равнине – идет спокойно по дороге, руки в карманах, поглядывает вокруг... И в этой ходьбе – ничего больше, идет, и все, – почудилось Моне некое собственное величие. Вот так вот пройдет человек по земле – без крика, без возгласов – поглядит на все тут – и уйдет. А потом хватятся: кто был-то! Кто был... Кто был... Моня еще походил по горнице... Если бы он был не в трусах, а в брюках, то уже теперь сунул бы руки в карманы и так походил бы – хотелось. Но лень было надевать брюки, не лень, а совестно суетиться. Покой, могучий покой объял душу Мони. Он лег на кровать, но до утра не заснул. Двигатель свой он больше не трогал – там все ясно, а лежал поверх одеяла, смотрел через окно на звезды. Ветер горячий к утру поослаб, было тепло, но не душно. Густое небо стало бледнеть, стало как ситчик голубенький, застиранный... И та особенная тишина, рассветная, пугливая, невечная, прилегла под окно. И скоро ее вспугнули, эту тишину, – скрипнули недалеко воротца, потом звякнула цепь у колодца, потом с визгом раскрутился колодезный вал... Люди начали вставать. Моня все лежал на кровати и смотрел в окно. Ничего вроде не изменилось, но какая желанная, дорогая сделалась жизнь. Ах, черт возьми, как, оказывается, не замечаешь, что все тут – прекрасно, просто, бесконечно дорого. Еще полежал Моня с полчаса и тоже поднялся: хоть и рано, но все равно уже теперь не заснуть.

Подсел к столу, просмотрел свой чертежик... Странно, что он не волновался и не радовался. Покой все пребывал в душе. Моня закурил, откинулся на спинку стула и стал ковырять спичкой в зубах – просто так, нарочно, чтобы ничтожным этим действием подчеркнуть огромность того, что случилось ночью и что лежало теперь на столе в виде маленьких рисунков. И Моня испытал удовольствие: на столе лежит чертеж вечного двигателя, а он ковыряется в зубах. Вот так вот, дорогие товарищи!.. Вольно вам в жарких перинах трудиться на заре с женами, вольно сопеть и блаженствовать – кургузые. Еще и с довольным видом будут ходить потом днем, будут делать какие-нибудь маленькие дела, и при этом морщить лоб – как если бы они думали. Ой-ля-ля! Даже и думать умеете?! Гляди-ка. Впрочем, что же: выдумали же, например, рукомоиник. Ведь это же какую голову надо иметь, чтобы... Ах, люди, люди. Моня усмехнулся и пошел к человеческому изобретению – к рукомоинику, умываться.

И все утро потом Моня пробыл в этом насмешливом настроении. Бабка заметила, что он какой-то блаженный с утра... Она была веселая крепкая старуха, Мотьку своего любила, но никак любви этой не показывала. Она сама тоже думала о людях несложно: живут, добывают кусок хлеба, приходит время – умирают. Важно не оплошать в трудную пору, как-нибудь выкрутиться. В войну, например, она приспособилась так: заметила в одном колхозном амбаре щель в полу, а через ту щель потихоньку сыплется зерно. А амбар задней стеной выходил на дорогу, но с дороги его заслоняли заросли крапивы и бурьяна. Ночью Квасиха пробралась с мешочком через эти заросли, изжалилась вся, но к зерну попала. Амбар был высокий, пол над землей высоко – хватит пролезть человеку. Квасиха подчистила зерно, проковыряла ножом щель пошире... И с неделю ходила ночами под тот амбар с мешочком. И наносила зерна изрядно. И в самый голод великий толкла ночами зерно это в ступке, подмешивала в муку сосновой коры и пекла хлебушек. Так обошла свою гибель. Мотька был ей как сын, даже, наверно, дороже, потому что больше теперь никого не было. Была дочь (сыновей, двух, убило на войне), мать Мотькина, но она вконец запуталась со своим муженьком, закружилась в городе, вообще как-то не вышло толку из бабы, она сюда и носа не казала, так что – есть она, и вроде ее нет.

– Чего эт ты седня такой? – спросила бабка, когда сидели завтракали.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Какой? – спокойно и снисходительно поинтересовался Мотя.

– Довольный-то. Жмурился, как кот на солнышке... Приснилось, что ль, чего?

Мотя несколько подумал... И сказал заковыристо:

– Мне приснилось, что я нашел десять тысяч рублей в портфеле.

– Подь ты к лешему! – Старуха усмехнулась, помолчала и спросила: – Ну, и что бы ты с имя стал делать?

– Что?.. А ты что?

– Я тебя спрашиваю.

– Хм... Нет, а вот ты чего бы стала делать? Чего тебе, например, надо?

– Мне ничего не надо. Может, дом бы перебраться...

– Лучше уж новый срубить. Чего тут перебирать – гнилье трясти.

Бабка вздохнула. Долго молчала.

– Гнилье-то гнилье... А уж я доживу тут. Немного уж осталось. Я уж все продумала, как меня отсюда выносить будут.

– Начинается! – недовольно сказал Мотя. Он тоже любил бабку, хоть, может, не очень это сознавал, но одно в ней раздражало Мотю: разговоры о предстоящей смерти. Да добро бы немощью, хилостью они порождались, обреченностью – нет же, бабка очень хотела жить, смерть ненавидела, но притворно строила перед ней, перед смертью, покорную фигуру. – Чего ты опять?

Умная старуха поддельно-скорбно усмехнулась.

– А чего же? Что я, два века жить буду? Приде-ет матушка...

– Ну, и... придет – значит, придет: чего об этом говорить раньше время?

Но говорить старухе об этом хотелось, жаль только, что Мотья не терпит таких разговоров. Она любила с ним говорить. Она считала, что он умный парень, удивительно только, что в селе так не думают.

– Дак чего приснилось-то?

– Да ничего... Так я: утро вон хорошее, я и... радый.

– Ну, ну... И радуйся, пока молодой. Старость придет – не возрадуется.

– Ничего! – беспечно и громко сказал Мотя, закончив трапезу. – Мы еще... сообразим тут! Скажем еще свое «фэ»!

И Мотя пошел в гараж. Но по дороге решил зайти к инженеру РТС Андрею Николаевичу Голубеву, молодому специалисту. Он был человек приезжий, толковый, несколько мрачноватый, правда, но зато не трепач. Раза два Мотя с ним общался, инженер ему нравился.

Инженер был в ограде, возился с мотоциклом.

– Здравствуй! – сказал Мотя.

– Здравствуй! – не сразу откликнулся инженер. И глянул на Мотю неодобрительно: наверно, не понравилось, что с ним на «ты».

«Переживешь, – подумал Мотя. – Молодой еще».

– Зашел сказать свое «фэ», – продолжал Мотя, входя в ограду.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Инженер опять посмотрел на него.

– Что еще за «фэ»?

– Как ученые думают насчет вечного двигателя? – сразу начал Мonha. Сел на бревно, достал папиросы... И смотрел на инженера снизу. – А?

– Что за вечный двигатель?

– Ну, этот – перпетум мобиле. Нормальный вечный двигатель, который никак не могли придумать...

– Ну? И что?

– Как сейчас насчет этого думают?

– Да кто думает-то? – стал раздражаться инженер.

– Ученый мир... Вообще. Что, сняли, что ли, эту проблему?

– Никак не думают. Делать, что ли, нечего больше, как об этом думать.

– Значит, сняли проблему?

Инженер снова склонился к мотоциклу.

– Сняли.

– Не рано? – не давал ему уйти от разговора Мonha.

– Что «не рано»? – оглянулся опять инженер.

– Сняли-то. Проблему-то.

Инженер внимательно посмотрел на Мonha.

– Что, изобрел вечный двигатель, что ли?

И Мonha тоже внимательно посмотрел на инженера. И всадил в его дипломированную головушку... Как палку в муравейник воткнул:

– Изобрел.

Инженер, не вставая с корточек, попристальнее взгляделся в Мonha... Откровенно улыбнулся и возвратил Мhone палку – тоже отчетливо, не без ехидства сказал:

– Поздравляю.

Мonha обеспокоился. Не то что он усомнился вдруг в своем двигателе, а то обеспокоило, до каких же, оказывается, глубин вошло в сознание людей, что вечный двигатель – невозможен. Этак – и выдумаешь его, а они будут твердить: невозможен. Спорить с людьми – это тяжело, грустно. Вся-то строптивость Мonha, все упрямство его – чтоб люди не успели сделать больно, пока будешь корячиться перед ними со своей доверчивостью и согласием.

– А что дальше? – спросил Мonha.

– В каком смысле?

– Ну, ты поздравил... А дальше?

– Дальше – пускай его по инстанции, добивайся... Ты его сделал уже? Или только придумал?

– Придумал.

– Ну вот... – Инженер усмехнулся, качнул головой. – Вот и двигай теперь... Пиши, что ли, я не знаю.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Моня помолчал, задетый за больное усмешкой инженера.

– Ну, а что ж ты даже не поинтересуешься: что за двигатель? Узнал бы хоть принцип работы... Ты же инженер. Неужели тебе неинтересно?

– Нет, – жестко сказал инженер. – Неинтересно.

– Почему?

Инженер оставил мотоцикл, вытер руки тряпкой, бросил тряпку на бревна, полез в карман за сигаретами. Посмотрел на Моню сверху.

– Парень... ты же говорил, что в техникуме сколько-то учился...

– Полтора года.

– Вот видишь... Чего же ты такую бредятину несешь сидишь? Сам шофер, с техникой знаком... Что, неужели веришь в этот свой двигатель?

– Ты даже не узнал принцип его работы, а сразу – бредятина! – изумился Моня, чувствуя, что – все: с этой минуты он уперся. Узнал знакомое подрагивание в груди, противный холодок и подрагивание.

– И узнавать не хочу.

– Почему?

– Потому что – это глупость. И ты должен сам понимать, что глупость.

– Ну, а вдруг не глупость?

– Проверь. Проверь, а потом уж приходи... с принципом работы. Но если хочешь мой совет: не трать время и на проверку.

– Спасибо за совет. – Моня встал. – Вообще за добрые слова...

– Ну, вот... – сказал инженер вроде с сожалением, но непреклонно. – И не тронь вас. Скажи еще, что меня в институте учили...

– Да ну, при чем тут институт! Я же к тебе не за справкой пришел...

– Ну, а чего же уж такая... самодеятельность-то тоже! – воскликнул инженер. – Почти девять лет учился, и – на тебе: вечный двигатель. Что же уж?.. Надо же понимать хоть такие-то вещи. Как ты думаешь: если бы вечный двигатель был возможен, неужели бы его до сих пор не изобрели?

– Да вот так вот все рассуждают: невозможен, и все. И все махнули рукой...

– Да не махнули рукой, а доказали давно: не-воз-мо-жен! ладно, было бы у человека четыре класса, а то... Ты же восемь с половиной лет учился! Ну... Как же так? – Инженер по-живому рассердился, именно рассердился. И не скрывал, что сердится: смотрел на Моню зло и строго. И отчитывал. – Что же ты восемь с половиной лет делал?

– Смолил и к стенке становил, – тоже зло сказал Моня. И тоже поглядел в глаза инженеру. – Что ты, как на собрании выступаешь? Чего красуешься-то? Я тебя никуда выдвигать не собираюсь.

– Вот видишь... – чуть растерялся инженер от встречной напористой злости, но и своей злости тоже не убавил. – Умеешь же говорить... Значит, не такой уж темный. Не хрена тогда и с вечным двигателем носиться... Людей смешить. – Инженер бросил сигарету, наступил на нее, крутнулся, вдавив ее в землю, и пошел заводить мотоцикл.

Моня двинулся из ограды.

Оглушил его этот инженер. И стыдно было, что отчитали, и злость поднялась на

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru инженера нешуточная... Но ужасно, что явилось сомнение в вечном двигателе. Он пошел прямоком домой – к чертежу. Шагал скоро, глядел вниз. Никогда так стыдно не было. Стыдно было еще своей утренней беспечности, безмятежности, довольства. Надо было все же хорошенько все проверить. Черт, и в такой безмятежности поперся к инженеру! Надо было проверить, конечно.

Бабки дома не было. И хорошо: сейчас полезла бы с тревогой, с вопросами... Моня сел к столу, придвинул чертеж. Ну, и что? Груз – вот он – давит на стержень... Давит же он на него? Давит. Как же он не давит-то! А что же он делает? Моня вспомнил, как инженер спросил: «Что же ты восемь с половиной лет делал?» Нервно ерзнул на стуле, вернул себя опять к двигателю. Ну?.. Груз давит на стержень, стержень от этого давления двинется... Двинется. А другим концом он приварен к оси... Да что за мать-перемать-то! Ну, и почему это невозможно?! Вот теперь Моня волновался. Определенно волновался, прямо нетерпение охватило. Правильно, восемь с половиной лет учился, совершенно верно. Но – вот же, вот! Моня вскочил со стула, походил по горнице... Он не понимал: что они? Ну, пусть докажут, что груз не будет давить на стержень, а стержень не подвинется от этого. А почему он не подвинется-то? Вы согласны – подвинется? Тогда и ось... Тьфу! Моня не знал что делать. Делать что-то надо было – иначе сердце лопнет от всего этого. Кожа треснет от напряжения. Моня взял чертеж и пошел из дома, сам пока не зная куда. Пошел бы и к инженеру, если бы тот не уехал. А может, и не уехал? И Моня пошел опять к инженеру. И опять шел скоро. Стыдно уже не было, но такое нетерпение охватило, впору бегом бежать. Малость Моня и подбежал – в переулке, где людей не было.

Мотоцикла в ограде не было. Моне стало досадно. И он, больше машинально, чем с какой-то целью, зашел в дом инженера. Дома была одна молодая хозяйка, она недавно встала, ходила в халатике еще, припухшая со сна, непричесанная.

– Здравствуйте, – сказал Моня. – А муж уехал?

– Уехал.

Моня хотел уйти, но остановился.

– А вы же ведь учительница? – спросил он.

Хозяйка удивилась.

– Да. А что?

– По какому?

– По математике.

Моня, не обращая внимания на беспорядок, которого хозяйки стыдятся, не обращая внимания и на хозяйку – что она еще не привела себя в порядок, – прошел к столу.

– Ну-ка, гляньте одну штуку... Я тут поспорил с вашим мужем... Идите-ка сюда.

Молодая женщина какое-то время нерешительно постояла, глядя на Моню. Она была очень хорошенькая, пухленькая.

– Что? – спросил Моня.

– А в чем дело-то? – тоже спросила учительница, подходя к столу.

– Смотрите, – стал объяснять Моня по чертежу, – вот это такой желобок, из сталистой какой-нибудь жести... Так? Он – вот так вот – наклонно прикреплен к ободу этого колеса. Если мы сюда положим груз, вот здесь, сверху... А вот это будет стержень, он прикреплен к оси. Груз поехал, двинул стерженек... Он же двинет его?

– Надавит...

– Надавит! Он будет устремляться от этого груза, так же? Стерженек-то. А ось что будет делать? Закрутится? А колесо? Колесо-то на оси жестко сидит...

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Это что же, вечный двигатель, что ли? – удивилась учительница.

Моня сел на стул. Смотрел на учительницу. Молчал.

– Что это? – спросила она.

– Да вы же сами сказали!

– Вечный двигатель?

– Ну.

Учительница удивленно скривила свежие свои губки, долго смотрела на чертеж... Тоже пододвинула себе стул и села.

– А? – спросил Моня, закуривая. У него опять вздрагивало в груди, но теперь от радости и нетерпения.

– Не будет колесо вращаться, – сказала учительница.

– Почему?

– Не знаю пока... Это надо рассчитать. Оно не должно вращаться.

Моня крепко стукнул себя кулаком по колену... Встал и начал ходить по комнате.

– Ну, ребята!.. – заговорил он. – Я не понимаю: или вы заучились, или... Почему не будет-то? – Моня остановился, глядя в упор на женщину. – Почему?

Женщина тоже смотрела на него, несколько встревоженная. Она, как видно, немножко даже испугалась.

– А вам нужно, чтобы он вращался? – спросила она.

Моня пропустил, что она это весьма глупо спросила, сам спросил – все свое:

– Почему оно не будет вращаться?

– А как вам муж объяснил?

– Муж... никак. Муж взялся стыдить меня. – И опять Моня кинулся к чертежу: – Вы скажите, почему колесо... Груз давит?

– Давит.

– Давит. Стержень от этого давления...

– Знаете что, – прервала Моню учительница, – чего мы гадаем тут: это нам легко объяснит учитель физики, Александр Иванович такой... Не знаете его?

– Знаю.

– Он же недалеко здесь живет.

Моня взял чертеж. Он знал, где живет учитель физики.

– Только подождите меня, ладно? – попросила учительница. – Я с вами пойду. Мне тоже интересно стало.

Моня сел на стул.

Учительница замешкалась...

– Мне одеться нужно...

– А-а, – догадался Моня. – Ну, конечно. Я на крыльце подожду. – Моня пошел к выходу, но с порога еще оглянулся, сказал с улыбкой: – Вот дела-то! Да?

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Я сейчас, – сказала женщина.

Учитель физики, очень добрый человек, из поволжских немцев, по фамилии Гекман, с улыбкой слушал возбужденного Моню.. Смотрел в чертеж. Выслушал.

– Вот!.. – сказал он молодой учительнице с неподдельным восторгом. – Видите, как все продумано! А вы говорите... – И повернулся к Моне. И потихоньку тоже возбуждаясь, стал объяснять:

– Смотрите сюда: я почти ничего не меняю в вашей конструкции, но только внесу маленькие изменения. Я уберу (он выговаривал «уперу») ваш желоб и ваш груз... А к ободу колеса вместо желоба прикреплю тоже стержень – вертикально. Вот... – Гекман нарисовал свое колесо и к ободу его «прикрепил» стержень. – Вот сюда мы его присобачим... Так? – Гекман был очень доволен. – Теперь я к этому вертикальному стержню прикрепляю пружину... Во-от. – Учитель и пружину изобразил. – А другим концом...

– Я уже такой двигатель видел в книге, – остановил Моня учителя. – Так не будет крутиться.

– Ага! – воскликнул счастливый учитель. – А почему?

– Пружина одинаково давит в обои концы...

– Это ясно?! Взяли ваш вариант: груз. Груз лежит на желобе и давит на стержень. Но ведь груз – это та же пружина, с которой вам все ясно: груз так же одинаково давит и на стержень, и на желоб. Ни на что – чуть-чуть меньше, ни на что – чуть-чуть больше. Колесо стоит.

Это показалось Моне чудовищным.

– Да как же?! – вскинулся он. – Вы что? По желобу он только скользит, – желоб можно еще круче поставить, – а на стержень падает. И это – одинаково?! – Моня свирепо смотрел на учителя. Но того все не оставляла странная радость.

– Да! – тоже воскликнул он, улыбаясь. Наверно, его так радовала незыблемость законов механики. – Одинаково! Эта неравномерность – это кажущаяся неравномерность, здесь абсолютное равенство...

– Да горите вы синим огнем с вашим равенством! – горько сказал Моня. Сгрел чертеж и пошел вон.

Вышел на улицу и быстро опять пошагал домой. Это походило на какой-то заговор. Это черт знает что!.. Как сговорились. Ведь ясно же, ребенку ясно: колесо не может не вертеться! Нет, оно, видите ли, НЕ ДОЛЖНО вертеться. Ну что это?!

Моня приколбасил опять домой, написал записку, что он себя неважно чувствует, нашел бабку на огороде, велел ей отнести записку в совхозную контору, не стал больше ничего говорить бабке, а ушел в сарай и начал делать вечный двигатель.

...И он его сделал. Весь день пластался, дотемна. Додельвал уже с фонарем. Разорил велосипед (колесо взял), желоб сделал из старого оцинкованного ведра, стержень не приварил, а скрепил с осью болтами... Все было сделано, как и задумалось.

Моня подвесил фонарь повыше, сел на чурбак рядом с колесом, закурил... И без волнения толкнул колесо ногой. Почему-то охота было начать вечное движение непременно ногой. И привалился спиной к стене. И стал снисходительно смотреть, как крутится колесо. Колесо покрутилось-покрутилось и стало. Моня потом его раскручивал уже руками... Подолгу – с изумлением, враждебно – смотрел на сверкающий спицами светлый круг колеса. Оно останавливалось. Моня сообразил, что не хватает противовеса. Надо же уравновесить желоб и груз! Уравновесил. Опять что есть силы раскручивал колесо, опять сидел над ним и ждал. Колесо останавливалось. Моня хотел изломать его, но раздумал... Посидел еще немного, встал и с пустой душой медленно пошел куда-нибудь.

...Пришел на реку, сел к воде, выбирал на ощупь возле себя камешки и стрелял ими с ладони в темную воду. От реки не исходил покой, она чуть шумела, плескалась в

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
камнях, вздыхала в темноте у того берега... Всю ночь чего-то все беспокоилась, бормотала сама с собой – и текла, текла. На середине, на быстрине, поблескивала ее текучая спина, а здесь, у берега, она все шевелила какие-то камешки, шарилась в кустах, иногда сердито шипела, а иногда вроде смеялась тихо – шепотом.

Моня не страдал. Ему даже понравилось, что вот один он здесь, все над ним надсмеялись и дальше будут смеяться: хоть и бывают редкие глупости, но вечный двигатель никто в селе еще не изобретал. Этого хватит месяца на два – говорить. Пусть. Надо и посмеяться людям. Они много работают, развлечений тут особых нет – пусть посмеются, ничего. Он в эту ночь даже любил их за что-то, Моня, людей. Он думал о них спокойно, с сожалением, даже подумал, что зря он так много спорит с ними. Что спорить? Надо жить, нести свой крест молча... И себя тоже стало немного жаль.

Дождь Моня, что и заря занялась. Он вовсе отрешился от своей неудачи. Умылся в реке, поднялся на взвоз и пошел береговой улицей. Просто так опять, без цели. Спать не хотелось. Надо жениться на какой-нибудь, думал Моня, нарожать детей – трех, примерно, и смотреть, как они развиваются. И обрести покой, ходить вот так вот – медленно, тяжело и смотреть на все спокойно, снисходительно, чуть насмешливо. Моня очень любил спокойных мужиков.

Уже совсем развиднело. Моня не заметил, как пришел к дому инженера. Не нарочно, конечно, пришел, а шел мимо и увидел в ограде инженера. Тот опять возился со своим мотоциклом.

– Доброе утро! – сказал Моня, остановившись у изгороди. И смотрел на инженера мирно и весело.

– Здорово! – откликнулся инженер.

– А ведь крутится! – сказал Моня. – Колесо-то.

Инженер отлип от своего мотоцикла... Некоторое время смотрел на Моню – не то что не верил, скорее так: не верил и не понимал.

– Двигатель, что ли?

– Двигатель. Колесо-то... Крутится. Всю ночь крутилось... И сейчас крутится. Мне надоело смотреть, я пошел малость пройтись.

Инженер теперь ничего не понимал. Вид у Мони усталый и честный. И нисколько не пристыженный, а даже какой-то просветленный.

– Правда, что ли?

– Пойдем – поглядишь сам.

Инженер пошел из ограды к Моне.

– Ну, это... фокус какой-нибудь, – все же не верил он. – Подстроил там чего-нибудь?

– Какой фокус! В сарае... на полу: крутится и крутится.

– От чего колесо-то?

– От велика.

Инженер приостановился.

– Ну, правильно: там хороший подшипник – оно и крутится.

– Да, – сказал Моня, – но не всю же ночь!

Они опять двинулись.

Инженер больше не спрашивал. Моня тоже молчал. Благодное настроение все не оставляло его. Хорошее какое-то настроение, даже самому интересно.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– И всю ночь крутится? – не удержался и еще раз спросил инженер перед самым домом Мони. И посмотрел пристально на Моню. Моня преспокойно выдержал его взгляд и, вроде сам тоже изумляясь, сказал:

– Всю ночь! Часов с десяти вечера толкнул его и вот... сколько уж сейчас?

Инженер не посмотрел на часы, шел с Моней, крайне озадаченный, хоть старался не показать этого, щадя свое инженерное звание. Моне даже смешно стало, глядя на него, но он тоже не показал, что смешно.

– Приготовились! – сказал он, остановившись перед дверью сарая. Посмотрел на инженера и пнул дверь... И посторонился, чтобы тот прошел внутрь и увидел колесо. И сам тоже вошел в сарай – крайне интересно стало: как инженер обнаружит, что колесо не крутится.

– Ну-у, – сказал инженер. – Я думал, ты хоть фокус какой-нибудь тут придумал. Не смешно, парень.

– Ну, извини, – сказал Моня, довольный. – Пойдем – у меня дома коньячишко есть... сохранился: выпьем по рюмахе?

Инженер с интересом посмотрел на Моню. Усмехнулся.

– Пойдем.

Пошли в дом. Осторожно, стараясь не шуметь, прошли через прихожую комнату... Прошли уже было, но бабка услышала.

– Мотька, где был-то всю ночь? – спросила она.

– Спи, спи, – сказал Моня. – Все в порядке.

Они вошли в горницу.

– Садись, – пригласил Моня. – Я сейчас организую...

– Да ты... ничего не надо организовывать! – сказал инженер шепотом. – Брось. Чего с утра организовывать?

– Ну, ладно, – согласился Моня. – Я хотел хоть пирожок какой-нибудь... Ну, ладно.

Когда выпили по рюмахе и закурили, инженер опять с интересом поглядел на Моню, сощурил в усмешке умные глаза.

– Все же не поверил на слово? Сделал... Всю ночь, наверно, трудился?

А Моня сидел теперь задумчивый и спокойный – как если бы у него уже было трое детей, и он смотрел, как они развиваются.

– Весь день вчера угробил... Дело не в этом, – заговорил Моня, и заговорил без мелкого сожаления и горя, а с глубоким, искренним любопытством, – дело в том, что я все же не понимаю: почему оно не крутится? Оно же должно крутиться.

– Не должно, – сказал инженер. – В этом все дело.

Они посмотрели друг на друга... Инженер улыбнулся, и ясно стало, что вовсе он не злой человек – улыбка у него простецкая, доверчивая. Просто, наверно, на него, по его молодости и совестливости, навалили столько дел в совхозе, что он, позабыл и улыбаться, и говорить приветливо – не до этого стало.

– Учиться надо, дружок, – посоветовал инженер. – Тогда все будет понятно.

– Да при чем тут – учиться, учиться, – недовольно сказал Моня. – Вот нашли одну тему: учиться, учиться... А ученых дураков не бывает?

Инженер засмеялся... и встал.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Бывают! Но все же неученых их больше. Я не к этому случаю говорю... вообще. Будь здоров!

– Давай еще по рюмахе?

– Нет. И тебе не советую.

Инженер вышел из горницы и постарался опять пройти по прихожей неслышно, но бабка уже не спала, смотрела на него с печки.

– Шагай вольнее, – сказала она, – все равно не сплю.

– Здравствуй, бабушка! – поприветствовал ее инженер.

– Здорово, милоч. Чего вы-то не спите? Гляди-ка, молодые, а как старики... Вам спать да спать надо.

– А в старости-то что будем делать? – сказал инженер весело.

– В старости тоже не поспишь.

– Ну, значит, потом когда-нибудь... Где-нибудь.

– Рази что там...

Моня сидел в горнице, смотрел в окно. Верхняя часть окна уже занялась красным – всходило солнце. Село пробудилось; хлопали ворота, мычали коровы, собираясь в табун. Переговаривались люди, уже где-то и покрикивали друг на друга... Все как положено. Слава богу, хоть тут-то все ясно, думал Моня. Солнце всходит и заходит, всходит и заходит – недосягаемое, неистощимое, вечное. А тут себе шуруют: кричат, спешат, трудятся, поливают капусту... Радости подсчитывают, удачи. Хэх!.. люди, милые люди... Здравствуйте!

Билетик на второй сеанс

Последнее время что-то совсем неладно было на душе у Тимофея Худякова – опостытело все на свете. Так бы вот встал на четвереньки, и зарычал бы, и залаял, и головой бы замотал.

Может, заплакал бы.

Пил со сторожем у себя на складе (он был кладовщиком перевалочной товарной базы) – не брало. Не то что не брало – легче не делалось.

– С чего эт тебя так? – притворно сочувствовал сторож Ермолай.

Тимофей понимал притворство Ермолая, но все равно жаловался:

– Судьба-сучка... – И дальше сложно: – Чтоб у ней голова не качалась... Чтоб сухари в сумке не мялись... – Тимофей, когда у него болела душа, умел ругаться сладостно и сложно, точно плел на кого-то, ненавистного, многожильный ременный бич. Ругать судьбу до страсти хотелось, и поэтому было еще «двенадцать апостолов», «осиновый кол в бугорок», «мама крестителя» – много. Даже Ермолай изумлялся:

– Забрало тебя!

– Заберет, когда она, сучка, так со мной обошлась.

– Ну, если уж тебе на судьбу обидеться, то... не знаю. Чего тебе не хватает-то? В доме-то всего невпроворот.

Тимофею не хотелось объяснять дураку-сторожу, отчего болит душа. Да и не понимал он. Сам не понимал. В доме действительно все есть, детей выучил в институтах... Было время, гордился, что жить умеет, теперь тосковал и злился. А сторож думал про себя: «Совесть тебя, дьявола, заела: хапал всю жизнь, воровал... И не попался ни разу, паразит!»

– Разлад, Ермоха... Полный разлад в душе. Сам не знаю отчего.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Пройдет.

Не проходило.

В тот день, в субботу (он весь какой-то вышел, день, нараскосяк), Тимофей опечатал склад, опять выпили со сторожем, и Тимофей пошел домой. Домой не хотелось – там тоже тоска, еще хуже: жена начнет нудить.

Была осень после дождей. Несильно дул сырой ветер, морщил лужи. А небо с закатного края прояснилось, выглянуло солнце. Окна в избах загорелись холодным желтым огнем. Холодно, тоскливо. И как-то противно ясно...

Тимофей думал: «Вот – жил, подошел к концу... Этот остаток в десять-двенадцать лет, это уже не жизнь, а так – обглоданный мосол под крыльцом – лежит, а к чему? Да и вся-то жизнь, как раздумаешься, – тьфу! Вертелся всю жизнь, ловчил, дом крестовый рубил, всю жизнь всякими правдами и неправдами доставал то то, то это... А Ермоха, например, всю жизнь прожил валиком – рыбачил себе в удовольствие: ни горя, ни заботы. А червей вместе будем кормить. Но Ермоха хоть какую-нибудь радость знал, а тут – как циркач на проволоке: пройти прошел, а колени трясутся».

Шел Тимофей, думал... И взял да свернул в знакомый переулок. Жила в том знакомом переулке Поля Тепляшина. Когда-то давно Тимофей с Полей «крутили» преступную любовь. Были скандалы, битые окон, позор. Жена Тимофея, Гутя, семь лет отчаянно боролась с Полей за Тимоху, Гутю хвалили в деревне, она гордилась и учила молодых баб, какие оказывались в ее положении:

– Он к сударушке, а ты – со стяжком – под окошки к им. Да по окошкам-то, по окошкам-то – стяжком-то...

Бывала в деревне такая любовь – со стяжками. Теперь лучше – разошлись, и все. Раньше годами лютовали.

С Тимохиной любовью тогда все само собой утряслось: у вдовы Поли подрос сын Колька, Николай Петрович, и стал гонять Тимофея от матери. Тимофей набылчился – к Поле:

– Уйми сосуна!

А та вдруг залепила:

– Пошел ты!.. Чего я, сына на тебя променяю? На – выкуси.

Тимофей хотел разок покуражиться, но нарвался на молодой Колькин кулак и после этого перестал туда ходить. Самое дурацкое положение настало потом: обе женщины, Поля и Гутя, вдруг подружились. И вместе смеялись над Тимохой.

– Как там сударчик-то мой поживает? – принародно спрашивала Поля.

Гутя смеялась:

– На печке – клопов давит.

Мстили, что ли.

Тимоха тогда же налетел на законную жену, но получил отпор на этот раз от своих детей.

Спроси сейчас Тимофей, зачем он идет к Поле, он не сказал бы. Не знал.

Поля удивилась.

– Она!.. Вот так гость. Зачем это?

– А что? Что ты, заразная, что ли, что тебя обходить надо? Посидим по старой памяти, выпьем вот... – У Тимофея была с собой бутылка, он ее поставил на стол. – Спомним бывшее...

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Было бы чего!

Поля стала старая, некрасивая. Тимофей со злости подумал: «Она красивой-то и не была сроду». Стало вдруг жалко себя.

– Хошь, анекдот один расскажу?

– Вона!

– Чего ты, как попка, заладила: «вона! вона!» Как дикари, честное слово. Ну, зашел... Ну и что? Глупые вы какие-то, бабы, честное слово!

– Чего же ходите – к глупым-то?

– А где вас, умных-то, взять? Так и меняешь – шило на мыло.

– Небось ревизия была – злой-то?

– На меня еще такой ревизор не родился...

– Оно видно.

Тимофей выпил стакан – закусить чем-нибудь не спросил, Поля не предложила. Зато и он Полю не пригласил с собой выпить.

– Слушай анекдот. Приехал один мужик в город, идет по улице... А сам доходной-доходной – мужик-то. Но все-таки думает: где бы тут подцепить какую-нито? Слышал, значит, про городских-то, ну и мысли-то заиграли. И тут подходит к нему одна – гладкая вся, тут – полна пазуха, вежливая. «Пойдемте ко мне, я тут близко живу». Мужик радешенький – сама навялилась. Приходит. Она говорит: «Раздевайтесь, я счас приду». А сама – в другую комнату. Ну, он разделся, сидит. Ждет. А она выводит детей малых и говорит им: «Вот, детки, если не будете хорошо кушать, будете такие же худые, как вот этот дядя».

Полю эта история не рассмешила. Тимофею тоже было не смешно. А днем, когда рассказали, смеялся с шоферами. И подумал еще, что история поучительная.

– К чему эт ты? – спросила Поля.

Тимофей пояснил:

– Точно так со мной выкинула судьба-сучка. Живи, мол, Тимофей!.. Раз башка есть на плечах – живи, никого не бойся! Ну, Тимофей и разлысил лоб...

– Жил бы честно, никого бы и не боялся.

Это она больно уела.

Тимофей стал соображать, как бы ее тоже побольней укусить.

– Не знаешь, кто это вот тут, – показал на кровать, – честно с чужим мужиком миловался? Не приходилось слышать?

– Приходилось. А тебе не приходилось слышать, кто на этом же самом месте от живой жены с чужой бабой миловался? Я одинокая была, вдова, а ты семейный. Поганец ты...

Тимофей еще выпил. Вот теперь он, кажется, все понял: жалко себя, жалко свою прожитую жизнь. Не вышло жизни.

– Сказка про белого бычка у нас получается, Поля...

Поля засмеялась.

– Чего смеешься? – спросил Тимофей.

– А чего мне не посмеяться?

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Не надо... Тебе не личит – зубы кривые.

– А ведь когда-то не замечал...

– Замечал, почему не замечал, только... Эхма! Что ведь и обидно-то, дорогуша моя: кому дак все в жизни – и образование, и оклад дармовой, и сударка пригожая, с сахарными зубами. А Тимохе, ему с кривинкой сойдет, с гнильцой...

– Во змей-то! – изумилась Поля. – Козел вонючий. Ну-ка забирай свою бутылку – и чтоб духу твоего тут не было! А то возьму ухват вон да по башке-то по умной... Умник!

Тимофей аккуратно надел на бутылку железненькую косыночку, устроил бутылку во внутренний карман пиджака и, не торопясь, пошел прочь. Стало вроде малость полегче. Но хотелось еще кому-нибудь досадить. Кому-нибудь так же бы вот спокойно, тихо наговорить бы гадостей.

Пришел он домой, а дома, в прихожей избе, склонившись локотком на стол, сидит... Николай-Угодник. По всем описаниям, по всем рассказам – вылитый Николай-Угодник: белый, невысокого росточка, игрушечный старичок. Сидит, головку склонил, смотрит ласково. Больше никого в доме нет.

– Ну, здравствуй, Тимофей, – говорит.

Тимофей глянул кругом... И вдруг бухнулся в ноги старичку. И, стараясь тоже ласково, тоже кротко и благостно, сказал тихо:

– Здорово, Николай-Угодничек. Я сразу тебя узнал, батюшка.

Угодник весь как-то встрепенулся, удивился, засмеялся мелко, погрозил пальцем.

– Пьяненький?

– А – есть маленько! – с отчаянной какой-то веселостью, с любовью продолжал Тимофей. – С тоски больше... не обессудь, батюшка. С тоски. Шибко-то не загуливаюсь. Ребятишек теперь вырастил – чего, думаю, теперь не попить? Какой ты, батюшка, седенький... А чего пришел-то?

Угодник поморгал ясными глазами... Опять посмеялся.

– С чего тоска-то?

– Тоска-то? А бог ее знает! Не верим больше – вот и тоска. В боженьку-то перестали верить, вот она и навалилась, матушка. Церкви позакрывали, матерщинничаем, блудим... Вот она и тоска.

– А ты веровал ли когда?

– Батюшка!.. Вот те крест: маленький был, веровал. В рождество Христа славить ходил. Не приди большевики, я бы и теперь, может, верил бы.

– Сам-то не коммунист?

– Откуда! Я бы, может, и коммунистом стал – перед тобой-то чего лукавить! – но был у меня тесть – ни дна бы ему, ни покрывки! – его в тридцатом году раскулачили...

– Ну.

– Ну, я с той поры и завязал рот тряпочкой и не заикался никогда.

Угодник больше того удивился. Горько удивился.

– Ты что, Тимофей?

– Как на духу, батюшка! Дак ты чего пришел-то? К добру или к худу – как понимать-то?

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Угодник потрогал маленькой сморщенной ладонью седую бородку.

– Чего пришел... Да вот попроведать вас, окаянных, пришел. Ты, однако, подымись с колен-то.

– Постой! Чего мне не постоять? Не отсохнут. Что, батюшка, так вот походишь, поглядишь по свету-то: испаскудился народишко?

– Маленько есть. Значит, говоришь, тесть тебе перешел дорогу?

– Перешел. Да он и кулаком-то, по правде сказать, никогда не был, так – заупрявился тогда, с колхозами-то, нашумел, натрепался где-то... Трепач он был, тесть-то. Дурак дураком. Ботало коровье. Жил, правда, крепко. А я середнячишко был... мне бы в партию большевиков-то можно бы...

– И что же он, тесть-то?

– Отпыхтел свое, пришел. Я его так и не видел – далеко живем друг от друга. У сына он живет, балда старая. А сын далеко где-то. Так, говоришь, испаскудился народишко?

– Здорово испаскудился, – серьезно сказал Угодник.

– Совсем никудышный стал народ! – подхватил Тимофей. – Пьют, воруют... Я и то приворовываю на складе. Знамо, грех, но поглядишь кругом-то – господи-господи, что делается!

– Приворовываешь?

– Приворовываю, батюшка. Ребятишек вон выучил – на какие бы шиши, так-то? Батюшка... – Тимофей весь собрался, подполз поближе. – Чего я тебя хотел попросить...

– Ну?

– Ты там к господу нашему, Иисусу Христу, близко сидишь... К деве Марии... Посоветуйтесь там сообча да и это... Шибко уж жалко, батюшка! До того жалко, сердце обмирает. Ведь я мужик-то неглупый, ведь у меня грамотешки-то совсем почти нету, а я вон каких молодцев обвожу вокруг пальца...

– Не пойму я.

– Родиться бы мне ишо разок! А? Пусть это не считается, что прожил – родите-ка вы меня ишо разок. А?

Угодник опять невольно рассмеялся.

– То жалуется – тоска, а то... Ну и сукин ты сын, Тимоха!

– Да потому я жалуюсь, что жизнь-то не вышла! – Тимофей готов был заплакать злыми слезами. – Ты вот смеешься, а мало тут смешного, батюшка, одна грусть-тоска зеленая. Ведь вон на земле-то... хорошо-то как! Разве ж я не вижу, не понимаю, все понимаю, потому и жалко-то. Тьфу! – да растереть, вот и вся моя жизнь.

– А как бы ты, интересно, жить стал? Другой-то раз...

– Перво-наперво я б на другой бабе женился. Про любовь даже в библии писано, а для меня – что любовь, что чирей на одном месте, прости, господи, – одинаково. Или как все одно килу смолоду нажил – так и жена мне: кряхтишь, а носишь. Никудышная бабенка попалась. Дура. Вся в папашу своего. Хайло разинет и давай – только и знает. Сундук плетены, не баба. Из-за нее больше и приворовываю-то. Жадная!.. Несусветно жадная. А с моей-то башкой – мне бы и в начальстве походить тоже бы не мешало... Из меня бы прокурор, я думаю, неплохой бы получился. – Тимофей засмотрелся снизу в святые глаза Угодника. – Тестюшку, например, своего я б тада так законопатил, что он бы и по сей день там... За язычину его...

– Цыть! – зло сказал старичок. – Ведь я и есть твой тесть, дьявол ты! Ворюга.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Разуй глаза-то! Допился?

Тимофей, удовлетворенный, поднялся с колен, отряхнул штаны и спокойно и устало сказал:

– Гляди-ка, правда – тесть. Тестюшка! Ну, давай выпьем. Со стречей. Вишь, за кого я тебя принял...

– Допился, сукин сын!

– Все секреты свои рассказал тебе. Тц! Ну, ничего – знай. Вот ведь как обознался! Это ж надо так вклепаться... А-я-я-я-й!

...Потом, когда выпили, тесть, оскорбленный за себя и за дочь, тыкал под нос Тимофею опрятный кукиш и твердил скороговоркой:

– Вот тебе, а не другую жись! Вот тебе – билетик на второй сеанс! Ворюга...

А Тимофей, красный, удовлетворенный, повторял:

– Ах, как я вклепался!.. А-я-я-я-й! Это ж надо так!

– Я тебя самого посажу, ворюга!

– Кто, ты? Господь с тобой! Кто тебе поверит, лишенцу?

– Вот, вот тебе – билетик на второй сеанс! Хе-хе-хе! Другой раз жить собрался!.. На-ка! – Тесть-Угодник хотел опять угодить под нос зятю белым кукишом, но зять вылил ему на голову стакан водки и, пугая, полез в карман за спичками.

– Подожду ведь.

Тесть-Угодник вытерся полотенцем и заплакал.

– Чего ты, Тимоха?. Над старым-то человеком... Бесстыдник ты! Дешевка... Приехал к нему, как к доброму...

– В том-то и дело, что не знаю, – миролюбиво уже сказал Тимоха. – Не знаю, тестюшка, не знаю. Я б все честно сказал, только не знаю, чего такое со мной делается. Пристал, видно, так жить. Насмерть пристал. Укатали Сивку... Жалко. Прожил, как песню спел, а спел плохо. Жалко – песня-то была хорошая. Прости за комедию-то. Прости великодушно.

Постскрипtum

Это письмо я нашел в номере гостиницы, в ящике длинного узкого стола, к которому можно подсесть боком. Можно сесть и прямо, но тогда надо ноги, положив их одну на другую, просунуть между тем самым ящиком, где лежало письмо, и доской, которая прикрывает батарею парового отопления.

Я решил, что письмо это можно опубликовать, если изменить имена. Оно показалось мне интересным.

Вот оно:

«Здравствуй, Катя! Здравствуйте, детки: Коля и Любочка! Вот мы и приехали, так сказать, к месту следования. Город просто поразительный по красоте, хотя, как нам тут объяснили, почти целиком на сваях. Да, Петр Первый знал, конечно, свое дело туго. Мы его, между прочим, видели – по известной тебе открытке: на коне, задавивши змею.

Сначала нас хотели поместить в одну гостиницу, но туда как раз приехали иностранцы, и нас повезли в другую. Гостиница просто шикарная! Я живу в люксе на одного под номером 4009 (4 – это значит четвертый этаж, 9 – это порядковый номер, а два нуля – я так и не выяснил). Меня поразило здесь окно. Прямо какходишь – окно во всю стену. Слева свисает железный стерженек, к стерженьку прикреплен тросик, тросик этот уходит куда-то в глубину... И вот ты подходишь, поворачиваешь за шпичку влево, и в комнате такой полумрак. Поворачиваешь вправо – опять светло. А все дело в жалюзах, которые в окне. Есть, правда, и занавеси,

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru но они висят сбоку без толку. Если бы такие продавали, я бы сделал у себя дома. Я походу поспрашиваю по магазину, может, где-нибудь продают. А если нет, то я попробую сделать из длинных лучинок. Принцип работы этого окна я вроде понял, веревочки найдем – они на трех веревочках. Есть еще одна особенность у этого окна: оно открывается снизу, а посередине поворачивается на стержнях. Дежурная по коридору долго тут пыталась мне объяснить, как открывать и закрывать окно. Кровать я такую обязательно сделаю, как здесь. Поразительная кровать. Мы с Иваном Девятовым набросали с нее чертёж. Ее – пара пустяков сделать.

На шестом этаже находится буфет, но все дорого, поэтому мы с Иваном перешли, как говорится, на подножный корм: берем в магазине колбасы и завтракаем и ужинаем у меня в люксе. Дежурная по коридору говорит, что это не запрещается, но только чтоб за собой ничего не оставляли. А сперва было заартачилась: надо, дескать, в буфет ходить. Мы с Иваном объяснили ей, что за эти деньги, которые мы проедем в буфете, мы лучше подарки домой привезем. Она говорит, я все понимаю, поэтому кожуру от колбасы сворачивайте в газетку и бросайте в проволочную корзиночку, которая стоит в туалете. Опишу также туалет. Туалет просто поразительный. Иван говорит: содрали у иностранцев. Да, действительно, у иностранцев содрали много кое-чего. Например, жалюзи. У нас тут одна из Краматорского района сперва жалела лить много воды, когда мылась в ванной, но ей потом объяснили, что это входит в стоимость номера, так же, как легкий обед в самолете. Я лично моюсь теперь каждый день. Меня вообще-то ванной не удивишь, но поразительно другое: блеск и чистота. Вымоешься, спустишь жалюзи, ляжешь на кровать и думаешь: вот так бы все время жить, можно бы сто лет прожить, и ни одна хворь тебя бы не коснулась, потому что все продумано. Вот сейчас, когда я пишу это письмо, за окном прошли морячки строем. Вообще движение колоссальное.

Но что здесь поражает, так это вестибюль. У меня тут был один неприятный случай. Подошел я к сувенирам – лежит громадная зажигалка. Цена – 14 рублей. Ну, думаю, разорюсь – куплю. Как память о нашем пребывании. Дайте, говорю, посмотреть. А стоит девчушка молодая... И вот она увивается перед иностранцами – и так, и этак. Уж она и улыбается-то, она и показывает-то им все, и в глаза-то им заглядывает. Просто глядеть стыдно. Я говорю: дайте зажигалку посмотреть. Она на меня: вы же видите, я занята! Да с такой злостью, куда и улыбка девалась. Ну, я стою. А она опять к иностранцам, и опять на глазах меняется человек. Я и говорю ей: что ж ты уж так угодничаешь-то? Прямо на колени готова стать. Ну, меня отвели в сторонку, посмотрели документы... Нельзя, мол, так говорить. Мы, мол, все понимаем, но, тем не менее, должны проявлять вежливость. Да уж какая тут, говорю, вежливость: готова на четвереньки стать перед ними. Я их тоже уважаю, но у меня есть своя гордость, и мне за нее неловко. Ограничились одним разговором, никаких оргвыводов не стали делать. Я здесь не выпиваю, иногда только пива с Иваном выпьем, и все. Мы же понимаем, что на нас тоже смотрят. Дураков же не повезут за пять тысяч километров знакомить с памятниками архитектуры и вообще отдохнуть.

Смотрели мы тут одну крепость. Там раньше сидели зеки. Нас всех очень удивило, как у них там чистенько было, опрятно. А сроки были большие. Мы обратились к экскурсоводу: как же так, мол? Он объяснил, что, во-первых, это сейчас так чистенько, потому что стал музей, во-вторых, гораздо больше издевательства, когда чистенько и опрятно: сидели здесь в основном по политическим статьям, поэтому чистота как раз угнетала, а не радовала. Чистота и тишина. Между прочим, знаешь, как раньше пытали? Привяжут человека к столбу, выбреют макушку и капают на эту плешину по капле холодной воды – никто почесть не выдерживал. Вот додумались! Мы тоже удивлялись, а некоторые совсем не верили. Иван Девятов наотрез отказался верить. Мне, говорит, хоть ее ведрами лей... Экскурсовод только посмеялся. Вообще время проводим очень хорошо. Погода, правда, неважная, но тепло. Обращают на себя внимание многочисленные столовые и кафе, я уж не заикаюсь про рестораны. Этот вопрос здесь продуман. Были также с Иваном на базаре – ничего особенного: картошка, капуста и вся прочая дребедень. Но в магазинах – чего только нет! Жалюзей, правда, нет. Но вообще город куда ближе к коммунизму, чем деревня-матушка. Были бы только деньги. В следующем письме опишу наше посещение драмтеатра. Колоссально! Показывали москвичи одну пьесу... Ох, одна артистка выдавала! Голосок у ней все как вроде ломается, вроде она плачет, а – смех. Со мной сидел один какой-то шкелет – морщился: пошлятина, говорит, и манерность. А мы с Иваном до слез хохотали, хотя история сама по себе грустная. Я потом расскажу при встрече. Ты не подумай там чего-нибудь такого – это же искусство. Но мне лично эта пошлятина, как выразился шкелет, очень понравилась. Я к тому, что не обязательно – женщина. Мне также очень понравился один артист, который, говорят, живет в этом городе. Ты его, может, тоже видала в кино:

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru говорит быстро-быстро, легко, как семечки лускает. Маленько смахивает на бабу – голоском и манерами. Наверно, пляшет здорово, собака! Ну, до свиданья! Остаюсь жив-здоров.

Михаил Демин.

Постскриптум: вышли немного денег, рублей сорок мы с Иваном малость проелись. Иван тоже попросил у своей шестьдесят рублей. Потом наворачстаем. Все».

Вот такое письмо. Повторяю, имена я переменял.

А шишечка эта на окне – правда, занятная: повернешь влево – этакий зеленоватый полумрак в комнате, повернешь вправо – светло. Я бы сам дома сделал такую штуку. Надо тоже походить по магазинам поспрашивать: нет ли в продаже.

Волки

В воскресенье, рано утром, к Ивану Дегтяреву явился тесть, Наум Кречетов, нестарый еще, расторопный мужик, хитрый и обаятельный. Иван не любил тестя; Наум, жалеючи дочь, терпел Ивана.

– Спишь? – живо заговорил Наум. – Эхха!.. Эдак, Ванечка, можно все царство небесное проспаться. Здравствуйте.

– Я туда не сильно хотел. Не устремляюсь.

– Зря. Вставай-ка... Поедем съездим за дровишками. Я у бригадира выпросил две подводы. Конечно, не за «здорово живешь», но черт с ним – дров надо.

Иван полежал, подумал... И стал одеваться.

– Вот ведь почему молодежь в город уходит? – заговорил он. – Да потому, что там отработал норму – иди гуляй. Отдохнуть человеку дают. Здесь как проклятый: ни дня, ни ночи. Ни воскресенья.

– Што же, без дров сидеть? – спросила Нюра, жена Ивана. – Ему же коня достали, и он же еще недовольный.

– Я слышал: в городе тоже работать надо, – заметил тесть.

– Надо. Я бы счас с удовольствием лучше водопровод пошел рыть, траншеи: выложился раз, зато потом без горя – и вода, и отопление.

– С одной стороны, конечно, хорошо – водопровод, с другой – беда: ты б тогда совсем заспался. Ну, хватит, поехали.

– Завтракать будешь? – спросила жена.

Иван отказался – не хотелось.

– С похмелья? – полюбопытствовал Наум.

– Так точно, ваше благородие!

– Да-а... Вот так. А ты говоришь – водопровод... Ну, поехали.

День был солнечный, ясный. Снег ослепительно блестел. В лесу тишина и нездешний покой.

Ехать надо было далеко, верст двадцать: ближе рубить не разрешалось.

Наум ехал впереди и все возмущался:

– Черт-те чего!.. Из лесу в лес – за дровами.

Иван дремал в санях. Мерная езда убаюкивала.

Выехали на просеку, спустились в открытую логовину, стали подыматься в гору. Там, на горе, снова синей стеной вставал лес.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Почти выехали в гору... И тут увидели, недалеко от дороги, – пять штук. Вышли из леса, стоят, ждут. Волки.

Наум остановил коня, негромко, нараспев заматерился:

– Твою в душеньку ма-ать... Голубочки сизые. Выставились.

Конь Ивана, молодой, трусливый, попятился, заступил оглоблю. Иван задергал вожжами, разворачивая его. Конь храпел, бил ногами – не мог перешагнуть оглоблину.

Волки двинулись с горы.

Наум уже развернулся, крикнул:

– Ну, что ты?!

Иван выскочил из саней, насилу втолкал коня в оглобли... Упал в сани. Конь сам развернулся и с места взял в мах.

Наум был уже далеко.

– Грабю-ут! – заполошно орал он, нахлестывая коня.

Волки серыми комками податливо катились с горы, наперерез подводам.

– Грабю-ут! – орал Наум.

«Что он, с ума сходит? – невольно подумал Иван. – Кто кого грабит?» Он испугался, но как-то странно: был и страх, и жгучее любопытство, и смех брал над тестем. Скоро, однако, любопытство прошло. И смешно тоже уже не было. Волки достигли дороги метрах в ста позади саней и, вытянувшись цепочкой, стали легко нагонять. Иван крепко вцепился в передок саней и смотрел на волков.

Впереди отмахивал крупный, грудастый, с паленой мордой... Уже только метров пятнадцать-двадцать отделяло его от саней. Ивана поразило несходство волка с овчаркой. Раньше он волков так близко не видел и считал, что это что-то вроде овчарки, только крупнее. Сейчас понял, что волк – это волк, зверь. Самую лютую собаку еще может в последний миг что-то остановить: страх, ласка, неожиданный властный окрик человека. Этого, с паленой мордой, могла остановить только смерть. Он не рычал, не пугал... Он догонял жертву. И взгляд его круглых желтых глаз был прям и прост.

Иван оглядел сани – ничего, ни малого прутика. Оба топора в санях тестя. Только клок сена под боком да бич в руке.

– Грабю-ут! – кричал Наум.

Ивана охватил настоящий страх.

Передний, очевидно вожак, стал обходить сани, примериваясь к лошади. Он был в каких-нибудь двух метрах... Иван привстал и, держась левой рукой за отводину саней, огрел жоака бичом. Тот не ждал этого, лязгнув зубами, прыгнул в сторону, сбился с маха... Сзади налетели другие. Вся стая крутнулась с разгона вокруг жоака. Тот присел на задние лапы, ударил клыками одного, другого... И снова, вырвавшись вперед, легко догнал сани. Иван привстал, ждал момента... Хотел еще раз достать жоака. Но тот стал обходить сани дальше. И еще один отвалил в сторону от своры и тоже начал обходить сани – с другой стороны. Иван стиснул зубы, сморщился...

«Конец. Смерть». Глянул вперед.

Наум нахлестывал коня. Оглянулся, увидел, как обходят зятя волки, и быстро отвернулся.

– Грабю-ут!

– Придержи малость, отец!.. Дай топор! Мы отобьемся!..

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Грабю-ут!

– Придержи, мы отобьемся!.. Придержи малость, гад такой!

– Кидай им чево-нибудь! – крикнул Наум.

Вожак поравнялся с лошадей и выбирал момент, чтоб прыгнуть на нее. Волки, бежавшие сзади, были совсем близко: малейшая задержка, и они с ходу влетят в сани – и конец. Иван кинул клочок сена; волки не обратили на это внимания.

– Отец, сука, придержи, кинь топор!

Наум обернулся.

– Ванька!.. Гляди, кину!..

– Ты придержи!

– Гляди, кидаю! – Наум бросил на обочину дороги топор.

Иван примерился... Прыгнул из саней, схватил топор... Прыгая, он пугнул трех задних волков, они отскочили в сторону, осадил бег, намереваясь броситься на человека. Но в то самое мгновение вожак, почувствовав под собой твердый наст, прыгнул. Конь шарахнулся в сторону, в сугроб... Сани перевернулись: оглобли свернули хомут, он захлестнул коню горло. Конь захрипел, забился в оглоблях. Волк, настигавший жертву с другой стороны, прыгнул под коня и ударом когтистой лапы распустил ему брюхо повдоль.

Три отставших волка бросились тоже к жертве.

В следующее мгновение все пять рвали мясо еще дрыгавшей лошади, растаскивали на ослепительно белом снегу дымящиеся клубки сизо-красных кишок, урчали. Вожак дважды прямо глянул своими желтыми круглыми глазами на человека...

Все случилось так чудовищно скоро и просто, что смахивало скорей на сон. Иван стоял с топором в руках, растерянно смотрел на жадное, торопливое пиршество. Вожак еще раз глянул на него... И взгляд этот, торжествующий, наглый, обозлил Ивана. Он поднял топор, заорал что было силы и кинулся к волкам. Они нехотя отбежали несколько шагов и остановились, облизывая окровавленные рты. Делали они это так старательно и увлеченно, что, казалось, человек с топором нимало их не занимает. Впрочем, вожак смотрел внимательно и прямо. Иван обругал его самыми страшными словами, какие знал. Взмахнул топором и шагнул к нему... Вожак не двинулся с места. Иван тоже остановился.

– Ваша взяла, – сказал он. – Жрите, сволочи. – И пошел в деревню. На растерзанного коня старался не смотреть. Но не выдержал, глянул... И сердце сжалось от жалости, и злость великая взяла на тестя. Он скорым шагом пошел по дороге.

– Ну погоди!.. Погоди у меня, змей ползучий. Ведь отбились бы и конь был бы целый. Шкура.

Наум ждал зятя за поворотом. Увидев его живого и невредимого, искренне обрадовался:

– Живой? Слава те господи! – На совести у него все-таки было нелегко.

– Живой! – откликнулся Иван. – А ты тоже живой?

Наум почуял в голосе зятя недоброе. На всякий случай зашагнул в сани.

– Ну, что они там?..

– Поклон тебе передают. Шкура!..

– Чего ты? Лаешься-то?..

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Счас я тебя бить буду, а не лаяться. – Иван подходил к саням.

Наум стегнул лошадь.

– Стой! – крикнул Иван и побежал за санями. – Стой, паразит!

Наум опять нахлестывал коня... Началась другая гонка: человек догонял человека.

– Стой, тебе говорят! – крикнул Иван.

– Заполосный! – кричал в ответ Наум. – Чего ты взъелся-то? С ума, что ли, спятил? Я-то при чем здесь?

– Ни при чем?! Мы бы отбились, а ты предал!..

– Да где же отбились?! Где отбились-то, ты што!

– Предал, змей! я тебя проучу малость. Не уйдешь ты от меня, остановись лучше. Одного отметелю – не так будет позорно. А то при людях отлуплю. И расскажу все... Остановись лучше!

– Сейчас – остановился, держи карман! – Наум нахлестывал коня. – Оглоед чертов... откуда ты взялся на нашу голову!

– Послушай доброго совета – остановись! – Иван стал выдыхаться. – Тебе же лучше: отметелю и никому не скажу.

– Тебя, дьявола, голого почесть в родню приняли, и ты же на меня с топором! Стыд-то есть или нету?

– Вот отметелю, потом про стыд поговорим. Остановись! – Иван бежал медленно, уже далеко отстал. И наконец вовсе бросил догонять. Пошел шагом.

– Найду, никуда не денешься! – крикнул он напоследок тестю.

Дома у себя Иван никого не застал: на двери висел замок. Он отомкнул его, вошел в дом. Поискал в шкафу... Нашел недопитую вчера бутылку водки, налил стакан, выпил и пошел к тестю.

В ограде тестя стояла выпряженная лошадь.

– Дома, – удовлетворенно сказал Иван. – Счас будем уроки учить.

Толкнулся в дверь – не заперто. Он ждал, что будет заперто. Иван вошел в избу... Его ждали: в избе сидели тесть, жена Ивана и милиционер. Милиционер улыбался.

– Ну что, Иван?

– Та-ак... Сбегал уже? – спросил Иван, глядя на тестя.

– Сбегал, сбегал. Налил шары-то, успел?

– Малость принял для... красноречия. – Иван сел на табуретку.

– Ты чего это, Иван? С ума, что ли, сошел? – поднялась Нюра. – Ты что?

– Хотел папаню твоего поучить... Как надо человеком быть.

– Брось ты, Иван, – заговорил милиционер. – Ну, случилось несчастье, испугались оба... Кто же ждал, что так будет? Стихия.

– Мы бы легко отбились. Я потом один был с ними...

– я же тебе бросил топор? Ты попросил, я бросил. Чего еще-то от меня требовалось?

– Самую малость: чтоб ты человеком был. А ты – шкура. Учить я тебя все равно

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru буду.

– Учитель выискался! Сопля... Гол как сокол, пришел в дом на все готовенькое да еще грозитя. Да еще недовольный всем: водопроводов, видите ли, нету!

– Да не в этом дело, Наум, – сказал милиционер. – При чем тут водопровод?

– В деревне плохо!.. В городе лучше, – продолжал Наум. – А чево приперся сюда? Недовольство свое показывать? Народ возбуждать против Советской власти?

– От сука! – изумился Иван. И встал.

Милиционер тоже встал.

– Бросьте вы! Пошли, Иван...

– Таких возбудителей-то знаешь куда девают? – не унимался Наум.

– Знаю! – ответил Иван. – В прорубь головой... – И шагнул к тестю.

Милиционер взял Ивана под руки и повел из избы.

На улице остановились, закурили.

– Ну не паразит ли! – все изумлялся Иван. – И на меня же попер.

– Да брось ты его!

– Нет, отметелить я его должен.

– Ну и заработаешь! Из-за дерьма.

– Куда ты меня сейчас?!

– Пойдем, переночуешь у нас... Остынешь. А то себе хуже сделаешь. Не связывайся.

– Нет, это же... што ж это за человек?

– Нельзя, Иван, нельзя: кулаками ничего не докажешь.

Пошли по улице по направлению к сельской кутузке.

– Там-то не мог? – спросил вдруг милиционер.

– Не догнал! – с досадой сказал Иван. – Не мог догнать.

– Ну вот... Теперь – все, теперь нельзя.

– Коня жалко.

– Да...

Замолчали. Долго шли молча.

– Слушай: отпусти ты меня. – Иван остановился. – Ну чего я в воскресенье там буду?! Не трону я его.

– Да нет, пойдём. А то потом не оберешься... Тебя жалеючи, говорю. Пойдем сейчас в шахматишки сыграем... Играешь в шахматы?

Иван сплюнул на снег окурков и полез в карман за другой папироской.

– Играю.

Чудик

Жена называла его – Чудик. Иногда ласково.

Чудик обладал одной особенностью: с ним постоянно что-нибудь случалось. Он не

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru хотел этого, страдал, но то и дело влипал в какие-нибудь истории – мелкие, впрочем, но досадные.

Вот эпизод одной его поездки.

Получил отпуск, решил съездить к брату на Урал: лет двенадцать не виделись.

– А где блесна такая... на-подвид битюря?! – орал Чудик из кладовой.

– Я откуда знаю?

– Да вот же все тут лежали! – Чудик пытался строго смотреть круглыми иссиня-белыми глазами. – Все тут, а этой, видите ли, нету.

– На битюря похожая?

– Ну, щучья.

– Я ее, видно, зажарила по ошибке.

Чудик некоторое время молчал.

– Ну, и как?

– Что?

– Вкусная? А-ха-ха!.. – Он совсем не умел острить, но ему ужасно хотелось. – Зубки-то целые? Она ж – дюралевая!..

..Долго собирались – до полуночи.

А рано утром Чудик шагал с чемоданом по селу.

– На Урал! На Урал! – отвечал он на вопрос: куда это он собрался? – Проветриться надо! – При этом круглое мясистое лицо его, круглые глаза выражали в высшей степени плевое отношение к дальним дорогам – они его не пугали. – На Урал!

Но до Урала было еще далеко.

Пока что он благополучно доехал до районного города, где предстояло ему взять билет и сесть в поезд.

Времени оставалось много. Чудик решил пока закупить подарков племяшам – конфет, пряников... Зашел в продовольственный магазин, пристроился в очередь. Впереди него стоял мужчина в шляпе, а впереди шляпы – полная женщина с крашеными губами. Женщина негромко, быстро, горячо говорила шляпе:

– Представляете, насколько надо быть грубым, бестактным человеком! У него склероз, хорошо, у него уже семь лет склероз, однако никто не предлагал ему уходить на пенсию. А этот – без году неделя руководит коллективом – и уже: «Может, вам, Александр Семеныч, лучше на пенсию?» Нах-хал!

Шляпа поддакивала.

– Да, да... Они такие теперь. Подумаешь, склероз. А Сумбатыч?.. Тоже последнее время текст не держал. А эта, как ее?..

Чудик уважал городских людей. Не всех, правда: хулиганов и продавцов не уважал. Побаивался.

Подошла его очередь. Он купил конфет, пряников, три плитки шоколада. И отошел в сторону, чтобы уложить все в чемодан. Раскрыл чемодан на полу, стал укладывать... что-то глянул на полу-то, а у прилавка, где очередь, лежит в ногах у людей пятидесятирублевая бумажка. Этакая зеленая дурочка, лежит себе, никто ее не видит. Чудик даже задрожал от радости, глаза загорелись. Второпях, чтоб его не опередил кто-нибудь, стал быстро соображать, как бы повеселее, поостроумнее сказать этим, в очереди, про бумажку.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Хорошо живете, граждане! – сказал он громко и весело.

На него оглянулись.

– У нас, например, такими бумажками не швыряются.

Тут все немного поволновались. Это ведь не тройка, не пятерка – пятьдесят рублей, полмесяца работать надо. А хозяина бумажки – нет.

«Наверно, тот, в шляпе», – догадался Чудик.

Решили положить бумажку на видное место на прилавке.

– Сейчас прибежит кто-нибудь, – сказала продавщица.

Чудик вышел из магазина в приятнейшем расположении духа. Все думал, как это у него легко, весело получилось: «У нас, например, такими бумажками не швыряются!» Вдруг его точно жаром всего обдало: он вспомнил, что точно такую бумажку и еще двадцатипятирублевую ему дали в сберкассе дома. Двадцатипятирублевую он сейчас разменял, пятидесятирублевая должна быть в кармане... Сунулся в карман – нету. Туда-сюда – нету.

– Моя была бумажка-то! – громко сказал Чудик. – Мать твою так-то!.. Моя бумажка-то.

Под сердцем даже как-то зазвенело от горя. Первый порыв был пойти и сказать: «Граждане, моя бумажка-то. Я их две получил в сберкассе: одну двадцатипятирублевую, другую полусотельную. Одну, двадцатипятирублевую, сейчас разменял, а другой – нету». Но только он представил, как он огорошит всех этим своим заявлением, как подумают многие: «Конечно, раз хозяина не нашлось, он и решил прикарманить». Нет, не пересилить себя – не протянуть руку за проклятой бумажкой. Могут еще и не отдать.

– Да почему же я такой есть-то? – вслух горько рассуждал Чудик. – Что теперь делать?..

Надо было возвращаться домой.

Подошел к магазину, хотел хоть издали посмотреть на бумажку, постоял у входа... И не вошел. Совсем больно станет... Сердце может не выдержать.

Ехал в автобусе и негромко ругался – набирался духу: предстояло объяснение с женой.

Сняли с книжки еще пятьдесят рублей.

Чудик, убитый своим ничтожеством, которое ему опять разъясняла жена (она даже пару раз стукнула его шумовкой по голове), ехал в поезде. Но постепенно горечь проходила. Мелькали за окном леса, перелески, деревеньки... Входили и выходили разные люди, рассказывались разные истории. Чудик тоже одну рассказал какому-то интеллигентному товарищу, когда стояли в тамбуре, курили.

– У нас в соседней деревне один дурак тоже... Схватил головешку – и за матерью. Пьяный. Она бежит от него и кричит: «Руки, кричит, руки-то не обожги, сынок!» О нем же и заботится... А он прет, пьяная харя. На мать. Представляете, каким надо быть грубым, бестактным...

– Сами придумали? – строго спросил интеллигентный товарищ, глядя на Чудика поверх очков.

– Зачем? – не понял тот. – У нас за рекой, деревня Раменское...

Интеллигентный товарищ отвернулся к окну и больше не говорил.

После поезда Чудик надо было еще лететь местным самолетом полтора часа. Он когда-то летал разок. Давно. Садился в самолет не без робости. «Неужели в нем за

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru полтора часа ни один винтик не испортится!» – думал. Потом – ничего, осмелел. Попытался даже заговорить с соседом, но тот читал газету, и так ему было интересно, что там, в газете, что уж послушать живого человека ему не хотелось. А Чудик хотел выяснить вот что: он слышал, что в самолетах дают поесть. А что-то не несли. Ему очень хотелось поесть в самолете – ради любопытства.

«Зажилили», – решил он.

Стал смотреть вниз. Горы облаков внизу. Чудик почему-то не мог определенно сказать: красиво это или нет? А кругом говорили, что «ах, какая красота!» Он только ощутил вдруг глупейшее желание: упасть в них, в облака, как в вату. Еще он подумал: «Почему же я не удивляюсь? Ведь подо мной чуть не пять километров». Мысленно отмерил эти пять километров на земле, поставил их «на попа» – чтоб удивиться, и не удивился.

– Вот человек!.. Придумал же, – сказал он соседу. Тот посмотрел на него, ничего не сказал, зашуршал опять газетой.

– Пристегнитесь ремнями! – сказала миловидная молодая женщина. – Идем на посадку.

Чудик послушно застегнул ремень. А сосед – ноль внимания. Чудик осторожно тронул его:

– Велят ремень застегнуть.

– Ничего, – сказал сосед. Отложил газету, откинулся на спинку сиденья и сказал, словно вспоминая что-то: – Дети – цветы жизни, их надо сажать головками вниз.

– Как это? – не понял Чудик.

Читатель громко засмеялся и больше не стал говорить.

Быстро стали снижаться. Вот уж земля – рукой подать, стремительно летит назад. А толчка все нет. Как потом объяснили знающие люди, летчик «промазал» Наконец толчок, и всех начинает так швырять, что послышался зубовой стук и скрежет. Этот читатель с газетой сорвался с места, боднул Чудика лысой головой, потом приложился к иллюминатору, потом очутился на полу. За все это время он не издал ни одного звука. И все вокруг тоже молчали – это поразило Чудика. Он тоже молчал. Стали. Первые, кто опомнился, глянули в иллюминаторы и обнаружили, что самолет – на картофельном поле. Из пилотской кабины вышел мрачноватый летчик и пошел к выходу. Кто-то осторожно спросил его:

– Мы, кажется, в картошку сели?

– Что, сами не видите, – ответил летчик.

Страх схлынул, и наиболее веселые уже пробовали робко остеречь.

Лысый читатель искал свою искусственную челюсть. Чудик отстегнул ремень и тоже стал искать.

– Эта?! – радостно воскликнул он. И подал.

У читателя даже лысина побагровела.

– Почему обязательно надо руками трогать? – закричал он шепеляво.

Чудик растерялся.

– А чем же?..

– Где я ее кипятить буду?! Где?!

Этого Чудик тоже не знал.

– Поедемте со мной? – предложил он. – У меня тут брат живет. Вы опасаетесь, что я туда микробов занес? У меня их нету...

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Читатель удивленно посмотрел на Чудика и перестал кричать.

В аэропорту Чудик написал телеграмму жене:

«Приземлились. Ветка сирени упала на грудь, милая Груша, меня не забудь. Васятка».

Телеграфистка, строгая сухая женщина, прочитав телеграмму, предложила:

– Составьте иначе. Вы – взрослый человек, не в детсаде.

– Почему? – спросил Чудик. – Я ей всегда так пишу в письмах. Это же моя жена!.. Вы, наверно, подумали...

– В письмах можете писать что угодно, а телеграмма – это вид связи. Это открытый текст.

Чудик переписал.

«Приземлились. Все в порядке. Васятка».

Телеграфистка сама исправила два слова: «Приземлились» и «Васятка». Стало: «Долетели. Василий».

– «Приземлились». Вы что, космонавт, что ли?

– Ну, ладно, – сказал Чудик. – Пусть так будет.

...Знал Чудик, есть у него брат Дмитрий, трое племянников... О том, что должна еще быть сноха, как-то не думалось. Он никогда не видел ее. А именно, она-то, сноха, все испортила, весь отпуск. Она почему-то сразу невзлюбила Чудика.

Выпили вечером с братом, и Чудик запел дрожащим голосом:

Тополя-а-а...

Софья Ивановна, сноха, выглянула из другой комнаты, спросила зло:

– А можно не орать? Вы же не на вокзале, верно? – И хлопнула дверью.

Брату Дмитрию стало неловко.

– Это... там ребятишки спят. Вообще-то она хорошая.

Еще выпили. Стали вспоминать молодость, мать, отца...

– А помнишь?.. – радостно спрашивал брат Дмитрий. – Хотя, кого ты там помнишь! Грудной был. Меня оставят с тобой, а я тебя зацеловывал. Один раз ты посинел даже. Попадало мне за это. Потом уже не стали оставлять. И все равно: только отвернутся, я около тебя – опять целую. Черт знает, что за привычка была. У самого-то еще сопли по колена, а уж... это... с поцелуями...

– А помнишь?! – тоже вспоминал Чудик. – Как ты меня...

– Вы прекратите орать? – опять спросила Софья Ивановна совсем зло, нервно. – Кому нужно слушать эти ваши разные сопли да поцелуи? Туда же – разговорились.

– Пойдем на улицу, – сказал Чудик.

Вышли на улицу, сели на крылечке.

– А помнишь? – продолжал Чудик.

Но тут с братом Дмитрием что-то случилось: он заплакал и стал колотить кулаком по колену.

– Вот она, моя жизнь! Видел? Сколько злости в человеке!.. Сколько злости!

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Чудик стал успокаивать брата.

– Брось, не расстраивайся. Не надо. Никакие они не злые, они – психи. У меня такая же.

– Ну чего вот невзлюбила?! За што? Ведь она невзлюбила тебя... А за што?

Тут только понял Чудик, что – да, невзлюбила его сноха. А за что действительно?

– А вот за то, што ты – никакой не ответственный, не руководитель. Знаю я ее, дуру. Помешалась на своих ответственных. А сама-то кто! Буфетчица в управлении, шишка на ровном месте. Насмотрится там и начинает... Она и меня-то тоже ненавидит – что я не ответственный, из деревни.

– В каком управлении-то?

– В этом... горно... Не выговорить сейчас. А зачем выходить было? Што она, не знала, што ли?

Тут и Чудика задело за живое.

– А в чем дело, вообще-то? – громко спросил он, не брата, кого-то еще. – Да если хотите знать, почти все знаменитые люди вышли из деревни. Как в черной рамке, так смотришь – выходец из деревни. Надо газеты читать!.. Што ни фигура, понимаешь, так – выходец, рано пошел работать.

– А сколько я ей доказывал: в деревне-то люди лучше, незаносистые.

– А Степана-то Воробьева помнишь? Ты ж знал его...

– Знал, как же.

– Уж там куда деревня!.. А – пожалуйста: Герой Советского Союза. Девять танков уничтожил. На таран шел. Матери его теперь пожизненно пенсию будут шестьдесят рублей платить. А разузнали только недавно, считали – без вести...

– А Максимов Илья!.. Мы ж вместе уходили. Пожалуйста – кавалер Славы трех степеней. Но про Степана ей не говори... Не надо.

– Ладно. А этот-то!..

Долго еще шумели возбужденные братья. Чудик даже ходил около крыльца и размахивал руками.

– Деревня, видите ли!.. Да там один воздух чего стоит! Утром окно откроешь – как, скажи, обмоет тебя всего. Хоть пей его – до того свежий да запашистый, травами разными пахнет, цветами разными...

Потом они устали.

– Крышу-то перекрыл? – спросил старший брат негромко.

– Перекрыл. – Чудик тоже тихо вздохнул. – Веранду подстроил – любо глядеть. Выйдешь вечером на веранду... начинаешь фантазировать: вот бы мать с отцом были бы живые, ты бы с ребятами приехал – сидели бы все на веранде, чай с малиной попивали. Малины нынче уродилось пропасть. Ты, Дмитрий, не ругайся с ней, а то она хуже невзлюбит. А я как-нибудь поласковой буду, она, глядишь, отойдет.

– А ведь сама из деревни! – как-то тихо и грустно изумился Дмитрий. – А вот... Детей замучила, дура: одного на пианинах замучила, другую в фигурное катание записала. Сердце кровью обливается, а – не скажи, сразу ругань.

– Ммх!.. – опять возбудился Чудик. – Никак не понимаю эти газеты: вот, мол, одна такая работает в магазине – грубая. Эх, вы!.. а она домой придет – такая же. Вот где горе-то! И я не понимаю! – Чудик тоже стукнул кулаком по колену. – Не понимаю: почему они стали злые?

Когда утром Чудик проснулся, никого в квартире не было: брат Дмитрий ушел на

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
работу, сноха тоже, дети, постарше, играли во дворе, маленького отнесли в ясли.

Чудик прибрал постель, умылся и стал думать, что бы такое приятное сделать снохе. Тут на глаза ему попала детская коляска. «Эге! – подумал Чудик. – Разрисую-ка я ее». Он дома так разрисовал печь, что все дивились. Нашел ребячьи краски, кисточку и принялся за дело. Через час все было кончено; коляску не узнать. По верху колясочки Чудик пустил журавликов – стайку уголком, по низу – цветочки разные, травку-муравку, пару петушков, цыпляток... Осмотрел коляску со всех сторон – загляденье. Не колясочка, а игрушка. Представил, как будет приятно изумлена сноха, усмехнулся.

– А ты говоришь – деревня. Чудачка. – Он хотел мира со снохой. – Ребенок-то как в корзиночке будет.

Весь день Чудик ходил по городу, глазел на витрины. Купил катер племяннику, хорошенький такой катерок, белый, с лампочкой. «Я его тоже разрисую», – думал.

Часов в 6 Чудик пришел к брату. Взошел на крыльцо и услышал, что брат Дмитрий ругается с женой. Впрочем, ругалась жена, а брат Дмитрий только повторял:

– Да ну, что тут!.. Да ладно... Сонь... Ладно уж...

– Чтоб завтра же этого дурака не было здесь! – кричала Софья Ивановна. – Завтра же пусть уезжает!

– Да ладно тебе!.. Сонь...

– Не ладно! Не ладно! Пусть не дожидается – выкину его чемодан к чертовой матери, и все!

Чудик поспешил сойти с крыльца... А дальше не знал, что делать. Опять ему стало больно. Когда его ненавидели, ему было очень больно. И страшно. Казалось: ну, теперь все, зачем же жить? И хотелось куда-нибудь уйти подальше от людей, которые ненавидят его или смеются.

– Да почему же я такой есть-то? – горько шептал он, сидя в сарайчике. – Надо бы догадаться: не поймет ведь она, не поймет народного творчества.

Он досидел в сарайчике дотемна. И сердце все болело. Потом пришел брат Дмитрий. Не удивился – как будто знал, что брат Василий давно уж сидит в сарайчике.

– Вот... – сказал он. – Это... опять расшумелась. Коляску-то... не надо бы уж.

– Я думал, ей поглянется. Поеду я, братка.

Брат Дмитрий вздохнул... И ничего не сказал.

Домой Чудик приехал, когда шел рясный парной дождик. Чудик вышел из автобуса, снял новые ботинки, побежал по теплой мокрой земле – в одной руке чемодан, в другой ботинки. Подпрыгивал и пел громко:

Тополя-а-а, тополя-а...

С одного края небо уже очистилось, голубело, и близко где-то было солнышко. И дождик редел, шлепал крупными каплями в лужи; в них вздувались и лопались пузыри.

В одном месте Чудик поскользнулся, чуть не упал.

Звали его – Василий Егорыч Князев. Было ему тридцать девять лет от роду. Он работал киномехаником в селе. Обожал сыщиков и собак. В детстве мечтал быть шпионом.

Версия

Санька Журавлев рассказал диковинную историю. Был он в городе (мотоцикл ездил покупать), зашел там в ресторан покушать. Зашел, снял плащ в гардеробе, направился в зал... А не заметил, что зал отделяет стеклянная стена – пошел на эту

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru стенку. И высадил ее. Она прямо так стоя и упала перед Санькой и со звоном разлетелась в куски. Ну, сбежались, Санька был совершенно трезв, поэтому милицию вызывать не стали, а повели его к директору ресторана на второй этаж. Человек, который вел его по мягкой лестнице, подсчитал:

– Зарплаты две выложишь. А то и три.

– Я же не нарочно.

– Мало ли что!

Зашли в кабинет директора... И тут-то и начинается диковина, тут сельские люди слушали и переглядывались – не верили. Санька рассказывал так:

– Заходим – сидит молодая женщина. Пышная, глаза маленько навывкате, губки бантиком, при золотых часиках. «Что случилось?» Товарищ этот начинает ей докладывать, что вот, мол, стенку решили... А эта на меня смотрит. – Тут Санька всякий раз хотел показать, как она на него смотрела: делал губы куриной гузкой и выпучивал глаза. И смотрел на всех. Люди смеялись и продолжали не верить.

– Ну, ну?

– Она этому товарищу говорит: «Ну хорошо, говорит, идите. Мы разберемся». А кабинет!.. Ну, ё-мое, наверно, у министров такие: кругом мягкие креслы, диваны, на стенах картины... «Вы откуда?» – спрашивает. Я объяснил. «Так, так, – говорит. – Как же это вы так?» А сама на меня смо-отрит, смо-отрит... До-олго смотрела.

Еще потому не верили земляки Саньке, что смотреть-то на него, да еще, как он уверяет, долго, да еще городской женщине – зачем, господи?! Чего там высматривать-то? Длинный, носатый, весь в морщинах раньше времени... Догадывались, что Саня потому и выдумал эту историю, чтобы хоть так отыграться за то, что деревенские девки его не любили.

– Ну-ну, Саня? Дальше?

Дальше Саня бил в самое дыхало; история начинала звенеть и искриться, как та стенка в ресторане...

– Дальше мы едем с ней в ее трехкомнатную квартиру и гужуемся. Три дня! Я просыпаюсь, от так от шарю возле кровати, нахожу бутылку шампанского – буль-буль-буль!.. Она мне: «Ты бы хоть из фужера, Санёк, вон же фужеров полно!» Я говорю: «Имел я в виду эти фужеры!» Гужуемся три дня и три ночи! Как во сне жил. Она на работу вечером ходит, я пока один в квартире. Ванну принимаю, в туалете сижу... Ванна отделана голубым кафелем, туалет – желтым. Все блестит, мебель вся лакирована. Я сперва с осторожностью относился, она заметила, подняла на смех. «Брось ты, говорит, Санёк! Надо, чтоб вещи тебе служили, а не ты вещам. Что же, говорит, я все это с собой, что ли, возьму?» Шторы такие зеленые с листочками... Задернешь – полумрак такой в комнатах. Кто-нибудь спал из вас в спальне из карельской березы? Мы же фраера! Мы думаем, что спать на панцирной сетке – это мечта жизни. Счас я себе делаю кровать из простой березы... город давно уже перешел на деревянные кровати. Если ты каждый день получаешь гигантский стресс, то выспаться-то ты должен!

– Ну, ну, Сань?

– Так проходят эти три дня. Вечером она привозит на такси курочек, разные заливные... Они мне сигналиют, я спускаюсь, беру переносной такой холодильник, несу... И мы опять гужуемся. Включаем радиолу на малую громкость, попиваем шампанское... Чего только моя левая нога захочет, я то немедленно получаю. Один раз я говорю: «А вот я видел в кино: наливают человек немного виски в стакан, потом туда из сифончика... Ты можешь так?» – «Это, говорит, называется виски с содовой. Сифон у меня есть, виски счас привезут». Точно, минут через пятнадцать привезли виски. Они мне, кстати, не поглянулись. Я пил водку с содовой. От так от нажимаешь курочек на сифончике, оттуда как даст в стакан... Прелесть.

– А как со стеклом-то?

– С каким стеклом?

– Ну, разбил-то...

– А-а. А никак. Она меня потом разглядывала всего и удивлялась: «Как ты, говорит, не порезался-то?» А мотоцикл – я ей деньги отдал, мне его прямо к подъезду подкатили...

Вот такая история случилась будто бы с Санькой Журавлевым. Из всего этого несомненной правдой было: Санька в самом деле ездил в город; не было его три дня; мотоцикл привез именно такой, какой хотел и на какой брал деньги; лишних денег у него с собой не было. Это все правда. В остальное односельчане никак не могли поверить. Санька нервничал, злился... Говорил мужикам про такие поганые подробности, каких со зла не выдумаешь. Но считали, что всего этого Санька где-то наслышался.

– Ну, ё-мое! – психовал Санька. – Да где же я эти три дня был-то?! Где?!

– Может, в вырезвители.

– Да как я в вырезвитель-то попаду?! Как? У меня лишнего рубля не было!

– Ну, это... Свинья грязи найдет.

– Иди найди! Иди хоть пятак найди за так-то. На что же бы я жил-то три дня?

Этого не могли объяснить. Но и в пышного директора ресторана и в ее трехкомнатную квартиру – тоже не могли поверить. Это уж черт знает что такое – таких дур и на свете-то не бывает.

– Дистрофики! – обзывал всех Санька. – Жуки навозные. Что вы понимаете-то? Ну, что вы можете понимать в современной жизни?

Слушал как-то эту историю Егорка Юрлов, мрачноватый, бесстрашный парень, шофер совхозный. Дослушал до конца, усмехнулся ядовито. К нему все повернулись, потому что его мнение – как-то так повелось – уважали. И, надо сказать, он и вправду был парень неглупый.

– Что скажешь, Егорка?

– Версия, – кратко сказал Егорка.

– Какая версия? – не понял Санька.

– Что ты дурачка-то из себя строишь? – прямо спросил Егорка. – Чего ты людей в заблуждение вводишь?

Санька аж побелел... Думали, что они подерутся. Но Санька прищемил обиду зубами. И тоже прямо спросил:

– У тебя машина на ходу?

– Зачем?

– Я спрашиваю: у тебя машина на ходу? – Санька угрожающе придвинулся к Егорке. – Ну?

Егорка подождал, не кинется ли на него Санька; подождал и ответил:

– На ходу.

– Поедем, – приказным голосом сказал Санька. – Надоела мне эта комедия: им рассказываешь, как добрым, а они, стерва, хаханьки строят. Поедем к ней, я покажу тебе, как живут люди в двадцатом веке. Предупреждаю: без моего разрешения никого не лапать и не пить дорогое вино стаканами. Возможно, там соберется общество – может, подруги ее придут. Кто еще хочет ехать, фраера? – Саньку повело на спектакль – он любил иногда «выступить», но при всем том... При всем том он предлагал проверить, правду ли он говорит или врет. Это серьезно.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Егорка, не долго думая, сказал:

– Поехали.

– Кто еще хочет? – еще раз спросил Санька.

Никто больше не пожелал ехать. История сама по себе довольно темная, да еще два таких едут... Недолго и того... угореть.

А Санька с Егоркой поехали.

Дорогой еще раз ругнулись. Санька опять начал учить Егорку, чтоб он никого не лапал в городе и не пил дорогое вино стаканами.

– А то я ж вас знаю..

– Да пошел ты к такой-то матери! – обозлился Егорка. – Строит из себя, сидит... «Я – ва-ас...» Кого это «вас»-то? А ты-то кто такой?

– Я тебя учу, как лучше ориентироваться в новой обстановке, понял?

– Научи лучше себя – как не трепаться. Не врать. А то звону наделал... Счас, если приедем и там никакой трехкомнатной квартиры не окажется, – Егорка постучал пальцем по рулю, – обратно пойдешь пешком.

– Ладно. Но если все будет, как я говорил, я те... Ты принародно, в клубе, скажешь со сцены: «Товарищи, зря мы не верили Саньке Журавлеву – он не врал». Идет?

– Едет, – буркнул мрачный Егорка.

– Черти! – в сердцах сказал Санька. – Сами живут... как при царе Горохе, и других не пускают.

Приехали в город засветло.

«Направо», «Налево», «Прямо!» – командовал Санька. Он весь подсобрался, в глазах появилась решимость: он слегка трусил. Егорка искоса взглядывал на него, послушно поворачивал «влево», «вправо»... Он видел, что Санька вибрирует, но помалкивал. У него у самого сердце раза два сжалось в недобром предчувствии.

– Узнаю ресторан «Колос», – торжественно сказал Санька. – Тут, по-моему, опять налево. Да, иди налево.

– Адрес-то не знаешь, что ли?

– Адресов я никогда не помнил на глаз лучше всего.

Еще покрутились меж высоких спичечных коробков, поставленных стоймя... И подъехали к одному, и остановились.

– Вот он подъездик, – негромко сказал Санька. – Голубенький, с козырьком.

Посидели немного в кабине.

– Ну? – спросил Егорка.

– Счас... Она, наверно, на работе, – неуверенно сказал Санька. – Сколько счас?

– Без двадцати девять.

– У нее самый разгар работы...

– Ну-у... начинается. Уже очко работает?

– Пошли! – скомандовал Санька. – Пошли, теленочек, пошли. Если дома нет, поедем в ресторан.

Поднялись на четвертый этаж пешком...

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Так, – сказал Санька. Он волновался. – Следи за мной: как я, так и ты, но малость скромнее. Как будто ты мой бедный родственник... Фу! Волнуюсь, стерва. А чего волнуюсь? Упэред! – И он нажал беленький пупочек звонка.

За дверью из тишины послышались остренькие шажочки...

– Паркет, знаешь, какой!.. – успел шепнуть Санька.

В двери очень долго поворачивался и поворачивался ключ – может, не один?

Санька нервно подмигнул Егорке.

Наконец дверь приоткрылась... Санька растянул большой рот в улыбке, хотел двинуть дверь, чтоб она распахнулась приветливее, но она оказалась на цепочке.

– Кто это? – тревожно и недовольно спросили из-за двери. Женщина спросила.

– Ира... это я! – сказал Санька ненатуральным голосом. И улыбку растянул еще шире. Можно сказать, что на лице его в эту минуту были – нос и улыбка, остальное – морщины.

– Боже мой! – зло и насмешливо сказал голос за дверью (Егорка не видел из-за Саньки лица женщины), и дверь захлопнулась и резко, сухо щелкнула.

Санька ошалел... Посмотрел растерянно на Егорку.

– Ё-мое! – сказал он. – Она что, озверела?

– Может, не узнала? – без всякого ехидства подсказал Егорка.

Санька еще раз нажал на белый пупочек. За дверью молчали. Санька давил и давил на кнопочку. Наконец послышались шаги – тяжелые, мужские. Дверь опять открылась, но опять мешал цепок. Выглянуло розовое мужское лицо. Мужчина боднул строгим взглядом Саньку... Потом глаза его обнаружили мрачноватого Егорку и – быстро-быстро – поискали, нет ли еще кого? И, стараясь, чтоб вышло зло и страшно, спросил:

– В чем дело?

– Позови Ирину, – сказал Санька.

Мужчина мгновенье решал, как поступить... Из глубины квартиры ему что-то сказали. Мужчина резко захлопнул дверь. Санька тут же нажал на кнопку звонка и не отпускал. Дверь опять раскрылась.

– Что, выйти накостылять, что ли?! – уже всерьез злобно сказал мужчина.

Санька подставил ногу под дверь, чтобы мужчина не сумел ее закрыть.

– Выйди на минутку, – сказал он. – Я спрошу кое-что.

Мужчина чуть отступил и всем телом ринулся на дверь... Санька взвыл. Егорка с той стороны – точно так, как тот за дверью – откачнулся и саданул дверь плечом. Санька выдернул ногу и тоже навалился плечом на дверь.

– Семен! – заполошно крикнул мужчина.

Пока Семен бежал в тапочках на зов товарища, молодые деревенские бычки поднатужились тут... Цепочка лопнула.

– Руки вверх! – заорал Санька, ввалившись в коридор.

Мужчина с розовым лицом попятился от них... Мужчина в тапочках тоже резко осадил бег. Но тут вперед с визгом вылетела коротконогая женщина с могучим торсом.

– Вон-он! – Странно, до чего она была легкая при своей тучности, и до чего же пронзительно она визжала. – Вон отсюда, сволочи!! Звоните в милицию! Я звоню в

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru милицию! – Женщина так же легко ускакала звонить.

– Пошли, Санька, – сказал Егорка.

Санька не знал, как подумать про все это.

– Пошли, – еще сказал Егор.

– Нет, не пошли-и, – свирепо сказал розоволицый. И стал надвигаться на Саньку. – Нет, не пошли-и... Так просто, да? Семен, заходи-ка с той стороны. Окружай хулиганов!

Человек в тапочках пошел было окружать. Но тут вернулся от двери Егор...

...Из «окружения» наши орлы вышли, но получили по пятнадцать суток. А у Егорки еще и права на полгода отняли – за своевольную поездку в город. Странно, однако, что деревенские после всего этого в Санькину историю полностью поверили. И часто просили рассказать, как он гужевался в городе три дня и три ночи. И смеялись.

Не смеялся только Егорка: без машины стал меньше зарабатывать.

– Дурак – поперся, – ворчал он. – На кой черт?

– Егор, а как баба-то? Правда, что ли, шибко красивая?

– Да я и разглядеть-то не успел как следует: прыгал какой-то буфет по квартире...

– А квартира-то, правда, что ли, такая шикарная?

– Квартира шикарная. Квартиру успел разглядеть. Квартира шикарная.

Санька долго еще ходил по деревне героем.

Горе

Бывает летом пора: полынь пахнет так, что сдуреть можно. Особенно почему-то ночами. Луна светит, тихо... Непокойно на душе, томительно. И думается в такие огромные, светлые, ядовитые ночи вольно, дерзко, сладко. Это даже – не думается, что-то другое: чудится, ждется, что ли. Притаишься где-нибудь на задах огородов, в лопухах, – сердце замирает от необъяснимой, тайной радости. Жалко, мало у нас в жизни таких ночей.

Одна такая ночь запомнилась мне на всю жизнь.

Было мне лет двенадцать. Сидел я в огороде, обхватив руками колени, упорно, до слез смотрел на луну. Вдруг услышал: кто-то невдалеке тихо плачет. Я оглянулся и увидел старика Нечая, соседа нашего. Это он шел, маленький, худой, в длинной холщовой рубахе. Плакал и что-то бормотал неразборчиво.

У дедушки Нечаева три дня назад умерла жена, тихая, безответная старушка. Жили они вдвоем, дети разъехались. Старушка Нечаева, бабка Нечаиха, жила незаметно и умерла незаметно. Узнали поутру: «Нечаиха-то... гляди-ко, сердешная», – сказали люди. Вырыли могилку, опустили бабку Нечаиху, зарыли – и все. Я забыл сейчас, как она выглядела. Ходила по ограде, созывала кур: «Цып-цып-цып». Ни с кем не ругалась, не заполошничала по деревне. Была – и нету, ушла.

...Узнал я в ту светлую, хорошую ночь, как тяжело бывает одинокому человеку. Даже когда так прекрасно вокруг, и такая теплая, родная земля, и совсем не страшно на ней.

Я притаился.

Длинная, ниже колен, рубаха старика ослепительно белела под луной. Он шел медленно, вытирал широким рукавом глаза. Мне его было хорошо видно. Он сел неподалеку.

– Ничо... счас маленько уймусь... мирно побеседуем, – тихо говорил старик и все не мог унять слезы. – Третий день маюсь – не знаю, куда себя деть. Руки опустились... хошь што делай.

Помаленьку он успокоился.

– Шибко горько, Парасковья: пошто напоследок-то ничо не сказала? Обиду, што ль, затаила какую? Сказала бы – и то легче. А то – думай теперь... Охо-хо... – Помолчал.
– Ну, обмыли тебя, нарядили – все, как у добрых людей. Кум Сергей гроб сколотил. Поплакали. Народу, правда, не шибко много было. Кутью варили. А положили тебя с краешку, возле Дадовны. Место хорошее, сухое. Я и себе там приглядел. Не знаю вот, што теперь одному-то делать? Может, уж заколотить избенку да к Петьке уехать?.. Опасно: он сам ничо бы, да бабенка-то у его... сама знаешь: и сказать не скажет, а кусок в горле застрянет. Вот беда-то!.. Чего посоветуешь?

Молчание.

Я струсил. Я ждал, вот-вот заговорит бабка Нечаиха своим ласковым, терпеливым голосом.

– Вот гадаю, – продолжал дед Нечай, – куда приткнуться? Прямо хоть петлю накидывай. А это вчерашней ночью здремнул маленько, вижу: ты вроде идешь по ограде, яички в сите несешь. Я пригляделся, а это не яички, а цыпляты живые, маленькие ишо. И ты вроде начала их по одному исть. Ешь да ишо прихваливаешь... Страсть господня! Проснулся... Хотел тебя разбудить, а забыл, что тебя – нету. Парасковьюшка... язви ты в душу!.. – Дед Нечай опять заплакал. Громко. Меня мороз по коже продрал – завыл как-то, как-то застонал протяжно: – Э-э-э... у-у... Ушла?.. А не подумала: куда я теперь? Хоть бы сказала: я бы доктора из города привез... вылечиваются люди. А то ни слова, ни полслова – вытянулась! Так и я сумею... – Нечай высморкался, вытер слезы, вздохнул. – Чижало там, Парасковьюшка? Охота поди сюда? Сنيшься-то. Снись хоть почаще... только нормально. А то цыпляты какие-то... – черт-те чего. А тут... – Нечай заговорил шепотом, я половину не расслышал. – Грешным делом хотел уж... А чего? Бывает, закапывают, я слышал. Закопали бабу в Краюшкино... стонала. Выкопали... Эти две ночи ходил, слушал: вроде тихо. А то уж хотел... Сон, говорят, наваливается какой-то страшный – и все думают, што помер человек, а он не помер, а – сонный...

Тут мне совсем жутко стало. Я ползком-ползком – да из огорода. Прибежал к деду своему, рассказал все. Дед оделся, и мы пошли с ним на зады.

– Он сам с собой или вроде как с ней разговаривает? – расспрашивал дед.

– С ей. Советуется, как теперь быть...

– Тронется ишо, козел старый. Правда пойдет выкопает. Может, пьяный?

– Нет, он пьяный поет и про бога рассказывает. – Я знал это.

Нечай, заслышав наши шаги, замолчал.

– Кто тут? – строго спросил дед.

Нечай долго не отвечал.

– Кто здесь, я спрашиваю?

– А чего тебе?

– Ты, Нечай?

– Но...

Мы подошли. Дедушка Нечай сидел, по-татарски скрестив ноги, смотрел снизу на нас – был очень недоволен.

– А ишо кто тут был?

– Иде?

– Тут... Я слышал, ты с кем-то разговаривал.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Не твое дело.

– Я вот сейчас возьму палку хорошую и погоню домой, чтоб бежал и не оглядывался. Старый человек, а с ума сходишь... Не стыдно?

– Я говорю с ней и никому не мешаю.

– С кем говоришь? Нету ее, не с кем говорить! Помер человек – в земле.

– Она разговаривает со мной, я слышу, – упрявился Нечай. – И нечего нам мешать. Ходят тут, подслушивают...

– Ну-ка, пошли. – Дед легко поднял Нечая с земли. – Пойдем ко мне, у меня бутылка самогонки есть, сейчас выпьем – полегчает.

Дедушка Нечай не противился.

– Чижало, кум, – силов нету. – Он шел впереди, спотыкался и все вытирал рукавом слезы. Я смотрел сзади на него, маленького, убитого горем, и тоже плакал – неслышно, чтоб дед подзатыльника не дал. Жалко было дедушку Нечая.

– А кому легко? – успокаивал дед. – Кому же легко родного человека в землю зарывать? Да если бы все ложились с ними рядом от горя, што было бы? Мне уж теперь сколько раз надо бы ложиться? Терпи. Скрепись и терпи.

– Жалко.

– Конечно, жалко... кто говорит. Но вить ничем теперь не поможешь. Изведешься, и все. И сам ноги протянешь. Терпи.

– Вроде соображаю, а... запеклось вот здесь все – ничем не размочишь. Уж пробовал – пил: не берет.

– Возьмет. Петька-то чего не приехал? Ну, тем вроде далеко, а этот-то?..

– В командировку уехал. Ох, чижало, кум!.. Сроду не думал...

– Мы всегда так: живет человек – вроде так и надо. А помрет – жалко. Но с ума от горя сходить – это тоже... дурость.

Не было для меня в эту минуту ни ясной, тихой ночи, ни мыслей никаких, и радость непонятная, светлая умерла. Горе маленького старика заслонило прекрасный мир. Только помню: все так же резко, горько пахло полынью.

Дед оставил Нечая у нас. Они легли на полу, накрылись тулупом.

– Я тебе одну историю расскажу, негромко стал рассказывать мой дед. – Ты вот не воевал – не знаешь, как там было... Там, брат... похуже дела были. Вот какая история: я санитаром служил, раненых в тыл отвозили. Едем раз. А студебеккер наш битком набитый. Стонят, просят потише... А шофер, Миколай Игринев, годок мне, и так уж старается поровней ехать, медлить шибко тоже нельзя: отступаем. Ну, подъезжаем к одному развилку, впереди легковуха. Офицер машет: стой, мол. А у нас приказ строго-настрога: не останавливаться, хоть сам черт с рогами останавливай. Оно правильно: там сколько ишо их, сердешных, лежат, ждут. Да хоть бы наступали, а то отступаем. Ну, проехали. Легковуха обгоняет нас, офицер поперек дороги – с наганом. Делать нечего, остановились. Оказалось, офицер у их чижалораненый, а им надо в другую сторону. Ну, мы с тем офицером, который наганом-то махал, кое-как втиснули в кузов раненого. Миколай в кабинке сидел: с им там тоже капитан был – совсем тоже плохой, почесть лежал; Миколай-то одной рукой придерживал его, другой рулил. Ну, уместились кое-как. А тот, какого посадили-то, часует, бедный. Голова в крове, все позасохло. Подумал ишо тогда: не довезем. А парень молодой, лейтенант, только бриться, наверно, начал. Я голову его на колени к себе взял – хоть подержать маленько, да кого там!.. Доехали до госпитала, стали снимать раненых... – Дед крикнул, помолчал. Закурил. – Миколай тоже стал помогать... Подал я ему лейтенанта-то... «Все, говорю, кончился».

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
А Миколай посмотрел на лейтенанта, в лицо-то... Кхэх... – Опять молчание. Долго молчали.

– Неужто сын? – тихо спросил дед Нечай.

– Сын.

– Ох ты, господи!

– Кхм... – Мой дед швыркнул носом. Затянулся вчистую раз пять подряд.

– А потом-то што?

– Схоронили... Командир Миколаю отпуск на неделю домой дал. Ездил. А жене не сказал, што сына схоронил. Документы да ордена спрятал, пожил неделю и уехал.

– Пошто не сказал-то?

– Скажи!.. Так хоть какая-то надежда есть – без вести и без вести, а так... совсем. Не мог сказать. Сколько раз, говорит, хотел и не мог.

– Господи, господи, – опять вздохнул дед Нечай. – Сам-то хоть живой остался?

– Микола? Не знаю, нас раскидало потом по разным местам... Вот какая история. Сына! – легко сказать. Да молодого такого...

Старики замолчали.

В окна все лился и лился мертвый торжественный свет луны. Сияет!.. Радость ли, горе ли тут – сияет!

Сельские жители

«А что, мама? Тряхни стариной – приезжай. Москву поглядишь и вообще. Денег на дорогу вышлю. Только добирайся лучше самолетом – это дешевле станет. И пошли сразу телеграмму, чтобы я знал, когда встречать. Главное, не трусь».

Бабка Маланья прочитала это, сложила сухие губы трубочкой, задумалась.

– Зовет Павел-то к себе, – сказала она Шурке и поглядела на него поверх очков. (Шурка – внук бабки Маланьи, сын ее дочери. У дочери не клеилась личная жизнь (третий раз вышла замуж), бабка уговорила ее отдать ей пока Шурку. Она любила внука, но держала его в строгости.)

Шурка делал уроки за столом. На слова бабки пожал плечами – поезжай, раз зовет.

– У тебя когда каникулы-то? – спросила бабка строго.

Шурка наострил уши.

– Какие? Зимние?

– Какие же еще, летние, что ль?

– С первого января. А что?

Бабка опять сделала губы трубочкой – задумалась.

А у Шурки тревожно и радостно сжалось сердце.

– А что? – еще раз спросил он.

– Ничего. Учи знай. – Бабка спрятала письмо в карман передника, оделась и вышла из избы.

Шурка подбежал к окну – посмотреть, куда она направилась.

У ворот бабка Маланья повстречала соседку и стала громко рассказывать:

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Зовет Павел-то в Москву погостить. Прямо не знаю, что делать. Прямо ума не приложу. «Приезжай, говорит, мама, шибко я по тебе соскучился».

Соседка что-то отвечала, Шурка не слышал что, а бабка ей громко:

– Оно, знамо дело, можно бы. Внучат ни разу не видела еще, только на карточке. Да шибко уж страшно...

Около них остановились еще две бабы, потом еще одна подошла, потом еще... Скоро вокруг бабки Маланьи собралось изрядно народа, и она снова и снова начинала рассказывать:

– Зовет Павел-то к себе, в Москву. Прямо не знаю, что делать?..

Видно было, что все ей советуют ехать.

Шурка сунул руки в карманы и стал ходить по избе. Выражение его лица было мечтательным и тоже задумчивым, как у бабки. Он вообще очень походил на бабку – такой же сухощавый, скуластенький, с такими же маленькими умными глазами. Но характеры у них были вовсе несхожие. Бабка – энергичная, жилистая, крикливая, очень любознательная. Шурка тоже любознательный, но застенчивый до глупости, скромный и обидчивый.

Вечером составляли телеграмму в Москву. Шурка писал, бабка диктовала.

– Дорогой сынок Паша, если уж ты хочешь, чтобы я приехала, то я, конечно, могу, хотя мне на старости лет...

– Привет! – сказал Шурка. – Кто же так телеграммы пишет?

– А как надо, по-твоему?

– Приедем. Точка. Или так: приедем после Нового года. Точка. Подпись: мама. Все.

Бабка даже обиделась.

– В шестой класс ходишь, Шурка, а понятия никакого. Надо же умнеть помаленьку!

Шурка тоже обиделся.

– Пожалуйста, – сказал он. – Мы так, знаешь, на сколько напишем? Рублей на двадцать по старым деньгам.

Бабка сделала губы трубочкой, подумала.

– Ну, пиши так: сынок, я тут посоветовалась кое с кем...

Шурка отложил ручку.

– Я не могу так. Кому это интересно, что ты тут посоветовалась кое с кем? Нас на почте на смех поднимут.

– Пиши, как тебе говорят! – приказала бабка. – Что я, для сына двадцать рублей пожалею?

Шурка взял ручку и, снисходительно сморщившись, склонился к бумаге.

– Дорогой сынок Паша, поговорила я тут с соседями – все советуют ехать. Конечно, мне на старости лет боязно маленько...

– На почте все равно переделают, – вставил Шурка.

– Пусть только попробуют!

– Ты и знать не будешь.

– Пиши дальше: мне, конечно, боязно маленько, но уж... ладно. Приедем после Нового

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru года. Точка. С Шуркой. Он уж теперь большой стал. Ничего, послушный парень...

Шурка пропустил эти слова – насчет того, что он стал большой и послушный.

– Мне с ним не так боязно будет. Пока до свиданья, сынок. Я сама об вас шибко...

Шурка написал: «жутко».

– ...соскучилась. Ребятишек твоих хоть посмотрю. Точка. Мама.

– Посчитаем, – злорадно сказал Шурка и стал тыкать пером в слова и считать шепотом: – Раз, два, три, четыре...

Бабка стояла за его спиной, ждала.

– Пятьдесят восемь, пятьдесят девять, шестьдесят! Так? Множим шестьдесят на тридцать – одна тыща восемьсот? Так? Делим на сто – имеем восемнадцать... На двадцать с чем-то рублей! – торжественно объявил Шурка.

Бабка забрала телеграмму и спрятала в карман.

– Сама на почту пойду. Ты тут насчитаешь, грамотей.

– Пожалуйста. То же самое будет. Может, на копейки какие-нибудь ошибся.

...Часов в одиннадцать к ним пришел Егор Лизунов, сосед, школьный завхоз. Бабка просила его домашних, чтобы, когда он вернется с работы, зашел к ней. Егор много ездил на своем веку, летал на самолетах.

Егор снял полушубок, шапку, пригладил заскорузлыми ладонями седеющие потные волосы, сел к столу. В горнице запахло сеном и сбруей.

– Значит, лететь хотите?

Бабка слезила под пол, достала четверть с медовухой.

– Лететь, Егор. Расскажи все по порядку – как и что.

– Так чего тут рассказывать-то? – Егор не жадно, а как-то даже немножко снисходительно смотрел, как бабка наливает пиво. – Доедете до города, там сядете на «Бийск – Томск», доедете на нем до Новосибирска, а там спросите, где городская воздушная касса. А можно сразу до аэропорта ехать...

– Ты погоди! Заладил: можно, можно. Ты говори, как надо, а не как можно. Да помедленней. А то свалил все в кучу. – Бабка подставила Егору стакан с пивом, строго посмотрела на него.

Егор потрогал стакан пальцами, погладил.

– Ну, доедете, значит, до Новосибирска и сразу спрашивайте, как добраться до аэропорта. Запоминай, Шурка.

– Записывай, Шурка, – велела бабка.

Шурка вырвал из тетрадки чистый лист и стал записывать.

– Доедете до Толмачева, там опять спросите, где продают билеты до Москвы. Возьмете билеты, сядете на ТУ-104 и через пять часов в Москве будете, в столице нашей Родины.

Бабка, подперев голову сухим маленьким кулачком, горестно слушала Егора. Чем больше тот говорил и чем проще представлялась ему самому эта поездка, тем озабоченнее становилось ее лицо.

– В Свердловске, правда, сделаете посадку...

– Зачем?

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Надо. Там нас не спрашивают. Сажают, и все. – Егор решил, что теперь можно и выпить. – Ну?.. За легкую дорогу!

– Держи. Нам в Свердловске-то надо самим попроситься, чтоб посадили, или там всех сажают?

Егор выпил, смачно крякнул, разгладил усы.

– Всех. Хорошее у тебя пиво, Маланья Васильевна. Как ты его делаешь? Научила бы мою бабу...

Бабка налила ему еще один стакан.

– Когда скупиться перестанете, тогда и пиво хорошее будет.

– Как это? – не понял Егор.

– Сахару побольше кладите. А то ведь вы все подешевле да посердитей стараетесь. Сахару больше кладите в хмелину-то, вот и будет пиво. А на табаке его настаивать – это стыдоба.

– Да, – задумчиво сказал Егор. Поднял стакан, поглядел на бабку, на Шурку, выпил.

– Да-а, – еще раз сказал он. – Так-то оно так, конечно. Но в Новосибирске когда будете, смотрите не оплошайте.

– А что?

– Да так... Все может быть. – Егор достал кiset, закурил, выпустил из-под усов громадное белое облако дыма. – Главное, конечно, когда приедете в Толмачево, не спутайте кассы. А то во Владивосток тоже можно улететь.

Бабка встревожилась и подставила Егору третий стакан.

Егор сразу его выпил, крякнул и стал развивать свою мысль.

– Бывает так, что подходит человек к восточной кассе и говорит: «Мне билет». А куда билет – это он не спросит. Ну и летит человек совсем в другую сторону. Так что – смотрите.

Бабка налила Егору четвертый стакан. Егор совсем размяк. Говорил с удовольствием:

– На самолете лететь – это надо нервы да нервы! Вот он поднимается – тебе сразу конфетку дают...

– Конфетку?

– А как же. Мол, забудься, не обращай внимания... А на самом деле, это самый опасный момент. Или тебе, допустим, говорят: «Привяжись ремнями». – «Зачем?» – «Так положено». – Хэх... положено. Скажи прямо: можем навернуться, и все. А то – положено.

– Господи, господи! – сказала бабка. – Так зачем же и лететь-то на нем, если так...

– Ну, волков бояться – в лес не ходить. – Егор посмотрел на четверть с пивом. – Вообще реактивные, они, конечно, надежнее. Пропеллерный, тот может в любой момент сломаться – и пожалуйста... Потом: горят они часто, эти моторы. Я один раз летел из Владивостока... – Егор поудобнее устроился на стуле, закурил новую, опять посмотрел на четверть. Бабка не пошевелилась. – Летим, значит, я смотрю в окно: горит...

– Свят, свят! – сказала бабка.

Шурка даже рот приоткрыл – слушал.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Да. Ну, я, конечно, закричал. Прибежал летчик... Ну, в общем, ничего – отmaterил меня. «Чего ты, говорит, панику поднимаешь?» Там горит, а ты не волнуйся, сиди... Такие порядки в этой авиации.

Шурке показалось это неправдоподобным. Он ждал, что летчик, увидев пламя, будет сбивать его скоростью или сделает вынужденную посадку, а вместо этого он отругал Егора. Странно.

– Я одного не понимаю, – продолжал Егор, обращаясь к Шурке, – почему пассажирам парашютов не дают?

Шурка пожал плечами. Он не знал, что пассажирам не даются парашюты. Это, конечно, странно, если это так.

Егор ткнул папироску в цветочный горшок, привстал, налил сам из четверти.

– Ну и пиво у тебя, Маланья!

– Ты шибко-то не налегай – захмелеешь.

– Пиво, просто... – Егор покачал головой и выпил.

– Кху! Но реактивные, те тоже опасные. Тот, если что сломалось, топором летит вниз. Тут уж сразу... И костей потом не соберут. Триста грамм от человека остается. Вместе с одеждой. – Егор нахмурился и внимательно посмотрел на четверть. Бабка взяла ее и унесла в прихожую комнату. Егор посидел еще немного и встал. Его слегка качнуло.

– А вообще-то не бойтесь! – громко сказал он. – Садитесь только подальше от кабины – в хвост – и летите. Ну, пойду...

Он грузно прошел к двери, надел полушубок, шапку.

– Поклон Павлу Сергеевичу передавайте. Ну, пиво у тебя, Маланья! Просто...

Бабка была недовольна, что Егор так скоро захмелел – не поговорили толком.

– Слабый ты какой-то стал, Егор.

– Устал, поэтому. – Егор снял с воротника полушубка соломинку. – Говорил нашим деятелям: давайте вывезем летом сено – нет! А сейчас, после этого бурана, дороги все позанесло. Весь день сегодня пластались, насилу к ближним стогам пробились. Да еще пиво у тебя такое... – Егор покачал головой, засмеялся. – Ну, пошел. Ничего, не робейте – летите. Садитесь только подальше от кабины. До свиданья.

– До свиданья, – сказал Шурка.

Егор вышел; слышно было, как он осторожно спустился с высокого крыльца, прошел по двору, скрипнул калиткой и на улице негромко запел:

Раскинулось море широко...
И замолчал.

Бабка задумчиво и горестно смотрела в темное окно. Шурка перечитывал то, что записал за Егором.

– Страшно, Шурка, – сказала бабка.

– Летают же люди...

– Поедем лучше на поезде?

– На поезде – это как раз все мои каникулы на дорогу уйдут.

– Господи, господи! – вздохнула бабка. – Давай писать Павлу. А телеграмму анулироваем.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Шурка вырвал из тетрадки еще один лист.

– Значит, не полетим?

– Куда же лететь – страсть такая, батюшки мои! Соберут потом триста грамм...

Шурка задумался.

– Пиши: дорогой сынок Паша, посоветовалась я тут со знающими людьми...

Шурка склонился к бумаге.

– Порассказали они нам, как летают на этих самолетах... И мы с Шуркой решили так: поедem уж летом на поезде. Оно, знамо, можно бы и теперь, но у Шурки шибко короткие каникулы получаются...

Шурка секунду-две помешкал и продолжал писать:

«А теперь, дядя Паша, это я пишу, от себя. Бабоньку напугал дядя Егор Лизунов, завхоз наш, если вы помните. Он, например, привел такой факт: он выглянул в окно и видит, что мотор горит. Если бы это было так, то летчик стал бы сшибать пламя скоростью, как это обычно делается. Я предполагаю, что он увидел пламя из выхлопной трубы и поднял панику. Вы, пожалуйста, напишите бабоньке, что это нестрашно, но про меня – что это я вам написал – не пишете. А то и летом она тоже не поедет. Тут огород пойдет, свиннота разная, куры, гуси – она сроду от них не уедет. Мы же все-таки сельские жители еще. А мне ужасно охота Москву поглядеть. Мы ее проходим в школе по географии и по истории, но это, сами понимаете, не то. А еще дядя Егор сказал, например, что пассажирам не даются парашюты. Это уже – шантаж. Но бабонька верит. Пожалуйста, дядя Паша, пристыдите ее. Она же вас ужасно любит. Так вот вы ей и скажите: как же это так, мама, сын у вас сам летчик, Герой Советского Союза, много раз награжденный, а вы боитесь летать на каком-то несчастном гражданском самолете! В то время, когда мы уже преодолели звуковой барьер. Напишите так, она вмиг полетит. Она же очень гордится вами. Конечно – заслуженно. Я лично тоже горжусь. Но мне ужасно охота глянуть на Москву. Ну, пока до свиданья. С приветом – Александр».

А бабка между тем диктовала:

– ...Поближе туда к осени поедem. Там и грибки пойдут, солонинки какой-нибудь можно успеть приготовить, варенья сварить облепихового. В Москве-то ведь все с купли. Да и не сделают они так, как я по-домашнему сделаю. Вот так, сынок. Поклон жене своей и ребятишкам от меня и от Шурки. Все пока. Записал?

– Записал.

Бабка взяла лист, вложила в конверт и сама написала адрес:

«Москва, Ленинский проспект, д. 78, кв. 156.

Герою Советского Союза Любавину Павлу Игнатьевичу.

От матери его из Сибири».

Адрес она всегда подписывала сама: знала, что так дойдет вернее.

– Вот так. Не тоскуй, Шурка. Летом поедem.

– А я и не тоскую. Но ты все-таки помаленьку подсобирывайся: возьмешь да надумаешь лететь.

Бабка посмотрела на внука и ничего не сказала.

Ночью Шурка слышал, как она ворочалась на печи, тихонько вздыхала и шептала что-то.

Шурка тоже не спал. Думал. Много необыкновенного сулила жизнь в ближайшем будущем. О таком даже не мечталось никогда.

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Шурк! – позвала бабка.

– А?

– Павла-то, наверно, в Кремль пускают?

– Наверно. А что?

– Побывать бы хоть разок там... посмотреть.

– Туда сейчас всех пускают.

Бабка некоторое время молчала.

– Так и пустили всех, – недоверчиво сказала она.

– Нам Николай Васильевич рассказывал.

Еще с минуту молчали.

– Но ты тоже, бабонька: где там смелая, а тут испугалась чего-то, – сказал Шурка недовольно. – Чего ты испугалась-то?

– Спи знай, – приказала бабка. – Храбрец. Сам первый в штаны наложишь.

– Спорим, что не испугаюсь?

– Спи знай. А то завтра в школу опять не добудишься.

Шурка затих.

На кладбище

Ах, славная, славная пора!.. Теплынь. Ясно. Июль месяц... Макушка-лето. Где-то робко ударили в колокол... И звук его – медленный, чистый – поплыл в ясной глубине и высоко умер. Но не грустно, нет.

...Есть за людьми, я заметил, одна странность: любят в такую вот милую сердцу пору зайти на кладбище и посидеть час-другой. Не в дождь, не в хмарь, а когда на земле вот так – тепло и покойно. Как-то, наверно, объясняется эта странность. Да и странность ли это? Лично меня влечет на кладбище вполне определенное желание: я люблю там думать. Вольно и как-то неожиданно думается среди этих холмиков. И еще: как бы там ни думал, а все – как по краю обрыва идешь: под ноги жутко глянуть. Мысль шарахается то вбок, то вверх, то вниз, на два метра. Но кресты, как руки деревянные, растопырились и стерегут свою тайну. Странно как раз другое: странно, что сюда доносятся гудки автомобилей, голоса людей... Странно, что в каких-нибудь двухстах метрах улица, и там продают газеты, вино, какой-нибудь амидопирин... Я один раз слышал, как по улице проскакал конный наряд милиции – вот уж странно-то!

...Сидел я вот так на кладбище в большом городе, задумался. Задумался и не услышал, как сзади подошли. Услышал голос:

– Ты чего тут, сынок? Это моя могилка-то.

Оглянулся, стоит старушка, смотрит мирно.

– Моя могилка-то, – сказала она еще.

Я вскочил со скамеечки... Смутился чего-то.

– Извините...

– Да что же?.. Садись. – Она села на скамеечку и показала рядом с собой. – Садись, садись. Я думаю, может, ты перепутал могилки.

Я сел.

– Сынок у меня тут, – сказала она, глядя на ухоженную могилку. – Сынок... Спит. –

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Она молча поплакала, молча же вытерла концом платка слезы, вздохнула. Все это она проделала привычно, деловито... Видно, горе ее – давнее, стало постоянным, и она привыкла с ним жить.

– А ты чего? – спросила старушка, повернувшись ко мне. – Тоже есть тут кто-нибудь?

– Нет... я так. Зашел просто... Зашел отдохнуть.

Старушка с любопытством и более внимательно посмотрела на меня.

– Тут рази отдыхают...

– А что? – я все боялся как-нибудь не так сказать, как-нибудь неосторожно сказать. – Тут-то и отдохнуть. Подумать.

– Оно так, – согласилась старушка. – Только дума-то тут... вишь, какая? Мне надо там лежать-то, мне, а не ему. – Она повернулась опять к могилке. – Мне надо лежать там, а он бы приходил да сидел тут – мне бы и спокойней было. Куда лучше! Только... не нам это решать дадено, вот беда.

– Давно схоронили?

– Давно. Семь лет уж.

– Болел?

Старушка не ответила на это. Долго молчала, слегка покачивала головой – вверх-вниз. Когда я пригляделся потом, понял, что у нее это почти все время – покачивает головой.

– Двадцать четыре годочка всего и пожил, – сказала старушка покорно. Еще помолчала. – Только жить начинать, а он вот... завалился туда... А тут, как хошь, так и живи. – Она опять поплакала, опять вытерла слезы и вздохнула. И повернулась ко мне. – Неладно живете, молодые, ох неладно, – сказала она вдруг, глядя на меня ясными умытыми глазами. – Вот расскажу тебе одну историю, а ты уж как знаешь: хошь верь, хошь не верь. А все – послушай да подумай, раз уж ты думать любишь. Никуда не торопись?

– Нет.

– Вот тут у нас, на Мочишсах... Ты здешный ли?

– Нет.

– А-а. У нас тут, на окраинке, место зовут – Мочишши, там военный городок, военные стоят. А там тоже есть кладбище, но оно старое, там теперь не хоронят. Раньше хоронили. И вот стоял один солдат на посту... А дело ночное, темное. Ну, стоит и стоит, его дело такое. Только вдруг слышит, кто-то на кладбище плачет. По голосу – женщина плачет. Да так горько плачет, так жалко. Ну, он мог там, видно, позвонить куда-то, однако звонить он не стал, а подождал другого, кто его сменяет-то, другого солдата. Ну-ка, говорит, послушай: может, мне кажется? Тот послушал – плачет. Ну, тогда пошел тот, который сменился-то, разбудил командира. Так и так, мол, плачет какая-то женщина на кладбище. Командир сам пришел на пост, сам послушал: плачет. То затихнет, а то опять примется плакать. Тогда командир пошел в казарму, разбудил солдат и говорит: так, мол, и так, на кладбище плачет какая-то женщина, надо узнать в чем дело – чего она там плачет. На кладбище давно никого не хоронят, подозрительно, мол... Кто хочет? Один выискался: пойду, говорит. Дали ему оружию, на случай чего, и он пошел. Приходит он на кладбище, плач затих... А темень, глаз коли. Он спрашивает: есть тут кто-нибудь живой? Ему откликнулись из темноты: есть, мол. Подходит женщина... Он ее, солдат-то, фонариком было осветил – хотел разглядеть получше. А она говорит: убери фонарик-то, убери. И оружию, говорит, зря с собой взял. Солдатик оробел... «Ты плакала-то?» – «Я плакала». – «А чего ты плачешь?» – «А об вас, говорит, плачу, об молодом поколении. Я есть земная божья мать и плачу об вашей непутевой жизни. Мне жалко вас. Вот иди и скажи так, как я тебе сказала». – «Да я же комсомолец! – Это солдатик-то ей. – Кто же мне поверит, что я тебя видел? Да и я-то, говорит, не верю тебе». А она вот так вот прикоснулась к ему, – и старушка

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
легонько коснулась ладошкой моей спины, – и говорит: «Пове-ерите». И – пропала, нету ее. Солдатик вернулся к своим и рассказывает, как было дело – кого он видал. Там его, знаю дело, обсмеяли. Как же!.. – Старушка сказала последние слова с горечью. И помолчала обиженно. И еще сказала тихо и горестно: – Как же не обсмеют! Обсмею-ут. Вот. А когда солдатик зашел в казарму-то – на свет-то – на гимнастерке-то образ божьей матери. Вот такой вот. – Старушка показала свою ладонь, ладошку. – Да такой ясный, такой ясный!..

Так это было неожиданно – с образом-то – и так она сильно, зримо завершала свою историю, что встань она сейчас и уйди, я бы снял пиджак и посмотрел – нет ли и там чего. Но старушка сидела рядом и тихонько кивала головой. Я ничего не спросил, никак не показал, поверил я в ее историю, не поверил, охота было, чтоб она еще что-нибудь рассказала. И она точно угадала это мое желание: повернулась ко мне и заговорила. И тон ее был уже другой – наш, сегодняшний.

– А другой у меня сын, Минька, тот с женами закружился, кобель такой: меняет их без конца. Я говорю: да чего ты их меняешь-то, Минька? Чего ты все выглядываешь-то? Все они нонче одинаковые, меняй ты их, не меняй. Шило на мыло менять? Сошелся тут с одной, ребеночка нажили... Ну, думаю, будут жить. Нет, опять не пожилось. Опять, говорит, не в те ворота заехал. Ах, ты, господи-то! Беда прямо. Ну, пожил один сколько-то, подвернулась образованная, лаборанка, увезла его к черту на рога, в Фергану какую-то. Пишут мне оттудова: «Приезжай, дорогая мамочка, погостить к нам». Старушка так умело и смешно передразнивала этих молодых в Фергане, что я невольно засмеялся, и, спохватившись, что мы на кладбище, прихлопнул смех ладошкой. Но старушку, кажется, даже воодушевил мой смех. Она с большей охотой продолжала рассказывать. – Ну, я и разлысила лоб-то – поехала. Приехала, погостила... Дура старая, так мне и надо – поперлась!

– Плохо приняли, что ли?

– Да сперва вроде ничего... Ведь я же не так поехала-то, я же деньжонок с собой повезла. Вот дура-то старая, ну не дура ли?! Ну и пока деньжонки-то были, она ласковая была, потом деньжонки-то кончились, она: «Мамаша, кто же так оладыи пекет!» – «Как кто? – говорю. – Все так пекут. А чего не так-то?» Дак она набралась совести и давай меня учить, как оладушки пекчи. Ты, говорит, масла побольше в сковородку-то, масла. Да сколько же тебе, матушка, тада масла-то надо? Полкило на день? И потом, они же черные будут, когда масла-то много, не пышные, какие же это оладыи. Ну, и взялись друг дружку учить. Я ей слово, она мне – пять. Иди их переговоры, молодых-то: черта с рогами замучают своими убеждениями, прости, господи, не к месту помянула рогатого. Где же мне набраться таких убеждений? А мужа не кормит! Придет, бедный, нахватается чего попади, и все. А то и вовсе: я, говорит, в столовку забежал. Ах ты, думаю, образованная! Вертихвостки вы, а не образованные. – Старушка помолчала и еще добавила с сердцем: – Прокломации! Только подолом трясти умеют. Как же это так-то? – повернулась она ко мне. – Вот и знают много, и вроде и понимают все на свете, а жить не умеют. А?

– Да где они там знают много! – сказал я тоже со злостью. – Там насчет знаний-то... конь не валялся.

– Да вон по сколь годов учатся!

– Ну и что? Как учатся, так и знают. Для знаний, что ли, учатся-то?

– Ну да, в колхозе-то неохота работать, – согласилась старушка. – Господи, господи... Вот жизнь пошла! Лишь ба день урвать, а там хоть трава не расти.

Мы долго молчали. Старушка ушла в свои думы, они пригнули ее ниже к земле, спина сделалась совсем покатою; она не шевелилась, только голова все покачивалась и покачивалась.

Опять где-то звякнул колокол. Старушка подняла голову, посмотрела в дальний конец кладбища, где стояла в деревьях маленькая заброшенная церковка, сказала негромко:

– Сорванцы.

– Ребятишки, что ли?

Беседы при ясной луне. Рассказы. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Да ну, лазият там... Пойду палкой попру. – Старушка поднялась, посмотрела на меня. – Ты один-то не сиди тут больше, а то мне как-то... все думать буду: сидит кто-то возле моей могилки. Не надо.

– Нет, я тоже пойду. Хватит.

– Ага. А то все как-то думается... – вроде извиняясь, еще сказала старушка. И пошла по дорожке, совсем маленькая, опираясь на свою палочку. А шла все же податливо, скоро. Я посмотрел ей вслед и пошел своей дорогой.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!